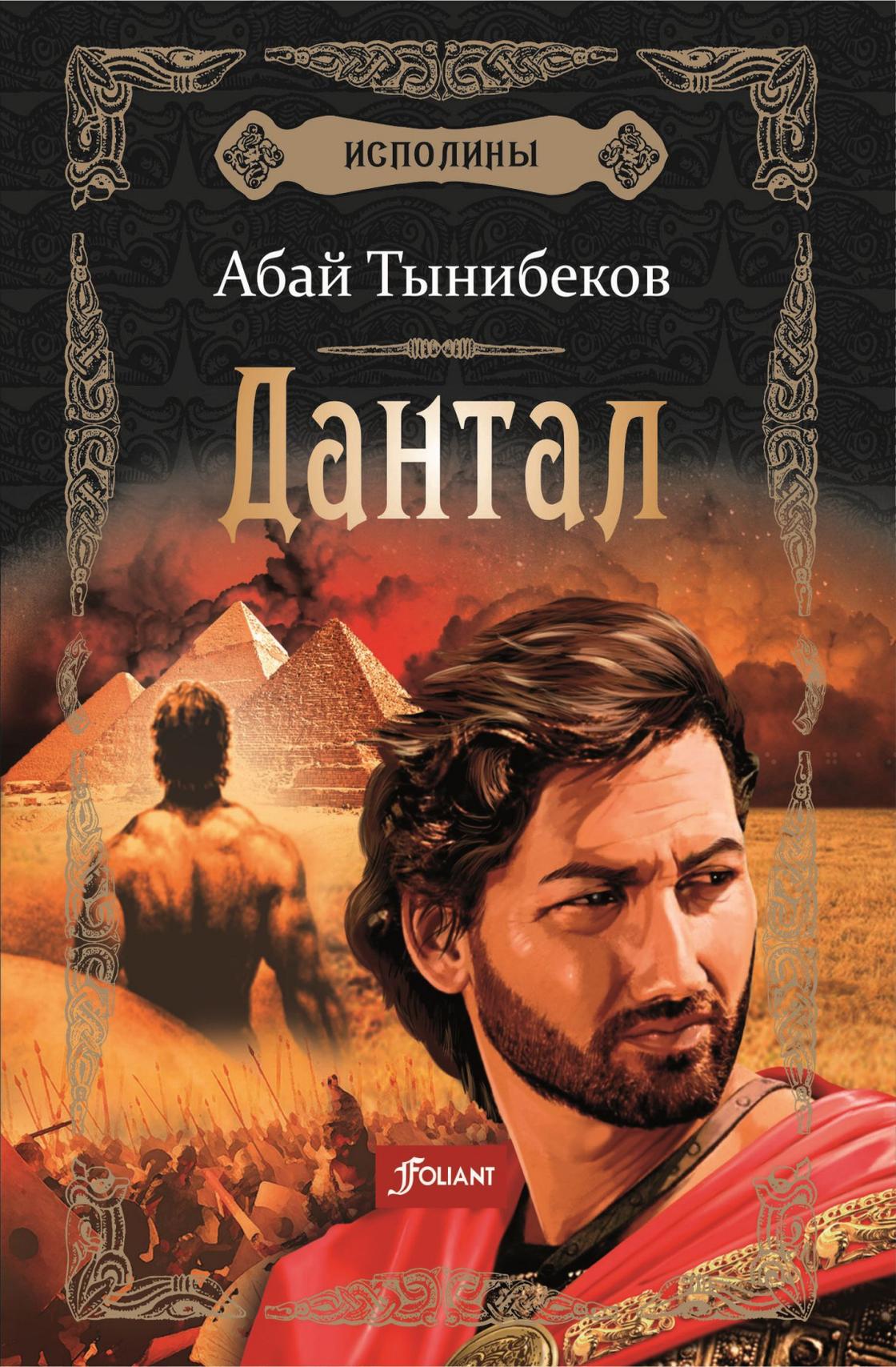

ИСПОЛИНЫ

Абай Тынибеков

Дантал

FOLIANT

ИСПОЛИНЫ

УДК 821.512.122
ББК 84Рус-Каз-44
Т 93

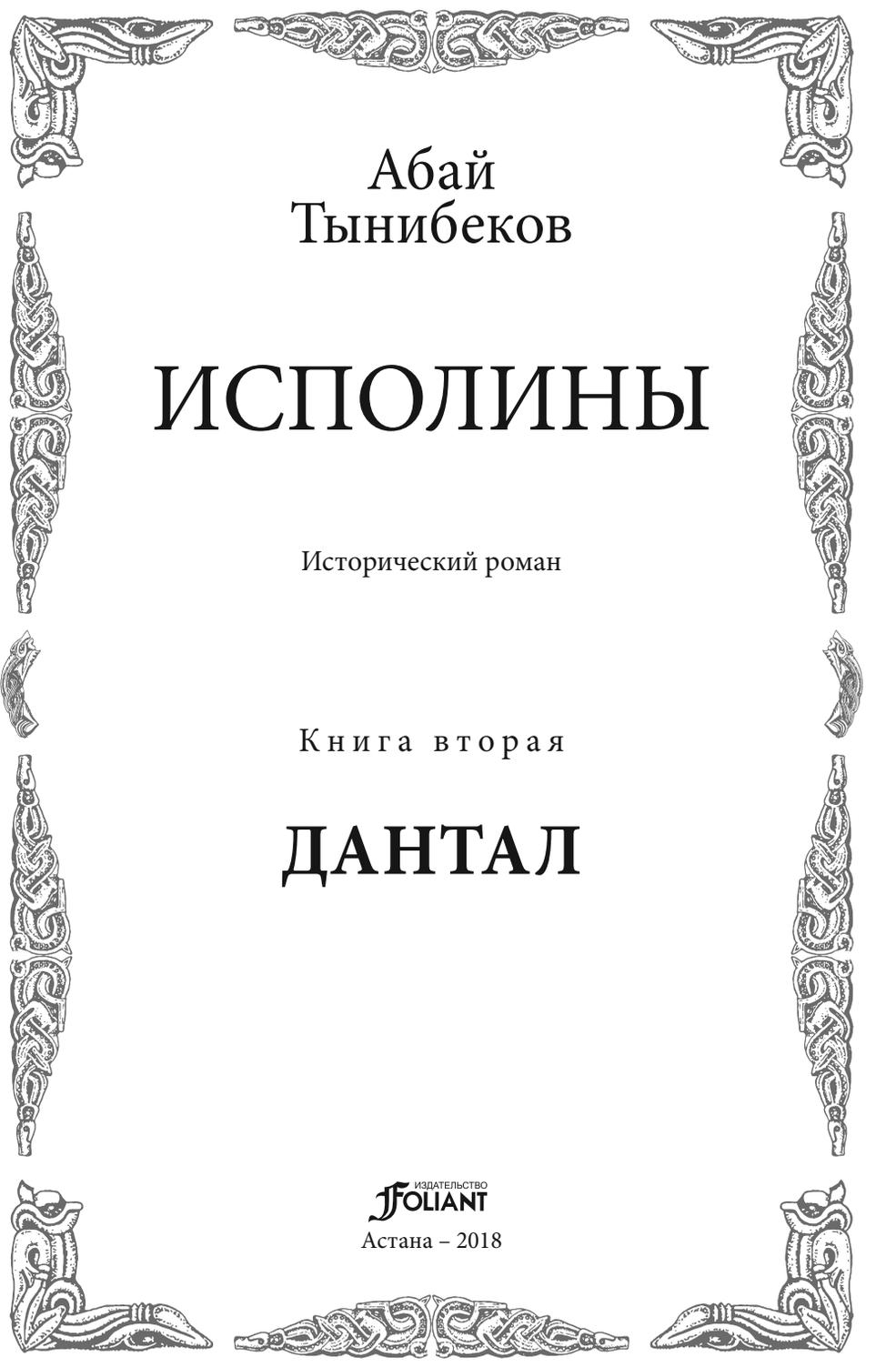
Т 93 Тынибеков А.
ИСПОЛИНЫ: *Исторический роман*. – Астана: Фолиант, 2018.

ISBN 978-601-338-077-3
Книга 2: Дантал. – 472 стр.
ISBN 978-601-338-134-3

Книга вторая «Дантал» посвящена жизнеописанию Дантала, сына Далайи, с юных лет находившегося под опекой грека Форкиса, ставшего его названным старшим братом. С ним он участвует и в персидском походе экспедиции в таинственную страну Куш, расположенную за южными рубежами Египта, и вновь появляется в горной крепости, где были захоронены его родители, и возвращается в землю саков, где через некоторое время в результате бурных событий становится царём племён массагетов, взяв в жёны дочь греческого купца Прета Ортию, названную подданными кочевниками Аритией златовласой. Царь-реформатор Дантал за свою насыщенную жизнь ведёт кровопролитные войны с пришлыми завоевателями, строит города и крепости на исконно обетованной земле, способствует развитию торговли, проводит множество иных преобразований, завоёвывает племена родственных тиграхAUD и в итоге передаёт власть семерым сыновьям. На протяжении всей своей жизни он старается поддерживать связь с Форкисом, оставшимся на родном острове Самос, ставшим купцом и всячески помогавшим ему караванами с вооружением.

ISBN 978-601-338-134-3 (Кн. 2)
ISBN 978-601-338-077-3

© Тынибеков А., 2018
© Издательство «Фолиант», 2018

Абай
Тынибеков

ИСПОЛИНЫ

Исторический роман

Книга вторая

ДАНТАЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT

Астана – 2018

П Р О Л О Г

Царём Персии фараоном Египта Дарием I, сменившим царя Камбиса II, основателя XXVII династии фараонов, престолонаследника персидского царя Кира II Великого, после глубочайших размышлений было высказано веление о походе в верхнее течение священного Нила с началом прихода Пахона, первого месяца Времени Засухи согласно солнечному египетскому календарю, соответствовавшему месяцу Адуканиш лунно-солнечного календаря персов и совпадавшему с периодом наступления работ по очистке всех оросительных каналов.

Тревожные сведения и раньше поступали из земель, расположенных на юге, в непосредственной близости от границ его сатрапии Египта, и были известны ему, но до сих пор не так настораживали его и, по обыкновению, относились им к мелким стычкам с дикими племенами. Из-за великого множества важных и неотложных государственных дел властителю поначалу было попросту не до них.

Впервые же они по-настоящему приковали высочайшее внимание после тайных неоднократных настойчивых сообщений нового наместника в Египте.

Всё творящееся с недавних пор у юго-западных рубежей империи в сравнении с прежними временами дей-

ствительно было странным и не поддавалось никакому объяснению.

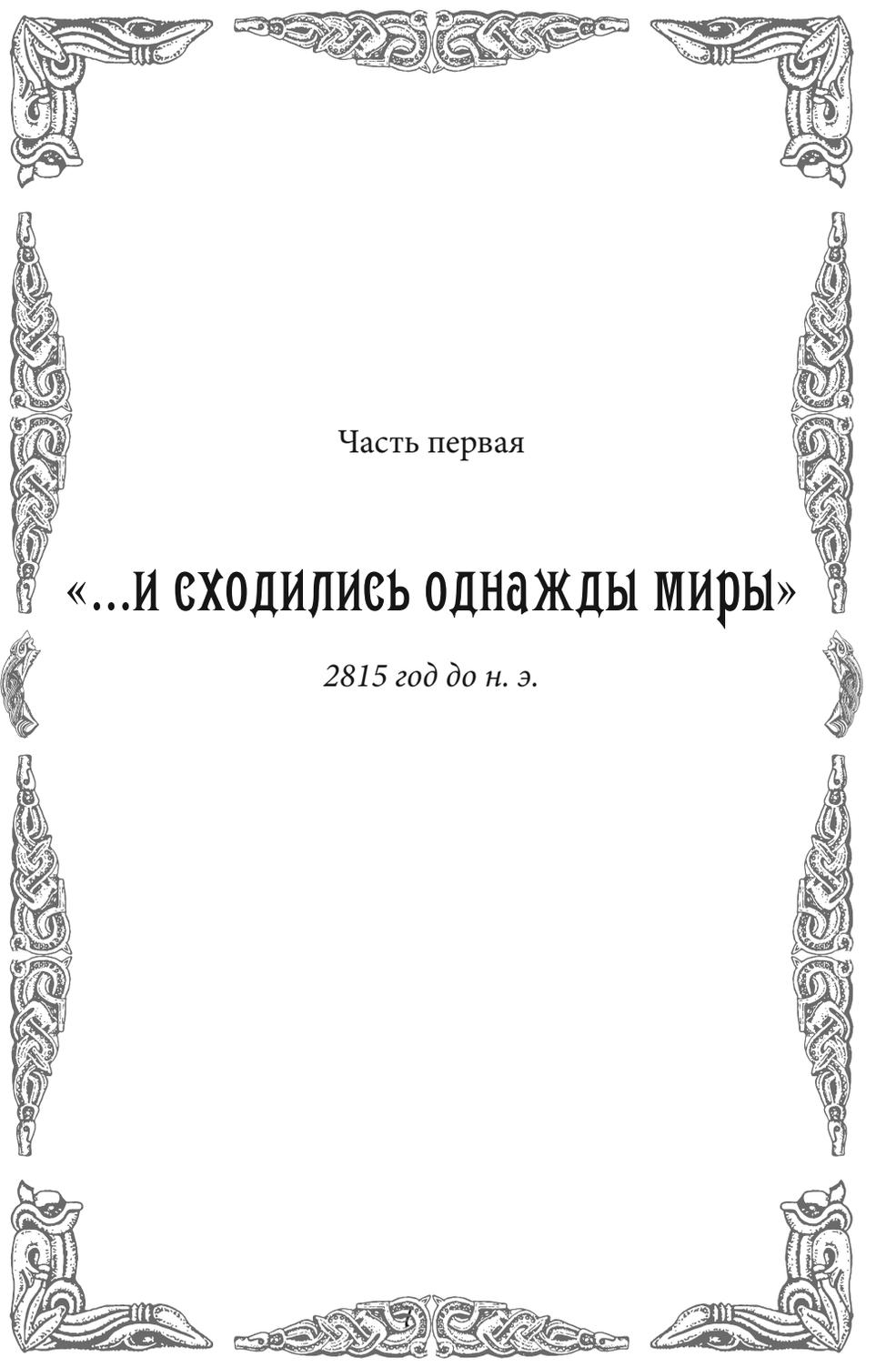
В последнем донесении сатрапа излагалось, что в течение шестидесяти дней в приграничном округе бесследно исчезли почти две тысячи человек, большей частью охотников и скотоводов, простых жителей этого нома, причём сатрап особо отмечал, что на данном направлении военных действий не происходило.

Предпринятые силами небольших отрядов походы с целью выяснения истинных причин происходящего там какой-либо ясности не внесли и были тщетны.

Более того, те немногие воины, что приняли участие в них и остались живы, возвратились странным образом изменённые как в разуме, так и в поведении. Они уединялись и держались друг друга, при этом пугливо и невнятно о чём-то переговариваясь между собой. Со временем распросы, учиняемые им с определённой периодичностью, стали вызывать лишь их угрюмое молчание, и ни угрозы, ни различные посулы никакого результата так и не дали.

Люди упорно не делились увиденным, и вскоре все скончались.

Часть первая

«...и сходились однажды миры»

2815 год до н. э.

Г Л А В А П Е Р В А Я

«Я впервые вхожу в другой мир».

«Ты избранный. Помни об этом. Нас осталось мало. Если вернёмся, то можем никого не застать. Там, куда мы входим, живут другие. Лишь в этом месте есть проход к ним. О нём знали только трое: Она, Великая мать, и они, Оба Отца. Теперь Их Пары нет. Она же сама выберет какую-то новую Пару из нас».

«Как там всё? Какие они?»

«Там жарко и поначалу очень ярко, но потом бывает как у нас. Всё это чередуется. Вот ходить и дышать у них легче. Я видел их издали. Они почти похожи на нас, но гораздо меньше. Их много. Имея внешний слух, они, наверное, общаются звуками, и от этого сказанное одним из них известно многим. Трудно представить такое. У них столько всего, но они ленивы».

«Мы будем биться с ними?»

«Нет. Мы будем трудиться. Нам нужно завершить начатое. Иначе нельзя. Это завещание Обоих Отцов».

«Они не должны видеть нас?»

«Да. Такого допустить нельзя. Главное, старайся не пораниться».

«Почему?»

«Там всё устроено иначе, и даже самая маленькая рана для нас смертельна. Мой Второй от этого и погиб. Меня вернули за заменой. Им оказался ты. За этим проходом другой мир, опасный мир. Ни одного увечного обратно не поведут. Поэтому вход в него держится в большой тайне. Это и есть основное испытание».

«Они не знают о нас?»

«Нет».

«Что будет, если такое произойдёт?»

«Увидевших нас мы должны будем уничтожить».

«Чем же будем питаться там? С собой нам взять нечего».

«Ими».

* * *

Два великана стояли напротив друг друга, каждый устремив взор в глаза другому, и мысленно беседовали.

Стоило одному из них лишь на миг отвести взгляд, и они уже не могли общаться и воспринимать обращения. Они были похожи настолько, что не обнаруживалось даже малейшей отличительной черты. Кожа их могучих тел была серо-синего цвета. Чёрный густой короткий волос, напоминая собой округлый, плотно прилегающий шлем, покрывал большую голову, оставляя открытым лишь скуластое лицо. От самого темени до срединного уровня лопаток ровным узким гребнем, топорщась, тянулась жёсткая длинная щетина. Более курчавый волос рос на шее и плечах, сужаясь клином вниз по спине и груди, доходя до пояса и вновь разрастаясь вокруг бёдер. Гладкий, выпуклый, шарообразный лоб тяжело нависал над мощными костисто-выступавшими надбровными дугами, из-под которых из глубины смотрели слегка выпученные большие красные глаза с кошачьими зрачками. Широкий плоский нос в такт с дыханием часто раздувался огромными ноздрями. Тонкая безгубая линия рта больше напоминала почти заживший, но ещё припухший морщинистый рубец, по уголкам которого вверх торчали два желтоватых клыка. Массивный раздвоенный подбородок очень сильно выступал вперёд, выпячивая нижнюю челюсть. На несоизмерно крупных пятипалых кистях и ступнях имелись острые крючковатые ногти. Голени и предплечья были покрыты лишь клочками волос, подобными пучкам мха, налипшим на древесную кору, из-за чего конечности оголялись.

Их было пять пар.

«Проходим. Всем вдохнуть», – Первый из передовой пары повернулся к Первым из других пар и взглянул каждому из них в глаза, повторяя команду.

Эти двое были последними.

Несколько шагов вверх, сквозь прозрачную воду в грот – и тут же всех ослепил яркий свет. Он падал откуда-то сверху, заполняя собой узкую пещеру.

«Всё, мы вошли», – Первый из замыкающей Пары, часто моргая, смотрел на Второго.

«Я понял. Что дальше? У меня болят глаза».

«Закрой их и через каждые два шага приоткрывай. Будет легче».

«Хорошо».

Прошло некоторое время, и они оказались на вершине горной гряды. Внизу простиралось глубокое и широкое ущелье, в котором находились ещё двадцать Пар их сородичей. Вскоре вместе с ними и они занялись работой.

* * *

Здесь всё было строго распределено.

Каждая Пара и готовила подземную часть своего будущего сооружения, выдалбливая её острыми большими кусками камня, и расшатывала скальные выступы, сбрасывая вниз огромные глыбы известняка, и высекала из них нужные по размерам блоки, доставляя их волоком и устанавливая в нужные места, занимаясь к тому же всеми внешними и внутренними подгонками и обработками.

В соответствии с установленным порядком все Пары трудились только на своих постройках, при этом соблюдая очерёдность при уходе либо на охоту, либо на охрану входа в ущелье.

«Мало еды здесь. Мы скоро умрём от голода», – Второй явно изнемогал.

«То, что мы делаем сейчас, очень тяжело. Ты знаешь, оно имеет для нас большое значение. Поверь и потерпи. Смотри на наше творение. Его ещё не видно, но скоро всё изменится. С каждым разом мы продвигаемся только вперёд. Не

забывай, для чего мы здесь находимся. От этого зависит наше с тобой будущее. Мы должны стараться быть лучшими. Наше строение может превзойти все остальные. Если что-то случится с одним из нас, другой такой возможности для второго уже не будет. Дважды одну и ту же пару не дополняют», – Первый отвёл уставший взгляд, и тут же всё для обоих погрузилось в тишину.

Строительство будущих пирамидальных сооружений у подножья гор велось на разных уровнях и ещё находилось на самом начальном этапе.

Пятьдесят синетелых великанов упорно пытались возвести двадцать пять строений из известняковых блоков огромной величины.

Впереди оставался ещё долгий и тяжёлый путь.

Уходя навсегда, так повелели Оба Отца.

* * *

Право на продолжение рода имела лишь одна Пара, та, что избиралась Ею, Великой Матерью.

Разным испытаниям подвергались претенденты.

Проход в параллельный мир был открыт последними Двумя Отцами. Они и оставили Ей своё требование для отбора самых сильных Пар. Согласно ему, только треть из всех зрелых Пар по Её личному велению могла войти в тот мир, где каждой из них следовало построить по одной пирамиде, точной копии их жилищ, во все времена символизирующей своей формой единое верховенство в правлении племенем и всеобщее стремление к вечности. Вошедшие в параллельный мир должны были исполнить данное условие и стараться вернуться вместе. Только после этого туда входила Она и оценивала их творения.

Затем состоялся Её выбор. Живя не дольше Их, Она уничтожала сама всех нарождённых, подобных себе, кроме одной, которую забирало соседнее племя. Оставлялись лишь подобные Им.

Когда подступал срок Её кончины, Она сама приводила одну молодую уроженку соседнего племени. Для Неё и готовилась эта Пара. Именно так с давних пор существовали синетелые. Вот только числом почему-то их не становилось больше.

* * *

«Сегодня наша с тобой очередь добывать пищу. Иди за мной», – Первый отвернулся и поднялся с валуна.

Огромный оранжево-красный солнечный диск, подрагивая в жарком мареве, наполовину скрылся за острыми выступами гор.

Наступало время охоты.

С выходом из ущелья опустилась ночь.

«Вот теперь всё стало почти как у нас, и от этого нам легче видеть», – уже в который раз с приходом темноты размышлял Второй, следуя за своим напарником.

Они шли по направлению течения воды вдоль правого берега реки, что убегала от гор по равнине по всё более расширяющемуся руслу. С каждым днём в поисках пропитания приходилось уходить всё дальше и дальше.

* * *

Семейство крокодилов, по своему обыкновению, находилось в реке. Главный самец, плавая чуть в стороне, высунув длинную узкую морду на поверхность воды, внимательно следил за всеми остальными, ревностно оберегая самок от молодых соперников.

Взошедшая на небе луна отбрасывала тусклый свет на густо поросшие берега, мутной рябью отражаясь в чёрной водной глади размеренного потока реки, слегка усиленного в середине русла и почти неподвижного по краям. Вверх по течению, в небольшом отдалении, бурлил порог с множеством огромных валунов, выступавших над водой своими гладкими и влажными боками. Туда подступала звериная тропа, столь нужная крокодилам.

Многочисленные стада разных копытных животных, ведомых древними инстинктами, из года в год перебирались на другой берег именно в этом месте, давая обильное пропитание ненасытным хищникам, властителям этих вод и их извечным врагам. Жертвуя старыми, слабыми и немощными собратьями, но при этом сохраняя жизни остальным, вожаки первыми вступали в страшную прохладу реки, настороженно оглядывая

её, нервно пофыркивая, ощущая всем своим существом присутствие ужасающего хозяина переправы.

Такие периоды для одних сулили пиршество, для других же – спасение, несмотря на неизбежные потери, восполняемые большим числом потомства.

Не пройти на другой берег, где имелись огромные пастбища с сочными кормами, для животных означало лишь одно – голодную гибель. Обратной дороги не было. Жертвы были оправданы.

До очередного появления живности на этом пороге оставалось совсем недолго, всего несколько дней.

* * *

Первый из Пары вошёл в воду и, сделав несколько шагов, погрузился в неё с головой. Второй последовал за ним.

Дно было твёрдым. Русло в середине заметно углублялось. Видимость была хорошей. Идти стало ещё легче, так как река своим попутным течением помогала продвижению.

Изредка высовывая головы, Оба вбирали побольше воздуха. К полуночи они добрались до места, где следовало выйти на берег. Впереди река мелела и разливалась вширь, разбиваясь о преграждавшие её камни, среди которых она дробилась и, убегая дальше, вновь возвращалась в русло.

В отличие от левого, почти пустынного берега правый сплошь утопал в зарослях кустарников. Под ногами стелился мягкий травяной покров. Лишь в одном месте полностью отсутствовала вся растительность, и побережье широким чистым проходом подступало прямо к воде.

Первый присел, взял горсть земли, покрошил её пальцами и поднёс к лицу, приняхиваясь. Весь изрытый и вытоптаный кем-то песок, перемешанный с небольшими затвердевшими массами, хрупкими и рассыпчатыми на ощупь, имел весьма странный запах.

Отбросив его в сторону, он повернулся ко Второму: «Здесь должна быть еда».

Оба двинулись вперёд, оставляя глубокие огромные следы. Первый, пройдя небольшое расстояние, вошёл в кустарник,

достававший своими верхушками ему до колен, остановился в нём, мощно втянул воздух раздутыми ноздрями, слегка поводит головой и повернул к реке. Всего в нескольких шагах от воды, очень внимательно осматриваясь по сторонам, они замерли.

* * *

Увидев появившихся на берегу странных существ, явно означавших для него обильную пищу, крокодил, главный самец, бесшумно вильнув мощным гребенчатым хвостом, развернул своё громадное тело и, плавно подгребая задними перепончатыми лапами, поплыл в их сторону, по мере приближения к ним полностью погружаясь под воду.

* * *

«Я ничего не заметил», – зрачки Второго в темноте были округлены и увеличены.

Атака крокодила была внезапной и оттого неожиданной. Второй, слишком близко стоявший спиной к воде, ещё ничего не понял, когда захваченный сильной рукой Первого был рывком отброшен к кустам. Едва не упав, он тут же быстро развернулся и увидел широко раскрытую зубастую пасть, торчавшую из воды. Первый был сбоку от неё. Он сильно склонился и что-то делал. Пасть не закрывалась и не исчезала. Она рывками дёргалась в его сторону. Метнувшись к Первому, Второй увидел, что тот навалился на спину этого страшного существа и всем телом придавливал его к земле, не давая ему возможности развернуться. Огромный ребристый хвост животного извивался из стороны в сторону, взметая невероятное количество брызг.

Больше не выжидая, Второй, в прыжке бросившись с другой стороны, всем телом рухнул на голову зверя, своей тяжестью сомкнув его челюсти. Обхватив руками его голову, подогнув под него сильнее ноги, он резким движением опрокинул животное на бок, продолжая держать его в захвате и всё сильнее сжимая в своих объятиях. Первый, упав на колени, мгновенно нанёс несколько сокрушительных ударов в живот напавшего зверя, затем, замахнувшись обеими руками, что есть сил вонзил в него

острые ногти, разрывая полосами мягкую брюшную кожу. Животное несколько раз судорожно дёрнулось, беспомощно шевеля большими лапами, но, так и не сумев освободиться от этих очень сильных противников, стало заметно ослабевать, всё ещё продолжая извиваться. Первый, весь забрызганный кровью, уже разрывал его внутренности.

Вскоре они оба, тяжело переводя дыхание, стояли над повергнутым громадным существом, впоследствии названным ими зуботелым. Немного отдохнув, они оттащили тушу подальше от воды. По весу оно одно было почти равно им обоим. Придя в себя, успокоившись, они присели на землю и стали с жадностью насыщаться свежим мясом.

Теперь большую часть обратного пути Пара старалась пройти по воде. Так было легче перемещать тяжёлый груз.

Ближе к рассвету оба охотника, с трудом поднимая столь много пищи, вернулись к своим.

Г Л А В А В Т О Р А Я

С момента появления в чужом мире прошло очень много времени. Оставалось завершить обработку строений, выбить на боковых входных блоках свои изображения, свидетельствующие о принадлежности каждого из них именно им, и только после этого всем вместе возвращаться обратно.

«Для кого мы всё это делаем?» – Второй, прислонясь к камням, отдыхал в их тени.

«Никто не знает. Может быть, когда-то мы навсегда перейдём сюда. А может, лишь для устрашения живущих здесь, чтобы они не прошли к нам», – Первый отвернулся и стал осматривать подступы к ущелью.

Сегодня они вдвоём охраняли вход в него, находясь почти на самом краю горного выступа, на небольшой высоте среди скал.

Наступал жаркий полдень. Река, блестя на солнце своими чистыми водами, почти ровной линией устремлялась вдаль. Отсюда, с возвышенности, сквозь её синеватую прозрачность отчетливо проглядывалось дно русла. Левый берег на всём протяжении оставался песчаным. Правое же побережье чуть поодаль сменяло свой пустынный покров на густые заросли тёмно-зелёного кустарника, от которых, отступая в стороны, светлел ровный травяной покров. По обоим краям плавно скользящей животельной влаги простирались необъятные равнинные дали, из которых изредка чёрными телами выступали одинокие островерхние скалы.

Первый спокойно оглядывал их. В какой-то миг он встре-
пенулся и подался вперёд, не сводя глаз с чего-то увиденного.
Заметив это, Второй, быстро поднявшись, приблизился к нему.
Тот указал рукой вдаль, по направлению к реке. То, что предста-
ло их взорам, потрясло обоих.

По ближнему к ним берегу, пока ещё довольно далеко от
них, но прямо в их сторону, сюда, к горам, четырьмя потоками
продвигалось множество краснокожих существ, внешне схожих
с ними.

«Вот они, властелины этого мира. Они идут к нам», – Пер-
вый смотрел в глаза напарнику.

Больше не задерживаясь, ловко перепрыгивая по высту-
пам склона, они стали спускаться вниз, спеша предупредить
остальных.

* * *

Четыре отряда египтян численностью по сорок воинов каж-
дый, а также пятьдесят рабов-носильщиков следовали вдоль се-
верного берега к горному подножью. Полководец Хнумхотеп,
назначенный над ними общим командующим, исполняя высо-
чайшую волю номарха южного нома государства, вёл их в вер-
ховье реки, дабы обнаружить её истоки и, завладев ими, укрепить там.

Незадолго до подхода к этой местности, почти в одноднев-
ном переходе до неё, вниз по течению им предусмотрительно
были оставлены по одному отряду копейщиков и лучников с
частью рабов. Приблизившись к вечеру к песчаной границе, но
не подступая к входу в горное ущелье, войска остановились на
ночлег на травянистой прибрежной равнине.

Багровый закат окутал окрестности розовой дымкой, при-
давая и без того коричнево-красным телам воинов ещё более
зловещую кровавую окраску.

Вскоре опустилась ночь. Запылали костры. Воздух у воды
заметно посвежел, но наполнился запахом дыма. Теперь возле
огней едва виднелись лишь светлые набедренные повязки
людей. Всё остальное обрело серо-чёрные оттенки.

Лично выставив охрану, Хнумхотеп присел у одного из костров, где находились четыре начальника отрядов: Нианкхнум, Инхерхаа, Нахтамен и Пашет.

Приступили к еде.

– Нианкхнум, ты со своим отрядом и рабами останешься здесь. Будешь дожидаться нашего возвращения в этом месте, – Хнумхотеп обратился к сидевшему напротив высокому мужчине, начальнику головного отряда.

– Хорошо, Хнумхотеп, – тот кивнул.

– На рассвете я с Инхерхаа, Нахтаменом и Пашетом войду в ущелье, – полководец обвёл взглядом остальных троих военачальников. – Недолго нам осталось идти. Река берёт своё начало где-то рядом, в горах. Не думаю, что там кто-то есть. Хотя всё может быть. Странно, почему в этих водах нет священных крокодилов, ведь река здесь чиста и пригодна для них? К тому же непонятно, кем оставлены те следы. Уверен, что уже к полудню всё прояснится.

* * *

Синетелые весь вечер издали наблюдали за пришедшими краснокожими, затаившись в ближайших скальных расщелинах. Большинство из них впервые увидели главных обитателей этого мира. Они были потрясены их количеством, но одновременно и удивлены их размерами, так как те в росте едва доходили им до середины бёдер.

С наступлением полной темноты Первые из двух первых Пар, оставив охрану, вместе с другими вернулись к своему стану, собрали вокруг себя Первых из каждой Пары и стали решать, как им быть дальше. Одно было ясно им всем: обратный проход к себе без окончательного завершения работ запрещён.

Оставалось определиться, что делать: напасть на пришельцев или скрыться в горах и дожидаться их ухода. В первом случае никто из них не мог предсказать исход столкновения, и это настораживало их всех, так как главное дело, почти доведённое до своей последней стадии, ради чего они и находились здесь, становилось вдруг недостижимым. В другом же случае красноко-

жие обнаружат плоды их деятельности, и как они поведут себя при этом, было также неизвестно. Однако второй путь многим объяснял, что, помимо основной цели – выделиться перед Ней, Великой Матерью, – пирамиды должны служить устрашением для обитателей этого мира, и они, синетелые, обязаны пропустить их сюда.

Стоя попарно плотным двойным кольцом, все в ожидании взирали на Первых из первых Пар. Решение было принято. Синетелые отступали и уходили в горы.

* * *

С рассветом Хнумхотеп с тремя отрядами вступил в широкую горную расщелину, по правой стороне которой у подножья отвесной каменной стены навстречу им текла река. Он выслал вперёд десять дозорных воинов и, наслаждаясь царящей здесь, в межгорье, прохладой, вскоре подошёл к единственному повороту на юг. О том, что находится сразу за ним, а тем более дальше него, в полудневном переходе, пока ни он, ни его люди не могли знать. Пройдя ещё какое-то расстояние, он вдруг услышал крики, доносящиеся спереди, поднял руку и остановил движение.

Все замерли в ожидании, с тревогой вглядываясь вдаль. Вскоре их взорам предстали бегущие дозорные. Часто оглядываясь и размахивая щитами и копьями, они летели со всех ног, поднимая клубы пыли. Было видно, как кто-то из них, споткнувшись, упал, но тут же, вскочив на ноги, не обращая внимания на обронённое им оружие, уже быстро догонял остальных. Что-то явно произошло.

По команде начальников двух отрядов лучников их воины мгновенно заложили стрелы, изготовились к стрельбе и, выставив перед собой огромные щиты, охватили кругом остальных. Третий же отряд, ошетилившись копьями и также прикрывшись щитами, образовал внутренний квадрат. Все стали оглядывать окрестные скалы.

Четверо ближних к полководцу рослых воинов в одно движение плотно обступили его, прикрывая своими телами.

Пропущенные сквозь ряды заграждений и добежавшие до Хнумхотепа дозорные, тяжело дыша, молча попадали перед ним на землю, касаясь её вспотевшими лбами. Их тела также сильно лоснились от пота, а у двоих из них слетели чёрные длинные парики, оголяя бритые синеватые затылки.

– Встань и говори, – повелел командующий, коснувшись копьём одного из них.

– Властитель, там недалеко мы обнаружили чьё-то поселение, – высокий жилистый воин, ловко вскочив на ноги, жутко тараща глаза, указывал рукой в обратном направлении.

– Ты что, прежде не видел такого? К чему такой шум? – гневно произнёс Хнумхотеп.

– Да, властитель, не видел. Там никого нет, но... – тот запнулся.

– Говори же, наконец, как подобает воину, – командующий был в ярости от поведения дозорного.

– Властитель, там повсюду такие следы и... – дозорный вновь запнулся, – и много костей священных крокодилов, – на одном дыхании он всё же сумел завершить доклад.

– Что ты тут лопочешь мне со страха? Какие там ещё следы? Кто это мог посметь посягнуть на самых божественных на земле животных? – вскричал Хнумхотеп, тут же замахнувшись копьём, готовый убить этого ничтожного умалишённого.

Тот вновь рухнул под ноги командующего.

– Кто ещё видел всё это?

Остальные, быстро поднявшись, молча склонили головы.

– Что, все? – не веря в происходящее, он удивлённо смотрел на них.

В знак согласия, не поднимая глаз, те часто закивали. Растерянно оглянувшись по сторонам, командующий, оттолкнув охрану, брезгливо обошёл лежащего воина и устремился вперёд. Едва не сбитые им дозорные мгновенно расступились. Войска двинулись за ним. Шли быстро, нарушая строй, не обращая внимания на острые камни под мозолистыми ступнями. Несмотря на то что командующий не должен был идти первым, никто не осмелился обойти его и выступить передовым заслоном.

Гораздо раньше намеченного срока Хнумхотеп достиг того места, где действительно находилось поселение или что-то подобное ему.

Ущелье здесь имело округлую, чашеобразную форму, больше напоминая собой горную долину, и уже дальше оно вновь заметно сжималось скалами, превращаясь в неглубокую расщелину, откуда шумно сбегала река. Увиденное поразило всех.

Слева от этого водного потока, в отдалении, в небольшой низине, в тени высоких гор в два ряда на равном расстоянии друг от друга располагались двадцать пять сооружений странного вида. Они были схожи между собой и совершенно отличались от людских творений своими непривычными формами. Каждое из них у основания было квадратным и по мере набора высоты сужалось гранями от углов к центру, к почти острой верхушке. Повсюду между ними белели разбросанные кости.

Оставив один отряд, Хнумхотеп стал осторожно спускаться к строениям. Лишь теперь внизу на известковом крошеве возле крайней постройки он увидел множество огромных следов. Присев у одного из них, он стал внимательно осматривать его. След был похож на человеческий, но гораздо больших размеров. Его глубина явно свидетельствовала о громадной массе обладателя. К тому же, как заметил он, все следы были парными, и ширина между ними указывала на исполинский рост неизвестного существа. Было ли оно одно или же их было несколько, разобраться при таком количестве следов не представлялось возможным. Ничего подобного командующий не видел никогда. Он поднялся и взглянул вверх по ребристой откосной боковой стене строения, высота которого была невообразимой. Отсюда, снизу, трудно было определить её, но в том, что она почти в пятнадцать раз превышала самого рослого из его воинов, он не сомневался. Каменные блоки, из которых были выложены основания стен, доходили ему до пояса и имели в длину десять локтей. Всего же их по каждой стороне постройки было одиннадцать.

Сделав несколько шагов, Хнумхотеп вышел из-за угла в широкий просторный проход, разделявший надвое этот стран-

ный комплекс и ведший до дальнего его края, и замер. Во всех строениях строго посередине в сторону этого прохода чернели огромные входные проёмы, однообразно обрамлённые по бокам и сверху такими же громадными блоками, на каждом из которых лежало множество белёсых крокодильих черепов. Ужас мгновенно охватил его душу, сковав всё тело, жутким холодком разливаясь по всему нутру и стремительно охватывая сознание. Неимоверным усилием воли всё же сумев превозмочь навалившееся на него оцепенение, Хнумхотеп оглянулся. Стоявшие за его спиной люди медленно опускались на колени, словно какая-то невидимая сила придавливала их тела. Отвернувшись от них и вновь увидев свидетельства чьего-то до невероятности зловещего действия – кощунственного по отношению к самым священным животным, он вздрогнул и, больше не пытаясь удержаться на ногах, тоже припал устами к пыльной земле.

* * *

Синетелые великаны очень внимательно следили за пришельцами, скрытно расположившись на северных высотах. Поведение тех было странным и непонятным для них.

«Что они делают?» – Второй взглянул в лицо напарника.

«Нам неведомы их поступки», – Первый отвёл глаза.

Внизу краснокожие уже поднялись на ноги и разбрелись среди пирамид, бережно собирая черепа зуботелых и складывая их у дальней окраины на большой настил, сложенный ими из собранных в округе палок и кольев. Вскоре в том месте яркое свечение охватило своими красными языками нагромождение костей, распространяя по округе тошнотворный запах. Краснокожие вновь припали к земле. Когда на месте исчезнувших останков зуботелых развеялся густой дым и остался лишь небольшой бугорок чёрной рыхлой массы, шевелящейся от каждого дуновения ветерка, пришельцы встали и, тщательно собрав её в ладони, понесли к реке, где коленапреклонённо опустили в воду, после чего вернулись и приступили к осмотру сооружений, но не сразу вошли в них.

«Если они теперь не покинут ущелье, то нам придётся вступить с ними в схватку, иначе мы не продержимся долго без пищи и воды», – Первый устало посмотрел в глаза Второго и прикрыл тяжёлые веки.

* * *

Хнумхотеп в нерешительности остановился у входа в одно из строений. Стоявший ближе других начальник отряда Инхерхаа, понявший его по-своему, тут же поднёс факел. Более не сомневаясь, командуя, решительно схватив факел, вошёл в огромный чернеющий проём. Уже через несколько шагов всё погрузилось в полумрак. Тусклый дрожащий огонь выхватывал из темноты шероховатые своды прохода, уходящего куда-то вниз большими ступенями, по высоте достигающими ему до пояса и имевшими такую же ширину.

Постоянно вглядываясь вглубь, очень осторожно спускаясь с каждой ступени на следующую, после двенадцатой по счёту Хнумхотеп оказался на самом дне подземелья, сразу ощутив под ногами холодный каменный пол. Четверо телохранителей, высоко подняв факелы, следовали за ним. Здесь, в самой толще известняка, было высечено всего лишь одно, но довольно просторное помещение, до потолка которого, превышающего в несколько раз его рост, едва доходило свечение факела. Звуки шагов и тихое потрескивание огня гулко отдавались в пустоте. Пройдя до середины пещеры, полководец остановился. Сильно прищуриваясь, он стал озираться по сторонам. Видимость была слабой. Вопреки его ожиданию, воздух тут был сухой и свежий.

Недолго постояв, он пошёл дальше. Пламя заиграло и склонилось влево. Хнумхотеп повернул туда. Прямо перед ним, почти в самом углу, в стене, имелся другой проход, в сторону которого со спины потянуло лёгким сквозняком. Наклонясь и выставив вперёд факел, он всмотрелся в этот проём и увидел такие же ступени, ведущие вверх. Помогая себе свободной рукой, Хнумхотеп стал медленно взбираться по ним, всё время задирая голову и чутко прислушиваясь. После пятой ступени открылась большая площадка, от которой лестница поворачи-

вала строго направо. Ещё через семь ступеней, словно выбравшись из огромного колодца, он оказался в другом помещении, гораздо большем по размерам. Тонкий луч света, проникая откуда-то сверху, падал прямо на середину пола, рассеивался по нему и неожиданно ослеплял вошедших. Заслонившись рукой, Хнумхотеп оглянулся назад, успокаиваясь, и осмотрелся. Ребристые стены из блоков, выступавших гранями один над другим, уходили всё выше и выше, постепенно сужаясь и уже на самой высоте сходясь в маленький квадрат, посреди которого имелось отверстие. Оттуда и проникал свет. Здесь также было пусто. Других помещений не было.

Выйдя наружу из этого странного строения, полководец расслабился, несколько раз глубоко вдохнув и оглядев яркое синее небо. Подошедший к нему Нахтамен сообщил, что у подножья гор имеется расщелина, наполовину засыпанная рыхлой каменной породой, вероятнее всего, по его мнению, извлечённой кем-то при строительстве подземелий. Там же им было обнаружено и множество сброшенных сильно истёртых крокодильих шкур, вместе с которыми находилось и огромное количество обрывков от изготовленных из них ремней.

«Наверняка, всё это служило приспособлением для волочения и подъёма грузов», – первое, что пришло в голову полководца.

Отчасти становилось понятным, каким образом велись работы. Других находок в этот день не было. На ночь рабы разбили лагерь в стороне от этих строений на небольшой возвышенности.

* * *

На следующее утро Хнумхотеп повелел послать за Нианкхнумом. Тот появился с отрядом после полудня.

– Можешь тоже со своими воинами оглядеть все эти строения, чтобы и ты, и они быстрее обвыклись здесь, в этом месте, – полководец отпустил его после недолгой беседы.

Как выяснилось из докладов других военачальников, также тщательно осмотревших сооружения, внутри они были почти

однотипными. Лишь в некоторых из них проходы наверх были расположены несколько иначе. Судя по царящей обстановке, они не были обжитыми.

Сидя у костра, Хнумхотеп обдумывал всё увиденное: «Странные дела творятся в этом ущелье. Кто и для чего выстроил всё это? Место, конечно же, пригодно для обитания. Есть вода. Всякой живности достаточно в низовье реки. Но где хозяева? Если это храмы, то в кого они веруют, кому преклоняются и где, наконец, проживают? Почему они не почитают священных животных и убивают их? Разве такое возможно? Судя по всему увиденному мною, им дозволительно всё. Неужели мне предстоит встреча с живущими без веры? Такого не может быть. Где они все? Почему и когда они покинули эти места? А может, они здесь, где-то рядом и вовсе не собираются уходить?»

С последней своей мыслью Хнумхотеп поднялся, отошёл чуть в сторону и стал долго и внимательно всматриваться в горные выступы. Ничего подозрительного не заметив, он вернулся к костру.

Вскоре к нему подошёл Нианкхнум. Он был бледен и задумчив.

– Что скажешь, мой друг? – видя его подавленное состояние, спокойно спросил Хнумхотеп.

– Даже не знаю, что и подумать. Всё очень странно, – тихо ответил тот, присаживаясь напротив.

– Вот и я о том же. Чувствую, что всё здесь не наше, какое-то совершенно чужое. И эти диковинные на вид сооружения, будто выстроенные совсем недавно. И эти громадные по размерам следы, неизвестно кем оставленные. Причём, как ты, наверное, тоже заметил, среди них нет ни одного человеческого, – очень утомлённый множеством безответных вопросов полководец с досадой махнул рукой и устался в костёр.

– Нужно послать ещё людей по окрестностям. Пусть поищут среди скал, – как-то безразлично предложил Нианкхнум.

Уловив его тон, Хнумхотеп взглянул на него, но ничего не сказал. Они долго и безмолвно сидели у потрескивающего огня, не отводя глаз от полыхающего пламени, но явно не видя его.

Прошло ещё три дня. Накануне последнего из этих дней, вечером, исполняя волю полководца, в лагерь подошли оставленные ранее два отряда и тридцать рабов.

Привыкшие ко всему воины уже спокойнее вели себя и в этой новой для них обстановке, совершенно обыденно неся службу, всё чаще по своей воле посещая строения. Такому их поведению Хнумхотеп не препятствовал. Более того, он ждал этого момента, так как помнил о велении номарха закрепиться в этой местности.

«Пока ещё не знаю, но вполне может случиться так, что именно с этими отрядами мне и доведётся остаться здесь», – думал он.

С направлением гонцов к властителю он пока не спешил, понимая, что ничего не узнал обо всём творящемся в этом ущелье, в этой горной долине. Вопросы, поставленные им перед собой, мог задать ему и правитель, но не найдя пока на них ответов, не следовало торопиться с сообщением, дабы не ставить себя в глупое положение и не оказаться посмешищем перед всем народом. Оставалось одно – ждать. Другого выхода не было.

Теперь, по прошествии пусть и небольшого времени, он иначе взирал на эти удивительные сооружения и совершенно по-новому воспринимал их. От охватившего его изначально страха и ощущения трепетного ужаса в душе не осталось даже крохотного следа. Всё незаметно изменилось. Порой он уже ловил себя на мысли, что эти величественные творения являют собой само совершенство, какую-то, прежде не до конца осознанную, но всегда ненасытно желаемую правильность, чёткость и завершённость, чего, по его мнению, так не хватало в городах родного Египта. Он подолгу заглядывался на пирамиды, при этом каждый раз открывая в себе всё новые чувства. Отныне они для него стали означать нечто очень важное, не вмещающееся в его разум, не поддающееся трезвому осмыслению, словно эти строения были переполнены необъятной и неизведанной, но истинно полноценной жизнью, от которой исходила невероятная всепоглощающая мощь и необузданная, дикая, притягательная сила.

Такого Хнумхотеп не испытывал никогда, но одно он вдруг отчётливо понял: кто бы ни возвёл их, они будут существовать на земле всегда, вечно храня таинство своего творца, побуждая людей превзойти его и всякий раз повергая в жалкое бессилие все попытки создать нечто подобное. Людям доступно любое подражание, но не подвластна ни одна чужая мысль. Не мог он знать и осознавать того, что от чего-то невечного народиться чему-то вечному попросту невозможно. Не ведал он и о том, что почти такие же, как у него, чувства и ощущения зарождались и в его подчинённых. Настолько велико и завораживающе было влияние пирамид на человека, будто бы тот, кто преподнёс их в дар, приковал невидимыми узами его живую душу к мёртвой груде искусно сложенных камней, сделав эту привязанность безраздельно мучительной и беспредельной во времени.

* * *

Впервые в наступившую ночь Хнумхотеп распорядился о том, чтобы в каждом из сооружений находилось по пять воинов и по два раба. Такое его веление было началом более тщательно и действенного их освоения и наступления этапа изучения и привыкания. Усиленные дозоры были выставлены им по всему внешнему периметру поселения. Остальные войска расположились лагерем у его западной окраины.

* * *

Все эти дни синетелые изнывали от жажды и голода, мучаясь к тому же и от малоподвижности – лишь в темноте, не сходя с мест, они разминали затёкшие суставы. Единственным утешением для них была скудная предрассветная влага, ненадолго покрывавшая собой поверхность камней, которую они бережно и подолгу слизывали своими языками. Могучим телам требовалось много сытной пищи и воды. Временно лишённые всего этого, они быстро теряли силы. Наблюдая за поведением краснокожих, великаны уже впадали в ярость, сожалея о том, что сразу не уничтожили их. Теперь из-за допущенной прежде

оплошности им приходилось терпеть невыносимые муки. Оставаться в таком глупом и жалком положении, ясно осознавая, чем оно грозит для них, не имея другого выхода и не желая больше находиться в неведении и бездействии, в эту ночь они решили напасть на мелкотелых.

* * *

Охрана, состоящая из двух десятков воинов и расположенная вдоль северной стороны поселения, молча вглядывалась в едва различимое близкое предгорье. Ближе к полуночи над ущельем взошла полная луна, окутав всю округу тусклым ровным голубоватым светом, наполнив бледными тонами каждую доступную щель и породив множество причудливых теней, отбрасываемых от скальных выступов. Теперь видимость значительно улучшилась, но горы от этих перемен словно ожили и на миг почти неуловимо для глаз шевельнулись своими громадами, пугая и без того скованные страхом людские души.

Понимая, что такого не могло быть на самом деле, уверенные в том, что им всё это только показалось, встревоженные были воины стали постепенно успокаиваться. В какое-то мгновение им снова почудилось лёгкое движение среди скал. Ещё зорче всмотревшись в них, они, однако, ничего подозрительного не заметили. Везде по-прежнему царили безмолвие и покой.

Время тянулось томительно, постепенно и плавно обволакивая сознание дозорных сладостными мечтами о предстоящем отдыхе. Больше не обращая никакого внимания на эту игру света и тени, устав стоять и переминаясь, они один за другим опустили на землю, избавляясь от утомления, освобождаясь от заметно потяжелевшего оружия и с наслаждением расслабляясь. Не ведали доблестные воины о том, что неоднократно замеченное ими движение вовсе не было наваждением, и если бы хоть один из них неотрывно продолжил свои наблюдения за горами, он обязательно увидел бы огромных существ, которые ловко и хитро спускались к ним, совершая одновременные шаги вниз, замирая на время и вновь повторяя эти движения.

Хнумхотеп не спал. Что-то тревожило его больше обычного. Он чувствовал приближение какого-то важного события, в ожидании которого провёл все эти дни, но о том, что именно должно было произойти, он не знал и даже не мог предположить. В одном он был абсолютно уверен: те, кому принадлежат эти сооружения, рано или поздно, но обязательно дадут о себе знать и проявят себя. Как это всё произойдёт, для него пока оставалось загадкой.

Выйдя из шатра, он оглянулся по сторонам. Стояла тихая лунная ночь. Повсюду у костров находились бодрствующие одинокие стражники. Два высоких мускулистых телохранителя, подобно литым изваяниям, стояли по обеим сторонам от входа в его шатёр. Длинные копья, слегка подрагивая в крепких руках, своими медными листовидными наконечниками отражали розоватые блики. Огромные деревянные щиты, обтянутые слоем меха, были приставлены перед каждым из них и прикрывали их до пояса. За их спинами виднелись луки со стрелами, а сбоку у ног лежали копья для метания и тяжёлые боевые медные топоры.

Вскоре из соседнего, меньшего по размерам шатра вышли начальники всех его отрядов и направились в его сторону.

Подойдя к нему, склонив головы, они остановились.

– Вижу, и вам не спится. Ничего, скоро всё это пройдёт. И к этим ночам нужно привыкать нам. Чем быстрее это случится, тем легче будет для всех, – Хнумхотеп улыбнулся, оглядывая своих помощников. – Ну, раз вы пришли, пойдём проверим дозорных, да и оставленных в подземельях не помешает навестить.

Откуда-то сбоку бесшумно появились ещё двое его телохранителей. Заметив их, Хнумхотеп тихо повелел:

– Отдыхайте.

Все семеро военачальников, не спеша, двинулись по широкому проходу, начинавшемуся прямо перед ними. У входа каждого из строений горели костры.

Дойдя почти до середины этого прохода, Хнумхотеп повернул вправо к одному из них и уже ступил было ногой в проём, видя бледно-желтоватое свечение, исходящее снизу, как вдруг

услышал ужасающие пронзительные крики, доносящиеся откуда-то сзади с северной стороны. Мгновенно развернувшись, он тут же громко скомандовал:

– Все к бою!

Начальники его отрядов, сорвавшись с мест, стремительно бросились в сторону лагеря. Из всех сооружений выбегали воины и рабы, растерянно оглядываясь в полумраке.

«Это они. Всё-таки вернулись. Наконец я дождался их появления», – в голове полководца быстрее пущенной стрелы промелькнула обжигающая мысль.

Выватив свой меч, Хнумхотеп бежал вдоль стены и уже достиг угла строения, за которым всё сильнее раздавались душераздирающие крики, но в этот момент кто-то выскочил ему навстречу, и они столкнулись. Отпрыгнув в сторону, готовый к схватке, он выставил острый клинок, но перед ним стоял воин из охраны. Его вид потряс полководца. Задрав голову, тот сильно мотал ею, будто пытался что-то стряхнуть с неё, при этом, сверкая белками, дико тарачил глаза, бешено водя ими из стороны в сторону. Его лицо было искажено страшной гримасой. Руки всё время пытались что-то нащупать перед собой, словно он был слеп. Его дыхание перебивалось судорожными хрипами и стонами. Не задерживаясь, Хнумхотеп устремился дальше.

После освещённого центра поселения эта сторона казалась совершенно непроглядной, отчего трудно было сразу рассмотреть что-либо в кромешной тьме. Остановившись, тяжело дыша, он взглянул влево. Оттуда, сверкая факелами, быстро продвигались войска. Сквозь еле уловимый свет, проникающий между строениями, он увидел силуэты появившихся остальных воинов. Справа также выбегали люди. Постояв на этом месте, немного пообвыкнув в темноте, он осторожным шагом направился вперёд, вглядываясь в сторону гор.

От места нахождения линии дозорных продолжали доноситься крики. То, что через некоторое время предстало его взору, в один миг жуткими, леденящими клещами сковало весь его разум, всё его существо. Он замер, не смея отвести глаз. В дымчатом рассеянном лунном свечении со стороны горного подно-

жья, находясь пока на расстоянии половины пути до поселения, ровной шеренгой, издавая своей поступью ритмичный грохот, прямо на охрану надвигались исполины. Едва не лишаясь рассудка, Хнумхотеп прикрыл веки, всё ещё не веря в увиденное, остатками воли заставляя себя держаться на ослабевших ногах. Тело бросило в жар, и оно в одно мгновение покрылось липким потом, но уже через миг его охватил озноб. Меч, скользнув вниз по влажной ладони, выпал из его руки. Звуки, оттесняясь нарастающим гулом в ушах, куда-то отдалились. Его голова постепенно наполнялась звенящим шумом, готовым вот-вот разорвать её на части. В потухающем сознании проносились обрывками непонятные мысли, но одна из них, почти исчезая, неожиданно вспыхнула и вернулась: «Нужно биться и выжить». Вместе с ней в жилах стала появляться спасительная сила.

Хнумхотеп открыл глаза. Кровь, так внезапно прилившая сильными толчками к голове, отхлынула вниз, по телу, рукам и ногам, ослабляя невероятное напряжение, освобождая его от тяжких оков. Окончательно придя в себя, полководец поднял меч. Криков уже не было, как и не был слышен зловеющий топот. Взглянув туда, где должны были находиться дозорные, он увидел великанов, сгрудившихся в нескольких местах. По звукам, доносившимся оттуда, он понял: они расправлялись с людьми. Треск разрываемой плоти эхом раскатывался по округе.

Хнумхотеп развернулся к ожидавшим чуть поодаль своим войскам и решительно направился к ним, злобно шепча на ходу:

– Ничего, мы находимся на своей земле и ещё посмотрим, кто из нас останется в живых.

Теперь, обретя и прежнюю мощь, и уверенность в себе, вновь становясь военачальником, Хнумхотеп уже не задумывался над тем, кто перед ним, что за враг и зачем он здесь. Так было всегда перед битвой. Подойдя вплотную к строю стоящих войск, он замер, оглядывая воинов, пытаясь уловить их настрой и состояние духа. Увидев глаза тех из них, кто находился ближе к нему, и вспомнив о том, что произошло с ним самим несколько мгновений назад, он дрогнул в душе, почти потеряв надежду повести их в бой. Он понимал, что даже ему, повидавшему вся-

кое в этой жизни, очень трудно было совладать с собой, не говоря уже о них, многие из которых были новичками в этом походе.

Но время шло, и следовало быстрее влиять на ситуацию. Отступив на несколько шагов, дабы все его видели, он взметнул ввысь руку с мечом и громко выкрикнул:

– Враг, какой бы он ни был и как бы ни выглядел, всегда остаётся врагом, и его нужно победить и уничтожить раз и навсегда. В противном случае он одолеет нас и обязательно доберётся до наших семей, прервав наш род, опустошив нашу землю, превратив в руины и пепел наши селения и города. Мы пришли исполнить волю богов и правителей. Эти, что за моей спиной, посягнули на всё святое и должны быть повержены. Нет им места на нашей благословенной земле. Мы – свободные люди и лучшие воины священного Египта. Так покроем себя славой и не отступим с позором! Не бойтесь никого и ничего, даже если случится самое страшное. Всегда помните о вечности и стремитесь к ней!

Он замолчал, переводя дыхание. Было заметно, как поправились ряды и выше поднялись факелы. Ему удалось разорвать узы страха. Он очень спешил.

– Огонь хранить. К противнику не подходить. Заманивать его в строения. Всем находиться в верхних помещениях. Отныне все – лучники и копейщики. Стрелы поджигать. Бить ими в головы. Щиты и топоры бросить, – пытаюсь говорить как можно громче, надрывно прохрипел он, теряя голос.

Одновременно с его последними словами в темноте за его спиной гулко загрохотали шаги исполинов. Оглянувшись, он вновь различил их силуэты,двигающиеся в сторону его войск. Четверо телохранителей подбежали к нему. Один из них протянул лук и туго набитый стрелами колчан.

Отбросив меч и, взяв поданное оружие, он, не оборачиваясь, что есть сил прокричал:

– Все в укрытия!

Двести двадцать его воинов, разбитые на равные десятки, врассыпную устремились к строениям. Бегущие впереди начальники отрядов, оборачиваясь, отдавали команды, распреде-

ляя их, выкрикивая имена десятников. Вскоре широкий проход опустел.

Хнумхотеп, бросив взгляд сквозь пелену пыли на тусклые огни костров, убедившись в том, что никто не остался снаружи, последним вошёл в самое крайнее с восточной стороны сооружение.

Лишь четверо его телохранителей с факелами молча ожидали у входа.

* * *

Синетелые, держа в руках человеческие останки, прямо на ходу острыми клыками отрывали от них огромные куски и жадно проглатывали их, утоляя изнуряющий голод. Дойдя до пирамид, они остановились. Увидев справа от себя множество свечений, они повернули туда. Вступив в опустевший лагерь мелкотелых, они попарно разбрелись по его территории, с интересом и опаской разглядывая костры, но не решаясь приблизиться к ним. Первый из первой пары в какой-то момент всё же не выдержал сильного искушения потрогать столь странное творение краснокожих и, желая сделать это, склонился над одним из костров. Едва он коснулся его, как тут же острая боль пронзила его руку. Отступив на шаг, не понимая, от чего такое произошло, великан поднёс её к лицу, пытаясь рассмотреть пальцы. Ничего не обнаружив на них, но всё сильнее распаляясь от неугасающей боли, он вновь подступил к костру и стал в гневе обеими руками разбрасывать раскалённые угли. Увидев его поведение и восприняв его как пример, несколько синетелых также набросились на кострища, разметая их ногами и руками, поднимая выше себя несметное количество жалящих искр.

Всё закончилось довольно быстро. Кострищ не осталось, лишь множество разбросанных угольков, шипя, остывали по всей округе, но случившееся дальше со всеми теми синетелыми, кто занимался уничтожением странных свечений, было ужасным. Они, корчась, падали на землю, судорожно извиваясь от нестерпимой боли. Их было восемнадцать. Так и не придя в себя, все вскоре умерли. Ценою жизни почти трети своей и без

того немногочисленной группы состоялось первое знакомство великанов с одним из достояний людей – огнём.

* * *

Рабы, притаившиеся в расщелине с мусором, цепenea от страха, издали наблюдали за всем происходящим в лагере. Из них больше десятка за короткое время, увидев исполинов, один за другим, схватившись за грудь, бездыханно скатились на самое дно. Не выдерживали перетруженные, ослабшие сердца. Остальные при этом сильнее вдавливались в землю, боясь, что их стоны привлекут внимание чудовищ и приведут их к ним. Они не могли знать о том, что пришельцы были глухи и даже не имели ушей. В какое-то мгновение ещё один из невольников пронзительно вскрикнул и повалился навзничь, медленно сползая вниз. Находившийся рядом с ним юноша, напуганный случившимся сильнее прежнего, тут же вскочил с места и стал карабкаться наверх. Он сумел выскочить на поверхность, но кто-то крепко вцепился ему в ногу и стащил обратно. Этого движения было достаточно. Великаны заметили его и двинулись к расщелине. Шансов выжить у рабов уже не было. Словно мышей доставали их синетелые. Пиршество, устроенное ими, сопровождаемое истошным людским ором и воплями, продолжалось.

Зарождался рассвет.

* * *

Прислонившись спиной к прохладной каменной стене, прикрыв веки и прислушиваясь к тишине, Хнумхотеп устало сидел в верхней части строения. Один из его телохранителей расположился возле проёма в полу, откуда могли появиться исполины. Остальные находились рядом, готовые быстро прийти на помощь. Единственный факел, воткнутый рукоятью в небольшую щель почти над входом, тихо потрескивая, тускло освещал помещение, выхватывая внизу из темноты широкие пыльные ступени. Три других факела из бережливости были погашены.

Где-то там, далеко, едва уловимо для слуха вновь раздались крики. Полководец открыл глаза. Лишь мгновение назад ему ка-

залось, что всё случившееся – дурной сон. Теперь же, когда он опять увидел эти стены, тяжкая явь навалилась на него с новой силой. Страх не было. Но почему-то тоска и печаль сильно бередили его душу. В помещении явно добавилось света. Взглянув вверх на маленький проём, он увидел в нём крохотный кусочек почти белого неба. Ночь прошла.

«Если до полудня они не придут сюда, то нам самим нужно будет выйти к ним наружу. Нет ничего хуже неизвестности. Мои воины хоть и находятся в относительной безопасности, но долгой осады без пищи и воды ни им, ни мне не выдержать. Следует чаще беспокоить врага и любой ценой заманивать его в эти строения. Снизу их не одолеть, а вот по одному и с высоты можно. Только бить их следует дружно, без промаха и без паники. Остаться здесь заживо погребёнными нам нельзя. Уж лучше там, на воле, принять любую другую, но достойную смерть», – Хнумхотеп размышлял над предстоящим поведением.

Сомнений в правильности избранной тактики войны у него не было. Решение, принятое им, было единственно верным. Над тем, какие великаны, откуда они появились в этих местах, на что они способны и чего вообще хотят добиться, он не задумывался, понимая всю тщетность напрасных усилий и не желая тратить силы.

Бросив взгляд на своих охранников, он вновь закрыл глаза и продолжил свои мысли: «Они, наверняка, покончили с рабами. Остаёмся только мы. Судя по их размерам, они не смогут опустаться и подниматься по этим лестницам парами. Это хорошо. Это очень удобно для нас. Длинные копья и острые стрелы обязательно выручат нас. Кем бы они ни были, у них есть головы, а они всегда и у всех – самая уязвимая часть. Головы у них точно имеются, и очень даже не пустые, иначе такие сооружения не были бы сотворены ими. Хотя они могут и не быть их творцами».

Хнумхотеп протёр руками лицо, внимательно оглядел ладони, потряхнул их и задумчиво посмотрел на противоположную стену: «Надо же, как всё-таки удивительна жизнь! Теперь, с высоты прожитых мною лет, я понимаю, что с годами она, насыщаясь, отсеивая ненужное и бессмысленное, начинает су-

жаться и устремляться к небесам, подобно этому строению, у которого, как мне кажется, каждый ярус означает определённый этап жизни. Вначале для человека важно всё. Потом – только доступное. После важно лишь всё необходимое. Затем ему очень нужно главное. И напоследок у него остаётся что-то одно, а вот что оно, я ещё не познал. Когда-то давно, в детстве, для меня, несмышлёныша, важным казалось очень многое, почти всё, что меня окружало, и оно было большим, словно нижний ярус этого помещения. С каждым днём, благодаря родителям, я понимал и то, что не всё доступно мне. Наверное, этот период соответствует уровню второго яруса. С годами я выросел. Меня стало интересовать только то необходимое, что давало возможность служить самостоятельно. Вон ярус в человеческий рост и есть тот мой возраст. Затем, вкусив изрядно одиночества, из всего, что было дорого моей душе, я возжелал главное – семью. Где-то там, вверху, есть ярус, равный и тем моим годам. Ну а сейчас для меня остался лишь этот маленький кусочек неба. Не думаю, что это и есть венец всей моей жизни. Что-то земное, открытое и чистое будет моим единственным и последним».

Громкие тяжёлые шаги, гулко отражаясь от стен, наполнили всё нижнее помещение, прервав спокойное течение его мыслей. Быстро вскочив, он бросился к проёму. Два телохранителя с боков наставили вниз копьё. Другие двое натянули свои луки и расположились в шаге перед лестницей, вглядываясь в проход, своими округлыми шероховатыми сводами уходящий под наклоном вглубь. Хнумхотеп подобрал свой лук, опробовал его упругость, заложил стрелу и встал между ними. На самых верхних, ближних к ним ступенях на пыльном слое отчётливо проглядывались следы их ног. Напряжение нарастало. Звуки приблизились, и уже через миг им стало понятно, что исполнены поднимаются к ним. Несмотря на прохладу, царящую здесь, люди покрылись потом, обильно стекавшим по коже.

– Спокойно. Не спешите. Ждите моей команды, – прошептал полководец, ещё сильнее натянув тетиву.

На самой нижней ступени, доступной взорам, накрывая её от грани до выпирающего ребра следующей, появилась

огромная чёрно-синяя ступня с выступающими серо-жёлтыми крючковатыми ногтями. Тут же показалась громадная волосатая голова, одновременно с которой по бокам в стены прохода уже упирались неимоверно большие кисти рук с когтистыми пальцами. Через мгновение великан был полностью на виду. Он не спешил. Люди, не смея шелохнуться, следили за ним. Тот поднял голову, и они встретились взглядами. Его красные глаза с чёрными круглыми зрачками, с каждым мгновением заметно сужавшимися от света, впились прямо в лицо Хнумхотепа, вонзаясь жутким холодком и буравя его до самого сердца.

– Пора, – прошептал командующий и выпустил стрелу.

В тот же миг расслабились ещё два лука, каждый издав вибрирующий глухой звук тетивы. Первая стрела вошла почти наполовину в его правый глаз, разорвав листовидным медным наконечником мягкую студенистую плоть, из которой двумя сильными фонтанами ударила чёрно-алая кровь. Ещё одна стрела вонзилась ему чуть ниже левой щеки. Третья, угодив в середину выпуклого лба, переломившись, отскочила в сторону, оставив на нём небольшую кровоточащую рваную рану. Не издав ни единого звука, резко мотнув головой, слизнув языком кровь с верхней губы, великан, проведя одной рукой по лицу, выставив вторую с растопыренными пальцами, прикрываясь ею, ринулся вверх. Выпущенные ещё три стрелы угодили ему прямо в ладонь. Он на миг опустил руки. Его окровавленная голова уже торчала над проёмом. Люди отскочили. Хнумхотеп, схватив лежащее копьё, в прыжке ткнул им в оставшийся глаз, с усилием, но быстро вытащив его и снова вонзив туда же. Великан замер.

Последовавший примеру военачальника один из воинов слишком близко подступил к нему, выбирая момент для удара. Тот, неожиданно задрав здоровую руку, тут же сгрёб его и с грохотом повалился вниз. Тяжело дыша, утирая пот, Хнумхотеп с остальными осторожно подошёл к проёму, из которого торчало копьё погибшего телохранителя. Сквозь оседающую пыль они увидели лежащего ничком великана, из-под руки которого торчала мозолистая человеческая нога.

– Сколько их там? – прошептал полководец.

Лёгкий сквозной ветерок шевелил щетинистый гребень исполина. Люди устало присели по краям прохода, не отводя глаз от чудовища. Наступило безмолвие.

Хнумхотем подался вперёд и стал вытягивать наверх копьё. В этот момент он увидел внизу пару огромных рук, быстро вцепившихся в ноги погибшего великана и потянувших его в темноту. Голова последнего, гулко ударяясь о ступени, вскоре исчезла из виду. Послышались шорох и возня, довольно быстро отдалившиеся и уже через миг затихшие. Видимо, другие, подумал старший, волоком утащили умершего собрата.

«Значит, они притаились. Выжидали», – промелькнула у него мысль.

Тело погибшего воина осталось лежать вдоль третьей ступени, свисая с неё головой. Рядом с ним чёрным пятном валялся его парик.

Прислушавшись внимательнее, Хнумхотеп мягко спрыгнул на нижнюю ступень и замер. Три телохранителя придвинулись к нему, готовые следовать за ним. Он поднял руку, запрещая им шевелиться. Взглянув на них, он приложил палец к своим губам, призывая их к тишине. Затем, обозначив руками натянутый лук, ткнул пальцем вниз. Воины, кивнув, нацелили туда стрелы. Шагнув к краю, он бесшумно спустился на следующую ступень и вновь замер. Через некоторое время он находился уже на третьей ступени. Внизу было тихо. Подняв своего охранника, бережно опуская его на поверхность каждой верхней ступени и после этого забираясь на неё, Хнумхотеп вернулся. Приняв из его рук тяжёлое, обмякшее тело товарища, воины положили его на пол в стороне, прикрыв ему глаза. Каких-либо ран на нём не было видно, и лишь тоненькие струйки крови, вытекшие из уголков рта и из носа, свидетельствовали о внутренних повреждениях, полученных от сильного сжатия. Мощь великанов была невероятной.

Внизу по-прежнему стояла тишина. Яркий луч солнечного света действовал на людей весьма ободряюще. Они одержали первую победу, а потери в войне всегда неизбежны. Все пом-

нили об этом и относились к утратам с должным пониманием. Время для скорби ещё не наступило.

Хнумхотеп осмотрел вооружение. Стрел было много. Помимо длинных пяти копий, имелись десять копий для метания. Разложив их для удобства по краям проёма, он устало присел, вытянув натруженные ноги.

Факел продолжал гореть, но его пламя ослабевало. Один из воинов, заметив это, подпалил от него другой факел и присел у прохода. Огонь нельзя было гасить. Оставшиеся два факела они предусмотрительно расположили прямо под горящими. Ожидание становилось невыносимым. Отдохнув, Хнумхотеп решительно встал. Телохранители также поднялись и смотрели на него.

– Выходим, – тихо скомандовал он.

Разобрав оружие, они стали спускаться. Впереди всех, прихватив с собой факел и освещая им путь, продвигался сам полководец. Всюду на ступенях блеснула разбрызганная кровь. Добрались до площадки. Прислушиваясь, остановились. Отсюда влево за угол тянулись широкие кровавые полосы.

Повернув голову, Хнумхотеп кивнул. Воины, приставив копьё к стене, разом прыгнули вперёд и выпустили стрелы. Сразу послышался звон наконечников, характерный для удара металла о камень. Проход был пуст. Двинулись дальше. В нижнем помещении никого не было. Приблизились к ступеням, ведущим наверх. Оттуда проникал свет. Подав рукой сигнал остановиться, Хнумхотеп подошёл поближе и взглянул в проход. Он был свободен. И здесь везде были обильные кровавые пятна. Преодолев двенадцатую ступень, прикрываясь от ослепительного света, вдыхая жаркий воздух, все замерли. За входным проёмом на земле виднелись следы волочения, уходящие в правую сторону.

Хнумхотеп выступил наружу. Два телохранителя, чуть отстаив от него, стали обходить его слева. Третий находился за ним. Пытаясь выглянуть за боковой выступ вертикального блока, он ещё не успел сделать и шага, как вдруг уловил за спиной какое-то движение, и тут же его слух резанул раздавшийся жуткий хруст костей. Мгновенно оглянувшись, он увидел выпрям-

лящегося великана. От двоих его воинов остались лишь два бесформенных пласта месива, сочащихся кровавой жижей.

Метнув в голову исполина свой факел и молниеносно отпрыгнув назад, обратно в спасительный проход, Хнумхотеп, толкнув вниз стоящего на пути последнего воина, стал спрыгивать по лестнице. Телохраниитель, не ожидавший удара и кубарем пролетевший несколько ступеней, подхваченный военачальником, прихрамывая, устремился вместе с ним к проёму в верхнее помещение. Пробежав через подземелье, почти задыхаясь и торопясь, что есть сил они стали быстро забираться по лестнице. Сзади сквозь шум в ушах были слышны шаги великана. Проскочив площадку, они повернули дальше и забрались ещё на одну ступень. Теперь подъём на каждую из них давался с огромным усилием. Наконец Хнумхотеп оказался на поверхности, протянул руку и затащил воина. Не сговариваясь, оба стянули мешавшие парики и отбросили в сторону. Больше не теряя драгоценного времени, не обращая никакого внимания на многочисленные ушибы и ссадины, они снарядили луки и, утирая друг о друга потные лица, изготовились для стрельбы. Великан не заставил долго ждать себя и уже поднялся на площадку.

– Бей по глазам, – прохрипел полководец.

Две стрелы угодили чудовищу в рот. Следующие две вонзились ему в правый глаз. Он пошатнулся, но продолжил движение, низко опустив голову, пытаясь выдернуть их из себя. Быстро подхватив короткие копьё, они дружно метнули их, попав ему в руки чуть выше локтей. Его щетинистая макушка была уже вровень с полом. Хнумхотеп, нервно проворачивая в крепком захвате древко длинного копьё, присел, ожидая появления его лица, и как только оно показалось на поверхности, с криком вонзил его в левый глаз, ощутив мягкую, податливую плоть. Великан судорожно мотнул головой. Копьё выпало из рук Хнумхотепа и ударило по ноге стоящего в шаге от него телохраниителя. Не удержавшись, тот упал на колени, но уже в следующее мгновение он вскочил, взглянул на прощание в глаза полководца, взметнул копьё, высоко подпрыгнул и рухнул на голову великана, вонзая остриё в основание его шеи. Хнумхотеп бросился к

нему в надежде спасти. В этот момент израненный исполин стал сильно вертеть окровавленной головой, затем отступил и резко осел. Телохранитель не удержался, ударился о стену и сорвался ему за спину.

Находясь на самом краю проёма и не ожидая внезапного отхода великана, Хнумхотеп, потеряв равновесие, полетел вниз, успев выставить руки. От прямого удара ладонями о поверхность ступени острая боль тут же пронзила его левое запястье и в один миг переросла в саднящую и жгучую резь где-то посреди живота. В том месте, куда он упал, под ним что-то было. Его рот сразу же наполнился кисловато-сладкой слюной, вытекая сквозь сжатые губы. Дыхание сбилось. Перед глазами поплыли тёмные круги. Пытаясь зацепиться правой рукой за грань проёма, он потянулся, но что-то сдерживало его снизу. Он вновь опустился. Силы покидали его.

Прикрыв отяжелевшие веки, сильно задыхаясь от удушья, он приоткрыл рот, выталкивая языком скопившуюся жидкость. Воздух тут же проник внутрь, слегка остужая горящие лёгкие. Немного полежав без движений, он набрался сил и всё же начал приподниматься, преодолевая страшную боль, помогая себе здоровой рукой. Лишь теперь, склонившись, он увидел то, от чего ему было так больно и что так мешало ему подняться. Вывернутая вверх громадная левая кисть великана своим последним выпрямленным пальцем находилась прямо под ним. Его огромный коготь, залитый кровью, впился ему чуть ниже груди, цепляясь изогнутым острым концом за подреберье. Слабыми частыми рывками сдвигаясь с него, он с трудом, но освободился от страшного захвата. Холодный пот градом катился со лба, заливая ему глаза.

Хнумхотеп присел, опираясь спиной о бок ступени. Его левая рука была сломана в запястье. Она бугрилась костями под почерневшей в этом месте кожей. Из раны на животе вытекала кровь. Зажав её покалеченной рукой, он встал. Голова сильно закружилась. Внутри всё горело. Даже при самом малейшем его шевелении каждый толчок пульсирующей крови отдавался сильной болью во всём теле. Прикрыв глаза, он по-

шатнулся. В голове зашумело. Всё бешено завертелось пред внутренним взором. Подавшись вперёд, ничего уже не понимая, он полетел вниз, скользя по спине и ногам великана. Сознание потухло.

Очнулся Хнумхотеп от пронизывающего холода. Лёжа на левом боку, подтянув к груди колени, он попытался выпрямить их и вновь почувствовал нестерпимую боль во всём теле. Теперь она наполняла всё его существо, не выделяя отдельно боль в животе и в руке. Он уже слышал свой зубной скрежет. Каждый мускул в нём содрогался от сильного озноба. Немного полежав, он разлепил веки, устало перевёл взгляд от стены чуть в сторону и увидел потускневшие мёртвые глаза своего телохранителя. С огромным усилием протянув дрожащую руку, он прикрыл их. Кругом царил тишина.

«Мне нужно обязательно выбраться на свет», – в его голове как-то очень вязко появилась единственная мысль.

Помогая себе здоровой рукой, он перевернулся вниз лицом и, упёршись в пол лбом и коленями, прижав увечную руку к животу, попытался подняться, но ничего из этого не получилось. Сил хватило лишь выпрямиться. Цепляясь рукой за стену, он стал продвигаться на коленях. У края каждой ступени он осторожно ложился на правый бок, спускал ноги и соскальзывал вниз. Нижнее помещение он преодолел в полусознании, часто останавливаясь, отдыхая, прижимаясь к полу щекой, вдыхая пахнущую камнем пыль.

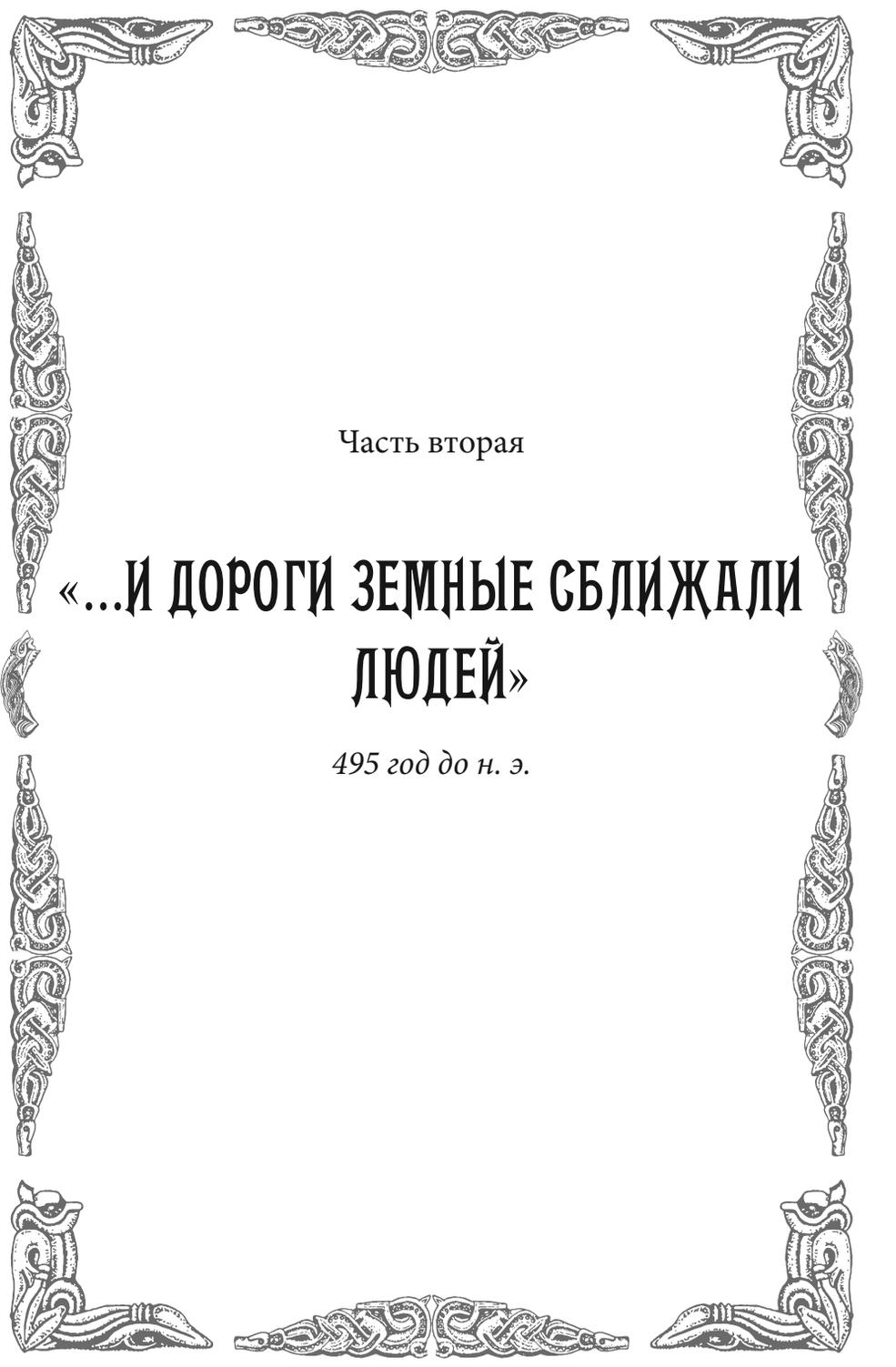
Перед самой первой ступенью лестницы, ведущей к выходу из этого строения, он долго успокаивался, набираясь сил. Свежий воздух и земной свет, проникавшие сверху, зародили в нём надежду не на жизнь, а на смерть под открытым небом. Опираясь спиной, вытянув назад руку и ухватившись ею за край ступени, через ужасную боль и невероятную усталость, он всё же приподнялся на ногах. Затем, слегка отдышавшись, он, как прежде, завалился на ступень правым боком, цепляясь рукой и срывая ногти, подтянул ноги. Сердце разрывалось от нагрузок. Каждая следующая ступень давалась всё труднее и труднее. Ему уже не верилось, что они когда-нибудь закончатся.

Прошло очень много времени, прежде чем он оказался на самом верху. Перед ним оставался лишь входной проём. Лёжа на боку в полном изнеможении и бессилии, Хнумхотеп смотрел в небо, понимая, что ему удалось увидеть его. И здесь вокруг стояла звенящая тишина. Оставался последний рывок. И он сделал его. Подтягиваясь разодранными в кровавые клочья пальцами уцелевшей руки, отталкиваясь почти отнявшимися ногами, он выполз наружу и, уже не обращая внимания на боль, откинулся на спину. Неизменная бездонная синева нависала над ним тёплой прозрачностью. Ещё никогда в его жизни она не была так желанна ему и так родна, как сейчас. Он впервые всей душой почувствовал себя её неотъемлемой частью.

– Прости меня, Великая Земля. Тебе я отдаю всего лишь своё брэнное тело, да и то истерзанное. Вечному Небу я посвящаю единственное, что осталось у меня, – мою душу, – прошептал он окровавленным ртом.

Хнумхотеп умер. Он был единственным из всех людей, кому удалось дольше остальных продержаться в этой горной долине, среди столь странных, но удивительных строений – величественных пирамид.

Вдали, среди восточных горных склонов, поднимаясь всё выше и выше, оглянувшись на прощание, уходили два синетелых великана. То была последняя Пара, пришедшая в этот чуждый для них мир. Других Пар на этой стороне в живых уже не осталось.

Часть вторая

«...И ДОРОГИ ЗЕМНЫЕ СБЛИЖАЛИ
ЛЮДЕЙ»

495 год до н. э.

Г Л А В А П Е Р В А Я

Южные границы Египта, персидской сатрапии, завоёванной вот уже как тридцать лет, простирались до первого порога Нила. Именно туда было решено добираться двумя разными водными путями из главного города Мемфиса, что располагался у самой дельты великой реки, для чего сатрапом Египта, согласно полученному им распоряжению из самого Персеполя – главной столицы Персии, были полностью снаряжены тридцать больших кораблей, из которых только четыре были боевыми, остальные же представляли собой торговые суда, переоборудованные для транспортировки войск. По высочайшему царскому указанию данный флот разделялся на две равные части.

Пятнадцати кораблям надлежало плыть вверх по реке до самого южного города Египта Сиены и по прибытию туда встать там на якоря. Отрядам следовало направляться дальше по суше, держа курс строго на юг. После вступления в земли страны Куш им было велено дойти до четвёртого порога Нила, к её прежней столице Напате, где и ожидать прибытия остальных войск. Вторая же часть флота, пройдя по каналу, соединяющему священную реку Нил с Красным морем, выстроенному около ста лет назад фараоном Египта Нехо и расширенному самим царём Дарием I, войдя в морские воды, должна была продвигаться вдоль её западных берегов до самой дальней пристани, к которой вела дорога из города Коптоса, после чего высадить там отряды и

отбыть обратно. Войскам же предстояло продолжить движение также на юг, к Напате, исследуя на пути окружающую местность.

Подчёркивая значимость предстоящего похода, до особого военачальника крепости Мемфиса через царского писца, постоянно приставленного к сатрапу, было доведено предписание о выделении им из своего гарнизона двух отрядов по две сотни персидских воинов с назначением над ними полководцев из числа наиболее опытных тысячников.

По причине расположения Египта в пограничной территории державы для данной сатрапии царём Дарием I был заведён иной порядок: командующий войсками находился под властью сатрапа, в отличие от других персидских сатрапий, где военачальники напрямую подчинялись монарху. К определённому числу войск дополнительно придавалась в помощь по одной сотне воинов-египтян. Сатрапу же, помимо предоставления кораблей, повелевалось обеспечить их всем необходимым, при этом подобрать на корабли самых умелых флотоводцев, обратив особое внимание на греческих мореплавателей, что издревле проживали в большом количестве в поселении в дельте Нила, в городе Навкратисе. Указывалось и на выделение группы проводников из числа нубийских наёмников, знавших южные земли. Командующим персидскими гарнизонами в крепостях, расположенных на речном острове Элефантина и в городе Сиена, также было дано поручение всячески содействовать прибывающим войскам. Отдельно до египетского наместника доводилось повеление о включении в состав этих отбывающих отрядов людей мастеровых, понимающих толк в ремёслах, и знатоков, разбирающихся в природных богатствах.

* * *

Греческая колония Навкратис, основанная ионийскими купцами более ста пятидесяти лет назад, находилась в дельте священного Нила, на севере Египта. Основным занятием обитателей города была по-прежнему торговля. Помимо этого, особое внимание уделялось гончарному делу, связанному с производством керамики, и иным ремёслам, в том числе относящимся к производству оружия.

Шестнадцатилетний сакский юноша, имевший необычное для этих мест имя Дантал, трудился в оружейной мастерской своего названного брата – сорокачетырёхлетнего ионийца Форкиса. Три года назад, едва избежав персидского пленения в далёкой горной крепости, где когда-то скончался Руса, его отец, выходец из страны Урарту, и погибла его мать Далайя, сакская женщина из племён массагетов, Дантал был спасён двумя греками – Рупилием и Форкисом, удивительным образом совершившими побег из хорезмийского рабства и появившимися однажды в их селении, где они провели несколько лет.

Прибывшись к греческому каравану, следовавшему в родные земли из таинственной страны Индии, они оказались здесь, в этом городе. Тот факт, что хозяин каравана купец Диагор взял чужаков в пути, сам по себе был редким случаем, но волею небес он оказался человеком чутким и доброжелательным. К тому же, узнав о том, что юноша владеет разными языками, в том числе и греческим, и будучи удивлён дарованием мальчика, через день пути он уже души не чаял в нём, ни на шаг не отпуская его от себя, проявляя живой интерес ко всему, что было связано с ним. Купец ещё больше проникся уважением к своим неожиданным новым спутникам, когда при нападении грабителей на караван в схватке с ними погиб Рупилий и едва не скончался от полученной раны Форкис.

Высокообразованный мирянин, Диагор однажды, после выздоровления Форкиса, объяснил ему значение его имени, немало удивляясь тому, что так могли наречь человека. Из его рассказа следовало следующее. Легендарный Форкис являлся сыном божества Понта и богини Геи, при этом сам Понт был порождением Геи, и от их же союза у них родились: морское божество старец Нерей, морской великан Тавмант, властитель бурного моря Форкис и титаниды Кето и Эврибия. Сама же Гея была богиней животворящей земли, производительницей и носительницей всех живых существ. Она народила на свет небо, море и горы. Будучи супругой Урана, она дала жизнь титанам и циклопам. По наущению её сын Крон оскопил Урана, из крови

которого родились гиганты. Форкис же и Кето были родителями чудовищ – дочерей горгон и грай. Если от взгляда первых трёх всякий превращался в камень, то вторые две или три имели с рождения седые волосы и единственные общие на всех глаз и зуб.

Форкис долго обдумывал услышанное. Теперь, через много лет вспоминая и своё детство на родном острове Самос, и неожиданную встречу с человеком по имени Пифагор, он понимал, почему тот был удивлён его именем и не сказал ему о том, что оно означает, – видимо, как теперь он понимал, боясь впечатлений, которые могли пагубно захватить душу юного собеседника.

«А ведь он, Пифагор, был прав. Даже теперь, когда мне столько лет и, казалось бы, я многое повидал и кое-что понял в этой жизни, рассказанное этим старцем взбудоражило меня довольно сильно. Неизвестно, как бы я повёл себя тогда, узнай всё это?» – размышлял он. Так или иначе, но море действительно всегда манило его, притягивая к себе всю его душу.

В награду за то, что сделали для него встреченные им в пути греки, купец доставил оставшихся в живых двоих из путников в Навкратис, где приобрёл небольшую оружейную мастерскую и подарил её Форкису, при этом высказав пожелание видеть его впредь названным старшим братом юного Дантала. С того времени так и повелось. Всем при знакомстве они представлялись братьями.

С тех пор прошло почти три года. Здесь им нравилось. То, что персы владеют Египтом и эта страна стала одной из их сатрапий, никак над ними не довлело. Хотя Форкис когда-то и бежал от персидского плена, уйти навсегда от влияния персов ни ему, ни его юному названному брату так и не удалось. Но то, как они существовали теперь, с откровенностью уже можно было называть жизнью.

Единственным и постоянным свидетельством могущества Персии, не дающим забыть о силе этой владычицы, были регулярные выплаты налогов, о которых с весьма завидной точностью напоминали представители экономов – местных чиновников.

Дантал рос ладным юношей. Высокий рост, длинные, будто витые из корней крепкого дерева ноги и руки достались ему

явно от отца, ну а волнистые густые пряди, чёрные как смоль, были наследием от обоих родителей. И лишь глаза с пушистыми ресницами, словно у жеребёнка, передались только от матери. Его светлая голова, рассудительность и доброе сердце притягивали к нему людей. В небольшое, но уютное жилище, где обитали Форкис с Данталом, часто приходили горожане, навещавшие хозяев просто так, для душевного общения.

Форкис всегда с наслаждением наблюдал за поведением младшего брата, отмечая его чуткую обходительность в отношениях с людьми, и получал от этого особое удовольствие, вспоминая свои сиротливые годы, когда однажды на его пути повстречался замечательный человек, воин по имени Бронт. Теперь и ему улыбнулось счастье быть наставником и братом по духу этому славному молодому мужчине, о ком ему хотелось заботиться, кому он горячо желал неисчерпаемо дарить добро.

Четверо мастеровых, что трудились совместно с ними, были выходцами из разных стран. Могучий и самый старший среди них по возрасту Гром был сирийцем, когда-то пленённым в походе египтян в его земли и оставленным в живых благодаря своему искусному умению ковать оружие – мечи, кинжалы, боевые топоры – и изготавливать лёгкие, но прочные панцири.

Остальных также привела в эти края вечно ненасытная спутница жизни – война. Сухой и жилистый ливиец Комата прославился тем, что ему не было равных в кузнечном деле. Низкорослый крепыш, неутомонный весельчак Борус был по крови финикийцем и больше других разбирался в производстве метательного оружия, выказывая чудеса при сотворении прочных луков, стрел, копий и пращей. Не в пример ему по своему росту высоченный аравиец Савват был поистине непревзойдённым мастером изготовления конской амуниции: сёдел, уздечек, защитных попон и множества других нужных приспособлений.

Выкупленные вместе с мастерской, они по праву принадлежали Форкису, но он, не привыкший быть хозяином над людьми, с первого дня был равным с ними, искренне общаясь с каждым из них, разделяя пищу, участь ремёслам. Его появление поначалу насторожило этих мастеровых, но прошли дни,

переливаясь в месяцы, и они поняли, что им несказанно повезло, ведь прежний владелец, выкупивший их у египтян, хотя и не был жестоким человеком, но полноценными людьми их не считал, выжимая из них все соки, ставя наживу превыше всего.

Особым их расположением пользовался любознательный и не по годам способный Дантал. Уже всего лишь через год он умел делать почти всё, что могли творить они, порой достойно заменяя их и предоставляя им возможность отдохнуть от тяжкого, но важного для жизни труда.

Обитали они все здесь же, в мастерской, но в отдельном небольшом помещении. Питание значительно улучшилось, было вдоволь хлеба, рыбы и сыра.

Теперь вся работа велась ими от души и по совести, что было важно и приятно. В отличие от всех прежних лет увеличилось количество выпускаемых ими изделий, из-за высокого качества которых значительно выросли и спрос на них, и цена.

Молва о новом успешном владельце оружейной мастерской разнеслась по всей округе, и в один из обычных дней как-то поутру перед ним вдруг со свитой появился сам номарх – правитель их нома, округа Египта. Осмотрев всё, особенно готовое вооружение, он сдержанно похвалил хозяина и удалился, а через некоторое время, когда пришло время уплачивать налоги, Форкис был приятно удивлён их снижением. Но однажды к нему прибыл персидский военачальник и, так же, как и номарх, оглядев уже изготовленные оружие и амуницию, сообщил ему, что отныне всё произведённое в его мастерской будет ежемесячно поставляться в гарнизон Мемфиса – главного города сатрапии, но при этом ничего не сказал об оплате.

Такие неожиданные перемены держали всех в напряжении до той поры, пока не появился персидский отряд, посланный за готовыми изделиями. Расчёт за весь полученный товар, совершённый десятником с Форкисом, поразил последнего своей величиной. Он не ожидал такой небывалой щедрости, но оставленный заказ был настолько велик, что радость быстро сменилась печалью.

Теперь вместе с другими на равных не покладая рук трудился и сам хозяин. Вопреки переживаниям и унылому тягостному ожиданию появления десятника, всё порученное было изготовлено в срок.

Страх перед очередным увеличением заказа вновь возник у Форкиса при приближении персов, но он оказался напрасным: всё обошлось без каких-либо изменений, оставшись в прежних размерах. Оплата была значительной.

С той поры всё шло как обычно. Комата изготовил особый знак, который ставился на всём, что они уже производили. Люди, желавшие приобрести у Форкиса оружие за более высокую цену, получали отказ и больше не появлялись. Мысль увеличить мастерскую не раз посещала его, к тому же средства, что имелись у него, позволяли ему свершить это, но он где-то в глубине души понимал, что не следует этого делать. Тот уклад жизни, который царил в их маленьком мире, вполне устраивал всех, а изменить его означало для них только одно – подвергнуться неизвестным испытаниям.

Порой Форкису становилось не по себе. Вот уже пять лет шла война между Персией и греческими городами. От осознания того, что его мастерская поставляет оружие персам, врагам его народа, душа его была не на месте, будто он такими действиями предавал родную землю. Одно успокаивало его терзания. Войска персов, находящиеся в Мемфисе, не вели военных действий против его сородичей.

«Но кто знает, куда вообще поставляется всё то, что производится у меня, ведь не может же этот гарнизон быть столь ненасытным в вооружении?» – думал он.

Живя здесь, он многое познал из того, о чём прежде и не подозревал. То, что персы пришли в эти земли надолго, если не навсегда, было видно и по их поведению, и по отношению к ним коренных жителей.

Нововведения были значительными. Существовавшие прежде подати были заменены царём Персии Дарием I на строго определённые налоги. Обширно велось строительство дорог и иных дорогостоящих объектов. Расширенный им водный канал,

соединявший Нил с Красным морем, позволял вести очень выгодную торговлю между городами Средиземноморья и дальними восточными странами, при этом с многочисленных купцов, ведших по нему свои корабли, взимались солидные по размерам пошлины. Даже то, что в крепости, где располагались их войска, запрещалось брать на службу местных уроженцев, само по себе уже свидетельствовало о строгости установленных в Персии законов. Нарушение введённых порядков каралось нещадно. Так вмиг пресекались и малейшее вольнодумство, и непозволительное поведение со стороны кого бы то ни было. Родовая знать так же, как и жрецы, особых перемен в своих судьбах не ощутила и, имея огромные богатства, продолжала наслаждаться дарованной ей привилегированной жизнью.

Сатрап Египта, всевластный его правитель, постоянно и неустанно следил за неукоснительным и своевременным обеспечением уплаты налогов, коих, по слухам, ежегодно отправлялось в казну властителя Персии в умопомрачительном количестве – семь сотен талантов серебра. Помимо этой выплаты, в её ненасытное чрево нескончаемым потоком поставлялись драгоценные камни и изделия из них, зерно, вино, бронза, слоновая кость, ценные сорта дерева, оружие, звериные шкуры, керамика, стеклянная посуда, льняные ткани, папирус, всевозможные мази и, конечно же, рабы. Подобным добром торговали и многочисленные купцы, в том числе и греки, обитавшие в этом городе.

Простой египетский народ в большей степени был занят лишь сельским хозяйством и, обираемый экономами, влачил жалкое существование. Ненамного от него отличались лаойи, царские земледельцы, очень часто привлекаемые на ремонтные работы каналов, дамб и плотин, коих было в изобилии повсюду. Несколько в лучшем положении, из-за имевшихся у них незначительных налоговых снижений, находились мехины, бедные воины, по сравнению с которыми катэки, имевшие невольников, были почти зажиточными воинами.

Рабов же было очень много. По своей сути, они приравнивались к вещам и могли дариться, меняться, оставляться в залог

и продаваться. Огромное их количество трудилось на необъятных царских угодьях и в усадьбах гражданской и военной знати. Не меньшее их число, именуемое иеродулами, находилось в кабале при многочисленных храмах, имевших, помимо этого, особые льготы при выплате налогов и присущие только им своеобразные продовольственные храмовые доходы в виде говядины, гусей, хлеба и вина.

Не во всех хитросплетениях царившей жизни можно было разобраться без помощи сведущих людей, одним из которых был их благодетель – старец купец Диагор. Он навещал мастерскую редко, но то, что доводилось услышать от него, всегда было ново и интересно.

* * *

Однажды, за два дня до наступления срока очередного призыва персов, к мастерской Форкиса примчался вестовой воин из Мемфиса, повелевший ему следовать с ним в крепость. Такое было впервые. То, что он привёл с собой одного закладного коня, свидетельствовало о важности вызова. Не объясняя истинных причин столь спешного визита, испив воды, он с нетерпением ожидал и без того скорые сборы хозяина оружейников, и когда тот взобрался на лошадь, гонец, нахлёстывая скакуна, исчез за ближайшим углом, едва не сбив зазевавшегося прохожего.

Дантал ещё долго стоял в недоумении, вглядываясь в пыльную пелену и утирая испачканными руками потное лицо. Всё было настолько неожиданным, что пока не успело породить в нём никаких ощущений и чувств. Но так продолжалось недолго. Вскоре вся его душа наполнилась волнением, а сердце – тревогой, мешая ему сосредоточиться на прерванной работе, отвлекая странными тяжёлыми обрывками мыслей и смутными догадками. Первое, что всё же обрело нечто определённое в его голове, было малоутешительным и породило страх.

«Неужели что-то из наших изделий попало в чужие руки?» – размышлял он, присев у стены на низкую лавку.

Вышедшие наружу мастерские, молча вдыхая свежий воздух, изредка поглядывали в его сторону.

«Не может быть, чтобы кто-то из них втайне продал оружие, – юноша взглянул на них, – да нет же. Но что тогда?»

Гром, тихо подошедший и присевший возле него грузным телом, пару раз прокряхтел, от чего заскрипело сиденье, и, будто прочитав его мысли, спокойно произнёс:

– Не тревожься так. Мало ли чего им нужно. Не всё можно доверить или пояснить гонцу, вот и велели прибыть к ним Форкису. У нас, как всегда, всё уже готово. Думаю, они увеличат заказ или повелят изготовить что-нибудь другое. Им понадобится объяснить это самому Форкису. Война идёт. Дело серьёзное.

– Хорошо бы так. А вдруг у кого-то нашли наше оружие? Тогда что? – поделился тревогой юноша.

– Как это: у кого-то нашли?! – в недоумении взглянул на него сириец, повернув к нему крупную голову.

– Не знаю, – Дантал понурил взор.

– Эй, пойдите сюда, – окрикнул старший мастеровой остальных.

Все, будто ожидали этого, быстро обступили сидевших. Даже балагур Борус был сейчас серьёзен и непривычно молчалив.

– Кто-нибудь чужой просил кого-то из вас продать хоть что-то? – Гром кивнул на стену мастерской.

Все почти одновременно отрицательно мотнули головами и удивлённо смотрели на него.

– Эй, говорите всю правду, не то будет поздно, – вновь старший окинул хмурым взглядом товарищей.

– Да нет же, говорим тебе. Чего это на тебя нашло? – ответил за всех Комата.

– Вот и я так думаю. Быть такого не может. Мы ведь всегда на ночь и с утра всё пересчитываем, – Гром по привычке прикусил нижнюю губу, скосил из-под густых мохнатых бровей глаза на Дантала и замолчал, почесав толстыми пальцами мочку волосатого уха.

– А если эти, – юноша поднял голову и неопределённо кивнул, намекая на персов, – по дороге от нас к себе продали что-нибудь кому-то, тогда как? Подумают-то на Форкиса.

– Столько раз они забирали и увозили оружие, и ни разу ещё не было ничего подобного. Неужели кто-то из них всё-таки посмел? Не думаю. В одиночку этого не сделать. Десятник всегда лично пересчитывает весь груз. Он ведь тоже подотчётен кому-то, более старшему по положению, – словно призывая в свидетели своей правоты, пожав широкими плечами, Комата окинул взглядом товарищей.

Было заметно, что волнение юноши передалось всем остальным, и они наконец поняли, чем может быть опасен для них этот срочный вызов их хозяина, случись всё так, как подумалось Данталу. Тот порывисто сорвал с опущенной головы пропотевшую ленту, красиво стягивавшую его волосы, и тут же влажные иссиня-черные локоны, скользнув вниз, закрыли его лицо.

– Нужно работать, – вставая, произнёс сириец. Коснувшись рукой плеча юноши, он понимающе добавил: – Что ж, будем ждать. Думаю, всё обойдётся.

– Как долго добираться до Мемфиса? – также поднимаясь, спросил его Дантал.

– Это смотря как туда следовать. Если по воде, то дольше чем по берегу. Дней через десять вернётся. Это точно, – Гром, пошаркивая ногами словно старик, направился к входу.

* * *

Форкис появился через восемь дней вечером. Вместе с ним с опозданием на шесть дней от обычно установленного срока прибыл персидский отряд во главе с прежним десятником. Загрузили всё, что следовало, но, вопреки ожиданию мастеровых, персы не тронулись в путь, а расположились на отдых, по-хозяйски устроившись в их жилище.

Лишь теперь, когда Форкис остался со своими людьми в мастерской, он присел и, внимательно оглядев сперва помещение, затем их, тихо произнёс:

– До рассвета все мы уходим с десятником. Нужно собрать и погрузить инструменты. Забираем всё, что здесь есть. Ничего не оставляем. Не уверен в том, что когда-нибудь мы вернёмся сюда.

Он замолчал. Сказанное поразило всех. Никто не решался нарушить воцарившуюся тишину, столь необычную для этого заведения. Отпив большой глоток воды, Форкис продолжил:

– Присядьте. Чего стоять-то. Теперь многое переменится для всех нас. Я даже не знаю, к лучшему оно будет или нет. Не буду томить вас. Через несколько дней вверх по реке, к самым дальним границам уходят корабли с войсками. Нам велено идти с ними. Что там случилось, мне неизвестно. Одно понятно: в этом походе персам нужны будут мастеровые, такие как мы.

Все внимательно слушали, не отводя от него глаз, затаив дыхание.

– Дантал, я пытался настоять на том, чтобы оставить тебя здесь, но они даже не стали выслушивать меня, – Форкис с горечью посмотрел на стоящего у двери брата и не в силах выдержать его взгляда уставился в посудину, что вертел в руках, расплёскивая холодную влагу.

– Это хорошо, – думая о чём-то, неожиданно произнёс юноша.

– Что хорошо? – недоумевающе бросил старший брат.

– Это я так, о своём, – улыбаясь, спокойно ответил тот.

– Я почти договорился с этим десятником. Ты сейчас должен уйти и где-нибудь переждать наш уход. Искать тебя не станут. Ну а дальше... – Форкис запнулся на полуслове и замолчал. Устало проведя рукой по лицу, он продолжил: – Дальше... дождись прихода купца Диагора и... В общем, он не бросит тебя одного. Ты только объясни ему всё. Он поймёт.

Форкис вздохнул и, часто и нервно моргая, вновь приложился к чаше.

Скрипнула дверь. Все невольно взглянули в её сторону. Дантала там не было.

* * *

Дом греческого купца Прета, с кем водил дружбу старец Диагор и у кого всегда по прибытию в Навкратис останавливался в гостях, находился недалеко от мастерской Форкиса. Ничем особенным он внешне не отличался от всех остальных строевых, расположенных в этом ряду. Каменное одноэтажное жили-

ще высокой серой стеной отгораживалось от улицы, сообщаясь с ней широкими, низкими арочными воротами, черневшими старым деревом в самой её середине.

Дантал, знавший с недавних пор почти каждый закоулок этого двора, тенью промелькнул вдоль боковой более низкой стены и, бесшумно перебравшись через неё во внутренний сад, скрылся в темноте, среди кустов олеандра.

Ортия, не ожидавшая его появления в столь поздний час, направляясь в дом, уже у самой двери услышала его приглушённый голос. Опустив на ступеньку небольшой кувшин, оглянувшись, она осторожно направилась к нему.

– Что случилось? Почему ты здесь? Уже ночь, – взяв за руку, она повела его подальше, к задним строениям.

– Твой отец ещё не вернулся?

– Нет, а что?

– Это я так, просто спросил.

– Ты что, из-за этого пришёл?

– Нет. Хотелось увидеть тебя.

– Всё-таки ты странный какой-то. Мы же договорились и увиделись бы завтра. А если бы я уже спала?

– Понимаешь, завтра мы не сможем встретиться, – юноша замолчал.

Уловив в его голосе необычное волнение, девушка встревожилась и вновь взяла его за руку, но уже крепче сжимая пальцами его жёсткую ладонь.

– Мы на рассвете уходим, – наконец он сказал главное.

– Как на рассвете? Куда уходите? Ты можешь объяснить всё по порядку?

– Форкис был несколько дней в Мемфисе. Его срочно вызывали.

– Я знаю, ты говорил.

– Сегодня он вернулся и сообщил, что нам велено следовать туда и уже оттуда на кораблях с войсками идти к верховьям реки. Больше я ничего пока не знаю.

– Почему вы? Почему завтра? Причём тут какие-то войска и корабли? – голос девушки выражал растерянность.

- Им нужны такие, как мы.
- А надолго?
- Думаю, этого не знает никто.
- Что же делать?
- Ничего. Я пришёл проститься с тобой.
- Я ничего не понимаю. Ты ведь ещё слишком молод. Неужели они не справятся без тебя?
- Может, и справятся, но уходит мой брат, а я без него не останусь.
- А как же я?

Оба внезапно замолчали. Дантал присел на траву, не выпуская её рук. Она опустилась рядом. В темноте они не могли видеть друг друга, но им хватало и такого общения, чтобы чувствовать всё, что происходило между ними.

Внезапное известие было поистине страшным для молодой девушки, чьё сердце всегда наполнялось сладким трепетом при виде этого дивного юноши с самого первого дня, когда он однажды появился в её доме, представленный её отцу старым другом семьи Диагором.

Лишь недавно по чистой случайности ей довелось впервые заговорить с ним. Всей душой она почувствовала и его симпатию к себе. С той поры они стали украдкой встречаться. Все дни проходили в ожидании его прихода. Ей хотелось многое ему рассказать, поделиться думами, расспросить о его прошлой жизни, как это не раз она проделывала в мыслях, но при встречах они всё больше молчали, не находя нужных слов, наслаждаясь близким присутствием друг друга.

Сегодня всё было иначе. Всё обрывалось, едва успев начаться. Горечь предстоящей разлуки, хотя и слабым пока отголоском, но уже стала заполнять всё её юное существо, с каждым мгновением всё сильнее обволакивая её разум вязкой паутиной обречённости. Ей почему-то сразу вспомнились слова покойной матери: «Добрые известия, прежде слышатся человеком и лишь потом проникают в его душу, наполняя её радостью. Плохие же улавливаются сердцем раньше слов, задолго опережая их и надсадно терзая всё нутро ещё неизведанной мукой».

– Права была моя мама, – с тоской произнесла вдруг Ортия.

– Ты это о чём? – от неожиданности довольно громко спросил Дантал.

– Тише, – она нежно погладила его по руке. – Сегодня утром я выронила кувшин, и он разбился. Его осколком порезала палец. В полдень я увидела, что один из моих любимых цветков почему-то завял. А теперь появился ты с таким вот известием.

Полные печали слова и то, как она произнесла их, всколыхнули душу юноши. Он с силой сжал её пальцы, не зная и не понимая, как успокоить её, что сказать или сделать, чтобы хоть как-то помочь ей. Она ойкнула от боли, но рук не отдернула.

«Мне не следовало говорить ей обо всём. Нужно было просто прийти. Как всегда, – он уже начал сожалеть о проявленной слабости. Но тут же другая спасительная мысль осенила его: – Ну почему слабость? Как я мог не сообщить ей всего этого! Уйти, оставив её в неведении, значит, обидеть её почти недоверием. Разве она заслуживает такого обращения? Нет. Уж лучше всё как есть, чем неизвестность. Ведь может случиться так, что мы никогда не увидимся. Что тогда? Ей будет хуже от незнания, куда и почему я ухожу».

– Мне пора, – тихо, словно боясь вспугнуть нечто трепетное, произнёс он.

– Да. Пожалуй, ты прав. Я не буду тебя отговаривать. Береги себя, – в её голосе была какая-то решимость, или это лишь показалось ему.

Они поднялись, недолго постояли, держась за руки. Он первым выпустил её ладони, развернулся и шагнул к стене. Она долго всматривалась ему вслед, в темноту, после чего повернулась и направилась к двери, обходя угол дома. Перебравшись наружу, юноша обернулся. В жёлтом свете дверного проёма он увидел её. Тонкий стан хрупкого девичьего тела, облачённого в длинный светлый хитон без рукавов, был красиво перехвачен поясом. Она наклонилась. Обнажённые тонкие руки, полоснув белизной, подхватили кувшин. Собранные в тугой узел на самой верхушке изящной головки волнистые шелковистые волосы мягко скатились вниз, блеснув россыпью золотистых нитей.

К Мемфису они прибыли к полудню пятого дня пути. Нагруженные оружием, снаряжением и инструментами, мулы тянулись позади конного отряда, медленно ступая под тяжестью вьюков.

День был знойным. Дрожащее над землёй жаркое марево искажало виды, придавая всему в округе причудливые формы. На протяжении всей дороги людским взорам представляли необъятные просторы возделываемых полей. Урожай, уже второй в году, был собран, но повсюду, словно букашки, по-прежнему копошились люди.

Форкис поначалу часто поглядывал на Дантала. Юноше было непонятно, что означали эти серьёзные взгляды старшего брата: либо он радовался от обычного близкого обоюдного присутствия, либо был недоволен его поведением, так как он отказал ему в просьбе остаться в Навкратисе и в итоге не сумел избежать предстоящего похода. При каждом пристальном взоре Форкиса Дантал отворачивался, делая вид, будто что-то рассматривает в стороне. На коротких привалах Форкис не задавал ему вопросов. Такое его поведение вселяло надежду в Дантала на то, что брат всё-таки одобрил сделанный им выбор.

В город они не вошли, оставшись по указанию десятника на подступах к нему. Здесь им и следовало дожидаться дальнейшей участи, пребывая под присмотром четверых воинов.

Натянутый под тремя высокими финиковыми пальмами навес давал спасительную тень, но не уберегал от порывов горячего влажного воздуха. Повсюду, так же как и в направлении поселения, тянулись заросли папируса и тамарикса, ныне отцветшего, но благоухавшего по весне бело-розовыми цветами. В большом количестве произрастал сикомор, чьи плоды с млечным соком совсем недавно были собраны людьми. Вся эта растительность заслоняла собой вид на округу, мешала рассмотреть город.

Могучий Гром весь остаток дня неподвижно лежал на траве, накинув на лицо смоченную прохладной водой тряпку, часто окуная её в стоящую рядом посудину, изредка почёсывая воло-

сатую грудь. Всегда неугомонный Борус, не обращая внимания на палящее солнце, присев, что-то рассматривал на земле, ковыряясь толстым стебельком среди травинки. Подойдя к нему, Дантал увидел, что тот с азартом гоняет какого-то жучка, упорно следовавшего в известном только ему направлении. Было забавно наблюдать за увлечённым крепышом.

Остальные же полулежали, сидели, опираясь на сёдла и мешки, иногда перебираясь следом за уползающей тенью навеса.

Лошади и развьюченные мулы паслись рядом с ними, похрапывая и отгоняя хвостами надоедливых слепней.

Огромный, почти в полнеба красно-оранжевый солнечный диск плавно завалился за горизонт. Наступил долгожданный вечер, наполнивший воздух прохладой и множеством звуков странным образом оживающей на ночь дикой природы.

* * *

К полуночи, когда все уже спали, послышался конский топот. Вернулся десятник с воинами и гружёными лошадьми. В этот раз персов было много, около сорока человек. Небольшой лагерь мгновенно ожил, сворачивая навес, седлая коней и навьючивая мулов. Вскоре все двинулись дальше в путь.

Едва забрезжил рассвет, они прибыли к небольшим пристаням на берегу священной реки Нил. Потянуло сырой, освежающей прохладой. Здесь, в этом месте, царило непривычное оживление: горело множество костров, повсюду находились войска, стоял невообразимый гул, вобравший в себя людские голоса, конское ржание, скрип древесины, топот копыт и ног и лязг железа.

На воде чернели низкими и длинными корпусами корабли. Шла их погрузка.

Оставив всех в ожидании, десятник исчез среди снующих по пологому побережью воинов. При светлеющем небе уже было видно, как отошли очередные три судна, дружно ударяя вёслами по речной глади.

Вскоре появился десятник, спрыгнул с коня и, ничего не говоря, присел на влажную от росы траву, вглядываясь в сторону пристаней.

Прошло немного времени, и от них вновь отошло три корабля. Шум заметно убавился.

В затихающем утреннем пространстве от почти опустевшего берега кто-то громко окрикнул десятника. Он вскочил, что послужило командой для подъёма всех его людей.

Ведя на поводу лошадей и мулов, отряд придвинулся к пристани, где находилось последнее судно. Это был торговый корабль, подготовленный для перевозки людей. Погрузили все вьюки, рассёдывая и забирая с собой всю конскую упряжь. Освобождённых животных тут же отгоняли в сторону под охрану обеспечивающего отбытие флота отряда. Сорок восемь прикованных цепями рабов, попарно на каждом весле, под ритмичные удары барабана начали грести.

Река тихим, литым, нескончаемым движением несла свои мутные воды на север, особо не упорствуя иному людскому направлению, словно мудрая мать, дозволившая пошалить неразумному дитяти.

* * *

Второй флот под началом командующего – персидского тысячника Гуриса, выступивший одновременно с флотом тысячника Шурдии, что держал путь вверх по Нилу, пройдя вниз по дельте реки, за четыре дня преодолев под парусами канал, соединяющий Нил с Красным морем, вошёл в морские воды, разворачиваясь строго на юг и продвигаясь вдоль побережий Египта.

Распределив груз и две сотни персов на десяти торговых судах, а каждую пятую часть египетской сотни разместив на трёх таких же судах и ещё двух военных кораблях, военачальник расположился на головном из них. Много раз слышавший об удивительной красоте этого моря, он впервые имел возможность насладиться ею по-настоящему.

«Наконец-то я увидел это море своими глазами», – думал он.

Зрелище было поистине захватывающим. Фиолетово-красные сплошные прибрежные скалы отражались в водных глубинах настолько отчётливо, что для непривычного взгляда грани-

ца между ними была совершенно размыта и скрыта. Природа явно играла с воображением человека, не давая ему понять, где действительно земная твердь отделена от морской глади. Лишь пристально и внимательно всмотревшись, люди начинали угадывать их различие и понимать, что прозрачная чистейшая морская вода вовсе не отбрасывает своей поверхностью виды берегов. Дно моря, сплошь покрытое причудливыми кораллами, само по себе имело такие же диковинные цвета, как и эти скалы. Великое множество ярко-пёстрых рыб поодиночке и целыми косяками проплывало под днищами кораблей, дразня своей близостью, на самом же деле находясь на значительном отдалении. Казалось, стоит протянуть руку, и обязательно зачерпнёшь одну из них, но это ощущение было обманчивым, о чём довольно скоро догадывался человек. Такая причуда божественного творения являлась одной из многих, чем изобиловала эта сторона.

Люди, не знавшие до этой поры названия моря, невольно нарекали его красным, точно так, как однажды, задолго до них, молвили те, кто впервые оказался здесь. Позже они узнавали и другое его своеобразие. От всевозможных необузданных человеческих желаний оно умело очень надёжно защитить свои красоты, наполнив глубины сильными и преданными ему слугами – акулами.

Многие из тех, кто, вопреки предупреждениям, чрезмерно посягал на его владения, навсегда оставались во власти несметных даров, так и не получив их, растворяя в этом море жизненную влагу тел – свою кровь.

«А ведь это море так же красно, как и кровь, и кто знает, может, название, данное ему, имеет и другое значение», – подумал полководец.

* * *

Через каждые два дня пути по реке корабли приставали к берегам, где находились поселения. Заменяли рабов, пополняли запасы воды и вновь продолжали свой путь.

Дневная жара нещадно отнимала силы у гребцов, и вследствие этого шли медленно, натужно преодолевая встречное

течение. Зачастую прохладными ночами удавалось проходить большее расстояние, нежели под палящими лучами светила.

Пологие, сплошь покрытые зарослями тамарикса и сочными травами берега постепенно сменились на более высокие и обрывистые, где зелень уже местами пожухла, имея бурые цвета. По-прежнему меж растительностью и водой тянулась полоса речного наноса из песка, галечника и глины, отложенного её потоком. Теперь с кораблей были видны лишь верхушки финиковых пальм, что росли частыми рядами вдоль побережий.

По утрам, незадолго до рассвета, в тех местах, где по берегам не находились селения, были отчётливо слышны громкие всплески воды. Это огромные группы крокодилов выбирались из реки на сушу, где почти до полудня грелись на солнце, держа открытыми свои ужасающие зубастые пасти, в которых копошились бесстрашные маленькие птички – кулички.

На двадцатый день к вечеру добрались до Коптоса, что располагался на восточном берегу, в небольшом отдалении от него. Самого города отсюда, от протяжённой ступенчатой каменной пристани, не было видно.

Их ожидали. Командующий флотом Шурдия, отдав распоряжения военачальникам, удалился на одной из ожидавших колесниц. Все высадились. На протяжении всего долгого пути этот выход на берег был шестым.

Две сотни персов и сотня египетских воинов расположились на ночлег под открытым небом в стороне от пристани. Здесь же разместились и остальные. Рабов увели в направлении к городу. Для отдыха прибывших всё было готово. У разожжённых костров людей накормили. Наступила прохладная ночь. Лагерь готовился ко сну.

Дантал вместе с Форкисом и мастеровыми расположился у отдельного костра.

– Поговаривают, что ещё дней десять пути по воде – и мы прибудем в Сиену. Дальше пойдём по суше. Где-то там, впереди, находится речной порог. Преодолеть его на кораблях невозможно, – тихим голосом нарушил тишину Форкис.

– А здесь что за город? – поинтересовался Дантал.

– Не знаю. Какой-то Коптос, – пожав плечами, ответил тот. Вдали были видны огни большого поселения. Судя по всему, это был крупный город.

– За этой Сиеной куда дальше пойдём? – вновь спросил юноша.

– Трудно сказать. Вроде там уже кончается египетская земля. Не знаю, насколько это верно, – откинувшись на спину, произнёс Форкис.

– Вон те у костра, темнокожие, это кто? – продолжал расспросы Дантал.

Покусывая травинку, Форкис приподнялся на локте, прищурился, взглянул в сторону соседей и неуверенно ответил:

– Похожи на нубийцев.

– Они для чего?

– Их земля начинается там. Наверное, будут проводниками, – неожиданно пробасил Гром, растянувшийся во весь рост по другую сторону костра.

– Выходит, так, – соглашаясь с ним, Форкис вновь прилёг.

– На лошадях было бы полегче, – резонно подметил Борус, подкидывая в огонь хворост.

– Думаю, снабдят в Сиене. Войска-то точно. Не зря же погрузили конское снаряжение, – слышался голос Саввата.

Все замолчали. Дальнейший путь и особенно их предназначение были для них сплошной неизвестностью. Страх не было, все уже привыкли к различным переменам в жизни, но всё же возникшая теперь неопределённость тяготила каждого из них, нарушив налаженное и почти уже привычное существование.

– Идём в пустынные чужие места. Поэтому и понадобились такие, как мы. Что-нибудь починить, что-то изготовить. Для этого простой воин или вот эти проводники не сгодятся, – уверенно и деловито произнёс не проронивший пока ни слова Комата.

– М-да. Вот только зачем мы туда идём? Непонятно. Войск мало. Таким числом выступить в поход, да ещё за пределы страны, немислимо, – искренне поражался Форкис, выражая общее мнение.

Вновь воцарилась тишина. Мерно потрескивал костёр, тускло освещая людей.

– Ладно. Давайте-ка отдыхать, – повернувшись на бок, спиной к огню, завершил беседу Форкис.

Вскоре все уже спали.

* * *

Ещё издали среди непрерывной линии прибрежных скал командующий Гурис увидел широкую расщелину, переходящую у самой воды в ровную, словно огромная столешница, пристань. Приблизившись к ней, передовые корабли дружно пристали бортами к её невысокому каменному поребрику.

Перекинули сходни, и все по команде стали выгружаться.

Чуть в отдалении, на дороге, рассекавшей гряды и спускавшейся сюда, к морю, находились несколько колесниц и целая сотня персидских всадников, тут же умчавшихся вверх.

Встречающий Гуриса военачальник, прибывший из города Коптоса, осведомившись о его здоровье и благополучии проделанного пути, сообщил о том, что два дня назад командующий речным флотом Шурдия уже отбыл дальше, к городу Уасету, названному когда-то Фивами.

Из-за возвышенности к пристани, громко цокая копытами, уже спускался табун, сдерживаемый конными воинами. Приступили к снаряжению лошадей. Началась и погрузка вьюков.

Преодолев на колеснице невысокий подъём, Гурис увидел небольшую крепость, основное предназначение которой заключалось в охране этой пристани и дороги, ведущей от неё в Коптос. Расположившись возле неё лагерем, войска встали до утра на отдых.

Лишь в этом месте Нил, изгибаясь в своём течении, был наиболее близок к морскому побережью. Дальше по морю пристаней не было.

На рассвете следующего дня две сотни конных персов, сотня пеших египетских воинов и приданные к войскам мастеровые люди и проводники, ведя за собой навьюченных лошадей, возглавляемые Гурисом, двинулись на юг, по направлению к го-

роду Напата, бывшей столице страны Куш, где и должна была состояться встреча с отрядами Шурдии.

* * *

На третий день пути дошли до местности, где в обе стороны от Нила, по его берегам, располагался древний город Уасет. Когда-то очень давно, ещё шестнадцать веков назад, при фараонах XI династии в течение непродолжительного срока он был столицей Египта. Его особый расцвет начался пятью столетиями позже тех давних лет.

На западном побережье реки находилась главная его часть, где прежде пребывали властители Египта. Там в окружении скальных массивов раскинулся огромный «город мёртвых», названный некогда некрополем. Почти у самой границы, отделяющей зелень сузившейся речной долины от безжизненных песков, был виден гигантский поминальный комплекс фараона Аменхотепа III, чьи колоссальные статуи внушали всему живому трепет и безраздельное поклонение. На незначительном расстоянии от него возвышались другие знаменитые царские заупокойные храмы, посвящённые памяти Рамсеса II Великого, Рамсеса III, Сети I, и особый террасный храм царицы Хатшепсун.

Невдалеке от этих величественных строений, посреди неприступных, обожжённых светилом скал, когда-то также проживали рабочие, высекавшие гробницы фараонов и знати, а чуть в стороне от них обитали крестьяне, бальзамирощники и храмовые писцы.

На восточном берегу реки находился «город живых». Соседствуя с роскошными дворцами богатых вельмож, благоухающими, великолепными садами из разросшихся тамариксов, сикомор и финиковых пальм, сверкающими гладью прекрасных искусственных озёр, располагались два грандиозных по своей архитектуре древних храма. Среди их строений, вонзаясь в самую синеву неба, искрились золочёные иглы обелисков, высочайших, сужающихся кверху изящных четырёхгранных столбов, увенчанных небольшими плоскими пирамидами. Тут же

в солнечных лучах сверкали и вершины расписных пилонов, храмовых башен, выстроенных в виде усечённых пирамид, размещённых по обе стороны порталов, входов в эти святилища. Всюду, молчаливо взирая на человека, величаво громоздились статуи царей. Храмы соединялись длинной аллеей огромных каменных изваяний, загадочных существ, полулюдей, полуживотных, именуемых сфинксами.

Не высаживаясь на пристанях, лишь заменив рабов, корабли двинулись дальше, приближаясь к большому острову Элефантина, за которым также в трёх днях плавания находился город Сиена, последний оплот персидской державы на территории египетской сатрапии.

* * *

Дантал, несмотря на невероятную усталость, всё сильнее одолевавшую его и исходившую не столько от ограниченности в движениях, сколько от постоянной качки, которую он тяжело переносил, не переставал восторгаться и удивляться всему, что появлялось перед ним. Со свойственной его возрасту любознательностью всё, что доводилось ему видеть и слышать о доселе незнакомых ему местах, он впитывал в свою свежую, ничем пока не обременённую память. Обученный с ранних лет многим языкам, он очень хорошо понимал и персидский, коим когда-то в совершенстве владел его отец, и теперь старался внимательнее прислушиваться к разговорам воинов, дабы хоть что-то узнать о дальнейшем продвижении. В крепости, где он родился и где прошли его юные годы, обитали люди из разных стран, в частых беседах с которыми он и усваивал их говор, тогда ещё не задумываясь над важностью подобных знаний. Форкис однажды раз и навсегда запретил ему распространяться об этих своих способностях. Лишь один человек знал об этом. То был старец Диагор.

– О чём они переговариваются? – иногда шёпотом спрашивал Форкис, видя, что молчаливый десятник что-то сказал своим подчинённым.

– Так, ни о чём. Интересуется глубиной воды, – отвечал юноша, не сводя глаз с персов.

– Ты слушай, слушай. Всё нужное нам запоминай, – наказывал старший брат, стараясь прикрывать ладонью рот, будто зевая.

Однажды Дантал, осторожно ткнув его локтем, прошептал в самое ухо:

– Скоро будет какой-то остров. На нём предстоит отдых до утра, а через два-три дня пути дойдём до Сиены.

Юноша замолчал. Форкис разлепил один глаз и уставился им в сторону десятника. Тот долго вглядывался в идущие впереди корабли, после чего вновь, не оборачиваясь, стал что-то говорить стоящему рядом воину, указывая на них рукой.

– Река в этом месте расширяется, обходя тот остров. Опасаются мели, – пояснил Дантал.

К полудню благополучно добрались до острова. Все высадились на берег для отдыха. Посреди каменистой прибрежной полосы суши, окаймляющей плоскую, как стол, сочную от трав равнину, словно скала, упавшая сюда с неба, стояла мощная крепость, больше похожая своими угловыми башнями на огромное животное, опрокинутое навзничь и задравшее вверх толстые ноги. Её крепкие высокие стены, так же как и башни, поверху обрамлялись зубчатыми надстройками. Вокруг неё находились обычные поселения.

– О чём они говорят? – как всегда тайком спросил Форкис, поднеся к губам посудину с водой и метнув взгляд на находящиеся рядом, у соседнего костра персов.

– Что-то об иудеях. Не очень понял. Вроде бы здесь только они обитают и несут службу в крепости, – потянувшись к нему, принимая чашу, ответил Дантал.

– Как так? – удивился тот.

Юноша молчал. Приступили к еде. Вскоре вернулся десятник и присел к своим людям.

Опустилась долгожданная ночь, как обычно, принеся с собой на землю спасительную прохладу. Теперь, в наступившей тишине, лишь изредка нарушаемой треском огня, можно было довольно отчётливо услышать сказанное каждым из персидских воинов. Они также прилегли на расстеленные вокруг костра плащи, продолжая вести негромкие разговоры.

Форкис и Дантал лежали головой друг к другу. Так было удобнее перешёптываться.

– Иудеи – неплохие преданные воины. Только их и разрешено брать на службу в крепость, – юноша переводил слова десятника. – Командование же всё состоит из персов.

– Вот оно как? Выходит, и тут они не берут местных уроженцев, – делясь догадкой, произнёс Форкис.

– Завтра двинемся дальше. В Сиене все корабли останутся, – продолжал Дантал, внимательно прислушиваясь к каждому слову. – Оттуда пойдём по суше до какого-то города. Не забрал его названия. Не успел. Возле него к нам должен присоединиться ещё один отряд.

– Как далеко идти? Ничего не говорят?

– Пока нет.

Персы ненадолго замолчали, затем кто-то из них что-то спросил.

– Десятник сказал, что на границе пропало много людей. Поиски ничего так и не дали. Они исчезли бесследно, – Дантал слегка приподнялся на локте, стараясь ещё лучше расслышать соседей, понимая, что именно сейчас велась беседа о самом главном.

– Ну, чего там дальше? – нетерпеливо шепнул Форкис.

– Десятник недоволен, что мало войск, – спокойно продолжал юноша. – Он опасается предстоящей дороги, но рад, что командует ими сам Шурдия. Не доверяет проводникам. Велел зорко присматривать за ними. Говорит, что там, куда идём, полно разного хищного зверья и множество ядовитых змей. Особенно страшится ужасных крокодилов. Удивляется тому, что египтяне им преклоняются.

Кто-то из воинов отошёл по нужде. В его сторону десятник бросил шутку, намекая на то, чтобы крокодил не схватил его за главную штуку. Послышался громкий хохот. Дантал перевёл последние слова, видимо, не вдумываясь в их смысл, и лишь мгновением позже, взглянув на улыбающегося брата, смутился.

– Всё, укладываются спать, – прошептал он, откинувшись на спину.

– Что ж, хоть что-то прояснилось, – задумчиво произнёс Форкис.

Всех подняли очень рано, по темноте. Погрузились на корабли.

* * *

Гурис вёл войска по каменистой пустынной местности. Солнце припекало нещадно. Бескрайнее плоскогорье слилось своими светло-коричневыми тонами с таким же белёсым небосводом, превратив всё обозримое пространство в сплошную мутную, бездонную пелену, поглотившую линию горизонта. Казалось, время здесь остановилось навечно, замерло, растворившись в дрожащем мареве. Изредка попадались небольшие пересохшие реки, проложившие свои русла в глубоких узких расщелинах твёрдого песчаника.

Ближе к полудню останавливались на отдых, натягивали навесы, под спасительные тени которых, заведя лошадей, забиралась и люди. Всё вооружение было навьючено на животных.

Через два дня пути командующий, видя, как изнывают от жары его воины, разрешил им снять лёгкие кожаные панцири, сам же остался один в одеянии. Теперь они лишь цветом кожи отличались от египетских воинов, облачённых в светлые набедренные повязки и сандалии. Головы у всех были покрыты белыми тканями, ниспадавшими на плечи, концами которых при порывах пыльного ветра можно было закрывать лица.

На пятый день пути изрядно загоревшие персы окончательно утратили последнее внешнее отличие от египтян, став такими же бронзовыми.

Ели нехотя, но обязательно. К тёплой воде прикладывались всё реже и реже, постепенно привыкая довольствоваться несколькими глотками за день. Влага не держалась подолгу в телах, тут же выступая обильным потом и поначалу сильно ослабляя людей.

Опытные нубийцы-проводники, в чьих услугах Гурис пока не нуждался, стали сами, по своей воле, приносить пользу всем, с лёгкостью определяя места в нечастых впадинах, где, слегка копнув, находили прохладные источники.

Отдыхали почти до самого заката. Шли ночами, ориентируясь по звёздам.

Дозорные отряды рассылались по всем сторонам на протяжении всего пути. Ни одного следа, свидетельствовавшего о пребывании человека, не было обнаружено и на пятнадцатый день.

* * *

К городу Сиена, расположенному на восточном берегу Нила, почти у самого порога, первого на всём нижнем течении реки, подошли к сроку, высказанному десятником.

Начальник крепостного гарнизона находился в ожидании на пристани, куда уже были пригнаны лошади и доставлена провизия.

Наутро после ночного отдыха командующий Шурдия построил свои войска. Две сотни персов, придерживая накоротке осёдланных лошадей, в полном вооружении выстроились в ровную линию. На её левом фланге, разбившись на два отряда, выставив перед собой щиты в половину человеческого роста, оцетинившись копьями, находились пешие египетские воины. Грозный вид персов, облачённых в кожаные панцири, со шлемами на головах, прикрытых круглыми плетёными щитами, разительно отличался от облика легковесных полуголых египтян, но внешнее несходство, свидетельствующее как бы не в пользу последних, на самом деле было весьма обманчивым, особенно для тех людей, кто был далёк от воинского ремесла и по этой причине не мог знать ничего о боевых качествах как тех, так и других. Если первые, завоевав почти полмира, обладая духом истинных каров – персидских народов-войск, – не знали горького вкуса поражений и вели себя повсюду как хозяева, то вторые выделялись удивительной выносливостью, очень важной и необходимой в условиях длительных изнуряющих походов.

Шурдия, восседая на своём тонконогом скакуне, в сопровождении троих сотников проследовал перед строем, внимательно осматривая каждого воина. Приблизившись к стоящим в самом конце мастеровым и проводникам, он остановился. Окинув

цепким взглядом их группу численностью в сорок человек, он на мгновение задумался, затем густым низким голосом на египетском языке спросил:

– Все владеют оружием?

Находящийся рядом сотник, придерживая резвого жеребца, что-то тихо ответил ему на персидском языке. Тот кивнул, развернулся и направился обратно.

Когда строй был распущен, Форкис сразу поинтересовался у Дантала по поводу сказанного сотником.

– Оружейники в силу своего ремесла умеют всё. А из нубийцев отобраны прирождённые воины, – перевёл юноша.

– Всё-таки и он считает недостаточным такое количество войск, – сделал вывод Форкис.

Почти на сотню лошадей были погружены как имеющиеся вьюки, так и доставленные из крепости. Помимо египетской пехоты и десяти нубийских проводников, все были конными. В полдень отряды выдвинулись в путь.

* * *

Двадцать второй день ничем не отличался от предыдущих. Однообразие окружающей природы утомляло сильнее, нежели царившая жара.

Многоопытный Гурис понимал состояние тех, кто уже изредка проявлял раздражительность либо упадок в настроении, но подобное поведение людей было знакомо ему. Он всегда помнил о том, что именно такие трудности закаляют мужские характеры, закладывая в них стойкость на всю будущую жизнь, учат принимать нужные решения, преодолевать боль и отчаяние. При виде кружащих в небе грифов он удивлялся их появлению, так как они были падальщиками, а здесь по всей дикой округе не было ни одного живого существа, готового своей смертью насытить этих огромных птиц. Но, вопреки всему, они существовали и, видимо, чем-то питались.

Полностью покрытые белёсой пылью возвращались дозорные отряды. По взглядам молчаливых воинов он догадывался, что впереди всё по-прежнему неизменно и пустынно. На смену

им удалялись другие. Он знал, что где-то далеко на западе нёс свои воды Нил, а на востоке плескались морские волны, но от этого ему не становилось легче.

Иногда Гурис думал о Шурдии и о его отрядах, пытаясь иметь хотя бы приблизительное представление о месте их нахождения, но в голову ему, кроме смутного предположения, ничего путного не приходило. Этот поход вообще был для него совершенно иным по сравнению с теми, что довелось ему пережить за свою жизнь. Впервые он вёл пусть и небольшое, но войско, не на войну и даже не на усмирение бунтарей. То, что на южных границах державы бесследно пропало множество простых людей, было, конечно же, странным явлением, но неясность цели, поставленной перед ним и перед его давним боевым другом Шурдией, порождала много вопросов, на которые он не находил ответов, разумно полагаясь на их разрешение в скором будущем. Одно было понятно и важно: ему, как и Шурдии, следовало исполнить веление царя несмотря ни на что.

По его подсчётам до Напаты оставалось пройти ещё столько же дней. Он уже чувствовал всем нутром, что продвигался по чужбине, по земле таинственной страны Куш.

Ночью повернули на запад. Теперь надлежало быть настороже, о чём незамедлительно были даны указания сотникам.

* * *

Три дня продвигались по побережью реки, обходя небольшие заводи, кишасщие крокодилами. Впереди её поток в широком изгибе отделился вправо, оставляя людям тишину и необъятный простор своей долины.

С каждым днём всё больше редела хрустящая под ногами и копытами бурая трава, и очень скоро она исчезла вовсе, уступив место такому же по цвету песчанику. Речная прохлада давно сменилась душным жарким воздухом.

Шли ночи напролёт, прихватывая время почти до полудня, после чего до самого вечера отдыхали от зноя в тени навесов. Сторожевые тройки, постоянно сменяясь, отправлялись во все стороны, надёжно охраняя отряд.

Командующий Шурдия подолгу размышлял над сказанным начальником сиенской крепости Расалием. Тот сообщил ему все сведения, связанные с исчезновением людей, но из его слов ничего понятным не становилось. Всё было довольно запутанно и разрозненно. Происходящее здесь никак не могло составить собой единую картину. Вернее, её вообще как таковой не было. Обитавшие в небольших селениях крестьяне, по заведённому издревле обычаю, каждый год, собрав весь урожай, совместно с охотниками уходили со скотом на пастбища, но всегда возвращались обратно. Теперь же, с недавних пор, не вернулось больше двух с половиной тысяч человек. Причём они исчезали с семьями, и ни один из них не был найден. Более того, из небольших египетских отрядов, направленных дважды в поисках селян, вернулось только четверо воинов, из невнятных рассказов которых следовало, что им удалось обнаружить лишь разбрédшийся скот, да и то далеко в юго-восточной стороне, в чужих землях. Сами же они были явно в неразумном состоянии, боялись своих слов и вскоре, так и не сумев оправиться, скончались. Что произошло с остальными, было неизвестно. Третий посланный отряд, на этот раз состоящий из персидских воинов, пройдя довольно большое расстояние в том же направлении, действительно нашёл домашнюю живность, но ни селян, ни воинов там не увидел. Не было найдено никаких человеческих останков. Следов каких-либо сражений либо присутствия диких кочевников также установлено не было.

Выслушав в очередной раз захваченного с собой персидского воина, что также принимал участие в тех поисках, Шурдия пребывал в раздумьях, сопоставляя пройденный путь с местом последнего нахождения и исчезновения людей, и, понимая, что уже не следует идти к Напате, почему-то уверенно указанной са-трапом, принял окончательное решение: на девятый день отряд повернул на восток. Пройдя одну ночь, он встал лагерем. Вероятнее всего, как полагал Шурдия, здесь должен был двигаться Гурис, и они наверняка повстречаются несколько раньше намеченного срока.

* * *

Ранним утром, едва забрезжил рассвет, когда отряды уже наполовину выбрались из очередного широкого пересохшего речного русла и начали спускаться по покатоному склону с нагорья, поднимая пыль до самих небес, к командующему Гурису подлетел направленный вперёд десятник. Он сообщил, что прямо по ходу следования, вдали, виднеются костры. Тут же один из сотников с полусотней персов двинулся туда.

* * *

Шурдия не спал. Приближающийся конский топот поднял его на ноги. Вскоре в шатёр вошёл сотник и доложил, что с северо-востока продвигаются войска, замеченные сторожевым отрядом. Лагерь мгновенно ожил. Навстречу был выслан усиленный дозор. Ровные ряды конных и пеших воинов приветственно выстроились в полной боевой готовности, образовав живой коридор перед шатром.

С первыми лучами солнца Гурис вступил в стан Шурдии.

Г Л А В А В Т О Р А Я

Страна Куш, в чьи земли уже вторглись два небольших по численности персидско-египетских отряда, была образована более трёх столетий назад на территории Нубии. Её прежняя столица располагалась почти два с половиной века в городе Напата, на берегу Нила, у его четвёртого порога, но после, подвергаясь постоянным вторжениям со стороны могучего северного соседа – Египта, была перенесена в город Мероэ, находящийся на восточном побережье этой реки между пятым и последним, шестым, порогами.

Когда-то давно верховные правители Напаты в течение семидесяти пяти лет властвовали и над значительной частью Египта, дав ему фараонов XXV династии. Теперь же интересы властителя страны Куш простирались на юг и юго-восток, вследствие чего его приграничные с персидской сатрапией земли всё больше пустели, покидаемые навсегда коренными жителями.

Несмотря на это, в Напате, как и в Уасете, в многочисленных храмах люди по-прежнему продолжали поклоняться египетским богам: Амону – богу Солнца, Осирису – богу мёртвых и плодородия и Исиде – богине материнства, но наряду с ними имели и свои божества: львиноголового бога Апедемака и бога творения Себинмекера. Всесильные жрецы этого города продолжали упорно влиять на избрание правителей страны, в своих храмах утверждая и венчая их на царство, равно как и отправляя их из этих храмов по последнему земному пути в загробную жизнь, в многочисленные усыпальницы в виде пирамид.

Аристократии, вышедшей из родовой знати скотоводов, как и царям, принадлежали огромные стада, обширные усадьбы с большим количеством земель и рабов. Помимо этого, правящими семьями и крупными сановниками страны контролировались абсолютно все многочисленные медные копи, серебряные рудники, прииски с драгоценными камнями и золотом, расположенные на востоке от Напаты в высохших долинах рек и в горных ущельях, где, так же как и всюду, не покладая рук трудились рабы. Полусвободные пахари и скотоводы проживали общинами, неся все необходимые повинности. Свободные же члены этих общин и родов составляли основную часть войска.

* * *

Правитель Напаты, получив веление царя выслать навстречу вошедшему в их земли персидскому воинству свои войска, немедленно исполнил его, направив туда два полутысячных отряда пехотинцев, придав им в усиление двадцать колесниц. Общее командование над ними было поручено опытному военачальнику Бруакеру, перед кем ставилась главная и единственная цель – не пропустить персов в восточную часть страны. Город же обладал достаточными силами для своей защиты.

* * *

Шурдия, поделившись с Гурисом всеми имеющимися у него сведениями относительно исчезновения людей, высказал ему своё мнение об изменении направления движения: отныне следовать на восток, дабы там исследовать все земли самым тщательным образом. Гурис же, в свою очередь, предложил ему, как старшему из них двоих, взять на себя общее командование всеми объединёнными отрядами. Выслушав приведённые Шурдией доводы, Гурис согласился на смену маршрута, понимая, что такая необходимость уже назрела и весьма оправданна, так как имеющиеся факты и свидетельства вовсе не ведут в сторону Напаты, и к тому же помня о том, что основной их задачей является выяснение причин творящегося здесь, а не ведение военных действий против соседей.

На заре следующего дня они двинулись дальше, в строгом соответствии с совместно намеченным планом.

* * *

Форкис не менее других удивлялся прибытию дополнительных сил. В душе он был доволен такими переменами.

«Чужая земля всегда полна всевозможными неожиданностями, зачастую весьма неприятными», – думал он. Подобные тревожные мысли возникали почти у всех, так как никому не было известно, чем мог обернуться для них этот поход. При наличии большого числа воинов им было гораздо спокойнее.

В головной части объединённых войск вместе с тремя сотнями персов находились оба командующих. Следом продвигались две сотни египтян. За ними расположились мастеровые и навьюченные лошади. Замыкала шествие сотня персов.

Дантал и оружейники Форкиса старались держаться вместе. Никто такому их единению не противился.

– Скажи, а нам выдадут оружие, если что-то случится? – интересовался юноша, ведя коня вплотную к брату.

– Ты видишь, они все вооружены, а наши последние изделия находятся здесь, среди других грузов. Ведь персы не отвезли их в Мемфис. Помнишь? Думаю, раздадут нам. Не зря они спрашивали о нашем умении владеть им, – резонно отвечал тот.

– Какие-то странные эти места. Ни одного селения нет. С кем можно тут повстречаться? – рассуждал Дантал, осматривая округу.

– Да-а-а, пустынно здесь. Куда могло запропаститься столько народа? Ума не приложу, – оглядываясь, удивлялся Форкис.

– Этот, наш десятник, что-то говорил и о пропаже отрядов, посланных на их поиски, – вспомнил юноша.

– Вот это уже мне совсем не нравится. Чего ещё он молвил?

– Разное. Будто золота и серебра много в этих краях. Вроде бы раньше, очень давно, эта страна принадлежала Египту, а потом были войны, и она отделилась.

– Надо же? Отдать такие богатства! Видать, она сумела накопить силы, – Форкис похлопал по шее коня.

День, как обычно, был солнечным и жарким. Шли медленно, шагом, почти не поднимая пыли. Ровный, как ладонь, желтоватобурый песчаник, местами испещрённый извилистыми трещинами небольших русел пересохших рек, простирался от них во все стороны. Синее бездонное небо ближе к огромному диску светила теряло свой цвет, становясь почти белым, молочным. Лошади по самую грудь, на всю нижнюю половину, от застрявших в ворсинках песчинок стали иметь одинаковый золотистый окрас.

Пешие египтяне, уже не раз сменившие истёртые сандалии, захваченные с собой в большом количестве, словно не замечая царившего зноя, двигались ровными рядами, однообразно держа сбоку поперёк тел огромные щиты, перекинув ремни от них через плечи и придерживая их по нижнему краю руками. Наперекрест с ними на их других плечах висели тонкие луки и туго набитые стрелами колчаны. У каждого из них на поясе имелся меч. По два копьё разной длины они держали в свободных руках.

– Тяжело им столько нести на себе, – кивнув на них, произнёс Дантал.

– Они привычные к такой ноше, – понял его Форкис.

– Я бы, наверное, не смог.

– Да нет, сумел бы. Тебе сейчас так кажется. Просто ты немного устал, – взглянув на него, улыбнулся Форкис.

– Ты больше не обижаешься на меня? – лукаво спросил юноша.

– Мне всегда хорошо, когда ты рядом, – вновь повернувшись к нему, серьёзным тоном ответил Форкис. Помолчав недолго, он добавил: – Я знал, что ты не останешься там. Вот вернёмся домой, женю тебя. Как смотришь на такое?

– Мне ещё рано, а вот тебе давно пора, – отшутился тот.

– Не-е-т, – мотнув головой, легко засмеялся Форкис. – Мне бы с твоими детишками повозиться. Я-то старый уже. Зачем мне жениться?

– Ты у меня в самый раз, что надо. Я сам тебе подыщу кого-нибудь, – Дантал сиял от удовольствия.

– Подыщет он, как же! Небось, себе уже присмотрел? А? – не сдавался брат, взглянув хитрыми глазами.

– Присмотришь тут с тобой! Как же! – будто обижаясь, буркнул юноша, отворачиваясь.

– Ладно, ладно. Знаю о твоей беготне вечерами, – искренне удивил его сказанным Форкис.

Дантал замолчал, во все глаза уставившись на брата.

– Не обижайся, я не следил за тобой. Только один раз, когда ты впервые исчез, мне пришлось искать тебя. Найти я не смог, но когда ты возвращался, я увидел, откуда ты появился, – примирительным тоном объяснил тот.

На этот раз Дантал всерьёз отвернулся, не зная, что сказать.

Будто не замечая его обиды, Форкис продолжал:

– А что? Хороший дом, хорошая семья. Надо признать, отменный у тебя выбор. Ну, чего ты? Я же не против.

Юноша молчал.

– Да не злись ты. Всё правильно. Я ведь не шучу. Видел её. Отца знаю. Он хоть и торговый человек и много уже преуспел, но характером обладает довольно приятным. Нет в нём надменности и лжи. И делом он занимается с душой. Это очень важно. Вот и Диагор дружен с ним. А уж он-то понимает толк в людях, – Форкис, посмотрев на Дантала, задумчиво умолк.

– Я не злюсь. Нет, – наконец выдал из себя юноша, по-прежнему не поворачивая головы.

– Вот и хорошо. Нам ли с тобой ссориться? Я рад, поверь мне, – Форкис замолчал.

Понимая, что брат, как всегда, искренен, Дантал, быстро взглянув на него, тихо, но твёрдо произнёс:

– Мы должны всё делать по порядку: сперва ты, а потом я.

– Хорошо. Пусть будет по-твоему. Осталось и мне найти себе пару, так? – видя, что тот не в обиде, вновь взбодрясь, улыбнулся Форкис. Поведя взором по сторонам, глубоко вздохнув, он добавил: – Может, в этих землях она и дожидается меня?

К полудню войска остановились. Разбили лагерь. Отборным зерном ячменя и пшеницы накормили лошадей. Вкусные хлебцы и финики быстро утолили людской голод. Теперь до самого вечера можно было отдыхать.

Навесы, как всегда, натянутые по углам на тонких, но крепких шестах, примыкая квадратами один к другому, в общей сложности покрывали собой большую площадь, под которой и скрывалось всё живое.

Удобно растянувшись на подстеленных плащах, как обычно, ногами в разные стороны и головами ближе друг к другу, несмотря на жар, сильно исходивший от земли, Форкис и Дантал, подобно всем остальным людям, наслаждались долгожданным расслаблением, ощущая истинное блаженство.

Гром, по своему обыкновению, тут же заснул, издавая мощный храп. Его могучее тело всегда нуждалось во вдвое большем отдыхе, но такого ему не мог позволить никто, и он ценил каждое мгновение во время привалов.

– Форкис, ты мечтаешь о море? – неожиданно прошептал Дантал.

– А как же! – словно помнил о нём каждый миг, не задумываясь, ответил тот.

– Ты хотел бы иметь свой корабль?

– Очень.

– А какой?

– Триеру, конечно.

– А куда бы ты поплыл на ней?

– Не знаю. Столько интересных морей вокруг. Придумал бы куда.

– А жил бы где?

– На ней бы и жил.

– Так не бывает. У человека обязательно должен быть дом на земле.

– Это ты прав. Большая вода лишь тогда желанна, когда по ней сильно скучаешь.

Оба затихли, каждый думая о своём.

– Чего ты вдруг? – Форкис перевернулся на живот.

Дантал лежал с закрытыми глазами.

– Так. Пришло в голову. Ты давно не говорил о море.

– А ты помнишь свои степи и кочевья? – как-то особо душевно и в то же время осторожно спросил Форкис.

– Помню. Там всё было иначе, не так, как здесь, и совсем не похоже на другие места. Но больше помню крепость, отца с матерью и ещё многих её обитателей. Тебя там тоже помню. Ты был немного моложе.

Разомкнув веки, он посмотрел на Форкиса и очень тепло улыbnулся.

– А ты вырос. Я и не заметил, – проникновенно произнёс тот.

– Хочешь, я тебе что-то скажу? – повернувшись к нему, приподнявшись на локте, вдруг спросил Дантал.

– Говори. Хочу.

– Я подарю тебе большой корабль. Твою триеру, – не сводя глаз с его лица, произнёс юноша.

– Я знаю. Ты такой, – то ли в шутку, то ли всерьёз прошептал Форкис.

– Вот вернёмся, там и увидишь, – вновь откидываясь на спину, завершил беседу юноша.

Вскоре они оба уже спали, довольные приятным разговором.

* * *

Вдали ровной тёмной линией показался горный массив. По мере приближения к нему передовые персидские сотни повернули немного южнее, медленно обходя стороной причудливые островерхие серо-бурые скалы, которые повсюду торчали из красноватой равнины, напоминая собой гигантские осколки, упавшие россыпью откуда-то сверху. Отбрасывая ломаные чёрные тени, вблизи они казались ещё более странными, словно были не из мира сего, ещё и цветом своим совершенно не вписываясь в общий вид этой местности.

– Надо же, какая диковина! Прямо сплошные занозы какие-то, – вертясь в седле, удивленно рассуждал Форкис.

– Жутко тут, – поёживаясь, будто от холода, тихо прошептал Дантал.

– Да-а-а, приветливым это место уж точно никак не назовёшь. Ничего подобного не видел, – Форкис, задрвав голову, рассматривал вершину одной из скал.

– Чего эти, все пропавшие, тут делали-то? Ни травинки, ни одной живой души здесь нет, – Дантал продолжал таращиться по сторонам. – Да и воды, пожалуй, тоже здесь нет.

Пройдя небольшое расстояние, войска остановились. Всадники спешили, устало разминаясь. Появившийся десятник, осадив коня, кивнул Форкису головой, зовя его за собой, и последовал дальше, в обратную сторону. Запрыгнув на лошадей, Форкис и его люди направились за ним. Указав на нескольких гружёных животных, тот велел их развьючить и выбрать каждому всё необходимое из оружия и снаряжений. Дантал с пониманием взглянул на брата. С короткой заминкой подоспели и остальные мастеровые, которым Гром стал подбирать вооружение.

* * *

Старый гриф, широко расправив пыльные крылья, неуклюже пробежав, с трудом оторвал грузное тело от земли и, медленно набирая высоту, стал плавно подниматься ввысь, пытаясь поймать нужный поток воздуха. Более молодые его собратья, громко шумя, продолжали трапезу, рьяно пытаясь отщипнуть липкие тягучие обрывки жил от оголённых серо-жёлтых костей небольшого кабана. Вскоре они уже казались ему маленькими птенцами и с ещё одним ленивыммахом крыла вовсе исчезли в тени раскидистой кроны акации.

Раннее утро только-только набирало тепло.

Грифу следовало подсушить своё оперение, слегка намокшее в росе и в крови. Здесь, в вышине, было свежо. Жёсткие большие перья на лёгком ветерке приятно пушились, пропуская прохладу к телу, обволакивая его и заметно остужая после недавних усилий. С каждым днём ему становилось всё труднее отстаивать право на свою долю в пиршестве. Молодь, быстро подрастая, признавала его старшинство лишь до той поры, пока не обнаруживалась пища, а там уже забывала об этом, в страшной давке злобно оттесняя и его, и друг друга. Раз за разом всё больше сил приходилось тратить ему не на поиски чего-нибудь съестного, а на борьбу с себе подобными, но без этого нельзя было выжить. Долгому его существованию под вечным небосводом

способствовал накопленный им опыт, не один раз спасавший его от острых зубов вечных врагов – гиен. Очень часто увлечённые насыщением молодые грифы в пылу борьбы становились их жертвами. Он не мог им помочь, но всегда при малейшей опасности взлетал первым, тем самым желая предупредить их о нависшей угрозе. Однако чаще всего его сигналы были тщетны: стремление поскорее наполнить желанной плотью ненасытное нутро преобладало у молодежи над осторожностью, и тогда в их семействе случались потери. Подобное поведение было неизменным среди этих птиц. Так было всегда. Только сильные и ловкие должны давать потомство, остальным же такое не дано.

Вот и сейчас, сделав большой круг над землёй, старый гриф увидел бегущих гиен. Обычно они охотятся ночами и в это время отдыхают. Чем-то встревоженная стая направлялась вдаль от небольшой реки. Было очевидным, что не запах павшего кабана привлек их внимание – он находился в другой стороне. Спустившись чуть ниже, гриф полетел над водой туда, откуда убегали гиены. Вскоре его взору предстало то, что так всполошило их.

Ровными рядами вдоль правого берега шли люди, много людей. Пролетев над ними и описав небольшой полукруг, гриф настороженно опустился на другом берегу на самую верхушку акации. Толстая, усеянная колючками ветка мягко прогнулась под его тяжестью. Поудобнее вцепившись в неё крепкими когтями, прибрав свои могучие угловатые крылья, моргнув несколько раз круглыми жёлто-чёрными глазами, он уставился на проходящую вдали человеческую массу. Прежде ему не раз доводилось видеть этих существ, но столько сразу он созерцал впервые. Они никогда не представляли для него опасности, даже наоборот: там, где они появлялись, всегда было чем поживиться. Туша небольшого кабана, обнаруженного им, не могла накормить ни его, ни помешавших ему многочисленных сородичей, и поэтому следовало найти ещё какую-нибудь еду. Только это желание и овладевало теперь старым грифом, и он решил в одиночестве следовать за людьми в предвкушении скорого и весьма сытного будущего.

* * *

Бруакер, хорошо знавший всю прилегающую местность, вёл свои войска к самому подножью нагорья. По его расчётам, основанным на донесениях дозорных, именно там, в том месте, должна была произойти его встреча с отрядами персов и египтян. Другого пути к многочисленным ущельям, где находились царские копи и рудники, не было. В том, что только туда стремились проникнуть вражеские воины, он не сомневался. По сообщениям разведки он знал и о численности противника и был уверен в достаточности своих сил. Будучи по жизни человеком военным, прошедшим множество кровавых дорог, испытывавшим как горечь поражений, так и славу побед, сейчас он был удивлён столь небольшому вражескому числу. Это его и радовало, и настораживало.

Первое было понятно. Находясь на своей земле, имея превосходство, он должен был одержать победу. Второе порождалось его мыслью о том, что все эти отряды всего лишь передовая часть идущих следом основных войск.

«Возможно, предстоит жестокая война», – думал он. Хотя лазутчики больше нигде не обнаружили ни единого перса, он всё же был очень встревожен.

Памятуя об их молниеносных набегах, полководец спешил. К исходу седьмого дня, оставив за спиной воды небольшой реки и всю лесистую местность, его колесницы первыми достигли пустынного подножья горной гряды. Войска встали лагерем, усиленно охраняя подходы с северо-запада.

* * *

Одинокая птица, поедая брошенные людьми остатки пищи, держалась в отдалении, зорко следя за каждым из тех, кто иногда направлялся в её сторону, и отбегая от них на безопасное расстояние. Когда люди устраивались на ночлег, взлетать почти не приходилось, да и лень было поднимать заметно потяжелевшее тело. Теперь, когда они остановились окончательно, она всё же поднялась на вершину крайней скалы, удобно взгромоздившись у самого отвеса, дабы отсюда с привычной высоты вести наблюдение.

Однажды с первыми лучами солнца до сытой птицы откуда-то со стороны донеслись совершенно другие звуки. Вспорхнув с насиженного места, старый гриф, набрав нужную высоту, устремился туда, оглядывая мелькавшую внизу землю. Пролетев вдоль крутых склонов, он вскоре увидел другое множество людей, движущихся в направлении тех, что остались позади.

Ему явно везло, ведь и здесь должна быть еда.

* * *

– Смотри, какая-то птица, – Дантал показал рукой вверх.

– Не вижу, где? – заслоняясь приставленной ко лбу ладонью, взглянул в сторону гор Форкис.

– Вон, на той торчащей скале, видишь?

– Ага, теперь вижу.

– Большая какая. Она что, тут одна?

– Похоже. Других не видно.

– Что за птица, не знаешь?

– Нет. На тех, что мне доводилось видеть, она не очень-то и похожа, – Форкис всматривался внимательнее.

– Она следит за нами. Видишь, как разглядывает? – Дантал не отрывал от неё глаз.

– Интересно, откуда она здесь взялась? В такой пустой стороне.

– Воды нет, живности тоже, – удивлялся юноша, соглашаясь с братом.

* * *

Заметив низко пролетевшую одинокую крупную птицу, Гурис, проводив её долгим взглядом, недоумевающе произнёс:

– Откуда он появился? Это гриф, падальщик, а они стайные птицы. Мне доводилось видеть их, но только в больших количествах. К тому же здесь нет им еды.

Шурдия, метнув в его сторону прищуренным глазом, остановил коня.

– Падальщик, говоришь? – взмахнув рукой, вдруг спросил он.

Тут же к нему подлетел сотник.

– Скажи нам, Сиргс, в пути ты не заметил каких-нибудь останков?

– Нет, властитель, – твёрдо пробасил тот, слегка склонив голову.

– А не было брошенных нами лошадей?

– Позволь, я узнаю, – виновато попросил тот.

– Узнай.

Сотник умчался.

– Он прилетел со встречной нам стороны, – поняв старшего товарища, произнёс Гурис.

– Думаю, нужно усилить передовой дозор. Не нравится мне появление этой странной птицы, – Шурдия по-молодецки спрыгнул с коня.

Подбежавший воин принял скакуна.

– Отправь вперёд ещё два десятка дозора, – Гурис повелел другому сотнику, также сойдя на землю. – Да пусть внимательно осмотрят округу. Сейчас всё важно – и живое, и мёртвое. Поспешите.

Двадцать всадников, грохоча, удалились вперёд. Вернулся Сиргс и доложил, что случаев оставления лошадей не было, все они в полном количестве. Взглянув ещё раз на неподвижно сидящую на высоте птицу и недовольно мотнув головой, Шурдия задумчиво отошёл в сторону. Сотник, заметив направление, куда посмотрел сам командующий, что-то шепнул стоящему рядом десятнику, тот, кивнув, исчез.

Дантал обошёл своего коня, осматривая упряжь, проверяя ремни.

– Что они задумали? – услышал он голос Форкиса и обернулся к нему.

Форкис вглядывался в сторону гор.

Теперь и он увидел четверых воинов, стоящих у подножия скалы, на которой находилась птица.

Они дружно натянули луки, целясь в неё.

– Думаешь, достанут? – тихо спросил юноша.

– Собьют, – уверенно ответил брат.

Всё их окружение, затаив дыхание, устремило взоры туда. Пущенных стрел почти никто не увидел, но птица, вздрогнув, не раскрывая крыльев, полетела вниз, ударяясь о каменные выступы. Послышался негромкий удар о землю. Десятник, не сходя с коня, ловко подцепил её за огромное крыло и, держа на весу, помчался к изголовью войск. Теперь было видно, что из её крупного тела торчали стрелы.

– Сколько вас стреляло в него? – рассматривая убитого грифа, спросил Шурдия.

– Четверо, властитель, – покорно склонив голову, ответил десятник.

– Все угодили, – довольно произнёс командующий и знаком показал, чтобы птицу положили на землю.

Оставшись вдвоём с Гурисом, присев, Шурдия внимательно взгляделся в неё и спросил:

– Что скажешь о ней?

Повернув грифа за торчащие стрелы несколько раз, приподняв за крыло, определяя его вес, проведя пальцами по мощному приоткрытому клюву, Гурис, недолго помолчав, ответил:

– Птица старая, но упитанная. Клюв чистый, нет крови на нём, значит, пищей была не падаль.

– Сиргс! – поднимаясь, окликнул Шурдия.

– Слушаю, властитель, – мгновенно подбежал тот.

– Вон за той скалой разрежь её. Посмотри, чем кормилась.

Сотник, подняв птицу, стараясь не запачкаться её кровью, удалился.

– Думаешь, где-то рядом есть люди? – отряхивая ладони, настороженно спросил Гурис.

– Всё может быть. Скоро узнаем, – задумчиво ответил тот.

Ждать пришлось недолго.

– Вот, – подбежал Сиргс и, присев, развернул обрывок окровавленной ткани.

Военачальники тут же склонились, зажав пальцами носы, и стали рассматривать дурно пахнущее месиво.

– Я так и знал, – выпрямляясь и глядя прямо в глаза Гуриса, произнёс Шурдия.

Вновь свернув ткань и забрав свёрток, сотник побежал обратно.

– Ты был прав, Гурис, не ела эта птица падали. Её последней пищей была человеческая еда.

– Они где-то недалеко. Грифы не перелётные птицы. У них мало врагов, да и те на земле. С насиженных мест обычно не улетают, – соглашаясь с догадками Шурдии, произнёс тот.

От направленных вперёд воинов вернулись трое. Встретивший их сотник Сиргс, выслушав старшего из них, приблизился к командующим.

– Что там? – спокойно спросил Шурдия.

– Властитель, дозор обнаружил людей. Полагают, что не простые они, так как вооружены. Скорее всего, вражеский дозор. Захватить не пытались. Те пешие, среди гор прятались. Не достать. Больше ничего, – Сиргс замолчал.

– Наши дозоры обнаружены? – Гурис был явно встревожен.

– Похоже, да. Там негде укрыться. Таких одиноких скал нет, – сделав шаг назад, ответил сотник.

– Ждут. Атаковать не будут, – размышлял вслух Шурдия.

– Как далеко они? – вновь спросил Гурис.

– В дневном переходе.

– Вот у кого питалась эта птица. Эх, пораньше б она появилась здесь, – Шурдия с досадой ударил плёткой себя по ноге. – Хотя, наверняка, они давно следят за нами.

– Вышли ещё один отряд, – повелел сотнику Гурис. – В бой не вступать. Наблюдать. Обо всём докладывать незамедлительно.

Обдав пылью, вскоре пронёсся десяток всадников.

– Здесь могут быть войска только из самой Напаты, – начал рассуждать Шурдия. – Больше им неоткуда взяться. О нашем продвижении им известно с самого начала. Тогда почему они не встали на нашем пути раньше?

– Не желают войны, – уверенно ответил Гурис.

– Поэтому и ждут, а ведь в противном случае могли давно уже напасть. Скорее всего, они преобладают числом. Уверены, что мы не пройдем через их заслон, – Шурдия задумался.

– Почему именно здесь?

– Вот и я думаю о том же.

– Что-то находится там, за ними, – предположил Гурис.

– Не бывал я там. Так далеко не доводилось ходить. Может, ты и прав. Не пропустят они нас. Это верно. Здесь тот предел, до которого они ещё терпели нас, но больше не отступят, – Шурдия поднял руку.

Сотник Сиргс, не сводящий с них глаз, увидев поданный ему сигнал, подлетел на быстром скакуне и спешил в готовности исполнить приказ.

– Вот что, Сиргс. Ты опытный военачальник, и мы давно знаем тебя, – начал командующий. – Поэтому тебе будет дано особое поручение. Даже два. Первое. У проводников нубийцев немедленно узнай обо всём, что есть в этой местности, особенно там, впереди. Второе. Возьмёшь последнюю сотню и всех вооружённых мастеровых. Отойдёшь на полудневный переход на запад и будешь продвигаться одновременно с нами. Сообщаться через гонцов. Для быстроты распредели их сам. Приступай.

– Ударим по ним и с правого фланга. Заодно будем знать, нет ли там их войск, – проводив взглядом сотника, пояснил свои действия старший.

– Верно, – согласился Гурис.

Уже через некоторое время Сиргс привёл к ним одного из проводников.

* * *

– Скажи, Форкис, – голос десятника прозвучал довольно громко, – тебе доводилось сражаться?

– Бывало, – ускорив коня и приблизившись к нему, сдержанно ответил тот.

– Своих людей ты знаешь, вот и будешь ими командовать. Ты понял?

– Да.

– Держись меня, что бы ни случилось.

– Понял.

– Я надеюсь на тебя.

– Да понял я.

Солнце едва блеснуло своими первыми лучами по горным вершинам, а войска Бруакера уже вытянулись двумя ровными плотными рядами от их подножий строго на запад.

Впереди, почти в самом центре, выстроились двадцать боевых колесниц с лучниками.

Враг приближался и уже был виден.

Конница персов, разбившись надвое, шла на флангах.

Между ними, прикрываясь огромными щитами, также в два сомкнутых ряда двигалась вся египетская пехота, отличавшаяся от воинов Напаты лишь наличием кожаных панцирей, в остальном же являя собой её точную копию.

На расстоянии трёх полётов стрелы наступающие навстречу друг другу армии остановились.

Поднятая пыль медленно оседала, проясняя видимость.

Шурдия, гарцуя на резвом скакуне, выехал далеко вперёд.

Помня переданное ему самим сатрапом веление царя царей не вступать без надобности в битвы, зная о присутствии в своих войсках «глаз и ушей» властителя, коим мог быть любой из его воинов, он решил прежде всего провести переговоры с командующим вражеских войск.

Поняв его намерение, Бруакер также направился к нему.

– Приветствую тебя, доблестный напатийский военачальник! – произнёс на египетском языке Шурдия.

– Будь и ты в здравии! – взглядываясь в лицо перса, ответил тот.

– Я не желаю войны с тобой и нахожусь здесь по другой причине. Готов ли ты выслушать меня? – спокойно продолжил Шурдия.

– Так далеко в чужую землю не входят, не спросясь. Не так ли? Но я готов к беседе с тобой, даже если она будет последней.

– Что ж, хорошо. Тогда слушай. На границе, что пролегает между нами, странным образом пропало много подданных царя Персии, и все следы ведут в ваши земли. Что ты можешь прояснить о таком исчезновении людей?

– У моего правителя в достатке и своего народа. Уж не хочешь ли ты обвинить его в низких поступках?

– Как видишь, я лишь пытаюсь объяснить своё присутствие здесь и говорю тебе ровно столько правды, сколько ты слышишь. Тебе не следует пытаться обвинить меня в том, чего я не имею в помыслах.

– Тогда почему ты не прибыл к моему царю и не спросил обо всём у него? Вместо этого ты молчаходишь в его земли и при этом ведешь себя как хозяин.

– Всё, чем я воспользовался у вас, уместится в нескольких бурдюках, и кроме этих глотков воды я ничего не взял. Ну а за убитую старую птицу я готов заплатить. Разве так поступают те, кто имеет дурные намерения?

– По-твоему, выходит так, что каждый, кто только возжелает, может беспрепятственно следовать там, где ему вздумается, при этом для него достаточно иметь всего лишь свою пищу, а всё остальное не имеет значения? Вот ты бы сам как отнёсся к подобному появлению чужаков в своей земле?

– Что верно, то верно. Мало кому такое будет по душе, но, прежде всего, нужно надёжно оберегать рубежи земель своего властителя и не давать даже малейшего повода для возникновения каких-либо недоразумений. Коль нет такого порядка, происходит то, что ты видишь, и моей вины в этом нет. Я ответил на все твои вопросы, ты же оставил безответным мой единственный вопрос.

– Признаюсь, мне неизвестно о пропаже ваших людей, но я перед тобой и одно лишь могу сказать тебе: разворачивайся и срочно покинь эти земли. Иного не дано. Я исполняю волю своего правителя.

– Тогда ты должен ясно понимать, что и я не по своей какой-то личной прихоти нахожусь здесь.

Бруакер молча развернул коня.

Оба полководца направились к своим войскам.

Шурдия вернулся на левый фланг.

– Сотник Сиргс других их войск не обнаружил. Похоже, они все здесь. Он не замечен ими и уже обошёл их, как и было велено ему тобой, – сообщил командующему стремительно подлетевший Гурис.

Тот нервно развернул скакуна.

– Хорошо. Будем атаковать. Другого выхода уже нет, – с этими словами Шурдия вытянул вверх руку, блеснув полотном меча, приподнялся в седле, оглянулся по сторонам и указал в сторону врага.

Гурис возглавил конницу правого фланга. Громкой дробью ударили в барабаны. Отряды двинулись вперёд. Одновременно навстречу им тронулись и напатийцы. Их боевые колесницы на ходу выравнивались прямо перед египетским строем. замысел Бруакера был понятен Шурдии.

Врезавшись в ряды его пехоты, внося в них сумятицу, надвое разорвав её в слабом месте, окружив обе части по отдельности, тот явно намеревался завершить сражение разгромом каждой из них. Шурдия был готов к такой тактике.

Войска медленно сближались. Первыми не выдержали напатийцы. Рванув с места, колесницы устремились на египтян. Парные лошади, умело управляемые возницами, по бокам от которых находились по два лучника, быстро сокращали небольшое расстояние. Опытные египтяне тут же осыпали их стрелами и, не принимая удара, плотно прикрывшись щитами, раздвинулись перед ними, пропуская сквозь свои ряды. Вторая линия их пехоты мгновенно развернулась и вновь выпустила тьму стрел и копий, но теперь уже в спины проскакавших мимо лучников. Сражённые в упряжках кони с грохотом падали, увлекая за собой свои раненые и здоровые пары вместе с колесницами, летевшими с треском через тела. Вскоре только несколько из них, чудом уцелевших, потеряв кто возниц, кто воинов, описав широкий круг, остановились в отдалении, не решаясь прорваться обратно, надеясь на помощь своей пехоты. Та, приотстав вначале, уже сошлась в битве с противником. Персидские сотни, заворачиваясь полумесяцем, охватывали её с боков. Перекрывая стук барабанов, земля наполнилась звуками боя: ржанием лошадей, лязгом оружия, стоном увечных и криками дерущихся. Стоял невообразимый гул.

Самым неожиданным для напатийцев стало внезапное появление за их спинами свежей персидской конницы. Теперь

исход сражения был предрешён. Уже не имея никакой возможности для отступления, побросав оружие, все воины Напаты упали ничком на землю, поднимая руки над головами.

По команде Шурдии битва была прекращена. Кружась на коне посреди своих склонённых войск, Бруакер озирался по сторонам, ещё не веря в случившееся. Наконец, обречённо смирившись с поражением, он спрыгнул на землю, взглянул на окровавленный меч и бросил его себе под ноги.

Большая стая грифов, покружась над долиной, опустилась невдалеке на горные выступы.

* * *

Шесть сотен напатийцев были разоружены. Три с половиной сотни были убиты. Остальные, получив ранения, едва были живы. Из двадцати колесниц только восемь остались пригодными. Потери персидско-египетских войск составляли сто двенадцать человек убитыми, из которых семьдесят один были египтянами. Раненых в их рядах насчитывалось двадцать два человека.

После полудня у самого подножья гор все приступили к погребению погибших. Под присмотром персидского отряда напатийцы предали земле тела своих воинов. В стороне от них были захоронены персы и египтяне.

На ночь по велению Шурдии всех пленённых расположили в отдельном лагере, охраняемом конной сотней. Здесь же им была выделена часть еды и воды, из той, что имелась у них для этого похода.

В шатёр Шурдии, куда был приглашён Гурис, ввели Бруакера. Он был подавлен. Весь его смиренный облик свидетельствовал о сильных переживаниях от постигшего горя. Перемены, произошедшие в полководце в течение всего одного дня, были разительными.

Взглянув на него, Шурдия предложил ему сесть. Тот устало опустился на походный стул, слегка подался вперёд, упёрся локтями в широко расставленные колени и сильно сжал сплетённые длинные пальцы. Его высокий рост теперь скрадывался ссутулившейся позой. Без боевого одеяния и оружия, по рукам

и ногам покрытый запёкшейся кровью, он был похож на простого мясника, на мгновение оторвавшегося от своего ремесла. Даже некогда белая ткань набедренной повязки была сплошь пропитана бурыми пятнами.

– Что теперь поведаешь мне, доблестный Бруакер? – спокойным голосом нарушил тишину Шурдия.

Услышав своё имя, тот поднял голову и взглянул ему прямо в лицо.

– Сказанное мной тебе было истиной, – не сводя с него глаз, продолжал Шурдия. – Но ты не поверил и стал моим пленником. Скажи мне, что будет с тобой по возвращении, если я отпущу тебя и твоих воинов?

– Не знаю. Всё зависит от того, куда ты пойдёшь дальше и кто придёт за тобой, – вздохнув, тихо ответил тот.

– Мне известно, что ты встал на моём пути, закрывая дорогу в горные ущелья. Не о тех ли местах ты так печёшься?

При его последних словах в глазах Бруакера блеснул огонёк, но тут же погас. Он напряжённо выпрямился.

– Не нужно молчать. Нам многое понятно. Хочу лишь узнать, насколько ты искренен, чтобы правильно решить твою судьбу. К тому же не следует забывать о том, что мы все воины, и по этой причине ты обязан отвечать на мои вопросы. Это не угроза. Это моё право победителя и твоя обязанность побеждённого.

– Хорошо, – после тяжких раздумий начал Бруакер. – Как ты верно сказал, я всего лишь воин, и со мной не делятся всеми сведениями. Думаю, о твоём вступлении в наши земли царю Куша и правителю Напаты было известно с самого начала. Видимо, не зная о твоих намерениях, приняли решение пропустить тебя. К тому же войск у тебя не так много. Именно по этой причине ты прошёл так далеко. О том, для чего ты здесь, пока никому, кроме меня, не известно, но взятое тобой направление стало уже опасным.

Он замолчал.

– Что ж, продолжай, – выдержав паузу, по-прежнему спокойно произнёс Шурдия.

– В двухдневном переходе отсюда находятся царские рудники. Может быть, на них твои люди. Этого я не знаю.

– Ты бывал там?

– Нет, – Бруакер опустил голову.

Шурдия и Гурис переглянулись.

– Как сильно они охраняются? – спросил Гурис.

– Я не знаю. Такое держится в строжайшей тайне. Думаю, вам туда не попасть, даже если бы у вас была целая армия.

– Не слишком ли ты принижаешь достоинства наших воинов? Я вижу, ты невысокого мнения о них? – слегка раздражённо повысил голос Шурдия.

– Я не о том. Уж больно ненасытны эти рудники. Огромное множество рабов постоянно поставляется туда, и, несмотря на это, их всё время не хватает. Такое количество не удержишь в повиновении малым числом войск.

– Тебе что, жалко рабов? – удивлённо спросил Гурис.

– Тех, что добыты в войне, нет. Но туда часто забирают своих, за долги, – как-то с горечью ответил тот.

– Вот видишь, ты сожалеешь о судьбах простых людей, а меня понять не захотел, – с укором произнёс Шурдия.

– Я выполнял приказ.

– Те, кто уводит в рабство должников, тоже исполняют волю правителей. Не так ли? – Шурдия, понимая, что разговор ведётся уже не о том, о чём следовало, всё же из нарастающего желания как можно больше узнать об этом человеке задавал отвлечённые вопросы.

– Да, выходит так.

– Скажи, у тебя есть семья?

– Нет.

– Что сулит твоя страна за твоё поражение?

– Я не вернусь в Напату.

– Почему? У такого, как ты, военачальника наверняка много заслуг перед ней?

– Чтобы смыть позор, этого недостаточно. Здесь со мной находятся те, с кем довелось мне пройти много войн. Сегодня я впервые не сумел привести их к победе. Что для меня наказание

правителей, если главная моя кара – во мне самом. Я увидел их склонёнными, значит, они уже не верят в меня, – Бруакер взглянул в лицо Шурдии глазами, полными отчаяния, и, с сожалением махнув рукой, низко опустил голову.

Воцарилось молчание. Четыре ярких факела по углам шатра потрескивали сгорающим маслом, отбрасывая от сидящих множество косых теней.

– Может, ты и прав, – задумчиво произнёс Шурдия, понимая, что перед ним находится человек чести, истинный воин и хороший военачальник.

Его признания не являлись предательством, а были лишь соблюдением правил войны. И не боязнь за свою судьбу привела его к откровению. Тому, кто не раз бывал на грани жизни и смерти и вдруг осознал свою ненужность среди людей, никакой палач не страшен.

Шурдия поднялся. Бруакер выпрямился и спокойно посмотрел на него.

– Не знаю, как и чем тебе можно помочь, – неожиданно проникновенным голосом очень искренне произнёс перс.

Пройдя в дальний угол, недолго постояв, развернувшись, он продолжил:

– Я готов освободить тебя и твоих воинов, но после того, как продолжу свой путь, вас от наказания уже ничто не спасёт. Стоит ли идти по своей воле в рабство к тем, кому служил верой и правдой? Уйти обратно я уже не могу. Выход у тебя только один – присоединиться ко мне. Если такое предложение устраивает тебя, то я сочту за честь иметь под своим началом такого, как ты, полководца. Обещаю при возвращении в Египет награждать твоих людей. Там, в моей стране, вас оценят по достоинству. К тому же для тебя появляется возможность спасти своих воинов от бесславной гибели и вновь обрести их веру. Ну а если не доведётся вернуться, вместе поляжем в твоей земле.

Гурис не меньше Бруакера был удивлен словами командующего.

– Можешь пока не отвечать. Подумай до рассвета. Большого времени дать не могу, его и у меня остаётся не так много.

Бруакер встал, взглянул прямо в глаза Шурдии и решительно вышел из шатра.

* * *

– Как думаешь, что будет с пленными? – Данталу после бурного дня и первой в его жизни битвы не спалось.

– Отпустят, – зевая, ответил лежащий рядом Форкис.

– Они же снова придут и других приведут. Тогда нам точно не выбраться отсюда, – удивился юноша.

– Значит, казнят, – засыпая, равнодушно прошептал тот.

– Чего сразу не порубили? – не унимался Дантал.

– А так неинтересно.

– Ты всё шутишь, а мне вот не до сна, – возмущался младший брат.

– Лучше признайся, страшно было? – переворачиваясь, спросил Форкис.

– Очень. Я-то поначалу ничего увидеть не мог. Глаза пеленой заволокло. Вроде того, как будто я чуточку даже ослеп. Чуть с коня не слетел. Вот тогда я сильно напугался и тут же прозрел. Хуже всего, когда долго ждёшь. Потом уже некогда думать. Голова пустая становится. До сих пор передо мной стоит тот, кого первого сшиб.

– Он ещё долго будет являться к тебе. Так всегда бывает. Ты не бойся. Со временем такое проходит, – успокаивал его брат.

– Да, наверное, – повернувшись к нему, прошептал тот.

– С колесницами у них неправильно вышло. Не нужно было в один ряд идти. В две колонны надо было, чтобы цепью, друг за другом. Много бы положили. Не додумались, вот и попались. А всё спешка. Хотели числом взять, – Форкис стал увлечённо делиться мыслями, забыв на мгновение про усталость и сон, о котором весь вечер мечтал.

– Верно. Пока первые развернулись бы, до задних ещё черёд не дошёл бы, а потом – по кругу. Поди попробуй одолей их при такой быстрой езде, – соглашался Дантал.

– Ты у меня стал самым настоящим воином, – Форкис коснулся пальцами подбородка юноши. – Конечно, лучше было бы

тебе не видеть и не знать всего этого, но ничего не поделаешь, коль такому суждено было случиться. Не переживай сильно. Мы вместе, а это самое главное. Ладно, давай спать, уже поздно.

– Давай.

* * *

Незадолго до рассвета Бруакер уже находился в шатре персидского командующего.

– Ты обдумал моё предложение? – встретил его вопросом Шурдия.

– Да. Я принимаю его. У меня нет другого выхода.

– Только по этой причине?

– Я верю тебе.

– В таком случае всем твоим воинам предстоит скорая встреча в бою с сородичами. Не будет ли измены?

– Я знаю, ты не отпустишь нас. Даже если пощадишь, все мои люди станут рабами в тех рудниках. Они тоже понимают это.

– Но служа мне, они обрекают своих близких на рабство. Ведь то, на что ты соглашаешься, и есть предательство!

– Мне тяжело слышать такие слова. По-своему ты, конечно же, прав. Прежде я никогда не находился перед подобным выбором... Долгие годы мои воины провели в походах. В них они и состарились, так и не успев обзавестись семьями. У многих из них не осталось никого из родных. Что им терять? Служа правителю, они ничего не нажили кроме ран и увечий. Обещанное тобой вселяет хоть какую-то надежду на спокойный остаток жизни. В этом походе ты не пришёл убивать. Твоя цель – найти и уберечь от смерти простых подданных своего повелителя. Такая забота нам неведома. Не веря в твои намерения, я встал на твоём пути и в равном сражении был одолён тобой. Ты не свершил расправы над нами. Перейдя на твою сторону, я лишь пытаюсь предоставленной мне возможностью сохранить жизни своим воинам. Думаю, они заслужили такое отношение. Ну а если доведётся вступить в сражение, что ж, значит, другого не дано. Пусть задумаются те, кто с утра направляет нас на бойню, а к вечеру уже не помнит о нас. Вчера, когда первый из моих

воинов бросил меч, он не предал меня, он утратил последнюю веру в себя и в то, что может настать долгожданный момент достойной оценки его преданного служения.

– А как же честь?

– Она не потеряна там, где жива доблесть.

– Разве воину, склонённому в битве, присуще такое?

– Мужество чуждо тому, кто идёт бессмысленно на смерть.

Да и отчаяние не лучший спутник и советчик, а всего лишь жалкий поводырь. Признание поражения от достойного противника – это и дань, и награда. Служение без веры всегда имеет один исход – проигрыш.

– Твои слова свидетельствуют о твоей мудрости. Признаюсь, они очень понятны мне и отчасти приятны. Осталось убедиться в их единении с поступками. Готовь свои войска к выступлению. Лично тебе я доверяю.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

Корабль купца Прета вот уже тридцать восьмой день плыл по Красному морю, преодолев две трети его вод. Он держал курс на северо-запад, возвращаясь от берегов Индии в Навкратис. Сорокадвухлетний Прет разительно выделялся среди своего окружения из-за довольно высокого роста и весьма крепкого телосложения. Курчавые чёрные волосы, стянутые вокруг головы красной лентой, слегка спадали ему на плечи и развевались при каждом дуновении ветерка. Бронзовый загар, покрывавший его мужественное лицо и ладное тело, красиво сочетался с его просторным белоснежным хитонном, туго перехваченным на талии широким коричневым поясом из кожи. Такого же цвета сандалии завершали его простое одеяние, выказывая в нём принадлежность к греческим кровям. Отпущенные на время плавания усы и борода были аккуратно подстрижены и придавали его облику более зрелый возраст.

Немногословный по жизни, в это утро он был по-особенному молчалив и задумчив. Вот уже восемь месяцев прошло с того дня, как он покинул свой дом, до которого теперь оставалось чуть более полумесяца пути. Он очень скучал по дочери, и чем ближе находился к родному городу, тем сильнее тосковал по ней. Казалось, время замедлило свой ход, и изрядно потрёпанное судно едва скользило по водной глади. С тех пор, как умерла его жена Эрифилы, минуло четыре года. Их дочери Ортии тогда было всего лишь десять лет. Два последующих года после смер-

ти её матери он не покидал свой дом, стараясь быть рядом с дочерью. Нелепая роковая случайность совершенно неожиданно отняла жизнь у его супруги, оставив в этом мире его вдвоём с Ортией.

Тот день начинался как обычно, и ничто не предвещало беды. Накануне, довольно поздно завершив торговлю с прибывшими издалека купцами, он возвратился домой и решил наконец-то отоспаться. Утром, когда он ещё находился в своей постели, к нему вдруг вбежала одна из служанок и сквозь рыдания стала пытаться что-то сказать, всё время жестикулируя и указывая в сторону двери. Так и не сумев понять её, но уже почувствовав, что что-то случилось, он выбежал из комнаты. Прямо на выходе из дома сгрудилась прислуга, тут же расступившаяся перед ним. Эрифила неподвижно лежала на спине, касаясь головой нижней ступени. Из-под её волос медленно расплывалась густая кровь. У её ног в луже воды валялись осколки кувшина. Едва он успел приподнять её голову, она умерла, натужно выдохнув. Цветы, её страсть, её и погубили.

Эрифила всегда сама ухаживала за ними, высаживала, стригла, поливала их, не доверяя никому свои любимые занятия. В это утро, по своему обыкновению, она и занималась чем-то подобным. Видимо, как он понял, выронив кувшин с водой и поскользнувшись, она ударилась о грань ступени.

Прет всегда с горечью вспоминал тот злополучный день. Тоска по супруге, так рано покинувшей его, была невыносимой. С их самой первой встречи Эрифила заполнила собой и всю его душу, и весь окружающий его мир. С той поры всё, к чему он стремился, всё, что он творил, было связано с ней и посвящалось только ей. Он долго не мог свыкнуться со страшной мыслью, что её нет и никогда уже не будет. Каждый раз, возвращаясь домой, он подолгу стоял перед воротами, не решаясь открыть створку, и когда, набравшись духу, всё же делал это, то с надеждой оглядывал двор, желая увидеть её. Но её нигде не было. В такие мгновения жуткая холодная пустота заполняла всю его душу, острыми иглами разрывая его сердце. Не входя в дом, он выхватывал меч и срубал в ярости все цветы, растапты-

вал их ногами, после чего уходил прочь, подальше от дома, где в одиночестве валился на землю и долго лежал, терзаясь муками и бессилием.

Именно с той поры дом для него опустел, и даже двор утратил прежнюю торжественность. Никто не решался украсить его цветами. Всегда весёлая Эрифила могла с лёгкостью развеять его тяжкие думы, облегчая его душу, наполняя его разум нежностью и теплотой. Её неизменно мелодичный звонкий голос, словно журчащий ручеёк, в своём звучании был чист и свеж. Услышав его, все обитатели дома сразу настраивались на лёгкое, какое-то праздничное и игривое поведение. Маленькая Ортия ни на шаг не отходила от матери, всё время что-то щебеча и при каждой возможности обвивая её ручонками.

Однажды, по прошествии двух лет после смерти Эрифилы, он после долгого пребывания не у дел впервые совершил дальнейшее плавание и вернулся домой, а войдя в свой двор, был поражён произошедшими там переменами. На миг ему вдруг почудилось, что она жива и всё, что произошло с ней, было лишь страшным сном. Весь двор, как прежде, благоухал запахами и пестрил разноцветьем. От неожиданности он прислонился к стене, не смея пошевелиться, не отрывая взора от множества красивых цветов. Сердце невольно затрепетало. Увиденное дальше сковало дыхание. На ступенях дома спиной к нему стояла Эрифила. Такого не могло быть. Он присел и закрыл лицо руками. В голове зашумело и гулко застучало от нахлынувшей крови. Пошатнувшись, он выставил руку, упёрся ею в каменный настил под ногами и с усилием стал подниматься. Эрифила обернулась к нему. Перед его глазами всё тут же дрогнуло и стало медленно расплываться, оставляя лишь белый силуэт идущей навстречу к нему женщины.

– Отец, – сквозь звенящий в ушах стук услышал он тихий голос, – что с тобой? Тебе плохо?

Пелена постепенно рассеялась, и вместе с ней стал отдаваться и затихать шум в голове.

– Дочь моя, это ты. Моя чудная Ортия, – прошептал он, обнимая её. – Всё хорошо. Я дома. Я с тобой.

Прет часто вспоминал тот день, вновь и вновь переживая волнительное состояние. Тогда он долго не мог прийти в себя. Наполненная горем душа ослепила его, охватив всё его сознание. Он совсем забыл о том, что его дочь не может быть вечно маленькой, и впервые по-настоящему увидел и услышал её. Она заметно подросла, но самое удивительное заключалось в том, что внешне она была очень похожа на свою мать. Различия между ними он почувствовал несколько позже, когда сумел окончательно успокоиться от пережитого, ясно осознавая, что чуда всё-таки не произошло.

С той поры его сердце заполнилось любовью к дочери, постепенно вытеснившей из него почти всю боль, но только до той самой последней грани, за которой навсегда остались тоска и печаль. Сегодня пошёл пятый год, как не стало Эрифилы. Все его думы были о ней и о дочери.

* * *

Далёкие и прежде неизведанные земли Индии, к берегам которой Прету довелось попасть впервые, произвели на него двойное впечатление. Особых богатств и разнообразия среди того товара, которым торговали в дельте реки Инд, он не увидел. Купцы из городов Аргант и Каспапир по каким-то причинам не прибыли в те сроки, которыми он обладал.

Торговля с представителями племён гандаров, калатиев и ониеи, хотя и была интересной, но всё же не могла раскрыть для него всех возможностей здешних государств. Ему следовало проплыть дальше, обогнуть южные берега и добраться до дельты реки Ганг. Из рассказов купцов, бывавших там, Прет знал, что вся мощь Индии – власть, наиболее крупные города и богатые торговцы – располагалась именно в её долине.

В той стороне особо выделялась страна Магадха, в столице которой – в городе Раджагриха – размещалась правящая династия Харьянка, основанная и управляемая отважным царём Бимбисарой, разгромившим и подчинившим себе соседнее государство Анчу, ведшим ожесточённые войны на севере с объединёнными племенами Личчавов и на западе – с государством

Аванти. Несмотря на такое сложное положение, правитель Магадхи всячески поддерживал и развивал торговлю с западными странами, создавая для этого все возможные условия.

Идти туда Прет не решился. Для такого сложного плавания, особенно при обратном направлении, ему мешали сильные тёплые течения, приходящие с юго-запада к берегам Индии и уходящие от них на юго-восток. Но главной причиной отказа от такой затеи было состояние его судна, старого военного египетского корабля, когда-то давно отслужившего своей основной цели и доставшегося ему от отца вместе с торговым делом. Некоторые детали судна были слегка изменены. Форштевень – передняя часть мощного килевого бруса – был освобождён от металлического тарана. На далеко выступающей кормовой её части – ахтерштевне – теперь вместо одного были установлены два крупных рулевых весла. По-прежнему по оконечностям корабля жёстко крепились ограждённые площадки для лучников. На топе двуногой съёмной мачты с узким прямоугольным парусом для них также имелась плетёная корзина. В остальном всё оставалось нетронутым. По возвращении домой кораблю требовался очень тщательный ремонт, но наилучшим вариантом было бы приобрести более новое судно, и, конечно же, обязательно торговое, о чём всерьёз подумывал Прет.

* * *

Море было спокойным. Небольшие волны плавно разбегались в стороны от идущего корабля. Близкий розовато-красный высокий скалистый массив у самой воды оставлял узкую ровную линию золотистого песчаного берега, заманивая людей подойти к нему и ступить для отдыха на его мягкий покров.

Пройдя небольшое расстояние, Прет, поддаваясь нарастающему в нём соблазну, повелел приблизиться к отмели и встать на якоря. Вода, и без того прозрачная во всём море, в этом месте своей чистотой ещё больше напоминала собой огромную плоскую каплю утренней росы, слегка подрагивающую от соприкосновения с судном, искрящуюся и переливающуюся яркими красками донного рельефа.

Отстегнув пояс и сняв сандалии, легко вскочив на бортовой планширь и ловко оттолкнувшись от него, Прет в красивом прыжке вошёл в воду. Ощувив в первое мгновение приятную обволакивающую прохладу, он, вынырнув на поверхность, уже через три-четыре гребка понял, насколько тёплой была вода, прогретая солнцем в этом неглубоком месте.

Долго плескаясь, уходя как можно ближе ко дну, где царил свой причудливый мир, Прет удалился от корабля и вскоре вышел на пологий берег, обжигая ступни раскалённым вязким песком. Пройдя с десятков шагов, он оказался у самого подножья гор, уходящих каскадами высоко вверх. Вблизи они не были такими гладкими, как казались издали, и имели шероховатую поверхность и более серый оттенок.

Оглянувшись, он окинул взором бескрайний водный простор, посреди которого неподвижно чернело бортами его старое судно. Отсюда, с берега, оно выглядело маленькой ветхой лодчонкой, одиноко и сиротливо ожидавшей его возвращения, при этом совершенно не вписываясь в яркую синеву моря и неба, словно стыдясь своего жалкого вида и торопясь поскорее покинуть эти райские места, более не омрачая собой царящую здесь красоту. От такого невольного возникшего сравнения Прету стало неприятно и даже обидно за свой корабль и за людей, что находились на нём.

Пробежав обратно, он бросился в воду и, рассекая её гладь сильными гребками, устремился подальше от берега. Небольшая стайка пёстрых мелких рыбёшек, напуганная его внезапным появлением, быстро изменяя направление своего движения, стала скрываться среди зарослей причудливых ярких кораллов. Залюбовавшись их поразительным видом, набрав побольше воздуха, Прет опустился ниже под воду, стараясь поближе рассмотреть эти странные заросли, так напоминающие своими красками его цветущий двор. На миг ему показалось, что он парит над ним и вскоре должен увидеть свой дом. Улыбнувшись своим фантазиям, по-детски выпятив губы, он выпустил тоненькую струйку воздуха, тут же превратившуюся во множество мелких пузырей, уносящихся вверх.

«Вот бы моей Ортии увидеть всю эту красоту. А может, мне что-нибудь удастся прихватить ей в подарок?» – промелькнула приятная мысль.

В тот момент, когда он вытянул руку и почти уже коснулся ближнего коралла, он уловил лёгкое движение воды, колыхнувшее и его, и небольшую рыбу, проплывавшую рядом.

«Наверное, корабль подошёл ближе», – первое, что пришло ему в голову.

Приняв вертикальное положение, удерживаясь частыми махами рук, он плавно развернулся в оборот, задрал голову, но днища судна над собой, вопреки ожиданию, не увидел. Снова почти неуловимый поток шевельнул его сзади. Выпустив ещё немного воздуха, он вновь развернулся.

«Может, акула? Ведь мне говорили, что их здесь очень много», – Прет стал быстро и внимательно осматривать округу.

Ничего похожего на большую рыбку не было. Справа тянулась подводная береговая линия скал. Скользнув по ней взглядом, устремляя его дальше вперёд, он вдруг увидел что-то странное, от чего во всём теле ощутил озноб. Сотни мурашек ледяными шипами пробежали по спине к затылку. Он отчётливо почувствовал, как стали подниматься волосы на голове. Примерно в двадцати шагах от него в скале у самого дна чернел вход в пещеру, куда медленно входило нечто, напоминающее человека, но даже отсюда можно было понять, что оно обладало огромным ростом и мощным сложением. Его уже не было видно из-за темноты грота, но перед глазами Прета ещё стояла его могучая тёмная спина, посередине которой, сужаясь сверху вниз, тянулась полоса густого ворса, шевелящаяся от движения воды.

Выпустив остатки воздуха, он вынырнул на поверхность и что есть сил поплыл к кораблю. Забравшись по канату на борт, он сразу присел, тяжело дыша, пытаясь успокоиться и собраться с мыслями. Его помощник Лисипп, встревоженный долгим нахождением хозяина под водой, был искренне рад тому, что купание наконец-то закончилось. Протянув полотенце и выждав пока хозяин оботрётся, он тут же подал ему чашу с вином, и, когда склонился, вновь наполняя её, почему-то резко отпрянул.

Заметив его странное движение, Прет поднял голову. Глаза помощника выражали ужас.

– Что с тобой? – не понимая, спросил Прет.

Не сказав ни слова в ответ, тот опустился рядом с ним на колени, коснулся рукой его плеча, приподнял на ладони прядь его волос и поднёс её к его лицу. Прет взглянул на неё, закрыл глаза и откинул голову. Он долго не размыкал век. В то что случилось он не поверил бы никогда. Его волос наполовину был седым...

* * *

Все последующие дни до самого прибытия в город Навкратис кораблём командовал Лисипп. Прет перестал есть и всё время молча пил вино, засыпая и пробуждаясь с этим напитком. Он заметно похудел, и лишь его лицо стало опухшим и приобрело нездоровый серый цвет.

В доме, помимо дочери Ортии, его возвращения дожидался гостивший у них купец Диагор. Они и встретили Прета, столь странного в поведении.

На их расспросы о случившемся с ним Лисипп, кроме того, что знал, ничего добавить и пояснить не мог. Диагор, отложив отъезд, остался ещё на время, желая помочь Ортии и узнать о причинах перемен, произошедших с Претом. Дважды потребовав от Лисиппа подробного изложения, понимая, что рано или поздно, но его друг придёт в обычное состояние, не запрещая давать ему вино, старец стал подолгу размышлять, сопоставляя всё известное ему о тех местах в Красном море. Он понимал, что чему-то страшному подвергся Прет, иначе, как он полагал, сильный и здоровый мужчина не мог вот так в один миг поседеть. Этот факт более всего тревожил Диагора, не знавшего за свою долгую жизнь ни единого подобного случая.

Прошло пять томительных дней, пока Прет не начал приходить в себя. Он попросил принести ему еды, и это его простое желание уже было хорошим признаком, свидетельствующим о его выздоровлении. В доме всё сразу ожило. Люди засуетились, радуясь тому, что подступившая было беда обошла их хозяина стороной.

Сидя за столом, Диагор незаметно, но внимательно следил за другом, с удовольствием отметив про себя его привычный осознанный взгляд. В последующие дни, не досаждая ему вопросами, выжидая подходящее для этого время, он занимался своими торговыми делами, поручая различные задания двум своим помощникам.

Однажды, находясь во дворе, он обратил внимание на то, как Прет, стоя на ступенях, пристально рассматривал цветы. Его взор был преисполнен повышенной настороженности и чрезмерной напряжённости. Диагору в этот момент очень хотелось узнать обо всём творящемся в голове его друга, но он по-прежнему вёл себя сдержанно, понимая, что ещё не подошло нужное время.

Ортия была счастлива. Бессонные ночи теперь казались ей чем-то далёким и не связанным с отцом. Его временный недуг, так сильно напугавший её, почти прошёл, и всё в семье становилось как прежде, спокойным и привычным. И только думы о Дантале, оттеснённые в эти дни, нахлынули с новой силой, беря её юную душу, вызывая тревожные мысли. Слишком рано ей довелось познать одну из главных частей женщины – долгое и терпеливое ожидание родных людей. В её жизни всё происходило именно так.

Вчера она наконец дождалась возвращения одного очень дорогого ей человека – отца, и казалось бы, что ей надо быть радостной, но уже сегодня она опять ждала появления другого человека, не менее важного для неё, коим являлся Дантал.

Каждый раз при воспоминании о матери она не переставала удивляться её мудрости. Вот и сейчас из памяти всплыли её слова: «Дочь моя, знай, что из дальних дорог единой душой и телом возвращаются только те, по ком скучает и думает хотя бы один человек. Даже если он и ребёнок. Туда же, где этого нет, может вернуться лишь тело».

* * *

– Послушай, Диагор, я как-то слышал о том, что много людей бесследно пропали на южных границах. Ты не знаешь, что

там произошло? – однажды вечером, сидя на ступенях дома, спросил Прет.

«Ну наконец-то я дождался этого момента», – подумал старец.

Довольный переменах в друге, присаживаясь рядом с ним, он негромко ответил:

– Разное говорят. Никто толком ничего не знает. Одно известно точно: войска направлены туда. К ним в походе приданы мастеровые люди. Видать, надолго пошли. К чему ты спросил о них?

– Пойдём, немного пройдемся. Мне нужно кое-что важное сказать тебе, – поднимаясь, предложил Прет.

Они вышли за ворота и не спеша направились к окраине города.

– Не знаю, как тебе всё объяснить, но об одном прошу: не считай меня выжившим из ума, хорошо? И пообещай, что никому не обмолвишься о том, что я тебе сейчас расскажу, – Прет остановился и взглянул горящими глазами в лицо Диагора.

– Ты же знаешь меня, я не люблю лишних слов, – ответил тот.

– Там, в море, когда до дома оставалось совсем недалеко, я решил немного поплавать у берегов. Всё было бы обычным, но то, что я увидел под водой, перевернуло всю мою душу, – Прет замолчал, видимо, как понял Диагор, переживая вновь то ужасное состояние.

– Я слушаю тебя, – как можно спокойнее произнёс Диагор.

– Так вот, в прибрежных скалах была подводная пещера, в которую входило нечто непонятное. Не могу его описать, но оно было похоже на человека, только гораздо больше. Всего его я не успел увидеть.

– Ты говоришь загадками, – старец, обойдя друга, встал перед ним и обеими руками взялся за его плечи.

– Понимаешь, я говорю тебе правду. Если бы оно мне показалось, я не стал бы так мучиться. Пусть меня подвели глаза, такое бывает, ты прав, но я почувствовал его всем нутром, всем разумом. Ты что, не веришь мне? – голос Прета дрогнул.

– В это трудно поверить. Не обижайся на меня. Скажи лучше, оно что, плыло?

– Нет. Оно входило в тот грот так, как это делает человек.
– Ты уверен, что это была не рыба?
– Уверен.
– Но оно ведь не напало на тебя? Тогда как ты заметил его?
– Меня дважды потревожил поток воды, видимо, исходявший от него, от его движений.

– Почему дважды? – Диагор был очень взволнован.
– Этого я не знаю. А что, это так важно?
– Подумай сам.
– Ты что, думаешь, оно было не одно?
– Вот именно.

Прет замолчал, разинув рот, не сводя глаз с лица собеседника.

– Так ты всё-таки веришь мне? – протянул он.
– Я многого не понимаю, но в то, что случилось с тобой, и в твой рассказ верю, – очень убедительно ответил старец, отпустил руки Прета и присел в задумчивости на камень.

Они долго молчали. Огромное красное солнце наполовину ушло за горизонт.

– Хвала богам, твой разум спасло вино, – прошептал Диагор.
– О чём ты? – присаживаясь рядом, удивлённо спросил Прет.
– О богах и о вине. Лисипп мне поведал о твоём странном пристрастии к вину с того самого момента.

– И что?
– А ты сам подумай, что было бы с тобой, если бы ты не пил его столько, сколько выпил за всё это время? – Диагор вопросительно посмотрел на него.

Прет замолчал. Он понял, о чём сказал старец, и несколько раз кивнул, соглашаясь с ним.

– Ты знаешь, что Форкис со своими людьми тоже там, в этом походе? – тихо спросил Диагор.

– Нет, – удивился новости Прет.
– Их забрали с собой персы.
– Как давно?
– Точно сказать не могу, меня не было, но думаю, ты в это время был в Индии или уже на обратном пути. Лисипп видел не-

сколько кораблей, стоящих в море у берега, откуда ведёт дорога в Коптос. Персы пошли в верховье Нила двумя путями – по реке и по морю. Как и куда они дальше двинутся, никто не знает. Думаю, они давно в землях страны Куш. Если, конечно, ещё живы.

– А Дантал? Он с ними?

– Все ушли, – с сожалением ответил Диагор.

– Но он ведь совсем молод?

– Что теперь поделаешь? Я мог выкупить его, но ничего не успел.

– Жаль. Очень жаль. Хороший был юноша.

Они вновь замолчали.

– Я рад, что ты пришёл в себя. Это сейчас важнее всего. Ортия так ждала тебя. Тяжело ей было все эти дни, – Диагор поднялся. – Что думаешь делать дальше?

– Пока не знаю. Тебе я очень благодарен за оказанную помощь.

Прет уважительно коснулся плеча друга. Они направились обратно.

– Ты ничего так и не сказал обо всём этом, – сделав несколько шагов, напомнил молодой купец.

– Оттого и молчу, что не знаю, как быть. Ума моего не хватает. Спросить у кого-то нельзя. Да и не уверен, что кто-то слышал о таком. Главное – ты к вину поостынь теперь, оно ведь до поры во благо.

Г Л А В А Ч Е Т В Ъ Р Т А Я

До горных ущелий и рудников оставался однодневный переход.

Шурдия, Гурис и Бруакер продвигались не спеша, ведя свои войска двумя колоннами, причём напятийцы шли по правую руку, прикрывая персов и египтян.

Тяжело раненые воины сдерживали ход.

На ночь разбили лагерь. Дозорные отряды по-прежнему никого не обнаружили.

– Послушай, Бруакер, не кажется ли тебе странным, что на нашем пути нет войск? – Шурдия расхаживал по шатру.

– Я и сам не могу понять, почему так. Сегодня мы уже должны были с ними повстречаться. Хотя бы с их передовыми отрядами, – недоумевающе ответил тот.

– И впереди их нет, – дополнил Гурис.

– Наверное, они надеются на меня и моих людей, – вновь неуверенно произнёс напятийский полководец.

– Ну, хорошо. Допустим, пусть будет так, но должны же быть какие-то дозоры? – Шурдия взглянул на него.

– Не знаю, что происходит. Видимо, что-то случилось и понадобились все воины.

– Кто-нибудь может угрожать им с другой стороны? – командующий пытался понять сложившуюся ситуацию.

– Не думаю. Там непроходимые горы, и всё было под властью царя.

– Сколько же всё-таки войск должно быть здесь, в этих местах, с этой стороны?

– Я действительно этого не знал никогда, – Бруакер пожал плечами. – Могу только предположить, что их в три-четыре раза больше, нежели привёл я. К тому же в самой Напате хватит сил перекрыть сюда дорогу с севера.

– Скажи мне вот о чём: в каких отношениях с царём находится правитель Напаты? – Шурдия присел, не сводя глаз с Бруакера.

– Этого не ведаёт никто. Разве может кто-то ослушаться властителя?

– Но ты ведь сделал это? – Шурдия не любил пустословий и невольно напомнил ему о его поведении, тут же исправляя допущенную оплошность. – Ну, хорошо. Я о другом. Мог ли правитель Напаты отвести войска по своему усмотрению, дабы окружить нас?

– Нет. Они ему не подчинены, – несколько резко ответил тот.

– Скажи, Бруакер, когда ты должен был отправить гонцов в Напату? – спросил молчавший Гурис.

– Такого указания мне не было. Завершив поход, я должен был вернуться и лишь тогда обо всём лично доложить.

– Выходит, об исходе нашего сражения пока неизвестно правителю? – вновь поинтересовался Шурдия.

– Да. В сроках ограничения не было.

– Не понимаю, – командующий встал. – Разве можно убраться с этого направления войска, не зная, чем завершилась наша битва? Почему и, главное, что побудило к такому поведению? Решили устроить западню? Кому? Мне? Навстречу с которым уже направлен ты, Бруакер. Нет. Что-то здесь не так.

– Там, впереди, должна быть река. Она течёт с гор и впадает в Нил. Её, насколько мне известно, очень трудно перейти. Особенно в предгорье, – тихо произнёс Бруакер.

– Где река? – Шурдия уставился на него.

– Завтра к вечеру мы должны подойти к ней.

– Вот где разгадка, – командующий взглянул на Гуриса.

– Тогда почему ты сказал, что сегодня мы должны были повстречаться с войсками? – Гурис задал резонный вопрос.

– Я полагал, что они должны были находиться где-то здесь. К тому же я ошибся в подсчётах, ведь сражение с вами случилось днём раньше.

«В таком состоянии вполне возможно ошибиться. Обмана с его стороны, похоже, нет. Войска, надеясь на заслон, созданный им, не ожидая моего прихода, наверняка находятся за той рекой. Нужно в горы послать пеших египтян. Оттуда легче вести наблюдение за местностью. На колесницах быстрее доберутся», – Шурдия определился в решении, отпустил Бруакера и поручил немедля направить вперёд новый дополнительный дозор.

Наутро Гурис сообщил, что прибывший из разведки десятник дошёл до реки. Ни с ближнего берега, ни с горных вершин войска на другой её стороне они не обнаружили. Но ими была замечена одна странность: там во множестве были пепелища костров, вокруг которых виднелось разбросанное оружие. Шурдия двинулся к реке.

* * *

– Смотри, как всё получилось с напатийцами. Им вернули оружие, и они идут с нами, – удивлялся Дантал, следуя на коне рядом с братом.

– Довольно неожиданное решение. Я мог предположить всё что угодно, но не такое отношение к противнику. Посмотрим, что будет дальше. Если у нас на пути стоят отряды их сородичей, что тогда? Возможно, я чего-то не понимаю. Разве они вступят с ними в бой на нашей стороне? Хотя всякое может быть, – недоумевал Форкис.

– Они повернут против нас сообщая с теми. А как же иначе?

– Шурдия явно что-то задумал. Это точно. Он не простой полководец.

– А если он всего лишь доверился их военачальнику? Может, тот наобещал ему что-то, чтобы выжить. Если он обманул его? – не унимался юноша.

– Такого не может быть. У Шурдии есть свой расчёт на них. Поверь мне. Скорее, он схитрит и использует их. Ты же видел,

как он легко одержал победу. Ну-ка, внимательнее взглядишь в них. Он вернул им только щиты.

– Да, ты прав, но посмотри, как мы движемся: слева горы, справа они, впереди наверняка ожидают войска. Случись битва, куда мы? – Дантал не по-детски нервничал.

– Успокойся. Всё обойдётся. Почему ты уверен, что впереди противник? – Форкис внутренне соглашался с младшим братом, но старался не показывать виду, дабы не тревожить его.

– Не знаю. Мне так кажется.

– Ладно, угомонись. Своим чувствам, конечно, нужно доверять, но старайся не думать о плохом. Всему своё время. Смотри, появилась трава, редкая, а всё же зелень. Видимо, где-то поблизости есть вода.

– Хорошо бы так.

Г Л А В А П Я Т А Я

К вечеру войска подступили к реке. Густые заросли кустарников скрывали берег. Обильная трава покрывала здесь всё прибрежное пространство, протягиваясь далеко на запад.

Слева, на востоке, в горах, начиналось широкое ущелье, откуда несла свои потоки эта безымянная река. Отсюда до самого подножья скал, разорванная рекой надвое, раскинулась пустынная равнина. Тщательно осмотрели округу. Встали на ночлег. Разбили лагерь. Чуть в сторону от него для пастьбы под охраной отогнали рассёдланных лошадей. Запылали костры.

Шурдия долго и внимательно вглядывался в сторону гор.

– Здесь нет никого, – тихо произнёс он.

– Всё это очень странно, – согласился с ним подошедший Гурис.

– Как далеко в ущелье прошёл дозор? – повернувшись к нему, спросил командующий.

– Там есть изгиб. Дошли до него. Пусто. Везде обнаружены брошенные инструменты и снаряжение для ведения работ. Глыбы разной породы также оставлены на стадии начальной обработки. Ещё множество каких-то грузов, видимо, приготовленных для отправки. Это всё.

– Что, вообще нет ни одной живой души?

– Нет.

– Куда они все подевались? Ведь так не бывает. Где их охрана? Где, наконец, войска? – Шурдия недоумевал.

Гурис молча пожал плечами.

– Кто-нибудь побывал на дальнем берегу? – командующий перевёл взгляд в сторону реки.

– Да. Там побывала разведка.

– И что?

– Судя по кострищам и брошенному оружию, войск стояло не меньше тысячи. Следы ведут в сторону ущелья или от него. Больше никуда.

– Ничего не понимаю.

Подошёл Бруакер.

– Что теперь скажешь? – Шурдия обернулся к нему.

– Я прошёл по берегу, с этой стороны людей не было, – ответил тот.

– Что тут творится? Почему всё внезапно брошено? Если кто-то напал, где хоть что-то, свидетельствующее о сражении? – командующий в который раз задавал вопросы больше для себя, нежели для собеседников.

Те, понимая его, молчали.

Лагерь затихал, погружаясь в долгожданный отдых. Последние отсветы давно закатившегося светила, поблекнув, растаяли на тёмном небосклоне. Наступила ночь.

– Я не знаю, важно это или нет, но мне показалось довольно странным... – неуверенно начал Бруакер.

– Говори. К такому изобилию загадок добавится всего лишь ещё одна, – с иронией отозвался Шурдия.

– Места здесь благодатные. Много звериных троп, ведущих к воде, а крокодилов почему-то нет, – продолжил Бруакер.

Новость была действительно неожиданной.

– Ты уверен? – посерьёзнев, спросил командующий.

– Да.

– И что?

– Кто-то отогнал их вниз по течению или же уничтожил, – Бруакер замолчал.

– Это невозможно, – Шурдия явно растерялся от услышанного.

Он знал, как почитают этих животных в Египте и по всему течению Нила.

– Нужно подальше посмотреть, но, похоже, что всё так и есть. Шагах в тридцати отсюда я видел останки нескольких крокодилов. Вы знаете, что у них нет врагов, – закончил напатец.

– Ты ничего не перепутал? Может, там что-то другое? – командующий понимал, что тот не ошибается, но, почувствовав смутную угрозу, исходящую от такого сообщения, всё же пытался уловить сомнение в словах Бруакера.

– Нет. Я уверен, – твёрдо ответил тот.

– С водой всё в порядке? – не унимался Шурдия, надеясь найти более простую, доступную и объяснимую причину случившемуся.

– По-моему, вода здесь не при чём. Она чиста и пригодна для питья, – с досадой, что приходится отвергнуть и этот довод полководца, произнёс Бруакер.

– Поистине диковинный край! Что ни шаг – всё какие-то таинства, – Шурдия опять негодовал.

Его собеседники молчали.

– Так. На рассвете с половиной своих войск, показав им эти останки, ты, Бруакер, вступишь в ущелье. Оружие получишь у Гуриса при входе. Узнай всё, что сможешь, а сейчас отдыхай, – решительно повелел командующий.

Бруакер, склонив голову, удалился.

– Гурис, с двумя конными сотнями проводи его туда и только там выдай ему всё его вооружение, но прежде, до его пробуждения, отправь скрытно пятьдесят египтян в горы, по левой стороне. Пусть сверху осмотрят ущелье и за ним проследят, – оставшись наедине с ним, распорядился Шурдия.

– Я понял тебя.

– Не нравится мне эта местность. Ладно, пора отдыхать.

* * *

Форкис, Дантал, Гром, Комата, Борус и Савват, как всегда, вместе расположившись у одного костра, крепко спали.

Сотник Сиргс, обойдя посты охраны, присел к огню. Ему, несмотря на усталость, не спалось. Наблюдая издали за поведением Шурдии, он заметил много нового для себя: и его не-

обычное напряжение, и появившуюся в нём тревогу, и даже какую-то не характерную для него раздражительность. Таким он не видел своего командующего очень давно, да и видел ли вообще? Он понял, что следует быть готовым ко всему. Ведь не зря, думал он, такой опытный военачальник ведёт себя здесь не очень уверенно.

«Надо бы усилить дозоры. Пусть люди немного отдохнут. К полуночи подниму ещё два десятка. Не помешает. Потом прилягу сам. Кто знает, что будет завтра, а силы лишними не бывают. К тому же за нападителями следует бдительнее присматривать. Нет им веры. Было бы гораздо легче без них, но ничего не поделаешь, придётся терпеть», – размышлял сотник, ковыряясь палкой в углях, взметая яркие искры.

Взглянув на соседний костёр, у которого лежали простые люди и откуда доносился чей-то могучий храп, он улыбнулся, подумав: «Эти вон тоже притомились. Вроде не воины, всего лишь мастеровые, а сражались очень даже достойно. Навыка у них особого нет, но крепость тела и духа имеется. Старший у них прямо прирождённый воин, да и человек неплохой, хотя и грек. Оружие делают они действительно отменного качества. Жаль будет, если что-то с ними случится. Таких умельцев беречь надо. Прежний мой меч неплохой был. Ну а этот, от них – так цены ему нет. Да-а-а, прочно изготовлен и удобно».

Он вытащил любимое оружие, с удовольствием повертел его в руке и положил на колени, приятно ощущая его тяжесть и прохладу.

Небо было звёздным и низким. Свежесть, исходящая от воды, плавно разливалась по всей окрестности, наполняя низины и постепенно расплываясь вширь. После знойного дня дышалось легко и бодряще.

Глубоко вдохнув, он мечтательно потянулся: «Эх, искупаться бы! А ведь это хорошая мысль. Уснуть, наверное, не смогу теперь. Что за характер у меня? Как что-нибудь вобью в голову, отвязаться не могу, пока не сделаю задуманного. Ну весь в отца! Не зря мать всегда приговаривала об этом. Как они там без меня? Небось ждут не дождутся. Знаю я их, всё женить но-

ровят. Не выйдет. Не по мне вся эта мирская суета: детишки и разные домашние дела. Вот походы, сражения – это по мне, это моё. Пусть брат их радуется своим семейством. Оно у него с каждым разом всё больше становится. Ему такая жизнь по душе, а мне другая. Каждому своё».

Сотник встал, вложил меч, размял ноги, оглянулся по сторонам. Всё было тихо и спокойно. Изредка доносилось лошадиное похрапывание. Всего в нескольких десятках шагов от лагеря журчала вода. Недолго постояв, Сиргс направился к берегу. Из-за ближнего куста появились двое дозорных.

– Как тут у вас? – почти шёпотом спросил он их.

– Рыба плещется сильнее обычного, – ответил один из них.

– Стало быть, кормится, – предположил сотник и направился дальше.

Дозорные проводили его взорами и уселись обратно под куст.

– Чего ему не спится? Ух, я бы сейчас как завалился! – мечтательно прошептал один из них.

– Не говори, я бы тоже, – протянул другой.

– Как думаешь, прочему крокодилов здесь нет? Рыбы-то полно, – первый перевёл разговор на другую тему.

– А кто его знает. Может, и есть они тут? – прошептал второй.

Они замолчали, взглядываясь вслед сотнику.

– Вот рыбки бы наловить, это да. Давно не ели, а? – смачно причмокнув языком, вновь протянул второй.

– Это точно. Не помешало бы, – согласился первый.

– Слушай, может, пойдём за ним, мало ли что? – спохватился второй.

– Нельзя. Сам знаешь. Велено быть здесь, стало быть, не дёргайся, – осадил первый.

– Чего он туда пошёл? – не унимался второй.

– Ему положено всё проверять, – резонно подметил первый.

– Кого там проверять? По нужде небось направился. Представляешь, а мы тут как тут. Вот радости ему, – захихикал второй.

– И то верно, чего мешать такому важному делу, – прыснул первый.

– А мы тоже присоединимся, есть чем кустики обрадовать, – второй уже не мог сдержаться, прикрыл ладонью рот и всюю хохотал.

– Тише ты. Смотри как развеселился! – одёрнул его первый. Они замолчали.

Послышался плеск воды, явно не от игривых рыб.

– Тьфу ты, он купаться надумал, а ты заладил: по нужде, по нужде, – прислушавшись, прошептал первый.

– Откуда я знал? Туда и днём в охотку не сунешься. Видел, какие там заросли? Того и гляди, змея какая вцепится, а он взял и пошёл. Вот я и подумал, что по этому делу, – объяснялся второй.

– Вечно у тебя в голове что попало, то жрачка, то... – первый кашлянул. – Сам знаешь что.

– Но ведь время коротаем. Чего ты? – обиженно пробубнил второй.

– Ладно, успокойся. Я это так, к слову, – примирительно шепнул первый.

Всплески продолжались.

– Может, ты и прав. Думаю, стоит подойти поближе, присмотреть за сотником. Река-то незнакомая. К тому же ночь, – приподнимаясь, серьёзно произнёс первый.

– Вот и я про то, – второй торопливо вскочил.

Стараясь не шуметь, осторожно раздвигая кусты, они пошли к берегу. Вошла луна, отбрасывая множество теней от всего, что возвышалось над землёй. Дозорные медленно приближались к дальней окраине зарослей. До воды, судя по доносившемуся её журчанию, оставалось совсем недалеко. Всплесков уже не было слышно.

– Похоже, накупался, – остановившись и прислушавшись, прошептал первый.

– Ага, вышел уже, – так же тихо согласился второй.

– Разворачивайся. Уходим обратно. Он может пройти в другом месте и не застать нас, – первый повернул назад.

– Это точно. Потом не объяснишь, почему покинули схрон, – второй пропустил напарника и последовал за ним.

Они вернулись и присели под куст. Сотник не появлялся.

– Может, прошёл уже? – приподнявшись и оглядываясь, спросил второй.

– Кто его знает? Всякое может быть. Сбился с пути да ушёл по другой дорожке на костры, – пожал плечами первый.

– Вон там не он идёт? – второй смотрел в сторону реки.

– Где? – первый также поднялся.

– Ну вон же, – второй указал рукой.

Вдали над зарослями виднелся чёрный силуэт.

– Ты что? Кустарник гораздо выше нас. Это какой-то всадник, что ли? – первый вытянулся, но не мог понять.

– Откуда всадник там? – удивился второй.

– Быстро беги в лагерь, – встревоженно прошипел первый. – Я разожгу огонь.

Второй со всех ног припустил к стану.

– Ты смотри. Их же там много, – увидев ещё множество появившихся таких же силуэтов, в ужасе произнёс оставшийся дозорный.

Вскоре лагерь ожил. Повсюду стали слышны голоса, бряцание оружия, грохот сотен ног. Всё замерцало факелами. Дозорный не стал разжигать костра. Он внимательно следил за появившимися на берегу всадниками. Те неподвижно возвышались над зарослями. Их становилось всё больше и больше. Ровный ряд добавлялся и расширялся на флангах. Услышав за спиной приближение войск, дозорный оглянулся. По пологому склону надвигалась грозная конница. Увидев командующего, он выбежал навстречу из-за куста.

– Говори, – повелел Шурдия, осадив скакуна.

– Вон, на берегу, за зарослями, какие-то всадники. Их много, – указывая рукой, на одном дыхании громко доложил дозорный.

– Вижу, – командующий приподнялся в седле.

– Туда ушёл сотник Сиргс. Больше мы его не видели, – дополнил дозорный.

– Сиргс! Ко мне, – не поворачивая головы, выкрикнул командующий.

Сотника не было. Шурдия взмахнул рукой. Первый ряд конницы осветился горящими стрелами, и уже через миг, описывая

дугу, они просвистели в сторону противника. Было видно, как некоторые из них вонзились в тела. Никаких звуков оттуда не последовало.

– Они не смогут пройти сквозь эти заросли, – уверенно произнёс Гурис.

– Тем хуже для них, – командующий вновь махнул рукой.

Полсотни огненных стрел молниями просияли в полумраке.

– Гурис, пусть одна сотня обойдет слева, – командовал Шурдия. – В открытый бой не вступать. Бить издали. Вооружи напатийцев. Египтян в горы не направляй.

Гурис удалился. Вдали, где находился противник, запылал сухостой. Лучники по команде Шурдии продолжали обстрел. Через некоторое время обошедшая сбоку конница также стала осыпая врага зажжёнными стрелами. Персы придвинулись к зарослям.

– Почему нет ответа их лучников? – удивлялся командующий.

Появился Гурис.

Он был в ужасном состоянии.

Заметив это, Шурдия повернул к нему коня и, поражаясь его виду, спросил:

– Что случилось?

– Шурдия, я был там, ближе к ним. Это не люди.

– Что-о-о? – не понимая сказанного, протянул полководец.

– Это великаны.

– Ты что, обезумел?

– Они уходят в воду.

Резко ударив пятками скакуна, огибая кустарники, Шурдия помчался в сторону отправленной сотни. Находящиеся поодаль телохранители устремились за ним.

Очень быстро добравшись до сотни, проскочив сквозь её ряды, он осадил коня. Отсюда на фоне бушевавшего огня хорошо проглядывался весь берег. Там никого не было.

– Где они? – взревел командующий, вертясь на разгорячённом скакуне.

К нему тут же подлетел сотник:

– Властитель, эти гиганты исчезли в реке.

– Да что это с вами творится? Какие ещё там гиганты? Вы что, все ополоумели? – вскричал он.

– Нет, властитель. Я говорю правду, – склонив голову, твёрдым голосом ответил сотник.

– Выжечь всё дотла, – прохрипел командующий и удалился к войскам.

До самого рассвета полыхали заросли. Подходить к воде было запрещено. Все находились в полной готовности. Вдоль берега на восток, почти до середины расстояния от входа в ущелье, где не росло ни единой травинки, разожгли костры. Конные полусотни постоянно проносились до самого последнего из них. На заре, когда посветлел небосвод, над всей округой, затмевая землю, клубился едкий дым. Обмотав головы тканью, уже посеревшей от гари, полностью покрытые копотью, сверкая покрасневшими глазами, сохраняя ровную линию, стояли отступившие на север войска. На месте кустарников кое-где из сплошного пепла торчали почерневшие одинокие оголённые ветки.

Более не откладывая, Шурдия и Гурис в сопровождении двух десятков конников приблизились к берегу, где ночью появились странные существа.

На покрытом сажей песке повсюду виднелись огромные глубокие следы, схожие по виду с человеческими.

Другого ничего обнаружено не было.

– Сиргс пропал. Видимо, решил искупаться и попал к ним. Очень жаль. Я знал его с давних пор, – устало произнёс командующий.

– Они передвигаются под водой. Вот почему здесь нет никого, даже крокодилов, – Гурис спрыгнул с коня.

– Не стоит находиться в этом месте, – Шурдия посмотрел на близкую воду. – Если всё обстоит именно так, как мы думаем, то они обитают выше по течению. Там, в ущелье.

Гурис, осмотрев след, вскочил в седло.

Всадники развернулись и неспешно направились обратно.

– Всё, что случилось в рудниках и копиях, связано только с этими, что появились ночью. Теперь я уверен, что там, в ущелье,

мы не найдём людей: ни воинов, ни рабов, – Шурдия взглянул вдаль и повернул к войскам.

– Вот так пропали те, кого мы ищем и за кем пришли в эти земли, – Гурис вздохнул и посмотрел на старого товарища.

– Странно, если они питаются людьми и крокодилами, то почему скот-то остался почти нетронутым и сумел выжить? – вспомнив доклады о поисках египтян, недоумевающе произнёс командующий.

– Наверное, оттого, что эти слишком медлительны. Получается так, что пройти незамеченными они могут везде, где есть вода, а эта река впадает в Нил, – задумавшись, ответил Гурис.

– На том побережье от их внезапного нападения, видимо, и случилось непоправимое. Даже не представляю, что было бы с нами, не будь дозора со стороны реки, – командующий ускорил ход.

– Теперь нужно проверить воду, напоив какую-нибудь лошадь. Если она пригодна, нам следует запастись и отойти на безопасное расстояние. Людям требуется отдых, – предложил Гурис.

– Хорошо. Командуй.

Ничего не предпринимая, два дня войска провели в бездействии. Случившееся в ту ночь, когда общим для всех врагом оказались отнюдь не сородичи напатийцев, а какие-то странные существа, вдруг само по себе неожиданно стало объединяющей силой в войсках. Отныне никто из персов и египтян не видел в лице напатийцев своих противников. Вскоре такое отношение было уже взаимным и значительно изменило к лучшему состояние духа каждого человека. Даже проводники-нубийцы попросили выдать им оружие. После этого всякую службу безраздельно и равно, не имея каких-либо исключений, начали нести все воины.

Бруакер по достоинству оценил оказанное ему и его людям доверие и чувствовал себя гораздо увереннее. Он понимал, что раздор между своими и столкновение с победителями ещё не так давно были неминуемы. В прошедшие дни и ночи от незнания того, что ещё предстоит перенести в столь опасном буду-

щем, он сильно страдал, не находя бескровного выхода. Теперь всё сложилось как нельзя лучше. Единственное, что породило в его душе новую волну тревоги, было появление неизвестного доселе врага. Все его воины для удобства управления уже были разбиты на сотни и десятки.

Назначенные в них военачальники обучались однообразным сигналам, присущим персидско-египетским войскам. Такое новшество диктовалось возникшей необходимостью, от которой напрямую зависела жизнь их всех. Но истинных размеров нависшей над ними угрозы по-настоящему пока не понимал никто.

* * *

– Пришли мы в эту землю с иной, совершенно мирной целью, но теперь нам всё-таки доведётся вступить в сражение с неизведанной силой, чтобы добиться лишь одного – прекратить творящееся здесь зло, – Шурдия начал беседу с полководцами и военачальниками, обращаясь к ним на египетском языке.

Гурис, Бруакер и все сотники внимательно слушали командующего.

– Я, как и вы, не знаком с нею, но понимаю, что иного выхода у нас нет. Что бы ни случилось и какой ценой нам бы ни пришлось заплатить, мы должны сделать всё для её уничтожения. Как поведёт себя враг? На что он способен? Никто не знает. А это означает только одно: прежние навыки ведения войны могут не пригодиться, и в этом случае очень важно быстро и точно исполнять все мои указания, какими бы странными они ни показались. Ну а какими они будут, покажет сражение. Всего предусмотреть нельзя даже в обычной битве. Здесь же всё предстоит по-другому. Такого никто из нас ещё не испытывал. Что ж, воины достаточно отдохнули. Если до восхода солнца они не потревожат нас, мы сами войдём в ущелье. Идите к войскам. Готовьтесь.

* * *

Оставшись в шатре с Гурисом и Бруакером, Шурдия задумчиво спросил:

– Скажите мне, как вы представляете наши действия?

– Исходя из того, что у них нет ни луков, ни другого метательного оружия, мне кажется верным держаться на расстоянии от них, и с этой целью всех наших воинов следует подобающе вооружить. К тому же, как мне показалось, они медлительны, значит, предпочтение нужно отдавать конным воинам. Хотя моё мнение может быть и ошибочным. Так или иначе, открытая местность для пеших войск не годится, они менее маневренны и более подвержены опасности, – уверенно высказался Гурис.

– Что предложишь ты, Бруакер? – командующий перевёл взгляд на напятийца.

– Я всё думаю, почему они ушли? Дальний обстрел не мог причинить им существенного вреда. Тогда что же побудило их к отступлению? Наша численность? Нет. На том берегу было не меньше войск, но это, как известно, не остановило их. Полагаю, что они остереглись огня. Другого ничего в голову не приходит, – выразил свои предположения Бруакер.

– Да, я считаю, вы правы. Ваши наблюдательность и рассудительность верны и очень пригодятся в предстоящей битве, – командующий, расхаживая перед ними в своей излюбленной манере, замолчал, анализируя всё услышанное. – Вот что, – он развернулся. – Будем поступать следующим образом. Первое. В случае их атаки мы должны находиться у горного подножья, причём все пешие войска заранее расположим на вершине скал. Конные воины заманят туда противника и, рассеявшись, ударят с флангов и с тыла. Пехотинцы нанесут удар стрелами и копьями сверху. Второе. В случае нашего вступления в ущелье пешие воины по-прежнему будут продвигаться поверху вдоль северных склонов. Конные войска, разбившись на полусотни, войдут в расщелину, держась на отдалении друг от друга, дабы иметь место для манёвра или же обладать возможностью для беспрепятственного отступления. Третье. Бруакер, ты возглавишь всех пехотинцев. Высылай вперёд дозорных. Обо всём сообщай мне. Двигайся не опережая нас. Из всего, что пригодно, изготовь как можно больше верёвок и ремней для быстрого подъёма и спуска в горах. Запасись на длительный срок водой, едой, вооружением и факелами. Мы с Гурисом поведём конницу, – Шурдия перевёл

дыхание и продолжил. – Теперь о самом главном. Никто из нас и тем более из наших воинов не видел истинного обличия этих существ. При столкновении с ними может случиться паника. С этого момента очень многое зависит от нас и от остальных военачальников. Тщательно подготовьте войска к предстоящим неожиданностям. Других путей и решений нам не дано. Надеюсь, каждый из нас однажды с лёгким сердцем будет вспоминать это сражение.

Полководцы встали, склонили перед ним головы и вышли из шатра.

* * *

– Форкис, ты понимаешь хоть что-нибудь из случившегося и сказанного нашим десятником? – Дантал был как никогда возбуждён.

– Только то, что необычный враг пытался ночью напасть на лагерь. Больше ничего. К твоему сведению, наш десятник теперь сотник, – ответил тот, обходя коня и проверяя упряжь.

– Ты слышал, о чём все говорят? Что за огромные существа могли появиться из воды? Разве такое может быть? – юноша ходил за ним по пятам.

– Слухи разные ползут. Люди бывают низкие и высокие. Вон, посмотри на Грома, видишь какой у него рост? То-то. Его среди ночи можно принять за гиганта, вот и почудилась дозорным от страха всякая чушь. Ты лучше делом займись. Поутру в ущелье двинемся. Да разложи понадёжнее еду, другую не дадут, – старший брат был спокоен и рассудителен.

– Ты совсем не веришь никому, а между тем никаких тел на берегу не нашли. Куда они, по-твоему, могли исчезнуть? – Дантал продолжал допытывать его расспросами.

– Куда-куда, течением унесло, вот куда. Хватит попусту время тратить, иди проверь своего коня и оружие. Слышал, что сотник велел нам, вот и исполняй, как положено воину, – отмахнулся от него Форкис.

– Я не просто спрашиваю у тебя. Нужно знать того, с кем собираешься сражаться, – отходя, пробурчал Дантал.

– Иди уж. Есть кому подумать о врагах, – шутливо произнёс Форкис и тут же, глядя в спину удаляющемуся юноше, подумал: «А ведь он прав».

* * *

К полудню в сторону гор двинулась вся египетская пехота. Следом за ней туда направились полностью загруженные колесницы и навьюченные лошади. Из лагеря было видно, как несколько человек забрались на скалы и сбросили множество длинных верёвок, по которым начали подниматься остальные воины и грузы. Через некоторое время к ним ровными сотнями под командованием Бруакера тронулись все остальные пехотинцы. Они также, дойдя до подножья гор, стали забираться наверх.

Теперь из почти тысячи двухсот воинов в лагере осталось чуть больше четырёх сотен персидских конников, в числе которых были и мастеровые. Двадцать вооружённых нубийцев уже занимались колесницами и всеми освобождёнными лошадьми.

Вечером людей сытно накормили. Лагерь постепенно затихал. С наступлением темноты умолкли последние звуки. В полночь все были подняты на ноги. На окраине горных вершин горели костры.

– Всё, мы готовы, – оглядев стан, произнёс Гурис.

– Лишних лошадей и все колесницы нужно оставить с нубийцами здесь. Если придётся войти в ущелье, то они будут только мешать, – предложил Шурдия.

– Я уже распорядился. Если ночь будет тихой, то нубийцы на заре отведут их вниз по течению. Там и будут дожидаться нас, – ответил Гурис.

– Хорошо.

Люди, готовые по команде вскочить в сёдла, находились у своих костров. Многие из них дремали. Некоторые по привычке в очередной раз осматривали своё оружие. Кто-то беседовал. Дозорные отряды периодически сменялись, докладывая сотникам обо всём замеченном. Пока всё было спокойно.

На рассвете разбитая на полусотни конница, подступив близко к горам, двинулась вдоль них к ущелью, стараясь дер-

жаться в тени. Вместе с ней, выслав вперёд дозорных, тронулась поверху пехота. В каждой десятке и пеших и конных даже в дневное время имелся горящий факел. Таково было веление командующего.

Река у входа в широкую расщелину значительно мелела. Узнав об этом от дозорных, Шурдия несколько успокоился. Теперь от неё в этом месте не исходило угрозы. Следовало опасаться, что противник остался сзади, в нижнем течении, там, где сожгли заросли кустарника. Памятуя об этом, он остановил движение и направил туда по берегу конный отряд. Вскоре тот вернулся. Десятник доложил, что русло реки на некотором отдалении отсюда углубляется, но вода там довольно прозрачная и проглядывается до самого дна. Выслушав его, Шурдия продолжил движение.

Передовая полусотня вступила в ущелье. За ней друг за другом на расстоянии полёта стрелы продвигались все остальные отряды. Командующий и Гурис находились во главе второй полусотни. Отряд мастеровых шёл предпоследним.

Гурис изредка поглядывал вверх на северные вершины, где виднелись воины Бруакера. Отметив высоту скал, равную примерно тридцатикратному человеческому росту, он мысленно определил время, за которое в случае необходимости могут спуститься люди. Получалось довольно быстро. Гораздо труднее и дольше пришлось бы подниматься.

Не менее важное значение в его расчётах имел и другой фактор. Пущенные сверху стрелы и брошенные вниз копья под своим же весом удваивали поражающую силу. Это давало верхним воинам определённое преимущество над противником. Понимая правильность избранной тактики, в первую очередь заключавшейся в точном и верном распределении всех войск, Гурис искренне восхищался своим другом – мудрым полководцем Шурдией.

* * *

Вершины, по которым двигалась пехота, представляли собой ровное, обширное, сложенное сплошь из известняка плато. Лишь по краям ущелья имелось множество скальных отслоений.

Всё пространство впереди просматривалось очень далеко, и дозорный египетский отряд был как на ладони. Где-то там, у самого горизонта, виднелась одинокая островерхая вершина. Отсюда был хорошо виден изгиб расщелины на юг. Затем расщелина вновь выпрямлялась и шла на восток.

Идти по прохладе, до наступления дневной жары, было легко.

Приблизившись к краю, Бруакер посмотрел вниз. Восемь конных полусотен почти ровным строем, по пять всадников в каждом ряду и по десять в колонне, медленно продвигались вперёд, в глубь ущелья. Довольно странно было видеть их зажжённые при дневном свете факелы. Здесь, на возвышенности, было гораздо светлее, отчего огни среди его воинов становились незаметными, и он вспомнил о них лишь сейчас. Встретившись взглядом с Гурисом, он кивнул, давая понять, что всё спокойно.

Пешие войска шли поверху сотнями. По самому краю длинной вереницей на обозрении у командующего находилось три десятка сигнальщиков. Каждый пехотинец в ближней к ущелью колонне нёс большие мотки верёвок и ремней, готовый быстро закрепить их за выступы и сбросить вниз.

В какой-то момент Бруакер посмотрел вдаль и увидел двоих воинов, отставших от дозорного отряда. Они стояли в ожидании, рассматривая что-то под ногами. Он ускорил шаг и вскоре приблизился к ним. Завидев его, они отступили. Останки двух мужчин находились в небольшом углублении. Каких-либо ран на них не было. Истощённые, высохшие тела лежали в скрюченных позах. Чуть в стороне валялись покрытые пылью два меча. Судя по цвету их кожи и истлевшим набедренным повязкам, они больше напоминали нубийцев. Отослав дозорных, Бруакер окинул взором округу. Больше ничего приметного он не увидел.

«Что они здесь делали? Почему не спустились и не ушли к людям? Непонятно. Дозорные Шурдии докладывали как-то о том, что видели людей на горных склонах. Может, вот этих и заметили? Ведь на тот момент войск за рекой уже не было. Скорее всего, именно эти двое попались на глаза персам», – мысленно рассуждал полководец.

Больше не задерживаясь, он направился дальше.

Передовой персидский отряд дошёл до места, где слева вся скальная стена сплошь зияла чернотой выдолбленных углублений и ниш. В них никого не было. Повсюду были разбросаны различные инструменты для ведения горных работ. Валялись во множестве какие-то плоские чаши. Грудами возвышалась отколотая порода. Всевозможные устройства, изготовленные из брёвен и жердей, словно скелеты огромных животных, возвышались в беспорядке по всему подножью. В небольшом отдалении на относительно чистой площадке виднелись сложенные кожаные мешки.

– Что здесь добывали? – спросил Шурдия, остановив скакуна.

Один из телохранителей, развернув коня, умчался к отряду мастеровых. Вскоре он вернулся, сопровождая двух знатоков природных богатств. Те спрыгнули с лошадей, быстро осмотрелись и побежали в сторону нагромождений мешков. Забравшись наверх, они торопливо развязали один из них, вытащили оттуда горстями какую-то россыпь и стали внимательно рассматривать её, при этом о чём-то переговариваясь. Скинув всё обратно и завязав мешок, они подбежали к командующему.

– Золото. Добывали золото, – запыхавшись, произнёс один, тот, что был постарше.

– Хорошо. Ступайте, – спокойно повелел Шурдия и взглянул на Гуриса.

– Выходит, нашим противникам оно без надобности? – удивлённо высказался тот.

– Кушинский царь очень богат. Имея столько золота, он всё же не сумел уберечь свои копи. Значит, враг силен, – рассудил по-своему Шурдия и тронул коня.

«Действительно, странно», – подумал Гурис.

От передового отряда вернулся гонец, сообщивший о предстоящем повороте ущелья.

Шурдия посмотрел наверх. Бруакер, стоявший на самом краю, указывал рукой на юг, обозначая зигзагообразным движением кисти скорый изгиб в расщелине. Шурдия понимающе кивнул.

Дозорный отряд скрылся за горным выступом.

Река на всём протяжении ущелья протекала по основанию правой отвесной стены, нигде не пересекая ущелье и не преграждая путь. И здесь, за поворотом, она несла свои воды, не меняя русла.

* * *

Оставив изгиб позади, передовой отряд египтян прошёл небольшое расстояние и остановился. Было видно, как воины, нарушив строй и стоя на самом краю, что-то возбуждённо рассматривали внизу. Бруакер, придерживая рукой меч, побежал к ним.

Ущелье в этом месте значительно углублялось и расширялось, обретая овальную форму. На востоке оно заканчивалось узкой расщелиной, откуда, ниспадая, вытекала река, огибая днище вдоль южного склона гор. На западе в середине отвесной стены виднелась та самая широкая расщелина, куда устремлялись потоки воды и откуда должны были появиться всадники Шурдии. Завидев военачальника, дозорные поправили ряды.

Бруакер подошёл к воинам и взглянул в ущелье. Вначале его взору предстала более освещённая дальняя окраина, затем центральная, несколько возвышенная часть, наполовину покрытая тенью. Ничего необычного он не увидел. Лишь слегка подавшись вперёд, переведя взгляд к ближнему подножью, он разглядел в низине множество строений. Внимательнее всмотревшись, Бруакер уже отчётливо различал каждое из них. Это были ступенчатые пирамиды. Они располагались двумя ровными рядами невдалеке от предгорья. Быстро пробежав обратно по уводящему на юг полукругу, он достиг места, где внизу шествовала конница. Она находилась на небольшом расстоянии от входа в эту огромную чашеобразную горную долину.

Увидев смотрящего на него сотника передового отряда, Бруакер поднял над головой скрещенные руки. Тот мгновенно остановил движение. Бруакер побежал дальше к следующей полусотне. Та также остановилась. Шурдия и Гурис смотрели в его сторону. Указав на восток, он поднял руки, раздвинув локти и сведя сверху пальцы, обозначая пирамиду, затем правой ру-

кой, вытянув горизонтально кисть, резко провёл ею под подбородком, что означало большое количество. Командующий понимающе кивнул, приложил ладонь к груди и дважды вскинул голову, вопрошая, есть ли люди и вообще кто-нибудь. Бруакер отрицательно мотнул головой.

– Впереди есть чьё-то большое поселение. Но там никого не замечено, – произнёс Шурдия, продолжая следить за Бруакером, но тот ничего больше не сигнализировал. – Пусть к нему подойдёт дозорный отряд. В само же селение никому не входить. Пока осмотреть его издали, – повелел он.

– Позволь я отправлюсь с ним? – спросил Гурис.

– Хорошо.

Вскоре передовая полусотня скрылась из виду. Всем остальным был подан сигнал о готовности.

* * *

Гурис первым вступил в долину и остановился. Впереди, почти в самой её середине, была возвышенность. Слева и справа, насколько можно было увидеть, она уходила пологими склонами к почти ровным просторным подножьям окольцовывающих гор, закрывая собой от обзора большую часть этой впадины. Река осталась в стороне, по правую руку, и виднелась уже только верхушкой водопада вдали, на противоположной стороне впадины. Внимательно посмотрев на скалы, он не заметил ни одного строения и взглянул вверх. Сигнальщики показывали на северные склоны. Не забираясь на возвышенность, но и не оставаясь у подножий, Гурис тронул коня в указанном направлении. Описав дугу и пройдя по покатоному склону, он вновь остановился. Воины поравнялись с ним.

Внизу в два ряда высилось множество однообразных сооружений в форме пирамид. Всё это вовсе не было похоже на людское поселение, а напоминало храмовый могильный комплекс. К тому же нигде не было видно ни одной живой души.

Направив два десятка всадников обойти постройки с окраин и осмотреться, остальных Гурис выстроил в линию прямо напротив строений на небольшом удалении от них. Вверху

Бруакер расположил не менее двух сотен своих воинов, готовых в любой момент осыпать градом стрел возможного противника.

Первый десятник Гуриса, обойдя ближнюю слева пирамиду, направил пятерых воинов дальше, дабы те продвигались с другой, обратной стороны. Сам же он тихим шагом двинулся по единственному центральному широкому проходу навстречу второму десятнику. Тот, достигнув дальней восточной оконечности построений и разослав часть воинов по округе, стал дожидаться их, не вступая в этот проход.

Гурис внимательно следил за действиями своих людей, при этом изредка поглядывая наверх. Время тянулось очень медленно, но спешить не следовало, ведь где-то в этой горной долине наверняка, как полагал Гурис, находились ночные пришельцы, и вести себя нужно было как никогда настороже.

Вскоре оба десятка встретились посреди прохода и повернули обратно. Гурис взглянул вверх. Бруакер указывал на подножье под собой.

Подав знак рукой, Гурис подозвал сотника и повелел ему:

– Осмотри ту местность. Видишь, куда показывает Бруакер? Возьми тех людей.

Сотник также заметил знаки, подаваемые напатийцем, и устремился к приближающимся воинам. Не останавливаясь, он махнул им рукой, и оба десятка последовали за ним. Поднимая пыль, они быстро достигли нужного места. Судя по тому, как скрылись в низине несколько спешившихся воинов, Гурис понял, что там имеется расщелина, не заметная отсюда.

Вскоре они появились наверху, что-то объяснили сотнику, вскочили в сёдла и во главе с ним помчались назад.

– Там очень много присыпанных костей. Почти вся ложбина засыпана ими и измельчённым камнем, – доложил сотник.

– Так. Что ещё? – Гурис перевёл взгляд на десятников.

– Похоже, и в пирамидах, и вообще здесь никого нет. Кострищ нигде не обнаружено. Там, дальше, на более рыхлой поверхности какие-то огромные следы. Среди пирамид их нет. Они имеются на подступах к горам, но там теряются, вернее, исчезают, – поведал один из десятников.

– Обойдите вокруг этой возвышенности. Осмотрите всё. К горам не приближайтесь. Будьте внимательны, – распорядился Гурис.

Когда они отделились, он спросил сотника:

– Что за кости там?

– Видны только самые большие. Думаю, человеческие, – поперхнувшись, ответил тот.

– Откуда взят камень, ты не заметил?

– Я осмотрел прилегающее предгорье, но свежих сосколов не увидел. Чтобы наполнить ту ложбину, его понадобилось бы довольно много.

– Ну а следы какие-нибудь есть? Как доставлялось всё это? Не упало же оно с небес? – Гурис не сводил глаз со скал.

– Скорее всего, его тащили на чём-то волоком. От той ложбины вправо к подножью на земле всё сильно затёрто.

– Дождись дозорных. Следи за всем. Я скоро вернусь, – Гурис развернул коня и направился к командующему.

* * *

– Пока это всё, – закончил доклад Гурис.

– Вот где нашли погибель воины и рабы кушинского царя. Почему же он не направил сюда войска? Мне непонятно его поведение, – произнёс Шурдия, выслушав его.

– Эти существа явно затаились где-то здесь, но при их размерах трудно представить, каким должен быть схрон. Ущелье, переходя в горную долину, заканчивается. Дальше негде спрятаться даже горстке людей, иначе Бруакер давно бы заметил их, – Гурис, недоумевая, замолчал.

– В пирамидах их нет. Следовательно, они либо ушли, либо в скалах есть пещеры. Нужно внимательнее осмотреть округу. Одолев всех людей, они не должны покинуть эту местность, ведь она чем-то важна для них. К тому же их достаточно много. Сейчас нам необходимо определиться с будущим нашим ночлегом. В таком положении важнее всего не допустить ошибочного решения, – командующий окинул взором склоны. – День здесь короче. Тьма сюда опускается внезапно. Нам бы до неё обнаружить их.

– Может, стоит направить побольше воинов туда? Быстрее узнаем всё, – предложил Гурис.

– Пусть вернутся дозорные. Там видно будет, – решил Шурдия.

Из долины появился сотник со своими людьми. Ничего нового они не нашли. Каких-либо потаённых мест среди отвесных склонов также не обнаружили.

– Возьми с собой ещё три полусотни. Я поверху тоже в обход по краю отправлю дополнительные войска. Особенно присмотришься к тому месту, где теряются их следы, – командующий отдал распоряжение.

Гурис удалился.

Вскоре Бруакер отослал две сотни пехотинцев на восточную окраину, туда, где находился водопад.

* * *

Развернувшись, Шурдия направился обратно. Приблизившись к мастеровым, он подозвал к себе их сотника и повелел ему срочно начать стаскивать лошадьми брёвна и жерди к подступам в долину, складывая их по всей ширине ущелья так, чтобы оставался лишь узкий проход. Все тут же принялись исполнять приказ.

Прошло не так много времени, и на указанном месте уже громоздились завалы. Пыль поднималась до самых скальных вершин, а вереницы конных мастеровых всё продолжали волочить брошенную сухую древесину.

Командующий решил разбить лагерь на самом подходе к долине, но при этом оградиться от неё своеобразным древесным заслоном, способным при необходимости превратиться в огненную преграду на пути врага. Другого выхода он не видел. Оставить ущелье на ночь он не мог, иначе на следующий день пришлось бы всё начинать сначала. Такая бессмысленная трата времени была непозволительна.

* * *

Распределив три полусотни по всей долине, Гурис с дозорным отрядом спустился к пирамидам. Кругом стояла звенящая тишина, и лишь стук копыт и похрапывание лошадей нарушали её.

Пройдя шагом вдоль всего срединного прохода, иногда останавливаясь и замирая возле огромных чернеющих входов в пирамиды, он прислушивался, но, ничего подозрительного не уловив, следовал дальше. Дойдя до дальней окраины, он повернул к северному подножью. Сверху за его продвижением зорко следили воины Бруакера, выстроившиеся ровными рядами.

Следы, обнаруженные десятником, Гурис заметил сразу. Именно такие он видел на берегу. Сомнений в том, что где-то здесь обитали те же существа, больше не было.

Услышав в стороне входа в долину какие-то звуки, Гурис оглянулся. Двое воинов мгновенно умчались в том направлении. Они быстро вернулись и сообщили ему о заграждении, сооружаемом по велению командующего.

«Надо же! Только мудрому Шурдии придёт такое в голову», – мысленно отметил Гурис, в который раз поражаясь находчивости и прозорливости друга.

Он двинулся дальше. Следов было много. Они сосредоточивались всё больше у самого подножья, где повсюду было рассыпано каменистое крошево. Местами следы были стёрты широкими полосами, ведущими к ложбине с костями.

«Явно волоком сносили камень туда. Но откуда? Скалы не тронуты. Эти валуны, наверняка, громоздятся здесь сотни лет. Не могу ничего понять», – Гурис спрыгнул с коня, чтобы рассмотреть всё поближе.

В этот момент с восточной стороны он услышал крики. Бросив взгляд в сторону водопада, он увидел над ним воинов Бруакера. Они были в смятении, что-то кричали и махали руками, некоторые из них выпускали вниз стрелы и метали копья.

Торопливо запрыгнув в седло, Гурис немедленно помчался туда, увлекая за собой отряд. На полном скаку он повернул голову и заметил, как поверху в том же направлении бежит сам Бруакер. Выскочив на возвышенность, Гурис увидел и своих всадников из других полусотен, стягивающихся сюда. Люди Бруакера продолжали кого-то атаковать, стоя в верховье реки, но отсюда не было видно, кого они пытались сразить. Больше ни на что не отвлекаясь, он устремился к водопаду. Лишь при-

близившись на расстояние полёта стрелы, Гурис увидел того, кто прятался за водопадом. Это был великан. Он выпрыгнул из потока и шёл по пояс в воде к ближнему берегу. За ним появился другой, но тот упал вниз и не поднимался. Первый вышел на землю.

Это был гигант почти втрое выше любого из воинов. Большая голова, широкие плечи, мощная грудь и мускулистые бёдра были покрыты чёрным густым волосом. На самой макушке торчал щетинистый гребень. Его кожа была тёмно-синей и блестела от стекающей влаги. Наполненные кровью глаза с кошачьими зрачками сверкали из-под гладкого нависающего лба. Два огромных клыка торчали вверх по углам сжатого рта. Продвигался он тяжёлой поступью, широко расставляя ноги, раздвинув, словно борец, локти, растопырив когтистые пальцы. Каждый его шаг гулко отдавался по округе и не мог приглушиться даже грохотом потока. По мере приближения стал отчётливо слышен скрежет когтей о камни, настолько они были велики на его неимоверно больших ступнях.

Людей охватил дикий, панический ужас. Они взирали на истинное проклятие небес, ниспосланное на землю. Такого никто из них не видел даже в самом страшном сне. Первым желанием каждого воина было только одно – бросить всё и бежать подальше отсюда, лишь бы не видеть этих исчадий зла, мерзости и кошмара. Но где-то в подсознании всё-таки преобладало извечное чувство неслушания и непоколебимого подчинения воинской дисциплине и власти военачальников, чьё внешнее хладнокровие заставляло сдерживать страх и вселяло хоть и слабую, но так необходимую всем надежду на победу.

Медлить было нельзя. Гурис выхватил лук, очень быстро снарядил его и, прицелившись в лицо исполина, выпустил стрелу. Одновременно с ней в голову и тело существа вонзилось ещё не менее полутора сотен стрел. За одно мгновение он покрылся ими будто иглами и, истекая кровью, замер.

Гурис поднял руку. Стрельба прекратилась. Великан недолго постоял, затем попытался сделать шаг, но пошатнулся и с грохотом упал. Вся долина заполнилась криками ликования. Над

водопадом люди Бруакера прыгали от охватившего их победного восторга. Внизу конные персы вздымали коней, потрясая над головами луками.

Гурис приблизился к бездыханному исполину. Его скакун засеменял в сторону, пугливо пофыркивая, вертя головой, в страхе тараща глаза на неподвижную глыбу, от которой исходил неведомый доселе запах.

Тем временем сотник, спешившись, вошёл в воду, несколькими витками верёвки осторожно обвязал руку второго великана, после чего при помощи трёх лошадей стал вытаскивать его из воды. Вес этих странных существ был громадным.

Люди молча обступили тела поверженных врагов, не в силах отвести от них глаза. Такого они не видели никогда.

Гурис, приказав всем оставаться на этом месте, направился было к Шурдии, но тот сам в окружении телохранителей уже находился на возвышенности, спокойно взирая в эту сторону. Увидев командующего, воины расступились, не мешая обзору. Сдерживая скакуна, он спустился. Описав круг и внимательно рассмотрев двух мёртвых исполинов, Шурдия взглянул на Гуриса и двинулся обратно. Тот последовал за ним.

Отъехав подальше, командующий задумчиво произнёс:

– Где же остальные? Эти двое что-то вроде их дозора. Или у них иное назначение? Они что, скрывались за водопадом?

– Да. Там. Их обнаружили люди Бруакера, – ответил Гурис.

– Но ведь следы теряются у северных склонов. Что думаешь?

– Нужно ещё раз осмотреть их. Я не успел.

– Сегодня уже поздно. Выведи отсюда всех людей. Этим двоих сожги. Не задерживайся.

– Хорошо. Скоро прибуду.

Гурис развернул коня. Шурдия не спеша последовал к оставленным войскам.

* * *

Ночь опустилась в ущелье почти внезапно. Стало очень темно. Потянуло прохладой. Разожгли во множестве костры. В сотворённом завале проход закрыли до утра.

Отдыхавшая днём одна из полусотен теперь несла охрану в этом месте. Незадолго до заката по велению командующего наверх на спущенных верёвках и ремнях было подано большое количество брёвен и жердей. Все воины, покормив и напоив лошадей, сами приняв пищу, ложились у огня. Большинство из тех, кто провёл этот день в долине, всё ещё испытывая возбуждение и находясь под впечатлением от увиденного и случившегося, не могли долго уснуть. Но усталость и невероятное напряжение сил брали своё, и лагерь вскоре погрузился в сон.

В этот вечер Шурдия и Гурис беседы не вели. Они, так же как все, спали.

Бруакер был благодарен командующему за его чуткость и оказанное им внимание, выраженное в предоставлении ему столь необходимой для костров древесины. Теперь он не переживал за то, что его люди останутся без тепла предстоящей холодной ночью.

* * *

К утру, лишь только посветлел небосвод, с запада подул сильный ветер, поднимая пыль до небес. Все, как наверху, так и внизу, не дожидаясь сигнала подъёма, повскакивали с мест. Обвязав лица кусками ткани, они подбрасывали толстые поленья в почти затухший огонь. Под натиском необузданной стихии костры всё же разлетелись мириадами тусклых искр, не оставляя следа.

Неожиданно налетевшая песчаная буря валила с ног. В самом её начале видимость была не дальше полушага, но уже через мгновение всё погрузилось во мрак. Завывания воздушных порывов перекрывали все звуки, не давая людям услышать собственных голосов. Находящиеся в ущелье воины, вцепившись в лошадей, натываясь друг на друга, пытались отвести напуганных животных ближе к подножьям скал, стараясь успокоить их, прижимаясь к ним, заслоняя их головы от россыпей жалящего песка.

Природа бесновалась и неистовствовала. Всё вокруг словно перевернулось и куда-то вдруг понеслось в потоках и завихрениях душающего ветра.

Дантал, потеряв коня, с трудом разлепляя веки, опустился на колени, не в силах удержаться на ногах. В какой-то миг кто-то появился рядом с ним и стал верёвкой крепко обвязывать его за пояс. Не сумев увидеть спасителя, он почувствовал, что его уже куда-то тащат.

«Это Форкис. Он спасает меня», – первое, что пришло ему в голову.

Падая и тут же поднимаясь, он продвигался шаг за шагом, стараясь облегчить усилия брата. Сколько времени это длилось, он не понимал. Идти становилось всё труднее и труднее. Он задыхался, но его неустанно тянули. Когда он решил, что не стоит так мучить брата, и вытащил висящий на шее нож, верёвка ослабла. Стало совсем темно. Там, где теперь он находился, ветра почти не было. От неожиданности он упал на спину, больно ударившись о камень. Сорвав с лица ткань, он глубоко вдохнул, приподнялся и протёр глаза. Перед ним, тяжело дыша, стоял Гром.

– Будь здесь. Я скоро, – разворачиваясь, прохрипел он, коснулся рукой его головы и вышел из пещеры.

Дантал встал на колени и на ощупь отыскал оброненный нож. Он был очень дорог ему, так как являлся памятью о матери, подарившей его при расставании с ним. Хоть это было давно, он всегда берёт его и помнил о том, что ей самой этот нож был преподнесён великой сакской царицей Томирис.

Впереди чернела пещера. Он оглянулся. В нескольких шагах от него светлел небольшой входной проём, за которым ничего не было видно. В ущелье всё неистово бушевало, мелькающая серая пелена не давала возможности хоть что-то рассмотреть или услышать.

Поднявшись на ноги, Дантал приблизился к выходу. Тут же сквозь занавес пыли и песка проглянулся чей-то силуэт, затем ещё один и ещё. Кто-то приближался к пещере. Юноша выхватил меч и отступил к стене, но уже через миг он узнал Грома. За ним вошли Форкис, Комата, Борус и Савват.

Увидев Дантала, Форкис в порыве обнял его и, крепко прижав к себе, прошептал:

- Я искал тебя, но не нашёл. Как ты? Не ранен?
- Нет. Не беспокойся. Как сам ты?

– Всё в порядке. Главное – мы все вместе, – Форкис слегка отстранился, не выпуская из рук плечи брата и пытаясь рассмотреть его.

Наблюдавшие за их встречей все остальные также обняли юношу и, отойдя в сторону, опустились на землю. Гром, вытянув ноги и прислонясь спиной к шероховатой стене, уже отдыхал, неторопливо сматывая длинную верёвку.

– Что там творится? Я ничего не понял. Гром неожиданно выручил меня и притащил сюда. К тому же я упустил своего коня, – садясь возле брата, с сожалением произнёс Дантал.

– Налетела песчаная буря. Видимо, в этих местах такое случается. Нужно переждать. А за коня не беспокойся, он далеко не уйдёт. Наверное, где-то там, в ущелье, стоит, спрятавшись от ненастья. Это лошади, привыкшие ко всему. Мы своих тоже отпустили. Вот закончится буря, найдём их всех, – объяснив происходящее, успокоил юношу Форкис.

– Не знаешь, долго всё это будет продолжаться? – вновь спросил Дантал.

– Нет, не знаю, – ответил брат и откинул голову, касаясь теменем прохладного камня.

Дантал больше не стал беспокоить его, поудобнее устроился и прикрыл глаза.

Все молча прислушивались к завыванию ветра. Он не унимался, налетая новыми свистящими порывами и иногда загоня в пещеру клубы пыли.

– Если до ночи не утихнет, то нам будет худо здесь без огня, – пробасил Гром.

– Ты прав. Его теперь негде добыть. Костры разметало. Тем, кто наверху, ещё хуже, – отозвался Комата. – Я хоть еды успел прихватить, и то полегче нам будет. Борус, ты вроде тоже что-то тащил, не так ли?

– Верно, Комата. И я успел кое-что зацепить, – откликнулся Борус. – Воды маловато, но ничего, река не так недалеко отсюда. Уж её-то, надеюсь, не выплеснет ветер из берегов.

– Мне доводилось попадать в нечто подобное, – начал Савват. – Правда, в других местах. Там жаркая, сухая буря могла

бушевать несколько дней, но самое страшное было потом, в её конце. Выпадал грязевой дождь. Вот это зрелище так зрелище. Конечно, такое не всегда бывало. У нас такой ветер называется хамсин, что означает «пятьдесят». Именно столько дней в году может держаться буря.

– Ты, Савват, не пугай нас так. Мы и пяти дней не выдержим в этой пещере, не говоря уже о небесной грязи на наши головы, – вновь подал голос неутомный Борус.

– Нет. Здесь всё иначе должно быть, – спокойно завершил аравиец.

– Беда для нас исходит совсем от другого в этих местах, – прервал их разговор Форкис. – Вчера, как вы знаете, были убиты два великана, но их в этой долине наверняка значительно больше. Вот кого следует опасаться по-настоящему. Войска в таком состоянии не способны действовать слаженно. Что происходит с людьми, вы сами видите. Переждать бурю и выбраться отсюда – не самое трудное дело. Остаться в живых и вернуться обратно – вот что становится для всех почти невозможным теперь. Даже многоопытный Шурдия не мог предусмотреть подобного поворота в событиях. Хотя ума ему явно не занимать.

– Он не уйдёт из этого ущелья, пока не сразит всех великанов, – уверенно пророкотал Гром. – Иначе для чего после той ночи завёл войска сюда? Этот не отступит. Характер не таков.

– Он прав. Нельзя им давать возможность победить людей. Они и так уничтожили слишком много народу, – понимая правоту как полководца, так и Грома, согласился Форкис. – Вот только как это сделать ему сейчас, при внезапном бедствии? Не растеряется ли он? Если великаны так же, как мы, пережидают бурю, то он сумеет собрать войска и ударить по ним. А если нет? Может, в это самое время те уже начали наступление.

– Нам нужно как-то помочь ему. Без него никто не сумеет одолеть такого сильного врага, – поднимаясь, произнёс Гром.

– Я согласен с тобой. Вот что. Все, кроме нас с Громом, найдитесь здесь. Что бы ни случилось, держитесь вместе, – Форкис вскочил на ноги.

– Можно я с вами? – Дантал с надеждой посмотрел на брата.

– Нет.

Проверив всё оружие, прикрыв лица лоскутами ткани, Гром с Форкисом подошли к выходу, пригнулись и выскользнули из пещеры.

* * *

Буря не затихала. Бруакер уложил свои сотни на землю, приказав укрыть головы. Сам же он, как мог, старался подбодрить людей, появляясь то у одного, то у другого десятка воинов, плотно прижимавшихся телами друг к другу. Подходить к краю ущелья было опасно. Он почти успел убрать оттуда сигнальщиков, но некоторые из них, не удержавшись, исчезли в пропасти.

Здесь, наверху, ветер со свистом пронесся прямо на восток. Внизу же он многократно усиливался, постоянно отражаясь от отвесных стен, закручиваясь и поднимая ввысь тучи песка и пыли. Что там происходило с людьми, невозможно было представить. О том, чтобы спуститься к ним при таком урагане, не следовало даже помышлять. Оставалось только одно – ждать затишья.

* * *

Шурдия и Гурис находились у завала вместе с отрядом охраны. Замотав головы, они прижались к брёвнам, пытаясь взглянуть сквозь них в противоположную сторону.

Самым ужасным в этой ситуации, несущей для всех гибель, могло стать появление великанов. При шквальном ветре невозможно было ни вести стрельбу из луков, ни использовать копья, которые сдувало только при подъёме для броска.

Люди как никогда были беззащитны. Только об этом сейчас напряжённо думал полководец. Он злился на своё бессилие, на невозможность хоть как-то повлиять на создавшееся, очень сложное, положение, на то, что не может предпринять ни единого шага для спасения от подступающего краха. Всей душой он желал отвернуть нависшую беду, и все его помыслы были направлены на поиски выхода. В нём ещё теплилась надежда на то, что ненастье сдержит исполинов и поможет оттянуть время их наступления.

Он никогда никого не боялся. Ни один противник не был страшен ему. Всегда просчитывая каждый свой шаг, он также

тщательно взвешивал и возможности врага, соизмеряя и анализируя все полученные о нём сведения. В этот раз всё обстояло иначе. Он впервые встретился с поистине неизведанным врагом, о ком никто ничего не знал. И даже при таком непредвиденном стечении обстоятельств он всё же успел и сумел, насколько смог, разобраться в них и уже одержал первую, пусть и небольшую, но столь необходимую победу, вселившую в людей уверенность, позволившую взять верх над страхом и не дать ему преодолеть ту границу духа, за которой возвышается сила разумного поведения.

Но вмешалась дикая природа, разметав все его помыслы и поступки, отобрав единственный шанс на победу в этой и без того странной войне, где неизвестно кто посмел посягнуть на людские жизни. Осознавая всю бессмысленность нахождения за этим завалом, Шурдия всё же не хотел отступать от него. Он не знал, что будет делать, если сейчас к нему подойдут великаны, но трусливо убежать от них не собирался.

* * *

Тем временем Форкис и Гром почти вслепую бродили по всему ущелью, натываясь на воинов и направляя их к завалу, ссылаясь при этом на веление Шурдии, действуя от его имени.

Персы не могли разобраться, кто они такие, и не удивлялись появившимся новым порученцам, так как им попросту было не до этого. Получив приказ, они тут же устремлялись к командующему, по пути сбиваясь в группы, ведя под уздцы лошадей.

* * *

Услышав среди оглушающего порывистого шума бури звуки сплошного нарастающего гула, причём весьма знакомого, Шурдия оглянулся. К нему стягивались войска. Он был искренне удивлён. Поднявшись на ноги, сильно щурясь, он стал вглядываться в замершие ряды.

Гордость за своих воинов вмиг охватила его душу, разливаясь по сердцу беспредельной благодарностью. Он знал, насколько трудно было им сейчас, но, как всегда, свято верил в их неуязвимую силу и не сомневался в ней. То, что они, несмотря ни на

что, находятся рядом с ним, выше всяких слов и похвал являлось свидетельством их преданности и долгу, и ему, их военачальнику.

– Когда ты успел? – прокричал он стоящему сбоку Гурису.

– Это не я, – прикрывая рукой лицо, также выкрикнул тот.

– Так это значит, они сами собрались и пришли ко мне, – с ещё более нарастающей гордостью прошептал полководец.

* * *

– Дальше нет никого, – столкнувшись с Форкисом, произнёс Гром.

– Хорошо. Идём к нашим, – перекрикивая шум, предложил тот.

Спотыкаясь о камни, они побежали в поисках своей пещеры, стараясь держаться ближе друг к другу.

* * *

Весь день бушевала стихия. Её натиск временами ослабевал, но уже через мгновение вновь усиливался, словно сытый лев играл с пойманной ланью, не желая ни есть её, ни оставлять в покое. Рано или поздно, но эта забава должна была чем-то закончиться. Выбор исхода в таких игрищах зачастую оставался за охотником, если вдруг не появлялась другая сила, способная отвлечь его, и тогда истерзанная жертва могла выжить и стать в своей семье самой опытной особью. Такое, хоть и случалось редко, но случалось.

Только на подобное исключение рассчитывал многоопытный Шурдия, зажатый со своими отрядами между необузданной дикой силой природы и чудовищным воинством исполинов. Он чувствовал, что великаны покинули свои укрытия, но не понимал, почему до сих пор они не напали на него, используя самый подходящий для этого момент. Он не мог предугадать их действий, равно как и не мог сам нанести упредительный удар. Помехой ему была возникшая стихия, на которую он не в состоянии был повлиять. Такое критическое положение изводило его, раздражая до ярости. Его рассуждения уже не были столь чёткими и ясными. Среди путаницы, нараставшей в его голове, постоянно, но очень слабо промелькивала одна важная мысль,

таящая в себе всю суть его дум, подводящая его к верному умозаключению. Однако он не обращал на неё должного внимания. Сумей он вовремя ухватиться за неё, он бы сразу понял, что ненастье, мешающее ему, и было причиной нерешительного поведения врага, и знал бы, что не следовало так изводить себя, обретя покой хотя бы до окончания бури.

Отведя войска в сторону ближних подножий, заменив всю охрану у завала, где по-прежнему оставался Гурис, Шурдия устало присел в нише, обнаруженной сотником, продолжая напряжённо обдумывать сложившееся положение. Теперь его сильно беспокоило состояние войск наверху. Без них конница значительно ослабевала. Кроме того, у него не было возможности использовать против врага огонь, от которого зависело многое в предстоящей битве.

Внезапно ущелье накрыла ночь.

* * *

Форкис со своими людьми оставался в пещере. Есть никому не хотелось, к тому же от пыли в горле у всех першило. Они отдыхали, набираясь сил, при этом каждый думал о чём-то своём.

Дантал подолгу до рези в глазах всматривался в непроглядную темень пещеры, прислушиваясь к завыванию ветра. Монотонность доносившихся снаружи звуков и усталость постепенно обволакивали его сознание, пока наконец не одолели его. Он уснул, но напоследок успел подумать об Ортии, очень надеясь на благополучное возвращение её отца.

Прошло немного времени, и уже все остальные, намаившись за всё это время, также крепко спали. То, что происходило здесь, было для них в диковинку.

* * *

К полуночи буря заметно убавила свой натиск.

Песок уже не поднимался колючими, жалящими и секущими всё живое завихрениями, и теперь ветер носил лишь пыль, цеплявшуюся за всевозможные выступы на скальных склонах и оседавшую на них толстым слоем. Дышать стало легче. Разож-

гли костры. Запалили факелы. Видимость заметно улучшилась. Слышалось журчание воды.

Люди потянулись к реке, где, припав к потоку, окунали в него головы, желая в первую очередь промыть глаза, носы и уши, и наслаждались прохладой долгожданной влаги. Многие из них сперва занялись своими лошадьми, терпеливо ожидая их насыщения водой и тут же отводя в сторону, дабы те не мешали другим и не повредили копыта об острые прибрежные камни. Сверху, ещё не сумев развести огонь, воины спустили множество пустых бурдюков, которые тут же наполнялись водой и вновь подвешивались на верёвки и ремни, быстро вытягиваемые обратно.

С ослаблением стихии жизнь закипела с новой силой, став ещё более ценной после столь страшного испытания. Наиболее опытные, умудрённые жизнью полководцы понимали, что не будь такого внезапного и неожиданного вмешательства со стороны небес, люди, возможно, не выдержали бы соперничества с великанами, от одного вида которых стыла в жилах кровь. Встряска, что дала им мать-природа, была ужасна, но в то же время она была спасительна, так как в понимании человека превосходила по своему величию и мощи всё живое, обитавшее на земле, в том числе и этих исполинов. Этого было достаточно, чтобы воспринимать чудовищ как простых противников и отныне иметь реальную возможность одержать победу над ними.

* * *

Бруакер, испив поднесённой студёной воды, приблизился к краю и стал всматриваться вниз, в подножье, но в темноте отсюда было невозможно что-либо разглядеть. Он прилёг и ещё внимательнее оглядел местность, расположенную у самого предгорья, пытаясь увидеть на выступающих камнях тела упавших воинов или уловить какой-нибудь звук. Не сумев ничего обнаружить, он подозвал одного из своих сотников и повелел ему, обвязавшись верёвкой, спускаться вниз. Четверо воинов стали медленно опускать его по почти отвесной стене.

Придерживаясь одной рукой за выступы, стараясь не шуметь, сотник плавно снижался, тараща глаза по сторонам. В ка-

кой-то миг, находясь уже на середине пути, он посмотрел под ноги, и ему показалось, что кто-то там, среди валунов, пошевелился. Он напрягся и впился туда немигающим взором, в надежде увидеть хоть одного уцелевшего сигнальщика, но вопреки ожиданию он, к великому ужасу, увидел и услышал нечто иное: валуны с грохотом отлетали в стороны, и вдруг внизу всё внезапно ожило. Великаны чёрными тенями выходили из самих гор. Их было очень много. Сотник резко дёрнул за верёвку, и её сразу потянули наверх.

Бруакер выслушал его, быстро вскочил на ноги, подал сигнал войскам и устремился туда, где внизу находился командующий. Добежав до нужного места, он, едва переведя дыхание, что есть сил прокричал вниз о появлении в долине исполинов. Сообщить иным способом у него не было времени. Услышав его слова, Шурдия скомандовал сбор всей своей коннице и уже через мгновение выстроил её. Освещённая десятками факелов, она стояла перед завалом из брёвен.

С огромным трудом, преодолевая пока ещё сильный порывистый ветер, войска Бруакера всё же сумели запалить костры и факелы и ровными рядами придвинулись к самому краю скал. Оттого, что сверху не было возможности хорошо рассмотреть великанов и понять их действия, воины Бруакера все как один напряжённо замерли, настороженно поглядывая на него и ожидая его команды.

Шло время, но исполины не покидали северного подножья гор.

Ветер почти затих. Небо наконец посветлело, предвещая утро.

Теперь с высоты Бруакер отчётливо видел врага. Сто сорок великанов двинулись в сторону входа в долину, огибая с востока пирамидальные постройки, не вступая на территорию этого мёртвого комплекса. Шествовали они колонной, ритмично, в ногу, по четыре в ряд, словно вбивая каждым шагом свои тела в земную твердь, сотрясая округу мощной поступью своих тел-громов.

Шурдия уже знал об их приближении и о количестве. Он не ожидал такой численности. Волнение людей нарастало. Верхние войска продвигались параллельным маршем. Вскоре под ногами

персов слегка содрогнулись камни, и из-за скального выступа появилась передовая четвёрка великанов. Лошади пугливо зафыркали.

Шурдия всматривался сквозь завал в подступающего врага. До него оставалось расстояние, чуть превышающее полёт стрелы. Он взглянул вверх и поднял руку. Когда исполины были видны своими пятыми рядами, он опустил руку. В мгновение, словно дождь, сотни стрел впились в них сверху, смешивая их ряды, заставляя отходить в сторону от скал. Некоторые из них неподвижно лежали, истекая кровью. В тот момент, когда командующий вновь взмахнул рукой, великаны побежали прямо на него. Пущенные сверху стрелы уже не могли причинить им особого вреда, лишь вскользь задевая их.

Быстро оценив положение, Шурдия велел поджечь завал. Десятки подпалённых стрел вонзились в сухие брёвна и жерди. Всё произошло очень вовремя, так как самые первые из великанов уже наскочили на преграду. Огонь, с треском вспыхнув в разных местах, вскоре взметнулся единым огромным костром и окутал тех из них, кто пытался разметать столь хрупкое для этих гигантов сооружение. Было видно, как они корчились от получаемых ожогов и яростно металась среди усиливающегося пламени. Их задние ряды под градом осыпающихся сверху стрел и копий напирала на передние и вскоре вытолкнули их на сторону Шурдии. Он понимал, что это ограждение лишь временно сдержит врага, и уже пытался отойти на безопасное расстояние, но его постигло именно то, ради предотвращения чего им изначально, при вступлении в ущелье, войско было разбито на полусотни, держащиеся на отдалении друг от друга.

Его отряды не смогли в нужный момент соблюсти установленной очерёдности и слаженно отступить. Важный манёвр не удался. Вся его конница сгрудилась в одном месте, и быстрого разворота и отхода не получилось. Великаны врезались в ряды его войск, сокрушая всадников, разрывая их на части вместе с лошадьми. Началась битва.

Одним из первых погиб сам Шурдия. Гурис, поспешивший ему на помощь, был ловко перехвачен бегущим навстречу исполином и даже не успел понять, что с ним произошло, как тут

же с жутким хрустом разлетелся на части, обильно забрызгав своего убийцу хлестнувшей горячей кровью.

Сверху уже не атаковали напавших. Люди Бруакера боялись причинить вред воинам, находящимся внизу. Персы дрогнули. В плотной массе в беспорядке они стали давить друг друга, тем самым мешая опытным сотникам предпринять хоть какие-то действия. Протиснувшись в середину войск противника, великаны завязли. Истошные людские крики, громкое конское ржание, топот сотен копыт, лязг железа, хруст разрываемой плоти – все эти страшные звуки перемешались в невероятный гул, наполнив всё ущелье и раскатываясь непрерывным эхом по горным склонам.

В какой-то миг один из сотников, прорвавшись к догоровшему завалу, завертелся на коне и, задрвав голову, что есть сил заорал:

– Бейте всех!

Бруакер, видя и понимая его, не веря в то, что сам будет ульшан, всё же выкрикнул в ответ:

– Вы же погибнете!

Сотник вздыбил скакуна, поднял руку и резко опустил её. Тут же выставив вперёд копьё, он ринулся на ближайшего великана и на полном скаку вонзил ему в спину свое смертоносное оружие. Тот обернулся, но, пошатнувшись, рухнул. Копьё вошло ему в самое сердце.

* * *

Проспав в отдалённой пещере довольно крепко и долго, Форкис проснулся, услышав сквозь сон грохот битвы, и выскочил наружу. В стороне завала шло сражение. Он впервые увидел чудовищ. Они возвышались над всадниками. Зрелище было потрясающим. Оцепенев от ужаса, в одно мгновение всецело охватившего его, он не мог ни пошевелиться, ни издать какого-либо звука. Из этого состояния вывел его подбежавший Дантал, спросонья ничего не понимавший в происходящем.

– Что там? – спросил юноша.

– Битва, – прошептал брат, не сводя глаз с исполинов, зажатых между конниками и полностью покрытых кровавым месивом.

– Что будем делать? – подал голос Гром.

– Где наши лошади? Скорее найдите их, – овладев собой, выкрикнул Форкис.

– Похоже, мы остались без них, – вновь до него донёлся голос Грома.

В этот момент они увидели, как сверху на дерущихся посыпались стрелы и копья, сражая и великанов, и людей вместе с лошадьми. Такое неожиданное поведение Бруакера не было понятно Данталу.

Поражённый увиденным, он схватил брата за руку и закричал:

– Что они делают?! Они же перебьют своих!

– Они исполняют волю командующего. Другого выхода уже нет, – поняв случившееся, с горечью произнёс Форкис.

Больше никто не проронил ни слова.

* * *

Сотни персов вместе с верными скакунами были разорваны на части, сражены стрелами и копьями и заживо растоптаны. Десятки поверженных исполинов громоздились огромными телами на небольшом пространстве, где ещё продолжали сражение остальные, те, кто был жив. Людей оставалось всё меньше и меньше.

Небо заволочло тучами, и ущелье вновь потемнело. Никто из противников не отступал. Великаны, продолжая уничтожать всадников, всё чаще смотрели вверх, откуда их продолжали нещадно сыпать убийственным оружием. Оставив внизу нескольких собратьев, они бросились к скалам и, ловко цепляясь за них огромными когтями, стали взбираться по ним.

* * *

Увидев, что здесь, в ущелье, уже не осталось в живых ни одного воина, Форкис, увлекая своих людей, скрылся обратно в пещере. Подняться в горы к Бруакеру у них возможности не было. Они впервые не знали, что делать и как поступать дальше. Теперь всё зависело от войск, находящихся наверху.

Бруакер, заметив забирающихся к нему исполинов и понимая, что в таком положении не сможет сражаться из-за крутизны склона, велел войскам отступить и изготовиться для стрельбы подожжёнными стрелами.

Великаны очень быстро показали на вершине. Первые из них мгновенно были сброшены тьмой запалённых стрел. Несмотря на это, они продолжали подъём. Их количество оставалось внушительным. Почти сотня исполинов, многие из которых были ранены, неудержимо рвалась наверх. Вскоре им удалось ступить на поверхность гор. Теперь первые из них ценою своих жизней заставили людей отойти ещё дальше, давая возможность подняться остальным. Следующие за ними уже ворвались в ряды передовых сотен Бруакера.

Египтяне и три сотни напатийцев, отведённые им в резерв, находились чуть в стороне, с тревогой взирая на происходящее. Великаны все уже были здесь. Только сейчас воины, увидев вблизи этих чудовищ, поняли, насколько они были ужасны, огромны и сильны. Каждый из них был почти втрое выше человека и преобладал в весе в десяток раз. Оружия у них не было, но их исполинская мощь и размеры были ошеломляющими.

Видя, как быстро они расправляются с его воинами, Бруакер двинул на них с правого фланга ещё две сотни, нанося непрерывно удары огненными стрелами. Великаны валялись, получая обжигающие раны, но некоторые из них вновь поднимались и с удвоенной яростью набрасывались на людей. Шесть человеческих сотен быстро таяли под натиском всего лишь одной сотни пришельцев.

Битва, не успев ещё начаться, уже приблизилась к своему страшному завершению.

Бруакер двинул ещё одну, последнюю напатийскую сотню, оставляя с собой сто тридцать египтян. Больше у него никого не было.

Прошло немного времени, и на краю плоской горной поверхности друг против друга посреди огромного числа изувеченных тел стояли Бруакер с последним отрядом и с трудом

переводящие дыхание шестеро великанов. Всего у половины воинов оставалось по одной стреле.

Внезапно пошёл дождь. Первые тяжёлые капли зашлёпали по камням, прибивая пыль. Уже через миг низкие чёрные тучи обрушили на землю потоки холодной воды. Костры и факелы, мгновенно зашипев, потухли.

Бруакер вдруг понял, что наступил самый тяжёлый и ответственный момент для него и его людей. Теперь он не думал о том, как правильнее распределить оставшиеся стрелы. От них уже ничего не зависело. Он оглянулся, окинул взором стоящих воинов, выхватил меч, взмахнул им над головой и с диким криком побежал к великанам. Египтяне дружно устремились за ним.

Исполины не ожидали такого поведения врага. Под натиском плотной массы людей, скользя по мокрым камням, они были сметены к самой окраине ущелья. Упершись огромными ступнями в шероховатые каменные выступы, они всё же продолжили громить людей, но те уже были неуправляемы в своём последнем порыве и снесли их с хрупкого рубежа, срываясь вместе с ними в тёмную глубь обрыва, мгновенно поглотившую истошные крики людей.

Теперь повсюду был слышен лишь шум ливня, смывающего вниз живую кровь вперемешку с грязью, омывая напоследок останки тысяч людей и сотен лошадей, окропляя влагой тела поверженных великанов. Битва была завершена.

* * *

Небеса извергали влагу весь остаток дня и всю ночь до следующего утра, то ли оплакивая умерших своих детей, то ли просто очищая землю от следов побоища. Так или иначе, но эти места они орошали очень редко, раз в двести лет, и одной человеческой жизни никогда не хватало увидеть такое дважды.

Таким образом, через две тысячи триста двадцать лет завершился второй приход обитателей параллельного мира в чуждый для них мир людей.

* * *

Скальный выступ над входом в пещеру, где находились Форкис и его люди, оказался спасительным для них, так как

уберёт от неминуемого завала, сотворённого оползнем во время проливного дождя. Узкий лаз пропускал к ним дневной свет и влажный ветерок. Снаружи не доносилось ни единого звука.

Гром первым припал к проёму, прислушиваясь и пытаясь увидеть хоть что-то за сырой грудой. Недолго полежав, он стал разгребать навал, расширяя проход. Вскоре гигант уже выполз наполовину и осматривался по сторонам. Солнце слепило глаза, отражая яркие и жаркие лучи от посвежевших склонов противоположных скал. Кругом царили тишина и покой. Он выбрался наружу и, озираясь, потянулся занемевшим телом. Следом за ним появились остальные.

Ущелье изменилось в цвете. От прежних грязно-серых тонов ничего не осталось. Всё искрилось золотисто-коричневым оттенком. Дно ущелья, равно как и горные откосы, дрожало в мареве сильного полуденного испарения. Воздух был перенасыщен влагой и от этого стал густым, плотным и душным. Люди, едва вдохнув его, мгновенно покрывались обильным потом.

Там, где прошла битва, теперь бугрились тела, сплошь покрытые слоем подсыхающего песка и мелкого камня. Оттуда еле уловимо доносился тошнотворный запах. Идти в ту сторону никому не хотелось. Было понятно, что в живых никого не осталось.

Не сговариваясь, все побрели к реке. Её уровень был гораздо выше обычного, а сама вода стала мутной и кроваво-красной. Люди долго смотрели на неё, не решаясь ни пить, ни умываться.

Первым шагнул Борус. Он присел, зачерпнул пригоршню, поднёс к лицу, понюхал её и лишь после этого плеснул себе на грудь.

Форкис осматривал вершины, где совсем недавно находились войска. Они были пусты и безмолвны. На душе у него появилась ноющая тяжесть. Сердце, дрогнув, наполнилось горечью большой и невозполнимой утраты, отдаваясь в сознании глубокой печалью. Ему было не по себе, словно это он был повинен в смерти тысяч людей и во всей разыгравшейся здесь трагедии. Впервые в жизни ему нечем было гордиться. Почему-то именно эта мысль прежде других пришла ему в голову. Он понял, что это совесть мучительно шевельнулась в нём, будто укоряя его за то, что он остался в живых, не разделив участи воинов. Она

болезненным толчком всплыла на самую поверхность души, терзая и разрывая её на части. Зная себя, он также понимал и то, что мог бы сейчас найти множество оправданий своему поведению, но осознанно не желал делать этого. Его боль была той самой правдой, той истиной, которую ему не хотелось ни заслонять словами, ни оттеснить усилием воли.

* * *

Не желая больше оставаться в этом проклятом ущелье, после полудня Форкис вывел своих людей из него, но когда он взглянул вниз по течению реки, то замер, не веря своим глазам. Издали прямо в их сторону по правому берегу медленно продвигались пешие войска. Судя по обличию воинов, к горам приближались отряды кушинского царя. Новая угроза нависла над ним и над его товарищами. Отступить обратно не было никакого смысла. Затаившись у подножья скалы, он задумался, ища выход.

– Нужно подняться наверх. Другого пути у нас нет, – тихо предложил Гром.

Посмотрев ему в глаза, Форкис вскинул голову, пытаясь определить наиболее удобное для подъёма место. Времени оставалось очень мало.

– Все за мной, – шёпотом скомандовал он и стал осторожно взбираться, поглядывая на Дантала.

Последним помогли забраться Грому. Успокаиваясь, они тут же залегли, наблюдая за войсками, до которых оставалось совсем недалеко. Разогретые камни своим жаром не давали возможности лежать неподвижно, отчего им приходилось часто менять положение тел.

Два отряда, каждый численностью не менее пятидесяти человек, отстали от остальных и расположились на берегу, охраняя вход в ущелье. Всего же войск было около полутора тысяч. Передовые десятки уже вступили в расщелину.

– Если они захотят выставить дозоры на вершинах, то нам не скрыться, – поделился Форкис тревогой с Громом.

– М-да. Может, подальше отойти, пока не поздно? Скоро стемнеет, и мы не сможем найти укрытие. Видишь, какая тут

гладь, не за что даже глазом зацепиться, – предложил тот, приподнявшись и оглядываясь по нагорью.

– Хорошо. Отходим. Только пригнитесь. Иначе издали нас могут заметить, – Форкис быстро развернулся, низко склонился, почти припал к земле и побежал на восток.

За ним вереницей потянулись все остальные. Они долго не останавливались, стараясь уйти как можно дальше, но не находя хоть какой-нибудь ложбинки или впадины, несмотря на усталость, продолжали отдаляться от ставшего опасным места. Теперь бежали во весь рост, изредка оглядываясь.

Вечерело. Огромный багрово-золотистый солнечный диск своим нижним краем уже зацепился за дрожащий в огненном мареве горизонт.

Когда светило скрылось наполовину, люди добрались до изгиба ущелья, где вся земля была покрыта смердящими трупами. Следовало быстрее обойти эту местность. Дантал наскочил на наполненный водой бурдюк, встряхнув, поднял его, ощущая приятную тяжесть драгоценной влаги. К кожаному мешку была привязана длинная крепкая верёвка. Он присел, пытаясь отвязать её, но подошедший к нему Савват тут же, склонившись, приподнял мешок за ремни и удобно забросил его себе через плечо, на ходу сматывая верёвку. Для ослабшего юноши такая ноша была бы довольно тяжёлым грузом.

Борус и Комата нашли и подобрали много ремней и верёвок, связали ими несколько просохших жердей и понесли их на себе. Форкис и Гром собирали стрелы.

Дантал отстал. Он приблизился к телу исполина и долго рассматривал его, чувствуя при этом, как весь покрывается бисеринками холодного пота. Оглянувшись, Форкис окликнул его. Юноша, не сводя глаз с поверженного чудовища, спотыкаясь, побежал к брату.

– Не бойся. Как видишь, они тоже смертны. К тому же их больше нет, – обняв за плечо, успокаивал его Форкис. – Видишь, копьё лежит? Возьми его. Пригодится.

Когда на небосклоне виднелись лишь тусклые остатки заката, они были уже далеко от горной долины. К окраине её отвесных скал они так и не подошли.

Г Л А В А Ш Е С Т А Я

Купец Диагор, очень довольный самочувствием своего друга Прета, так благополучно избавившегося от недуга, сердечно попрощался с ним и с Ортией и, ссылаясь на накопившиеся за это время дела, в один из дней отбыл из гостеприимного дома. На самом же деле срочных и неотложных работ у него как таковых не было. Имея весьма большой опыт в торговом ремесле, привыкший делать всё вовремя, он умело правил своим хозяйством, где бы ни находился. Теперь его больше всего беспокоил рассказ Прета о невероятном случае, приключившемся с ним в Красном море. Он верил своему другу, но желание самому увидеть странное явление становилось с каждым днём всё сильнее и притягательнее. Причина тому была проста и объяснима. За свою долгую жизнь он повидал многое, за что был очень благодарен богам, но о таком даже не слышал.

Разные земли, страны и народы посетил купец. Не всегда ему удавалось задуманное, но народившийся в нём когда-то в юности дух настоящего авантюриста, с годами дополненный невероятной жадной к познаниям, неотступно вёл его по миру. Даже теперь, в этом преклонном возрасте, он, завораживая, влёт его по удивительным дорогам, насыщенным приключениями и открытиями, доводя до богатств и неизменно приводя с ними обратно. Он слыл удачливым среди торговцев и щедрым меж друзей. Секрет его успеха заключался и в его характере, и в его отношении к тому, чем он обладал. Никогда, сколько он

помнил себя, он не желал большего, чем было у него, и продолжал заниматься торговлей лишь для души, относясь к ней как к интересному ремеслу, дающему возможность путешествовать, встречаться с новыми людьми и открывать для себя доселе неизведанный мир, всерьёз не задумываясь над преумножением имеющихся богатств. Они же сами текли ему в руки, восхищая его близких и помощников, раздражая завистников, коих во все времена было множество. Сейчас он возжелал во что бы то ни стало побывать на том месте, где Прет повстречал диковинное существо.

Его тянуло туда. Он очень надеялся увидеть это чудо, интерес к которому нарастал с каждым днём, оттесняя в нём все иные желания, ставшие отныне для него простыми, обыденными и даже скучными. Откладывая плавание в Красное море он не стал. Ему следовало посетить города Галикарнас и Милет, где находились его дома, торговые лавки и склады, и лишь после этого направиться к заветному месту.

Потратив на эти цели почти месяц времени, он наконец вошёл в воды столь желанного моря.

* * *

Очень узкое, порой всего до двух шагов в ширину, но глубокое русло бегущей навстречу реки было единственным путеводителем для Форкиса и его людей, продолжавших движение на восток. К их огорчению, ночи стояли облачные, отчего у них не было никакой возможности рассмотреть расположение звёзд. Тучи, словно по чьему-то велению, старались пролететь эту местность в темноте, при этом низко прижимаясь к горному плато и лишь с рассветом освобождая небесный простор для палящего солнца.

Первые три дня путники торопились уйти как можно дальше от той злосчастной долины, боясь преследования со стороны воинов кушинского царя. Они постоянно оглядывались и пристально всматривались в ровную линию горизонта на западе, почти исчезающую к полудню, когда каменистая земля накалялась настолько, что нельзя было ни присесть, ни коснуться

её, не получив ожога. Истоптанные сандалии едва уберегали от такой напасти. Спасала водная прохлада, в которую они по долгу погружались, широко расставляя ноги, упираясь ими в скользкие близкие берега. На четвёртую ночь, ближе к утру они подошли к довольно высокой одинокой горе, у основания которой и без того измельчавшая река дробилась на множество ручейков, звонко сбегавших по её склонам и испещрявших всё предгорье. Это и был исток безымянной реки, несшей свои воды в священный Нил, реки, на берегах которой свершились столь трагические события, потрясшие до глубины души каждого из шести чудом оставшихся в живых мужчин.

Становилось понятным, что за горой простирается безводная даль. Самое тяжёлое для них начиналось только теперь. В гору подниматься не стали, обошли её по правому склону. С наступлением зари скрылись в её тени, с интересом разглядывая искрящуюся вершину. К скудным остаткам пищи не притрагивались, стараясь сберечь их как можно дольше, насыщаясь вкусной студёной водой.

– Что будем делать дальше? – Гром присел рядом с Форкисом, утирая пот на лице.

– Нужно отдохнуть и двигаться к морю. Там наше спасение. Обратной дороги нет. Ты это знаешь, – спокойно ответил тот.

– Без воды трудно будет нам. Смотри, как все утомились. В дневную жару будет ли где укрыться в пути? Знать бы, как далеко оно, это море, легче идти было бы, – тихо рассуждал Гром.

– Оставаться здесь долго тоже нельзя, силы потеряем. Возьмём воды сколько сможем. Видишь, под камнями трава пробивается? Нужно как можно больше нащипать сочной листвы и хотя бы наполовину заполнить ею бурдюк с водой. В дороге, когда кончится питьё, можно будет получать влагу из зелени, разжёвывая её. Она и пищей вроде как будет. Другого выхода нет, – Форкис вздохнул и откинулся на спину.

В этот день впервые все крепко спали. Ночь преподнесла сюрприз в виде ясного звёздного неба. Определив направление, от которого, как выяснилось, они отклонились немного на юг, тронулись в путь, стараясь пройти без остановок ещё большее

расстояние, нежели до сих пор. Шли молча, не сбиваясь с темпа, взятого Форкисом. В полночь немного отдохнули, дружно растянувшись на тёплой земле, расслабляя натруженные тела. Тяжёлый мешок с водой теперь подвязали к прихваченным жердям и несли по очереди попарно, забросив на плечи, словно поверженного на охоте зверя. Так было легче идти.

Ближе к рассвету шедший прямо за Форкисом Дантал, не заметив его внезапной остановки, налетел на него, едва не сбив с ног. Тот даже не обернулся, лишь поднял руку, призывая к тишине. Все замерли. Уже через мгновение они уловили отдалённые и поначалу странные и непонятные звуки. Вслушавшись внимательнее, они не поверили своим ушам. В воздухе разносились крики чаек, так похожие на людские голоса.

* * *

Помня в мельчайших подробностях неоднократно услышанный рассказ помощника Прета Лисиппа о местонахождении их корабля в тот далёкий день, когда при купании произошло нечто странное с его хозяином, Диагор привёл своё крепкое судно к месту, где, по его мнению, всё и случилось с его другом. Уверенность в том, что он не ошибся, исходила и из подсчёта дней, пройденных по морю, о которых он знал точно, и из общего вида местности, отличавшейся тем, что у прибрежной песчаной полосы только здесь из воды выступало несколько скал.

Третий день, сбросив в прозрачную воду грузы-якоря, он стоял в небольшом отдалении от берега, заставляя ныряльщиков подолгу находиться в воде и велел им внимательно осматривать донное пространство, желая скорейшего обнаружения останков якобы затонувшего в этом месте судна. Шло время, но ничего приметного обнаружено не было. Решительно настроенный на сколь угодно долгое пребывание в этой безжизненной части моря, уверенный в успехе своего предприятия, старый купец продолжал поиски, впервые находясь вдали от родных земель отнюдь не по торговым делам. Прохладные облачные ночи сменялись жаркими солнечными днями. Двое его самых опытных помощников попеременно возглавляли группы пловцов,

каждый стремился первым найти хоть что-то схожее с творением человеческих рук либо хотя бы отдалённо напоминающее его следы, но пока это им не удавалось: повсюду царило божественное и дикое творение.

И в этот день с самого утра Диагор с нетерпением ожидал пловцов, которым поручил осмотреть подводное предгорье. Стоя у самого борта, он внимательно всматривался в сторону берега, где один за другим выныривали его люди и вновь, глотнув воздуха, погружались в воду. Узкая песчаная полоса золотилась искрящейся лентой между голубой водной гладью и каменистым рядом розоватых гор. Яркие, очень необычные цвета радовали глаз, очаровывая удивительной первозданностью и буйством красок.

Чайки всё чаще пролетали над пловцами, опускаясь на миг возле них и тут же вновь взлетая с пойманной рыбой – видимо, потревоженной людьми и всплывшей на свою беду ближе к поверхности. Птицы громко шумели, наполняя округу пронзительными криками, очень схожими с истеричным людским смехом. От такого многоголосья среди морского безмолвия поначалу всем было не по себе, оно раздражало и нервировало команду. Но со временем отношение к будоражащим звукам стало терпимее. Более того, своим близким и постоянным присутствием чайки скрашивали довольно унылое и однообразное существование в дни стояния на якоре. Людям стало казаться, будто корабль странным образом находится в гуще базарной площади, где ведётся оголтелая торговля.

Вскоре ныряльщики дружной группой размашисто поплыли в сторону судна, при каждом гребке тихими всплесками рассекая лёгкую морскую рябь, блестя бусинками влаги на загорелых плечах. Первым поднялся помощник. Немного отдышавшись, он сообщил хозяину, что обнаружил вход в подводную пещеру и подробно описал и его размеры, и местонахождение. Отпустив его на отдых, Диагор остановил следующую группу пловцов, уже готовую броситься в воду. Ему следовало обдумать все дальнейшие действия, так как это открытие помощника подтверждало истинность случившегося с Претом и значительно

повышало шансы на скорую встречу с диковинными существами, в свою очередь, требуя особой осторожности.

Пройдя на корму, Диагор в глубокой задумчивости присел на своё излюбленное место. Солнце крепко припекало, мешая своим жаром спокойному и стройному течению его мыслей, отчего внезапно возникшее в нём возбуждение плавно превратилось в подобие вялой апатии, разживавшей собой остроту восприятия долгожданного открытия. Ополоснув руки и освежив лицо прохладной водой, Диагор усилием воли заставил себя полностью расслабиться, дабы не допустить в душу ненужной тревоги, а в тело излишней суеты и не тратить понапрасну свои силы на сопротивление охватившему его глупому состоянию, понимая, что оно очень скоро сменится в нём привычным трезвым порядком.

Он встал, облокотился на борт и взглянул в глубь воды. Множество пёстрых рыб, больших и малых, проплывали под днищем корабля, наполняя невероятную и всегда ощущаемую морскую мощь своим безмолвным, но жизнеутверждающим присутствием.

«Надо же! – вдруг подумалось ему. – Эти рыбы, сотни лет проживая среди водных просторов, плодясь и умирая в них, никогда не узнают о нас, своих вечных соседях, о том, что мы существуем всегда рядом с ними. Лишь хрупкая и едва ощутимая граница в виде тонкой пелены на поверхности водной глади отделяет их мир от нашего, но только нам предоставлена возможность проходить сквозь неё. Нам доступно вторжение к ним. Им же к нам – никогда. И вся причина такой связи заключена в уме, коим обладаем мы, чего, вероятнее всего, у них нет. Выходит, что тот, кто ближе к небу, разумней всех других. И именно по этой причине обитатели водных глубин зачастую становятся нашими жертвами. Мы же таковыми бываем изредка». Диагор улыбнулся столь странным мыслям.

Проводив взглядом медленно проплывшую крупную рыбу, он вновь подумал: «Может, кто-то сверху вот так, как я сейчас, разглядывает и меня, думая обо мне так же, как я об этой рыбине? Неужто где-то здесь, рядом, есть и другие миры, которых не видим и мы?» От таких рассуждений его бросило в дрожь.

Распрямив плечи, он нервно окинул взором округу и тихо прошептал:

– На всё воля богов.

Находящийся ближе остальных один из помощников, не расслышав сказанного хозяином, тут же подошёл к нему.

– Вот что, сделай тепе... – начал было говорить Диагор, но вдруг замолчал на полуслове, уставившись в сторону берега.

Помощник перевёл туда взгляд и обомлел. На самом краю ровной горной вершины находились люди. Они молча стояли, глядя на корабль. Их было шестеро.

– Кто это? – удивлённо произнёс Диагор.

– Узнать? – почему-то шёпотом спросил помощник.

– Нет. Плыть не нужно. Вели подвести судно как можно ближе к ним, – распорядился хозяин.

Спустя мгновение корабль, выбрав якоря, плавно скользил на вёслах к прибрежной мели. Чужаки один за другим, развернувшись, стали осторожно спускаться вниз, держась руками за скальные выступы, находя опоры для ног и изредка оглядываясь. Помощники и пловцы Диагора сгрудились на носу судна в полном вооружении, готовые в случае необходимости вступить в бой. Вскоре те странные люди были уже у подножья гор. Медленно ступая по вязкому песку, они направились прямо к остановившемуся кораблю, внимательно вглядываясь в лица моряков.

– Не может быть! – рассмотрев идущего впереди, воскликнул Диагор. – Форкис, ты?

– Диагор?! – в ответ вскрикнул тот. – Как так? Ты – и вдруг здесь?

Напряжение, охватившее команду, тут же спало. Помощники, не раздумывая, сбрасывали за борт верёвочные лестницы и, склонившись, подтягивали наверх всех взбирающихся людей.

– Дантал! О боги! Конечно же, и ты здесь! – Диагор крепко прижал к себе юношу, радостно похлопывая его по спине.

Затем, отстранившись от него, он также крепко обнял улыбающегося Форкиса, приговаривая:

– Это просто невероятно!

Освободив объятия, он протер рукой повлажневшие глаза, обернулся к остальным мужчинам, поднятым на борт, и, всё ещё продолжая удивлённо покачивать головой, произнёс:

– Так вы все здесь? Все вместе? Как хорошо!

Диагор по-отечески трогательно обнял каждого. Корабль отошёл на прежнее место. На корме царило небывалое оживление. Туда несли полотенца, одежду, много вина и еды. Старого купца невозможно было узнать. Он сиял от неопишуемого восторга и был очень подвижен и говорлив. Уставшие путники из уважения к нему пытались поддержать беседу, но он понимал их состояние и упреждал всякую их попытку делать это, вежливо выставляя перед собой ладони, при этом повторяя:

– Ешьте, пейте досыта, дорогие гости. Потом поговорим.

Прошло немного времени, и Диагор уже с умилением взирал на спящих людей. Исхудавшие, обросшие, сплошь покрытые ранками и ссадинами, они быстро уснули, почти не коснувшись желанной пищи.

* * *

Проспав до самого полудня следующего дня, гости пробудились отдохнувшими. Окунувшись в море, они с небывалым аппетитом принялись за еду, после чего долго и охотно отвечали на вопросы Диагора, явно потрясённого их рассказами. Они подробно описали ему всё, что случилось с ними за время этого странного похода, закончившегося для них такой неожиданной встречей с ним, старым другом. Поскольку при их разговоре не присутствовали даже его помощники, он, в свою очередь, объяснил им цель своего пребывания в этом месте, не считая нужным скрывать подробности, связанные с его другом Претом, которого все хорошо знали и к которому относились с искренним почтением.

Страшные воспоминания обо всём произошедшем и в дороге, и в том ущелье, впервые произнесённые вслух устами очевидцев и участников, разбередили их души, заставив их вновь пережить то жуткое время. Рассказывая, они сами удивлялись тому ужасу, что им пришлось пережить и, особенно, неожидан-

но счастливому завершению этого похода. Вскоре все замолчали. Утомление от разговора было почти физическим, настолько живо перед ними проносились недавние события. Теперь им уже не верилось, что всё это случилось именно с ними.

– Скажи мне, Форкис, на что ты рассчитывал, следуя сюда, к морю? – в задумчивости спросил Диагор.

– Не знаю... Просто другого пути у нас не было. Единственным спасением казалось только море. В конце концов, оно могло дать пищу, которой там, в горах, нигде нет. Дальше я планировал продвигаться вдоль берега на север, в надежде на то, что нас увидят с какого-нибудь судна. Даже если бы этого не произошло, мы всё равно дошли бы до своей земли.

Диагор сидел с бокалом вина и покачивал головой в знак согласия.

– А что ты собирался предпринять и как долго ещё находилась бы здесь? – в свою очередь поинтересовался Форкис.

– Вчера обнаружили под водой вход в пещеру. Всё в точности сходится с рассказом Прета. Я решил набросить на него несколько сетей и ждать. Сколько бы времени это ни длилось, уходить без результата мне не хотелось. Конечно, стоять здесь вечно я не намеревался, – поделился Диагор. – Но теперь находится тут нет смысла. Мне в этом плавании гораздо больше повезло, нежели я ожидал. То, что вы живы и мы встретились, есть великая милость богов. Остальное, с чем пришёл сюда я, уже не так важно. Мне понравилось это моё плавание. Я впервые делал то, что желал для души, а не то, к чему просто привык, как к будничной необходимости. Наверное, поэтому я сейчас нахожусь с вами. Сегодня же снимаюсь с якорей, и мы уходим обратно.

Но теперь следует обдумать ваше положение. Насколько я понял, кроме вас никто не остался в живых. Если вы появитесь в Навкратисе, вас ничего хорошего там не ожидает. Скорее всего, начнутся многочисленные допросы, и ваше дело дойдёт до самых верхов. Наверняка, вас доставят в Персеполь к самому царю, а там неизвестно, как поступят с вами, видевшими то, о чём не следует знать никому в мире. В лучшем случае вас казнят, в худшем – заточат навсегда и по велению властителя будут при-

водить к нему как диковинных существ, дабы лишний раз ублажить его высочайший слух вашими рассказами о великанах. И такое может произойти лишь из-за того, что из всех ушедших в поход только вы остались в живых. Странное положение, не так ли? Хотя власти в Мемфисе могут и не сообщить о вашем появлении царю царей, а тихонечко покончить с вами, словно вас и не было. Ну и меня заодно с вами отправить к праотцам, – Диагор рассмеялся, сотрясаясь всем телом.

– Да-а-а, действительно странное у нас положение, – грустно протянул Форкис. – И что же нам делать теперь?

– Ясно одно: в Навкратис нам не следует так спешить, – успокоившись, рассуждал купец. – Мы направимся в другое место, а вот куда именно, сейчас и решим. У меня есть дома в Галикарнасе и Милете. Там хватит места для всех. Хотя времена и настали тяжёлые – ведь идёт война, но торговых людей пока не трогают, а это очень важно для нас. Что скажешь, Форкис?

– Я благодарен богам и тебе за оказываемую помощь. Не знаю, как и когда я сумею расплатиться с тобой? Да и возможно ли это вообще? Ты столько хорошего сделал для нас, что оценить просто невозможно. Вот и теперь, думая о нас, предлагаешь нам новую жизнь, оберегая от бед... Всё время существовать за твоей спиной, пользуясь твоими услугами и благами, я не могу и, если честно признаться, не хочу. Такое существование непозволительно для мужчины, здорового и не обременённого ничем в этом мире. Заботясь о нас, с этой поры ты очень рискуешь своей репутацией и даже жизнью. Мне бы не хотелось доставлять тебе даже ничтожно малых неудобств, и по этой причине прошу тебя высадить нас в первом же порту, что находится поближе к Греции, – Форкис до глубины души был тронут предложением доброго старца, но ему было стыдно уже в который раз получать от него незаслуженные дары.

– Хорошо, я понял тебя. Отдыхайте, набирайтесь сил. У меня есть дела. Не буду мешать вам своей болтовнёй, – Диагор поднялся, поставил бокал и удалился.

– Он обиделся, – тихо и как-то тоскливо произнёс Дантал, провожая взглядом седовласого благодетеля.

Тот, словно почувствовав что-то, оглянулся и поманил его рукой. Быстро вскочив на ноги, Дантал подбежал к нему.

– У тебя замечательный брат, – приобняв его, проникновенно произнёс старец. – Вам довелось пережить ужасные события. Я пытаюсь представить, насколько это было страшно, но не могу, хотя нахожусь под этим небом достаточно долго и повидал многое за свою жизнь... У всего в этом мире есть свой определённый смысл. С каждым прожитым днём даже в моём возрасте вопросов нарождается больше и больше, а ответы на них находят не всегда, да и если они есть, кто знает, верны ли они. Вот и остаются за спиной сплошные завалы из неразгаданных тайн, о которые ударяются следующие поколения людей. Так устроен мир, друг мой, и ничего с этим не поделаешь. Думается мне, что богам угодно до поры до времени держать своих детей в неведении для их же пользы и постоянного развития. Иначе зачем мы им, если не будем проявлять ко всему интерес и жаждать открытий? Человек мучается от таких дарований, но и жить без них уже не может. Он привыкает к ним. Привычка, мой юный друг, зачастую становится смыслом бытия.

Вот и я приплыл сюда, дабы попытаться открыть что-то новое для себя на закате почти никчёмной жизни. Тебе в такие молодые годы довелось повидать гораздо больше, чем мне. Не жалей об этом и не страшись того, что происходит с тобой. Прими пережитое как должное и гордись им. Не каждому суждено побывать там, где был ты, и прочувствовать то, что ты прочувствовал. Всё это неспроста. За этим кроется нечто важное и глубокое, о чём, наверняка, тебе однажды доведётся узнать. Никогда не допускай сомнений на этот счёт.

И вот ещё что. Я и мой друг Прет очень беспокоились за вас и жили все эти дни в ожидании вашего благополучного возвращения. Всегда помни о том, что из дальних дорог обратный путь благословен и открыт лишь для того, о ком душевно помнит и искренне печётся хотя бы один человек. Но не только мы с ним думали о вас. Ты понимаешь, о ком я говорю...

При последних его словах Дантал ощутил приятный трепет, но тут же, стесняясь вспыхнувшего волнения, кивнул и понурил голову.

– Ортия – добрый и очень отзывчивый человек. Она ждёт тебя. Но теперь, как ты понял, мы уже не пойдём в Навкратис, – Диагор с сожалением отвёл взгляд.

Дантал понимающе посмотрел на него, но ничего не сказал.

– Не печалься. Я постараюсь что-нибудь придумать. Дорога предстоит нам дальняя, плавание будет долгим, и времени вполне достаточно для этого. А тебе нужно обязательно хорошенько отдохнуть, – окинув взором берег и вновь переведя взгляд на юношу, закончил беседу старец.

Дантал развернулся, направился к корме и уже на некотором отдалении услышал команду Диагора выбирать якоря.

* * *

Пройдя Красное море, оставив позади канал, соединяющий его с Нилом, спустившись по священной реке, минуя поселения Навкратис и Саис, войдя в воды Внутреннего моря, обойдя огромный остров Крит с восточной стороны, проследовав в Эгейском море среди многочисленных островов Спорады, обогнув с запада остров Патмос, повернув на восток, на тридцать второй день пути корабль купца Диагора благополучно достиг северной гавани греческого города Милета, расположенного на юго-западном побережье Малой Азии.

Не желая огорчать великодушного Диагора, Форкис на всём протяжении пути больше ни разу не обмолвился ни единым словом о своей просьбе высадить его с людьми в первом греческом порту. Лишь при приближении к Милету он с интересом стал расспрашивать о городе.

– Ему почти шестьсот лет. Его население превышает сто тысяч, и треть из них – рабы, – объяснял ему Диагор. – Это очень красивый город. Он полностью обнесён стеной. Вон там, южнее, военная гавань Львиная бухта. Там, на входе, видишь заграждения? Туда нам нельзя. От неё чуть в стороне здание булевтерия – городского управления. Ещё южнее находится Театральная бухта. Видишь слева сторожевую башню? Так вот, недалеко от неё расположен театр. На правом же берегу находятся западный рынок, гимнасий и стадион. Там недалеко расположен храм Афины.

В гавани, куда они вошли, находилось огромное множество кораблей. Перед оградительной городской стеной все прилегающие к гавани строения были в основном складскими помещениями. Между ними и судами сновали многочисленные грузчики-рабы. На первый взгляд всё происходящее являло собой обычный день. Но такое восприятие было ошибочным.

Диагор сразу обратил внимание на то, что повсюду велась погрузка кораблей, но ни один из них не разгружался. В городе творилось что-то неладное. С трудом найдя подходящее для швартовки место, Диагор с помощником спустился по трапу на пристань, но команде и гостям велел не покидать корабля. Форкис, восприняв это указание как временную необходимость, стал с интересом наблюдать за всем, что делалось вокруг. Теперь и он обратил внимание на то, как быстро грузятся корабли и тут же выходят в море. Повсюду царила отнюдь не деловая обычная портовая жизнь, а нервная, суетливая, спешная работа и даже едва сдерживаемая паника.

– Послушай, – обратился он к оставшемуся помощнику Диагора, одному из тех двоих, что всегда были при купце, – ты ведь должен точно знать, где находятся склады твоего хозяина. Покажи их.

– Как же не знать, вон там, два, что ближе к проходу, – уверенно указал тот рукой.

– Ну-ка, бери людей и иди за мной, – повелел Форкис и сбегал на берег.

За ним сразу последовали Дантал и остальные товарищи. Не дожидаясь корабельной команды, они приблизились к показанным складским помещениям, уже готовые взломать замки на их воротах, выносить оттуда всё, что там было, и грузить на судно, но в это самое время из широкого прохода, переходящего в городскую улицу, показались ровные шеренги идущих гоплитов. Рослые воины, как на подбор, все в одинаковых шлемах и панцирях, держа в руках щиты и копья, двигались плотными рядами по набережной вдоль кораблей, рассекая людскую массу.

– Эй, чего вы тут стоите? Склады мои пусты. Скорее идёйте на корабль, – вдруг послышался голос Диагора, появившегося следом за прошедшими войсками.

Старый купец был необычно подвижен. При скором шаге он напоминал собой бегущую вразвалочку уточку, что совсем не соответствовало облику степенного человека. Он был явно чем-то озабочен. Не задавая вопросов, все дружно ринулись за ним и вскоре оказались на судне. Диагор, отдышавшись, отдал команду выходить в море, затем, пройдя на корму, внимательно осмотрел гавань и, успокоившись, присел. Форкис терпеливо ожидал его слов.

Испив принесённого вина, купец наконец произнёс:

– Персы уже вошли в дальние окраины города. Их не удержать. Видите, как войска отступают? Сейчас они будут грузиться вон на те корабли, – он показал на юг в сторону Львиной бухты. – Нам же велено побыстрее уходить отсюда, пока не пошёл вражеский флот.

Отойдя на небольшое расстояние от гавани, они увидели, как в дальней стороне Милета в небо потянулись чёрные клубы дыма. Стало понятно, что запылали городские строения.

– Куда теперь думаешь идти? – спросил Форкис.

– Нужно узнать, что творится в Галикарнасе. По пути в Милет я не стал заходить туда, полагая отсюда забрать вас с собой на восток, в Индию, тем самым обезопасив от возможного преследования из Мемфиса, где вполне могли прознать о вашем спасении. Признаться, я не очень верю в такое, но ведь ты сам обеспокоен судьбой оставленных вами двадцати нубийцев-проводников. Кто знает, что с ними случилось? Всякое могло произойти, и в таком положении спасительными будут только дальние земли, ну и, конечно, время, – Диагор взглянул в глаза Форкиса и продолжил: – Из Милета по извилистой, словно лабиринт, реке Меандр мы должны будем дойти до небольшого города Траллы, что чуть дальше города Магнесии, и уже там, высадившись, идти по суше с моим караваном.

– Получается, нужно возвращаться. Не проще ли прямо сейчас идти к реке? – поинтересовался Форкис.

– Я, конечно, надеюсь, что царь Дарий, несмотря на ведение войны, как прежде, благоволит большой торговле, но всё же не будет излишним немного переждать происходящие здесь собы-

тия. Да и в Галикарнасе, признаться, у меня теперь появились неотложные дела.

Форкис, понимая его правоту, кивнул и отошёл в сторону. Диагор задумался: «Видимо, мне уже пора на покой. Как я мог забыть обещанное Данталу? Юноша ждёт встречи с Ортией, а я чуть было не ушёл с караваном. Надо же! Такое со мной впервые. Совсем ополоумел на старости лет. Хорошо, хоть сейчас вспомнил. Нет, как ни старайся, а годы своё берут, и никому не под силу продлить либо обмануть их. Что ж получается? Этот поход на восток может быть заключительным в моей жизни? Неужели так быстро моё путешествие под этим небом подошло к концу? Не верю. Ладно, не стоит раньше времени думать о вечном покое. К тому же я сам вспомнил об упущении и постараюсь исправить его. Значит, со мной всё ещё не так уж и плохо».

Диагор, вздохнув, поднялся с места, осмотрелся по сторонам и допил вино.

* * *

Галикарнас встретил Диагора и его спутников спокойной размеренной жизнью. Правительница города Артемизия I, в эту пору являвшаяся зависимой союзницей царя Дария I, всячески поддерживала порядок в устоявшемся житейском укладе обитавших здесь издревле греков-дорийцев. Город почти с семи-вековым прошлым, однажды основанный выходцами из Аргolidy, что расположена на полуострове Пелопоннес, по другую сторону Эгейского моря, последние десятилетия постоянно находился под чужим господством. Около шестидесяти лет назад он почти двенадцать лет был под властью лидийского властелина, после чего им завладели персидские цари. При такой сложной обстановке следовало очень осторожно править крупным поселением греков, с чьими сородичами Персия уже шестой год беспрерывно вела войну.

Небольшой, но уютный дом купца Диагора предстал перед его гостями подобно дворцу. Они, так сильно истосковавшиеся по теплу домашнего очага, сразу же разбрелись по нему, рассматривая комнаты и убранства, как-то по-детски восхищаясь ими

и предвкушая предстоящую возможность отдохнуть в замечательных условиях. Рабы, что находились при доме, трудясь, ухаживая и присматривая за всем хозяйством, суетливо сновали в подсобных помещениях, готовя ванны для купания и накрывая столы. Диагор был искренне рад этому приятному волнительному оживлению в его обычно пустующем жилище.

Вдоволь накупавшись в ароматно пахнущей воде, смыв за пахи далёких земель и солёных морей, переодевшись в чистое, путники дружно расселись за столом в просторном андроне, помещении для пиров и трапез, и тут же без особых церемоний принялись за еду. Вкусное прохладное вино постепенно стало наполнять уставших людей приятной истомой, отчего никому из них не хотелось вести каких-либо бесед. Понимая их расслабленное состояние, радушный хозяин не досаждал им своими разговорами и лишь изредка предлагал испробовать новое блюдо.

Быстро насытившись и слегка захмелев от впервые вкушённого напитка, Дантал, бережно сопровождаемый Форкисом в отведённую ему комнату, вскоре крепко заснул, развалясь на удобном мягком ложе. Впервые со времени начала похода в верховье Нила ему снились сны. Они были лёгкими и спокойными. Вот широкая тихая река ровень с пушистым от травы берегом плавно скользит искрящейся гладью мимо множества островерхих шатров, возле которых струйками белых дымков потрескивают костры. Чуть в стороне пасутся лошади, отгоняя тугими хвостами надоедливых оводов. Опасливо сторонясь их копыт, часто оглядываясь, отбегают собаки. Пахнет вкусной едой. Вот откинулся полог в ближнем шатре, и оттуда вышла женщина. Она подняла голову, приставила козырьком ко лбу ладонь и посмотрела вдаль. Это была его мама. Послышался нечастый конский топот. Дантал посмотрел туда же. Из распахнутых настежь крепостных ворот с высоты спускался на коне воин. Приблизившись, он спешил и подошёл к матери. Это был его отец. Они молча стояли друг перед другом. Мама приветливо улыбалась. Дантал оглянулся, пытаясь понять, видит ли ещё кто-нибудь встречу его родителей. Рядом с ним, за спиной, стояло несколько седых воинов. Ближний из них был очень знаком ему.

Он вспомнил его, это был сотник по имени Даг, друг его семьи. Дантал повернул голову в другую сторону и увидел стоящую невдалеке Ортию. У неё было грустное лицо. Данталу стало жаль её. Ему следовало подойти к ней и успокоить её. Но он не знал, как теперь ему поступить. К кому из них идти в первую очередь, ведь по матери и отцу он тоже сильно соскучился.

– Как же так? Я встретил своих родителей, а ты, Ортия, не рада за меня, – произнёс он, в душе слегка обижаясь на девушку.

Кто-то коснулся его плеча. Он посмотрел. Это подошла к нему мама. Она, ласково глядя ему в глаза, тихо сказала:

– Ступай к ней. Не оставляй её больше. Мы с отцом рады за вас.

Дантал взглянул на отца. Тот одобрительно кивнул. Он шагнул к Ортии – и проснулся. За окном, выходящим во внутренний двор, зарождался новый день.

* * *

Вопреки ожиданию гостей, за утренней трапезой Диагора не было. Он появился ближе к полудню и с ходу сообщил им о своём деловом отбытии. Тут же в категорической форме он пресёк все их попытки уговорить его взять их с собой в это плавание. Строго-настрога наказав им не покидать дом и поручив оставляемому с ними помощнику по имени Фаилл заботиться о них, Диагор удалился.

Наступили дни сытного безделья. Всё чаще сживая за столом, беседуя на разные отвлечённые темы, они невольно затрагивали события минувших дней, проведённых в том странном, по своей сути, походе. Лишь теперь, находясь вдали от того несчастного ущелья, пребывая в безопасности, обеспеченной прекрасным человеком, добрым хозяином этого славного жилища, они впервые по-настоящему поняли, что только чудесным, воистину удивительным образом остались живы. И только здесь они ясно осознали, насколько близко от них прошла смерть, нещадно сразившая на своём кровавом пути и людей, и исполинов.

В один из таких вечеров все, по обыкновению, находились за столом.

– Сколько не думаю, а всё равно не могу понять одного. Откуда взялись эти великаны в той горной долине? – пророкотал обычно молчаливый Гром. – Никогда не слышал об их существовании. Не увидь я их своими глазами, ни за что бы не поверил никому и хорошенько бы всыпал каждому, кто осмелился бы поведать мне о таких созданиях.

– Именно поэтому нам не следует посвящать кого бы то ни было в случившееся с нами, дабы не приняли нас за глупых выдумщиков или, того хуже, за сумасшедших людей, – Форкис серьёзно окинул взглядом сидящих. – Хотя никому из нас не известна главная цель того похода, но то, с чем довелось нам соприкоснуться, может стать очень опасным для нас своими последствиями. Диагор прав: мы не знаем, выжили или нет те проводники-нубийцы, что оставались с лошадьми и колесницами. Может случиться так, что кому-то из них удалось вернуться в Египет, и тогда интерес властей к происходящему там будет очень большим. Они попытаются установить всех, кто вдруг сумел остаться в живых, а ими являемся только мы. Проводники не могут знать о нашем спасении, но нас окружают люди, и они разные, хоть и служат одному хозяину.

Форкис оглянулся, но, кроме них, в комнате никого не было. Понизив голос, он продолжил:

– Вернётся Диагор, и мы решим, как быть дальше. Здесь оставаться надолго не стоит. Я пока не знаю, куда нам придётся податься и что он посоветует, но подвергать опасности его и вас и жить в постоянном страхе лично я не желаю. Думаю, вы согласны со мной. Надеюсь, не для жалкого прозябания до конца наших дней боги увели нас от неминуемой гибели. Есть на земле одно место, где мне хотелось бы провести дальнейшую жизнь.

При последних словах он внимательно посмотрел на Дантала. Тот удивлённо встретил его взгляд, но ничего не спросил.

Форкис улыбнулся и завершил:

– Ну об этом поговорим потом.

Фаилл, притаившийся за дверным проёмом и всё это время очень чутко прислушивавшийся к каждому слову, сказанному гостями, осторожно ступая, удалился.

* * *

Дни были похожими один на другой. Некоторым разнообразием отличалась погода. Иногда шли обильные дожди, и тогда весь дом через распахнутые двери и окна наполнялся влажной бодрящей прохладой. Люди выходили из сумрачных комнат на внутренний дворик и подолгу вдыхали ароматы невероятно сгустившейся свежести, исходившей вдруг от зелени, на которую падали крупные звонкие капли, и от этого ощущали почти блаженное состояние. Порой со стороны моря внезапно задували сильные, но тёплые ветра. В такие мгновения очень низко над городом, почти касаясь крылами крыш, борясь с порывистыми потоками воздуха, носилось множество чаек, от крика которых вся округа наполнялась новыми звуками, не столь приятными для человеческого слуха.

* * *

Прошло двадцать четыре дня, как судно Диагора покинуло Галикарнас, держа курс на Навкратис. Теперь он уже возвращался обратно, причём не один, а в сопровождении старого корабля своего друга Прета. Пообщавшись с ним, на удивление Ортии, довольно непродолжительное время, они спешно тронулись в путь. Диагор вкратце сообщил другу о событиях, связанных с походом персов в южные земли, и о встрече с Форкисом и его людьми. Последнее сильно взволновало и заинтересовало Прета. Для Ортии это плавание было первым в жизни.

* * *

Дом встретил их неприветливой пустотой. На вопрос хозяйина о гостях Фаилл, потупив взор, сообщил неожиданную весть о том, что за ними пришли люди из булеветерия и увели их, ничего не сказав.

– Когда это случилось? – Диагор негодовал.

– Четыре дня назад.

– Располагайтесь, я скоро буду, – обратился Диагор к Прету, Ортии и Лисиппу и быстрым шагом направился к выходу.

Следом за ним поспешили и двое его помощников. Фаилл вновь оставался с прибывшими гостями. Проводив своего хо-

зяина недовольным взглядом исподлобья, он тут же исчез за дверью, ведущей в подсобные помещения. Лисипп, всё это время очень внимательно следивший за его поведением, заметив излишнюю суетливость, проследовав за ним до самого проёма, замер возле него, чутко прислушиваясь. Прет, бывавший не раз в доме друга, присел к столу и задумался. Молча осмотрев комнату, Ортия расположилась напротив него.

– Отец, что-то случилось? – тихо спросила она.

– Пока не знаю, дочь. Вернётся Диагор и всё прояснит. Ты не тревожься и отдыхай. Надеюсь, ничего плохого не произошло, – как можно спокойнее ответил он, сам же при этом испытывая сильное волнение и пытаясь скрыть его от её глаз.

* * *

Дойдя по ровной улице, окаймлённой тенистыми портиками, до центральной городской площади, Диагор прибыл к булевтерию. Это было красивое каменное здание с расчленённым фасадом, состоящим из множества опорных колонн, к подножию которых вели высокие ступени и над которыми возвышались большие треугольные фронтоны. Сами колонны, несмотря на огромные размеры, выглядели почти воздушными благодаря каннелюрам – вертикальным желобкам, по всей высоте отделённым друг от друга плоскими перемычками. Колонны венчались искусными капителями с двумя завитками – волютами и поддерживали нижнюю балку соединяющего их антаблемента – архитрав с листообразным фризом над ним. Именно здесь, в этом величественном строении, заседал Буле – Совет, которому поручалось ведение важнейших государственных дел.

Оставив помощников, Диагор, поднялся наверх, вошёл внутрь и уже через некоторое время, без особого труда найдя своего давнего знакомого, члена Совета Ферекрата, появился с ним на ступенях. Высокий, невероятно худой мужчина средних лет, с длинной тонкой шеей и маленькой головой с жидкими седыми волосами, громко шаркая изрядно изношенными и затёртыми сандалиями, очень внимательно слушая Диагора, проследовал мимо ожидавших купца помощников, не удостоив

их даже беглым взглядом. Иногда он склонял голову к своему собеседнику, и тогда его умные, очень проницательные глаза впивались ему в лицо, словно он впервые видел этого человека и поэтому старался рассмотреть поближе и тщательнее.

Объяснив цель своего прихода, но не касаясь в своём рассказе египетского похода и всего случившегося там с его друзьями, в заключение Диагор высказал свою просьбу об их освобождении и замолчал, остановившись посреди площади. До сих пор не проронивший ни единого слова Ферекрат тоже задумался, массируя длинными пальцами правой руки кончик своего ястребиного носа, уперев локоть в левую ладонь.

– Ты знаешь, Ферекрат, я в долгу не останусь, – нарушив молчание, тихо произнёс Диагор.

– Я постараюсь всё разузнать. Одного не могу понять. Ты говоришь, что каких-либо причин для их задержания нет. Тогда почему пришли именно за ними? – Ферекрат скрестил длинные руки на узкой груди и уставился в глаза Диагора.

Несмотря на его, казалось бы, тщедушный облик, голос у него был поистине громовым и зычным.

– Может, кто-нибудь из моих завистников что-то и донёс на них. Об этом мне ничего неизвестно. Вот только прегрешений за ними никаких нет. Это я знаю точно, – Диагор пожал плечами, не отводя взгляда.

– Хорошо. Жди у себя. Завтра я извещу тебя. Мне нужно время. Да, вот ещё что. Как у тебя идут дела в Милете? – неожиданно спросил Ферекрат.

– Готовлюсь в дальнюю дорогу. Весь нужный товар с караваном ожидает меня у Траллы, а в Милете склады почти пусты. Торговля идёт успешно. А что?

– Милет взят персами.

– Вот оно как! – Диагор выразил почти искреннее удивление.

– Ты особо не беспокойся. Для твоего дела препятствий не должно быть. Во все времена при военных действиях нужда в торговле лишь усиливалась и доходы, соответственно, возрастали. Главное – знать, что и кому поставлять. Не так ли? – Ферекрат двусмысленно вскинул белёсые брови.

– В чём же нуждается наш город? – протянул Диагор, чутко улавливая потаённый смысл в его словах.

Он понимал, что разговор по-настоящему начинается только сейчас, и от того, насколько они найдут общий язык, будет зависеть исход этой встречи, а в итоге и судьба его друзей. Также он понимал и другое. Ферекрат явно что-то знал, но не спешил делиться. Причины могли быть различными. Он либо приценивался, либо проявлял сдержанность по другим соображениям. Следовало как-то ещё внушить ему доверие и постараться не совершить ошибки.

– Город, Диагор, – это прежде всего люди. Причём будущее его обычно зависит всего лишь от нескольких из них. Ты знаешь, я всегда старался быть откровенным с тобой и сейчас не считаю нужным изменять ни этой своей привычке, ни нашим добрым взаимоотношениям, – Ферекрат отвёл глаза и тронулся с места.

Диагор последовал рядом. Они пересекли площадь и прошли к южной галерее с колоннами, где присели на скамью в её тени.

– Мы с тобой давно не виделись. Времена наступили смутные. Всё стало слишком изменчивым и непривычно хрупким. Особому испытанию теперь подвергаются человеческие отношения и связи, – Ферекрат замолчал, рассматривая издали здание булевтерия.

– Люди, за которых я прошу, очень нужны мне в предстоящей дороге. Я знаю их несколько лет и доверяю им. Они простые ремесленники, но так уж вышло, что привык я к ним. Ты ведь помнишь о моём одиночестве. Я далеко не молод и до сих пор, к сожалению, не задумывался о своей старости, и, наверное, зря. Буду с тобой тоже откровенен. Я хочу ещё раз пройти со своим, возможно, последним караваном вместе с ними, с этими людьми, и если наш путь благополучно завершится, то провести остаток своих дней в их обществе, – Диагор, печально вздохнув, замолчал.

Он говорил правду. До этого момента уже несколько раз именно эта мысль посещала его, но высказал он её вслух впер-

вые, тем самым признаваясь себе в принятии окончательного и бесповоротного решения.

Ферекрат, взглянув на него, понимающе кивнул и стал рассматривать свою обувь, словно впервые увидел её. Являясь одним из влиятельнейших и богатейших людей города, он тем не менее всегда вёл себя скромно, выглядел неброско и, в отличие от других состоятельных лиц, никогда не старался подчеркнуть одеждой своего высокого статуса. За это простые граждане искренне уважали его и всячески выказывали своё особое расположение и доверие. Он всегда знал, что нужно делать и как поступать в той или иной ситуации для принятия правильного решения, и умел в категорической форме обосновать своё мнение. Из-за такой манеры ведения дел и абсолютного влияния на их исход некоторые члены Буле недолюбливали его, считая чрезмерно чванливым и излишне ретивым деятелем. Он же, как человек незаурядный, не обращал внимания на подобное отношение к себе со стороны людей недалёких и от этого не способных разрешать даже самые элементарные вопросы, и справедливо полагал, что глупо тратить драгоценное время на пустые пересуды с ними. От такого пренебрежения те негодовали, но вступать с ним в явную конфронтацию не решались, так как не имели для этого даже незначительного делового повода. Всё остальное было лишь эмоциями, а при отсутствии весомых фактов выглядело как нападки беспомощных мужей, и вызвало бы снисходительную усмешку со стороны той части Совета, которая воспринимала Ферекрата всерьёз.

Помимо этой причины была ещё и другая, являющаяся наиболее весомым сдерживающим фактором для его противников, о которой они старались не особо распространяться и не обсуждали даже в своём кругу. Если же такое и случалось, то только за закрытыми дверями и с большой опаской. Ферекрат везде и всюду имел свои «уши» и «глаза», а это уже было значительным подспорьем и внушительным аргументом в руках серьёзного, умного и достаточно осторожного человека и ничего хорошего не сулило его противникам, задумай они что-либо каверзное против него.

Вот и сейчас в небольшом отдалении от него в разных местах площади прохаживались пары молодых людей крепкого телосложения. Они тихо вели беседы меж собой и изредка поглядывали в его сторону. Диагор знал о мерах безопасности, предпринимаемых его собеседником, и давно заметил его охрану. Прежде Ферекрат никогда не помышлял обзаводиться такими людьми, но несколько лет назад, когда в один из вечеров он, по своему обыкновению, в одиночку прогуливался по набережной, на него было совершено нападение, и не окажись в этот момент поблизости Диагора с его помощниками, наверняка с ним случилось бы непоправимое. Тогда и состоялось их знакомство. С тех пор они и поддерживали добрые отношения, хотя встречались не часто и больше по случайности. От предложенного Ферекратом вознаграждения Диагор, будучи человеком состоятельным и благородным, отказался. Этот же визит купца к члену городского Совета был первым.

– Я отнял много времени у тебя, Ферекрат. Пожалуй, пойду. Тебе я очень благодарен за встречу и оказанное внимание, – Диагор нарушил молчание и стал подниматься.

– Постой, не спеши. Времени у меня достаточно. Тем более для тебя, – Ферекрат слегка коснулся его руки.

Диагор вновь присел.

– Вот что. Не держи обиду на меня. Я не забыл о том, что обязан тебе своим спасением. Также я помню и том, что до сих пор ты ни разу об этом не упомянул, – доверительным тоном начал он.

Диагор, никогда не имевший привычки делать людей своими должниками за сотворённое им благо, хотел было возразить, но Ферекрат, уловив это, тут же продолжил, не давая ему сказать даже слова:

– Я знаю, Диагор, ты не такой человек и не за тем явился ко мне. Пойми меня правильно, мы давно не виделись, да и прежде при наших редких и случайных встречах никогда не затрагивали серьёзных тем для бесед. То, с чем ты обратился сейчас, для меня, признаюсь, было бы неожиданностью, если бы не одно обстоятельство. Я знаю о случившемся с твоими друзьями. Ты,

похоже, удивлён? Не стоит. Мне положено быть в курсе многих дел, творящихся в городе, и твоя ситуация не является исключением и стала сразу известной мне. Ну а то, о чём я говорил раньше, это всего лишь моё желание убедиться в твоей неизменной прежней искренности. Сейчас это важно как никогда.

– Надеюсь, я не дал повода для сомнений? – несколько сконфуженно и явно растерянно произнёс Диагор.

– Конечно, нет. Ты тот же прежний честный человек, которого я знаю вот уже пять лет, – Ферекрат взглянул ему в лицо и слегка кивнул.

– Что ж, хоть это утешает меня, – пробурчал Диагор с лёгкой досадой в голосе.

– Так вот, – понимая его тон, продолжил собеседник, – мне не нужно знать всех подробностей твоих связей с этими людьми, это не относится к делу. Но кое в чём я хотел бы разобраться с твоей помощью. Есть сведения о том, что твои люди, за которых ты просишь, являются, по сути, беглецами из персидской сатрапии, а с Персией мы, несмотря на войну, находимся как бы в союзнических отношениях. Более того, что за разговоры ведутся ими о странном сражении в южных египетских землях? Ты не мог бы прояснить эту ситуацию? Или всё это досужие слухи?

Диагор от услышанного пребывал в оцепенении. Он совершенно не ожидал такого внезапного поворота в разговоре и такой осведомлённости своего собеседника. Он не мог сообразить, как вести себя теперь, и не понимал, с кем на самом деле он беседует – с приятелем или государственным лицом? Ему становилось не по себе. Встреча принимала иной оборот, нежели рассчитывал он. Ему следовало быстро обдумать и дать ответ и определиться в своём дальнейшем поведении. Только сейчас он осознал в полную силу, насколько затруднительным стало положение и его, и тех, кого он так желал спасти. Всем нутром он чувствовал цепкий, буравящий взгляд сидящего рядом человека. Его давление было настолько велико, что почти вводило в шок. О таких его способностях Диагор даже не подозревал. В этот момент Ферекрат стал казаться ему самым опасным и

страшным противником, причём из всех, кто когда-то встречался ему в жизни. Зависимость от него с каждым мгновением ощутимо возрастала. Нужно было собраться с мыслями и найти хоть какой-то выход. И он нашёл его, догадавшись, что друзья ни в чём пока не признались.

– Ферекрат, позволь мне задать тебе всего два вопроса. После того как ты ответишь на них, я обещаю тебе дать все свои объяснения. Так вот, скажи мне, ты сейчас интересуешься как лицо сугубо государственное? И второе. Это по твоему велению забрали моих людей? – вдруг спросил Диагор.

– Да, – коротко и опрометчиво ответил тот, ещё не понимая, что в почти выигрышной для себя ситуации из-за своей самоуверенности и категоричности он из победителя превратился в побеждённого.

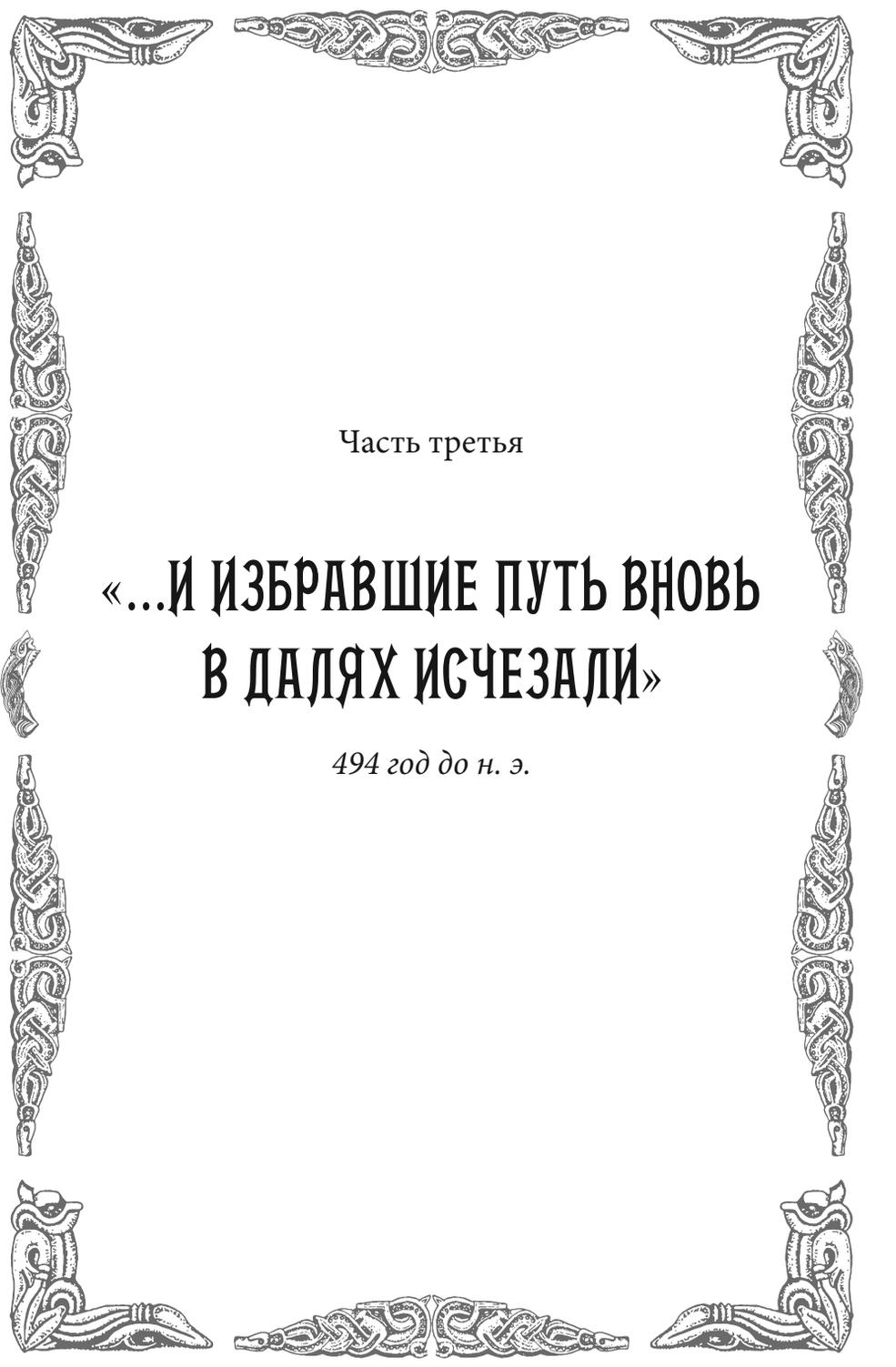
– Я догадываюсь, от кого тебе всё это стало известно, но больше ничего не могу сказать. Одно знай, Ферекрат: именно я должен лично и в сохранности доставить их в Персеполь к самому царю Дарию, – выдал купец на одном дыхании и ладонями вытер вспотевшее лицо.

Ферекрат удивлённо смотрел на него, не веря сказанному.

Не давая ему опомниться, Диагор завершил ещё более странными словами:

– Ты единственный, кто узнал об этом, и должен обязательно помочь мне. Насколько ты понимаешь, всё это теперь и в твоих интересах. Иного выхода у тебя попросту уже нет. Ну а с Фаиллом поступай как знаешь. Коль он был твоим человеком, то пусть и останется с тобой. Но пока он жив, покоя тебе не будет.

Проверить истинность услышанного Ферекрат не мог. Предать тайную миссию Диагора огласке на Совете для него было делом очень опасным, так как он не имел даже малейших предположений о возможных последствиях такого своего заявления. Но самое главное – послушаться Диагора, при встрече с которым он выступил как официальное лицо, он отныне не смел.

Часть третья

**«...И ИЗБРАВШИЕ ПУТЬ ВНОВЬ
В ДАЛЯХ ИСЧЕЗАЛИ»**

494 год до н. э.

Г Л А В А П Е Р В А Я

Караван, состоящий из ста двенадцати мулов, нагруженных вьюками, сопровождаемый семьюдесятью рабами и восьмьюдесятью вооруженными конными греками во главе с опытным купцом Диагором, взяв путь строго на север от небольшого города Траллы, перейдя мелководную реку Каистр, ненадолго задержавшись вблизи крупного города Сарды, центра персидской сатрапии Лидии, двинулся по царской дороге на восток. Сама же дорога начиналась на западе от города Эфес.

– Мне однажды доводилось бывать на той реке, – во время одного из привалов сообщил Форкис Диагору, сидя у костра.

– Ты ничего не говорил об этом, – старый купец с интересом взглянул на него.

Ночь была ветреной. Всполохи огня исказили игривыми тенями лица сидящих людей. Прет, молчаливо смотревший на пламя, также перевёл взгляд на него.

– Давно это было. Мы сопровождали правителя Самоса Поликрата по этой реке на небольшом судне почти до города Лариса, откуда он направился в Сарды и больше не вернулся. Ты помнишь Рупилия, что был со мной и Данталом, когда ты нас подобрал? – обратился Форкис к Диагору.

– Помню. Хороший был человек и отважный воин. Жаль, что погиб, – с досадой ответил тот.

– Вместе с ним и другими не менее достойными людьми я после смерти Поликрата не посмел вернуться на остров Самос.

Мы направились на восток. Хотели достичь реки Инд и, может быть, осесть там. Нам не простили бы его кончины, хотя мы всё от нас зависящее сделали сполна. Прошли мы далеко, но случайно угодили в рабство в Хорезм. Через много лет нам с Рупилием и ещё несколькими товарищам удалось сбежать оттуда. Тогда мы и попали в горную долину, где была крепость и обитали в ней удивительные люди во главе с родителями Дантала. Урартец Руса был его отцом, а сакская женщина Далайя – его матерью. С ними находились ещё и её сородичи, сакские воины, – Форкис задумчиво замолчал. Через мгновение он продолжил: – Всё повторяется в этой жизни. Я вновь направляюсь в ту сторону.

– К иным местам на этой земле обратные пути ведут лишь при желании самого человека попасть туда. Может быть, ты часто думал об этом? – тихо, но проникновенно спросил Диагор.

– Впервые я задумался о посещении той крепости, будучи у тебя дома в Галикарнасе. Поход, в котором довелось нам побывать в Египте, многое изменил в моей жизни. Прежнего не вернуть, да и не стоит о нём печалиться. Находясь под стражей у Ферекрата, я более всего убедился в том, что не следует искушать судьбу, оставаясь на, казалось бы, родной земле. Что-то не очень она меня жалует. Сколько помню себя с самого детства, всегда всё довольно плохо оборачивалось для меня. Мечтал о морском просторе, а чаще бывал на суше, вдали от него. Одно утешение обрёл для души, – он взглянул в сторону соседнего костра, у которого находились Дантал с Ортией, и вновь замолчал.

Диагор понимающе кивнул и взглянул на Прета. Тот смотрел на огонь.

– Мир, в котором мы живём, хоть и велик, но не так, как кажется поначалу. При рождении он находится над нами и вокруг нас. Мы взрослеем и проникаем в него, впрочем, как и он в нас. К старости он вновь отдаляется, забрав все твои соки, оставляя лишь воспоминания, – после долгого молчания нарушил тишину Диагор. – Я понимаю это, дожив до таких лет. Вам же ещё многое предстоит пережить и познать. Иные люди лишь своими годами старше других, но прожитыми событиями скудны.

Не всегда возраст является должным мерилom человеческой жизни. Есть те, кто молод, но уже достаточно повидал и многое впитал в себя. Их жизни насыщены и полны всевозможных страданий, радостей и небывалых чувств. Прежде мне иногда казалось, что каждому человеку дано разное время для многих равных испытаний и всем в итоге определено одно и то же. Сейчас же я убеждаюсь в другом. Одни словно проживают чью-то чужую жизнь, никогда не сходя с насиженных мест, не находя ни в чём ни единого утешения, но при этом стараясь быть смиренными во всём. Им удобнее от жития лишь телесного. Другие, хоть и вынуждены быть в постоянном скитании и душевном поиске, но пребывают в довольстве собой, не жалея о происходящем и не желая иной участи. Вот они и есть нашедшие свой верный путь. Их-то и следует почитать за труды тяжкие и оттого праведные.

– Не знаю, Диагор, прав ты или нет, но сказанное тобой мне по душе. Вот только одно мне непонятно. Для чего столько бед доводится пережить одному, а тысячам при этом дан покой, если в конце пути всех ожидает один исход? – Форкис смотрел ему в лицо.

– Всего знать невозможно. Во все времена легче было спросить, чем ответить. Наверное, быть избранным среди людей – великая честь для человека. Он и получает ровно столько страданий, сколько может вынести, но и благ не меньше даруется ему, коль сумеет достойно совладать с собой. Кто сказал, что трудности есть наказание, а покой есть поощрение? И то и другое является сторонами одного целого и выступает в виде мирского испытания. Не познав одного, не оценишь другое. Вот и выходит, что нет отдыха там, где не было труда.

Прет по-прежнему не вступал в беседу, внимательно слушая разговор.

– Но ведь те, кто смирен, не бездельники? Они по-своему заняты делами, и им не чужда житейская радость. Не думаю, что они ропщут на своё существование. Разве плохо им живётся? К чему им тернистые пути, если и так всё у них сложилось ясно и понятно? – не унимался Форкис.

– Всё это лишь до определённой поры. Никто не ведает, чем может обернуться день завтрашний. Быть зависимым от засухи, потопа или вражеского нашествия, значит, отдаться на волю случая, не задумываясь всерьёз о своём будущем. Вот и выходит, что есть люди, благодаря которым познаются многие дороги, ведущие по миру, несущие их народам всевозможные открытия и несметные блага, но главное, нужные и своевременные сведения. Не выйдя за порог, не увидишь звёзд, – Диагор улыбнулся, глядя на собеседника.

– Это верно, – согласился тот.

– Ты можешь думать иначе. Я лишь высказал своё видение и восприятие жизни, а оно не должно обязательно совпадать с ещё чьим-то, – старец деликатно завершил разговор.

– Скажи, Форкис, ты помнишь дорогу в ту горную долину, о которой рассказывал нам? – неожиданно спросил Прет.

– В точности не могу объяснить, но ведь караван Диагора тогда следовал не так далеко от неё, – Форкис вновь посмотрел на Диагора.

– Насколько мне не изменяет память, вас я повстречал на северо-западе от Эқбатаны, на старой караванной дороге, – чуть задумавшись, ответил тот.

– Кто-нибудь обитает теперь в той крепости? – выслушав Диагора, Прет вновь задал вопрос Форкису.

– Этого я не знаю. Мы ушли с Данталом по велению его матери через дальнюю расщелину, а на главном восточном перевале шёл бой. Там же, где мы вышли из долины, незадолго до нашего подхода также закончилось сражение между десятью оставленными саками и таким же числом персов. Все они к нашему приходу были уже мертвы. А чем всё закончилось, я не знаю. Персы преобладали числом.

Форкис не мог знать о том, что последней воительницей, защищавшей крепость, была Далайя, погибшая от вражеских стрел на могиле Русы.

– Как бы там ни было, но попасть туда, похоже, мы не сможем. Хотя и ты, Форкис, и Дантал, наверняка, об этом мечтаете, – вздохнув, произнёс Диагор.

– Почему? Ведь мы пройдем почти по той дороге, – Форкис удивленно взирал на него.

– Ферекрат не любит проигрывать. Вон у того костра находятся двое его гонцов с посланием к самому царю Персии в Персеполь. Он не поверил мне и желает довести начатое дело до конца. Как всё-таки он хитёр и коварен, коль придумал такой ход! Они нагнали нас в Сардах и будут следовать с нами к Дарию, – сообщил неожиданную новость Диагор.

– Выходит, что из-за этих двоих мы не можем следовать туда, куда хотим? Можно же избавиться от них в пути и не идти на поводу вездесущего Ферекрата? – Форкис возмущенно встал.

– Не думаю, что всё так просто. Ферекрат дальновидный. Он наверняка предусмотрел такую возможность и предпринял шаги к их безопасности, – резонно подметил Диагор.

– Что он может ещё придумать? Мы с каждым днём всё больше отдаляемся от него. Его влияние не может быть безграничным, – Форкис вновь присел на место.

– Я не знаю, что именно мог он выдумать, но я бы на его месте оповестил о важных гонцах гарнизоны на пути следования нашего каравана, тем самым связав нас по рукам, исключая даже саму мысль об их устранении, – Диагор был невозмутим.

– Но их в лицо никто не знает. Наши люди вполне могут сойти за них, – Форкис высказал недвусмысленное предложение.

– Может быть, ты и прав. А что, если у них имеются особые знаки, о которых уже известно кому следует? Что тогда? И ещё. За Евфратом мы можем уйти дальше на восток, не следуя к Сузам и к Персеполью. Но в этом случае, зная примерные сроки нашего прибытия и не дождавшись нас, на наши поиски будут направлены конные войска из дорожной охраны. Уйти от них мы не успеем. Гарнизоны слишком часто расположены на всём пути, и нас легко и быстро обнаружат, – Диагор, похоже, продумал множество вариантов и теперь излагал их очень ясно и точно.

– Есть один выход из этого положения. Не знаю, как вы воспримите его, – начал Прет. – Форкис, тебе с твоими людьми нужно исчезнуть во время следования каравана в подходящем для этого месте. Я имею в виду там, где путь ближе всего пролегает

к той горной долине. Ну а обвинить тебя, Диагор, в их побеге будет немислимо. Такое может случиться с каждым, и вины особой как будто нет. О случившемся, если кто в гарнизоне учинит спрос, сообщим тут же. Налегке ты, Форкис, сумеешь скрыться от погони. Главное – потом нам всем встретиться. Эгих двоих гонцов прихватишь с собой, дабы послание не дошло до царя.

– Вся эта затея довольно рискованная. Каравану или отдельно тебе, Диагор, так или иначе придётся прибыть в Персеполь и держать ответ за происшедшее, а чем может всё закончиться, никто не знает. Скорее всего, гнев властителя будет очень велик. Такой жертвы я принять не могу, – высказал своё несогласие Форкис.

– То, что предлагает Прет, весьма разумно. Мы не знаем, какие гарнизоны сумел предупредить Ферекрат, значит, и о побеге сопровождаемых лиц торопиться с извещением не следует до той поры, пока никто не проявят интерес. Если этого не случится, мы можем смело уходить по своей дороге. Это будет значить, что Дарий не узнал о гонцах и донесении. Ну а если ему что-либо вдруг известно, то – исчезли гонцы, исчезло и послание, а вместе с этим отпадёт надобность в объяснениях о сообщении Ферекрата. Я не мог знать о нём, с меня и спроса нет за это, не говоря уже о том, что я никого к нему не собирался доставлять. Не думаю, что первейший покровитель торговли станет задерживать меня, – теперь Диагор, казалось, был уверен в благополучном избавлении от возникшей обузы.

Предложение Прета, дополненное Диагором, могло решить их проблемы. К тому же иного выхода не оставалось, а рисковать эти люди умели, и на этот раз старались больше не предаваться лишним обсуждениям.

* * *

Оставив позади земли Лидии, пройдя сатрапию Фригию, где близ главного города Гордиона пришлось задержаться на день по торговым делам, караван Диагора без помех проследовал по землям сатрапии Каппадокии, богатой солью, хрусталём и алебастром. Её территория простиралась от реки Галис до границ горной сатрапии Западной Армении. Повернув на юг, перейдя

реку Евфрат и верхнее течение реки Тигр, проследовав вдоль её берегов, миновав Армению Восточную, караван благополучно достиг земель огромной сатрапии Мидии. На протяжении всего пути попадалось множество встречных караванов. Особо настаивали обгонявшие их гонцы, но, вопреки ожиданию, в гарнизонах никто не проявлял к ним повышенного интереса.

Наступало время воплощения принятого решения. Дольше тянуть с исполнением задуманного плана было нельзя. На тридцать четвёртый день пути Диагор незаметно для остальных показал Форкису старую караванную дорогу, ведущую в восточном направлении, по которой тому следовало уйти в предстоящую ночь. На отдых остановились в удобной ложине. Разбили лагерь. Приступили к обычной в таких случаях работе, сооружая лёгкие навесы и разжигая костры. Ближе к полуночи люди Форкиса без особого труда разоружили гонцов Ферекрата, отобрали имевшееся у одного из них послание и, привязав их крепко к лошадям и взяв с собой всё приготовленное для дальней дороги, а также запасных скакунов, попрощались с Диагором и Претом и покинули лагерь. Спящую Ортию тревожить не стали. Ей не следовало до поры знать о том, что происходит.

На рассвете караван уже без восьми человек последовал дальше, до ближнего гарнизона, где всё могло проясниться. Диагор настороженно поглядывал на Прета. Тот, похоже, предупредил дочь о надлежащем поведении. Она хоть и была встревожена отсутствием Дантала, но виду старалась не показывать, полагаясь во всём на отца.

Вскоре показался дозор. Волнение Диагора нарастало. Десять персидских вооружённых конников во главе с военачальником, поднимая клубы пыли, приблизились к ним и замерли. Караван замедлил ход. Десятник дозора в одиночку проследовал до самого конца каравана, внимательно глядя в лица людей, затем, развернув коня, вернулся обратно, вплотную подскочил к купцам и хриплым голосом спросил:

– Откуда идёте и кто старший?

– Мы следуем из города Галикарнаса на восток, к реке Инд. Это мой караван, и зовут меня Диагор. А что случилось? Я хожу

этой дорогой многие годы, и меня должны знать, – стараясь быть как можно спокойнее, ответил купец.

– Диагор, говоришь? То-то знакомо мне твое лицо. Давненько не видел тебя здесь. Уже и не думал, что вновь появишься в этих краях. Не пора ли на отдых в твои-то годы? – сдерживая разгорячённого скакуна, то ли пошутил, то ли всерьёз произнёс суровый воин.

– Ты прав, подустал я за свою долгую жизнь, да и здоровье теперь не то, что было прежде. Вот решил ещё разок этот мир повидать и утомиться наконец. Силы уже явно не те. Ты, я вижу, тоже не помолодел. Непроста твоя служба, хоть и начальственная, – деликатно парировал Диагор, внутренне не приветствуя такую беседу с персидским военачальником, опасную и ненужную ему самому и непривычную для обычно молчаливого воина.

Он не хотел допускать мысли о том, что этот разговор затеян неспроста, и очень надеялся на благополучный его исход. Старый купец относил говорливость десятника к простому, ничего не значащему трёпу заскучавшего человека, связывая его с желанием перса всего лишь разнообразить своё времяпрепровождение.

– Постарели мы оба. Это ты верно подметил. Но в отличие от тебя я пока не стал забывчивым, и все мои люди со мной. Часть здесь, часть в гарнизоне. А вот ты по пути, похоже, кое-кого потерял. Или нет? Может, я ошибаюсь? – прищурившись и хитро взглянув в глаза Диагору, понизив голос, процедил сквозь зубы десятник.

«Ему что-то известно. Мне теперь не следует молчать. Нужно отъехать с ним в сторону и сообщить о пропаже двух незнакомцев. Я не знал, кто они и для чего примкнули к моему каравану. Ушли и ушли. Их дело. Меня никто не обязывал нести за них ответственность. В конце концов, их даже не представили мне», – Диагор приблизился к десятнику и кивнул головой в сторону от людей.

Тот понимающе повернул коня.

– Вот что, – отъехав подальше и оглянувшись для пущей значимости, начал купец. – Ты прав и, как всегда, очень внима-

телен. Я сам собирался тебе кое-что сообщить. В Сардах к моему каравану примкнули двое незнакомцев. Кто они и почему хотят следовать со мной, я не знал и теперь, видимо, не узнаю. Пытался расспросить их, но они отмолчались. В общем, у меня ничего не получилось. Они действительно пропали сегодня ночью. Никто из моих людей их ухода, к сожалению, не заметил. Мне самому хотелось побольше узнать о них, но этого не случилось. Вели они себя спокойно. Держались от всех отдельно. Ничего подозрительного за ними я не заметил. Оттого раньше времени и не стал поднимать тревогу в пути. Да и, признаться, не хотел выглядеть посмешищем на старости лет. Ты ведь верно подметил, давно я здесь хожу, а такого никогда не было, – он доверительно посмотрел в лицо десятника.

Тот, сведя мохнатые брови, внимательно слушал. Недоверия пока не наблюдалось. Желая закрепить свой маленький успех, Диагор продолжил начатое, памятуя о гонористости персидских военачальников и стараясь выглядеть подобострастным простаком:

– А что? Они что-то совершили? Эх, кабы знал, что так всё обернётся, велел бы их связать, и никуда бы они не ушли от меня. Надо же, какая досада! Хоть бы кто предупредил, а то в тех дозорах никто ничего не сказал мне. Будь я опытным, как ты, наверняка бы распознал в них злодеев.

– Когда, говоришь, ушли? – уже без спеси, переспросил десятник.

– Да вот этой ночью. Утром смотрю, нет их. Я охрану не выставляю. Чего мне опасаться в этих спокойных местах да ещё под вашей постоянной охраной. Может, они вперёд ушли? Караван медленно идёт, а они могут и спешить. Хотя вот что я вчера заметил. До этой поры они торопливости вроде не выказывали. С вечера один из них, видимо, старший, был очень недоволен вторым. Мне даже показалось, что они что-то искали в своих вещах. Не знаю, куда они могли направиться. Чего мне от тебя скрывать? Признаться, я и сам не люблю чужаков в дальней дороге. А что, если они вернулись обратно? Мне до них дела нет. Ушли и ушли, обузы меньше. А? – Диагор замолчал.

Его было не узнать. Со стороны он выглядел очень удручённо. Ни дать ни взять нашаливший юнец.

– Х-м, да, – крикнул десятник, потеряв плёткой вспотевший лоб, сдвигая шлем на затылок. – Странно всё это. Шли, шли – и на тебе, исчезли. Двое, говоришь? А лошадей при них сколько было?

– Ну да, вдвоём. Мои все здесь. Ничего не пропало. А лошадей у них по две у каждого, – с готовностью ответил Диагор, продолжая вопросительно смотреть ему в глаза.

– Что-то в горле пересохло, – бережно проведя ладонью по курчавой бороде, десятник помял пальцами заросший кадык.

– Ну, это дело поправимое, – купец искренне улыбнулся, повернул голову и махнул кому-то рукой.

Тут же к нему подлетел один из его помощников.

– Дай-ка нам вина, – повелел ему Диагор.

Помощник ловко спрыгнул с коня, быстро отвязал от седла небольшой кожаный мешок с помещённым в него глиняным сосудом и протянул хозяину.

– Сделай милость, утоли жажду. Тебе и твоим воинам не помешает такой славный напиток, – Диагор протянул сосуд десятнику.

Другой его помощник вместе с Лисиппом уже угощали дозорных. Персы с удовольствием припали к поднесённым кувшинам, вливая в себя божественную влагу.

Десятник по мере убывания вина всё сильнее отклонялся назад, запрокидывая голову. Он долго пил, пока не осушил сосуд до самого дна. Довольно протерев губы и бороду, вернул его помощнику Диагора.

– Может, ещё? Или другого чего отведаешь? – Диагор радушно приглашал его разделить полуденную трапезу.

– Не могу. Мне пора, – как-то неуверенно отказывался тот, заигравшим глазом провожая помощников купца.

– Понимаю. Жаль, что дела тебя торопят, – не искушая судьбу излишней настойчивостью, согласился Диагор.

– Ты вот что сделай. На ночь можешь встать у моего гарнизона, там и поговорим, если не спешишь. Мне нужно осмотреть

старую дорогу, может, туда повернули те двое. Кстати, а чего ты по ней не пошёл? Там ведь путь намного короче, – неожиданно спросил десятник.

– Я к тебе шёл сообщить о случившемся. К тому же, как ты верно сказал, я давно не был здесь и про старую дорогу запамятовал, вот и хотел заодно о ней расспросить в твоём гарнизоне. А что, она разве осталась позади? Я-то полагал, что не дошёл ещё до неё, – изумлённо выдал Диагор.

– Эх тебя занесло! – рассмеялся десятник. Вино явно выиграло в нём. – Ты ж, смотри, вместо Индии куда в другое место не уйди. Прежде по тому пути караваны ходили. Там почти нет наших дозоров, это плохо, но ближе для тебя. Чего такой обход совершать? Много времени понадобится.

– Надо же! А ведь тебя сами боги мне послали! – впервые за всю беседу по-настоящему расслабляясь, воскликнул Диагор. – Ту дорогу раньше я хорошо знал. Может, прямо сейчас развернуться и с тобой дойти до неё? Там и побеседуем по душам. А?

– Что ж, я не против. Поворачивай, коль так получилось, я там тебя дождусь, – десятник махнул рукой и тронул коня.

Вскоре за всадниками осела пыль, и их уже не было видно.

* * *

– Здесь повсюду много следов. Они ведут прямо по дороге, – сообщил вернувшийся воин.

– Четыре коня должно быть, – произнёс десятник.

– Нет. Их больше. Полтора десятка будет, – стоял тот на своём.

– Не может быть, – десятник повел скакуна дальше по старой дороге, зорко всматриваясь под копыта. – Да, верно. Не нравятся мне всё это. Возьми ещё троих и всё впереди внимательно осмотри. Я буду здесь.

«Неужто старый купец обманывает меня? Зачем? Не пойму. Нужно выяснить у него всё поподробнее. А если тех двоих в этом месте дожидались ещё люди? Всякое может быть. Чего они так понадобились нашему сотнику? Ну да ладно, это не моё дело. Ему видней. Хотя мне он мог бы разъяснить, кто они такие и как с ними поступать. То ли враги, то ли важные лица? Раз уж сами

сбежали из каравана, то при чём тут купец? Там, где ночью он стоял, крови нет, если уж думать об их убийстве», – недоумевал десятник, сойдя с коня и располагаясь в тени небольшой скалы.

Караван далеко за полдень приблизился к повороту и двинулся по старой дороге. Диагор издали увидел десятника и направился к нему.

– Сколько, говоришь, было у тех двоих лошадей? – без предисловий спросил тот.

– На каждого по две, – настороженно ответил купец. – А что случилось?

– Следов гораздо больше. Ты мне всю правду сказал или что-то утаил? – десятник смотрел ему в глаза.

– Ни к чему мне тебя обманывать! Так и знал, что от них следует ждать беды, – возмущенно произнёс Диагор, сходя с коня и судорожно обдумывая сказанное десятником.

– Тебе, если всё так и есть, нечего опасаться. Здесь могли их дожидаться, оттого и следов много, – сам того не зная, подкинул ему спасительную подсказку десятник.

– Вот так, скорее всего, всё и было. Не зря они заспешили уйти в ночь. Наверняка, была у них какая-то договорённость с теми, кто их тут ожидал, – ухватился купец за поданную мысль. – Ты мне толком объясни, за что ты меня подозреваешь и в чём моя вина? Я собирался поступить именно так, как это сделал. Тебе сразу сообщил о них. Ведь так?

– Это верно. Только придётся мне тебя в гарнизон доставить к нашему сотнику, – десятник отвёл взгляд.

Было видно, что ему не очень приятна эта миссия в отношении радушного купца, но иначе поступить он не мог, о чём явно свидетельствовал весь его вид.

– А как же караван? – искренне удивился Диагор, ещё надеясь на изменение принятого тем решения.

– Задерживать караван я не собираюсь. Такого веления не было. Ты ведь не один идёшь, поручи помощнику вести его. Объяснишь сотнику всё и нагонишь караван, – не очень уверенно ответил десятник. – Ну, в общем так, определяй старшего, и уходим. У меня нет больше времени.

Десятник, не глядя в сторону Диагора, взобрался на своего коня и, не дожидаясь его, двинулся в обратный путь.

– Прет, друг мой, ты всё слышал. Может, это и к лучшему. За меня не беспокойся. Веди скорее караван по этой дороге. Форкис сам обнаружится, как мы и определились. Если больше не увидимся, знай, ты с Ортией, Дантал и Форкис – самые мои близкие люди на земле. Возвращаться не спеши. В Индию не иди. Попробуй осесть в той горной крепости. Того, что есть на этих мулах, вам хватит надолго. Молодых благослови. Прощай, – Диагор крепко обнял друга.

Подойдя к Ортии, он нежно погладил её по голове, прижал к своей груди и поцеловал в макушку. Затем взглянул на стоявших поодаль помощников, с почтением склонил в их сторону голову и, совсем не по-стариковски запрыгнув на лошадь, погнал её вслед за уходящим отрядом персов. Люди долго провожали его тревожными взглядами, пока он не скрылся из виду. Караван впервые тронулся в дальний путь без своего хозяина. Ортия заплакала. Нежное девичье сердце в предчувствии горя дрогнуло первым.

* * *

Персеполь, куда около двадцати лет назад перенёс столицу Персии царь Дарий I, сын Гистаспа, наместника восточных областей Парфии и Гиркании, потомок по младшей линии основателя персидской царской династии Ахемена, находился на расстоянии четырёхсот пятидесяти стадий юго-западнее прежнего главного города Пасаргада, недалеко от впадения небольшой речушки Пулвар в реку Кур, на отрогах Кухе-Рахмат, возвышающихся над равниной Мерв-Дешт.

Город защищала тройная система укреплений из стен и башен, проходивших по гребню горы. Его дворцы стояли на огромной прямоугольной платформе, приподнятой над равниной, к которой спускалась большая лестница. Над лестницей возвышались ворота, охранявшиеся гигантскими каменными быками.

На ещё более возвышенной площадке находился громадный парадный зал – ападана, к которой вели две монументальные

лестницы, искусно украшенные рельефными изображениями множества человеческих фигур: посланцы двадцати трёх народов, подданных Персии, несли дары царю. Невероятно большая крыша зала, сложенная из деревянных конструкций, поддерживалась семьюдесятью двумя каменными колоннами. Казалось, что великий царь, восседая над миром в этом открытом зале, видит все подчинённые ему страны.

Справа же от ападаны расположилась тахара – жилой дворец самого Дария. Стены тахары также были украшены рельефными изображениями. Кроме того, во дворце имелась надпись создателя, выполненная персидской клинописью: «Я, Дарий, великий царь, царь царей, царь стран, сын Гистаспа, Ахеменид, построил этот дворец».

Все подходы к городу усиленно охранялись несметным числом войск. В самом же городе, утопающем в зелени садов, воинов не было видно, хотя все знали, что по одному мановению десять тысяч личной гвардии Дария вмиг сметут любого врага, появившись он внезапно близ царских дворцов и покоев.

Так выглядела новая столица персидской империи, где чаще всего находился монарх, твёрдо держащий в своих руках правление над огромной державой, где всё было подвластно ему и ничто не оставалось незамеченным для его всевидящего ока. Именно сюда главы всех сатрапий, кроме родины царя – Персии, в строго установленное время направляли несметные богатства в виде золота, серебра, драгоценных камней, всевозможных товаров и изделий, строительного материала, продуктов, скота и рабов. Так, Вавилония поставляла тысячу талантов серебра, Египет – семьсот, Индия же платила налог золотом. Всего же ежегодный совокупный налог, поступавший из всех сатрапий, составлял четырнадцать тысяч пятьсот шестьдесят талантов серебра. Часть всего этого состояния тратилась на содержание великолепных дворцов, изумительных по красоте садов, пышного царского двора и канцелярии с многочисленными писцами, требовавшее постоянного пополнения казны.

Уже двадцать восьмой год правил расширившей свои пределы империей дальновиднейший царь Дарий I. В стране за время

пребывания его на престоле было совершено множество всевозможных реформ, целью которых было повсеместное укрепление единой центральной власти. Он разделил страну на двадцать сатрапий и создал сильную армию, укомплектованную прежде всего из персов. Была введена единая для всех золотая монета с изображением правителя с луком – дарик, что активизировало хождение денег. Однако исключительным правом чеканки золотых монет обладал лишь сам царь. Сатрапы могли чеканить серебряные монеты, а некоторые отдельные города и области были наделены правом выпускать медные деньги. Была проведена стандартизация меры и веса. Всюду появлялись и активно действовали торгово-ростовщические дома. Торговля всемерно поощрялась. Функцию единого торгового языка отныне выполнял арамейский. Продолжалось строительство дорог и каналов. Знаменитая царская дорога простиралась на расстояние почти четырнадцати тысяч стадий. На ней, помимо военных гарнизонов, расположенных через каждые сто сорок стадий, находились эстафетные конные посты, обслуживавшие доселе невиданную царскую почтовую связь.

В покорённых странах царская власть имела неизменную поддержку со стороны крупных местных рабовладельцев, которые видели в силе Ахеменидов надёжную защиту от восстаний бедняков и невольников. Кроме того, обширные земельные владения в сатрапиях выделялись представителям персидской знати, что также служило укреплению центральной власти.

Стараясь привлечь на свою сторону местное жречество, царь совершал множество удивительных деяний в их пользу. Так, в угоду жрецам бога Мардука он сделал Вавилон одной из своих столиц, наряду с Персеполем, Сузами и Экбатаной. К тому же он реставрировал ряд египетских храмов и возвратил им доходы, отнятые его предшественником Камбисом, и, подобно прежним фараонам, его сатрап назначал в них жрецов. Не меньшую заботу царь проявил и по отношению к греческим храмам в Малой Азии.

Помимо этого, по его велению во всех покорённых землях при исполнении царской воли и принятых им законов учиты-

вались и местные законы, и обычаи, содействующие укреплению его власти, от чего не в меньшей степени зависела общая стабильность жизни в монархии. Во главе всей царской администрации, при помощи которой велось управление страной, стоял совет из семи знатнейших вельмож и верховный сановник государства, названный тысяченачальником. Промежуточным звеном между ним и сатрапами являлся крупный сановник, носивший титул «глаз царя», и его помощники, называвшиеся «глаза и уши царя». Такое устройство государственного аппарата позволяло властителю быть постоянно в курсе всех событий в его огромной империи и своевременно влиять на их ход, не допуская даже малейшего враждебного своеволия поданных.

Религиозным учением персов был зороастризм, созданный Заратуштрой на рубеже предшествовавших седьмого и шестого веков, основным источником которого являлась священная книга Авеста, состоящая из двух частей: более древней Гаты и Младшей Авесты. Подобно другим религиям, зороастризм также пытался проникнуть в смысл творения, объяснить его причины, исследовать происхождение человеческого рода, угадать его будущую судьбу, установить отношение человека к высшим существам, как к добрым, так и к злым. Основными устоями учения были время и пространство, как главные условия, при которых только и возможно существование мира и человека. Эти два бесконечных божества – время и пространство – стояли по своей значимости значительно выше других. Их приговоры были неизменны и непреклонны перед мольбами и жертвами. Наиболее близкими к ним были другие божества – бесконечный свет и абсолютная тьма, отделявшиеся друг от друга пустотой. Именно на эту противоположность света и тьмы опиралась основа всей религии зороастризма в своей главной идее – борьбе добра и зла. За ними следовали другие божества: добрые – представители высшего духовного начала в мире и злые – представители начала низшего и материального. Согласно Авесте, главой всех добрых божеств был Ахура-Мазда, являвший собой свет, жизнь и правду. Наряду с ним и вместе с ним существовал гла-

ва всех злых духов – Анхра-Манью, в свою очередь являвший собой мрак и смерть. Человек же, по учению Заратуштры, обладал свободной волей и мог сам выбирать между добром и злом. Именно поэтому преклонение персов перед этими двумя боже-ствами было в равной степени искренним и почтительным.

Царь царей Дарий I относился терпимо ко всем религиоз-ным верованиям, существовавшим в завоёванных странах, тем самым покоряя не столько человеческие тела, сколько, в первую очередь, их души.

* * *

Диагор был невероятно измождён трудной дорогой. Опро-сом сотника в гарнизоне его мытарства не закончились, как обещал десятник, а только лишь начались. На следующее утро без каких-либо объяснений он под усиленной охраной был на-правлен в следующий гарнизон. Так продолжалось долгих двад-цать дней, вплоть до прибытия в главный город Персии. Другие сотники на протяжении всего пути вопросов ему не задавали, передавая его друг другу словно какую-то вещь.

– Эй, купец, сейчас ты предстанешь перед одним из великих вельмож царя царей и всемогущего властелина всех стран мира. Это великая честь для тебя. Веди себя подобающе, и милость его будет безгранична, – ощутив толчок в спину, услышал Диагор голос военачальника, принявшего его у одних из ворот Персе-поля и сопровождавшего по потаённому стражному коридору внутреннего двора.

Видя перед собой престарелого греческого купца, едва стоявшего на ногах, титулованный сановник, «глаз царя», велел увести его для непродолжительного отдыха и представить перед ним в надлежащем для беседы виде. Низкое подвальное поме-щение с едва проникающим в него через узкую дверную щель коридорным факельным светом было сейчас самым желанным и долгожданным пристанищем для старца. Охалка валявшейся в углу пересохшей и дурно пахнущей травы стала для него мягче пуховой перины. Как только его ввели сюда, он тут же ничком упал на неё и уснул. Как долго был в забытьи, он не знал.

Когда его стали грубо тормошить, он, с трудом разлепив опухшие глаза, стал озиаться по сторонам, не понимая, где находится и что от него хотят эти люди. В помещении было темно, и лишь в распахнутую дверь проникал тусклый свет. В большом медном тазу двое рабов принесли ему воду. Прежде чем приступить к умыванию, Диагор опустился на пол и, не сумев отпить с краю посуды, надолго припал к ней, всасывая в себя влагу растрескавшимися губами, словно старый мул, чем потешал стоявших рядом стражников. Ему было не до них. Утолив жажду и почувствовав некоторое облегчение, он приступил к умыванию, начав с рук и головы, завершив омовением ног.

Рабы в сопровождении воинов унесли таз, оставив ненадолго его одного при приоткрытой двери. Он присел на нижнюю ступень и, сильно прищурившись, стал осматривать помещение. Оно было небольшим, почти квадратным, с прочными стенами, выложенными из кирпича-сырца. Лишь теперь, глубоко вдохнув сухой воздух, Диагор уловил неприятный запах, окинул взглядом пол и увидел в углу темневшую лежанку. Другого ничего не было. С трудом поднявшись, он подошёл к этому месту, наклонился, пошарил рукой вниз и поднёс к лицу пучок травы, приносясь. Сильный горький запах ударил в нос. Он тут же с отвращением отбросил траву в сторону.

«Полынь хоть и неприятная трава, зато польза от неё есть: она паразитов отгоняет», – подумал он, возвращаясь к ступеням.

Не успел он присесть, как, скрипнув, шире отворилась дверь, бледным светом заполняя помещение. Вновь вошли стражники. За ними спустились двое рабов, неся что-то на небольших подносах. Они опустили их на пол, после чего все удалились, как прежде, не закрывая двери до конца. Диагор, отошедший в сторону от лестницы, подошёл к оставленной посуде и увидел там пищу. На одном подносе находились два яблока и в маленьком глиняном кувшине – холодная вода. На другом лежали две небольшие лепёшки и кусочек твёрдого сыра.

«Что ж, это уже неплохо. Вот только для чего кормить будущую жертву? Что они ожидают услышать от меня? Ох уж этот Ферекрат! Да и я хорош, приютил в доме помощничка. Бедный

Фаилл, сам не знает, в какую прескверную историю влип. Ну да ладно, главное, что Прет подальше ушёл и вместе с Форкисом, наверняка, нашёл крепость», – мысли были уже не столь путанными и текли спокойной чередой.

Взяв лепёшку, он присел на ступень, надломил хлебец, отправил маленький кусочек в рот и стал медленно пережёвывать его, продолжая размышлять: «Надо же, никогда не думал попасть в этот город. Не верил в такую возможность. Неужто мне на старости лет доведётся увидеть самого царя Персии! Такое не каждому смертному суждено испытать. Как бы трудно ни было в этой дороге и какой бы ни был уготован для меня конец, всё же боги благоволят мне и сейчас, одаривая таким необычным завершением...

Жизнь у меня была хорошая. Мне было интересно в ней. Ни к каким людским творениям я не привязывался бездумно душой. Меня никогда не обременяли своей мирской значимостью ни дорогие вещи, ни драгоценности, ни иные улады. Вот и теперь, как в самом начале пути, у меня их нет, и я не сожалею об этом. Впрочем, как и обо всём остальном, что выпало на мою долю... Ни одну златую песчинку никогда не разместишь среди своих мыслей и не расположишь в душе между чувств. Златая крошка постоянно дразнит чьи-то глаза своим холодным блеском, но всегда остаётся неприступной. Отнимает житейский покой, остужает сердечное тепло, вытесняет из душевных глубин достойное самообладание, заменяя силу духа неуверенностью в себе и слабостью воли. Такие богатства всегда остаются недостаточными и чуждыми, переливаются из рук в руки, лишь временно служа разным хозяевам, и ввергают их в ужас своим исчезновением или обманчиво радуют появлением.

Истинные блага – в самом человеке. И им не определить цену...»

Диагор встал, взяв кувшин, отпил воды. Заметив движение у двери, повернулся. За ним пришли.

* * *

Диагора проводили в сад, где его довольно приветливым взглядом встретил другой представительный перс – явно вы-

сокопоставленный сановник великого монарха, как подумал купец. Сановник сидел в иссиня-белом одеянии на белоснежной большой скамье в тени раскидистой, благоухающей белыми цветами яблони, вокруг которой, жужжа, кружили пчёлы. Взглянув несколько раз в сторону Диагора, он продолжал увлечённо выводить тонкой палочкой что-то у своих ног на песке.

Стражники остались у арочного входа в сад. Яркое солнце, светившее купцу в спину по пути следования сюда, внезапно ударило ему в лицо, ослепив его после пребывания в тёмном подземелье. Он щурился, низко опустив голову и прикрываясь ладонью от золотистых лучей, густыми пучками пробивавшихся сквозь листву из-за высоких дворцовых стен.

– Диагор, признайся, ты ведь боялся, что больше не увидишь белого света, так почему отворачиваешься от него? – спокойным низким голосом на чистом греческом языке спросил перс подошедшего к нему старца.

– Напротив, я склоняюсь перед ним за столь милостивое снисхождение ко мне, – ответил Диагор.

Сановник поднялся. Он был среднего роста, строен и крепок в плечах. Широкий блестящий тканевый пояс обтягивал его тонкую талию, подчёркивая безупречную осанку. Чёрные, очень курчавые волосы, подвёрнутые со всех сторон снизу к основанию головы и от этого казавшиеся очень тяжёлыми, без излишней помпезности красиво окаймлялись тонкой серебристой диадемой. Открытыми оставались лишь мясистые мочки ушей. Такие же мелкие плотные колечки волос росли от самых висков и под слегка выпяченной нижней губой сливались в густую массу бороды, что тянулась, сужаясь, до груди. Из-под бровей, сросшихся над прямым носом с едва уловимой горбинкой, с интересом смотрели умные, чуть раскосые, широко расставленные большие карие глаза. Они долго скользили по лицу стоявшего в ожидании купца.

Наконец сановник произнёс:

– Купец, ты долго пожил, многое повидал и пережил, твои и отдыхал, любил и ненавидел, терял и обретал. Так скажи мне, что самое важное ты открыл в себе?

– Наверное, мой ненасытный интерес, – пожав плечами, ответил Диагор.

– Ты хочешь сказать, что лишь любопытство вело тебя по всем дорогам? – перс, держа палочку в заложенных за спину руках, медленно обошёл его.

– Я пытался в грядущем дне найти ответы на возникшие вчера вопросы и шёл туда, куда подсказывало сердце, – Диагор посмотрел собеседнику прямо в лицо, пытаясь понять, к чему эти вопросы.

– Ну и как часто ты находил их? – в голосе сановника не было иронии.

– Не так часто, как ожидал.

– Почему?

– Думаю, я ошибался во времени. Его должно пройти гораздо больше, а я, к моему стыду, спешил и был недостаточно терпелив.

– Когда ты понял это?

– К сожалению, уже в старости.

– Ты, похоже, правдив, и оттого внушаешь доверие, – перс улыбнулся.

– Слишком быстро всё вокруг меняется. Невозможно успевать за событиями, – Диагор опустил глаза.

– Что ты хочешь этим сказать? – сановник впился в него немигающим взором.

– Люди, в отличие от мира, очень переменчивы. Откровение не всегда порождает понимание. Его восприятие бывает разным, – купец вновь посмотрел в глаза перса.

– Ты сожалеешь об этой беседе? – тот удивлённо опустился на скамью.

– Я просто не знаю, к чему она приведёт. Прости. Трудно быть искренним собеседником в моём положении. Уж очень велико наше неравенство, – с досадой почти прошептал Диагор.

– Ну, хорошо. Давай поговорим о другом, – примирительно согласился тот. – Присядь вот сюда и взгляни на этот рисунок.

Диагор устало опустился на самый краешек скамьи и стал рассматривать начертанное на песке.

- Что ты видишь? – спросил перс.
- Похоже, это пирамида, – ответил тот.
- Да. Ты часто видел такие сооружения в Египте. Что, по-твоему, они означают?
- Не думаю, что что-то однозначное. В ней, скорее всего, скрыт довольно сложный смысл. Её нутро, коль там находится гробница, должно означать смерть, а внешние стороны, наверное, жизнь.
- Ну а форма её, о чём она тебе говорит? – увлечённо вопрошал сановник.
- Каким бы долгим ни было человеческое существование, оно с годами всё ближе и ближе к своему завершению, – проговорил Диагор. – Убавляются желания, иссякают чувства, истощается здоровье, уменьшаются возможности. И лишь разум при дряблом теле к этому времени может остаться неизменным и насыщается накопленным житейским опытом. Никто из людей не в состоянии изменить мир, прежде не овладев искусством править своими разумом и телом.
- Ты говоришь так, будто часто думал об этом, – то ли спросил, то ли просто вслух рассудил странный перс.
- Признаться, я никогда не размышлял о назначении пирамид, – искренне заверил Диагор.
- Но ведь ты в точности описал значение каждой её грани. Вот они, от широкого основания сужаясь, ведут к единой вершине. Угадать ты не мог. Тогда откуда у тебя такие познания?
- Я всего лишь говорил о себе.
- Ты не купец, – утвердительно произнёс сановник, вновь внимательно разглядывая лицо собеседника.
- Да. Теперь я не купец. Быть может, отныне я вообще никто, – Диагор на мгновение пристально посмотрел ему в глаза, тут же отвернулся и поднялся.
- Перс порывисто зачеркнул рисунок. Наступила тишина. Наконец, он вновь спросил:
- Чего тебе хочется больше всего сейчас?
- Ясности, – взглянув ему в лицо, ответил Диагор.

– Её желаем и мы. А ты должен приложить все усилия к нашему стремлению и быть искренним, – поджав нижнюю губу, тот с укором смотрел в его глаза.

– Значит, я чего-то не понимаю, – потупив взор, Диагор замолчал.

– Судя по твоим летам, жить тебе осталось недолго. Стоит ли после столь продолжительного достойного существования ввергать себя в пучину лжи? – перс проявлял терпение и даже некое подобие сочувствия.

– Именно поэтому мне ни к чему прослыть впервые обманщиком, – Диагор печально вздохнул.

– Верно. Тогда ответь мне, для чего тебя доставили сюда? Ты ведь знаешь о причине своего появления здесь. Вот я и пойму, кто передо мной: честный старец или лживый скиталец? – сардоник был умён и хитёр.

Будучи государственным лицом, весьма искушённым в спорах, перс умел играть на чувствах людей и ловко подвёл своего собеседника к той черте, переступив которую предал бы самого себя. Диагор задумался. Всем нутром он почувствовал свой проигрыш и понял, что оказался в западне словесных хитросплетений этого незаурядного чиновника, но даже в такой сложной ситуации он нашёл единственно правильный выход: он замолчал навсегда. Любая фраза и даже одно слово, теперь сказанное им, было бы обманом, если не для перса, то для себя, а ступать на этот путь в преддверии смерти он не желал.

Чутко уловив решительные перемены в его настроении, сардоник понимающе взглянул на него, вновь поджав нижнюю губу, поднялся со скамьи, недолго помолчал, что-то обдумывая, затем тихо, но очень твёрдо произнёс:

– Похоже, ты не готов к серьёзной беседе. Что ж, подумай ещё, но знай, что уходит лишь твоё время. Ты не из тех людей, кто позволяет себе удивлять мир глупостями, и оттого никогда не сможешь прекратить быть тем, кем являешься – самим собой, предпочтя прекратить быть вообще. Но мы не предоставим тебе такой возможности. Тебе придётся ответить на все наши

вопросы. Веление царя царей, царя всех стран и всех сторон света всегда и всеми исполняется.

Диагор был поражён. Перед ним находился сам Дарий I, повелитель мира, величайший из великих, живое божество.

* * *

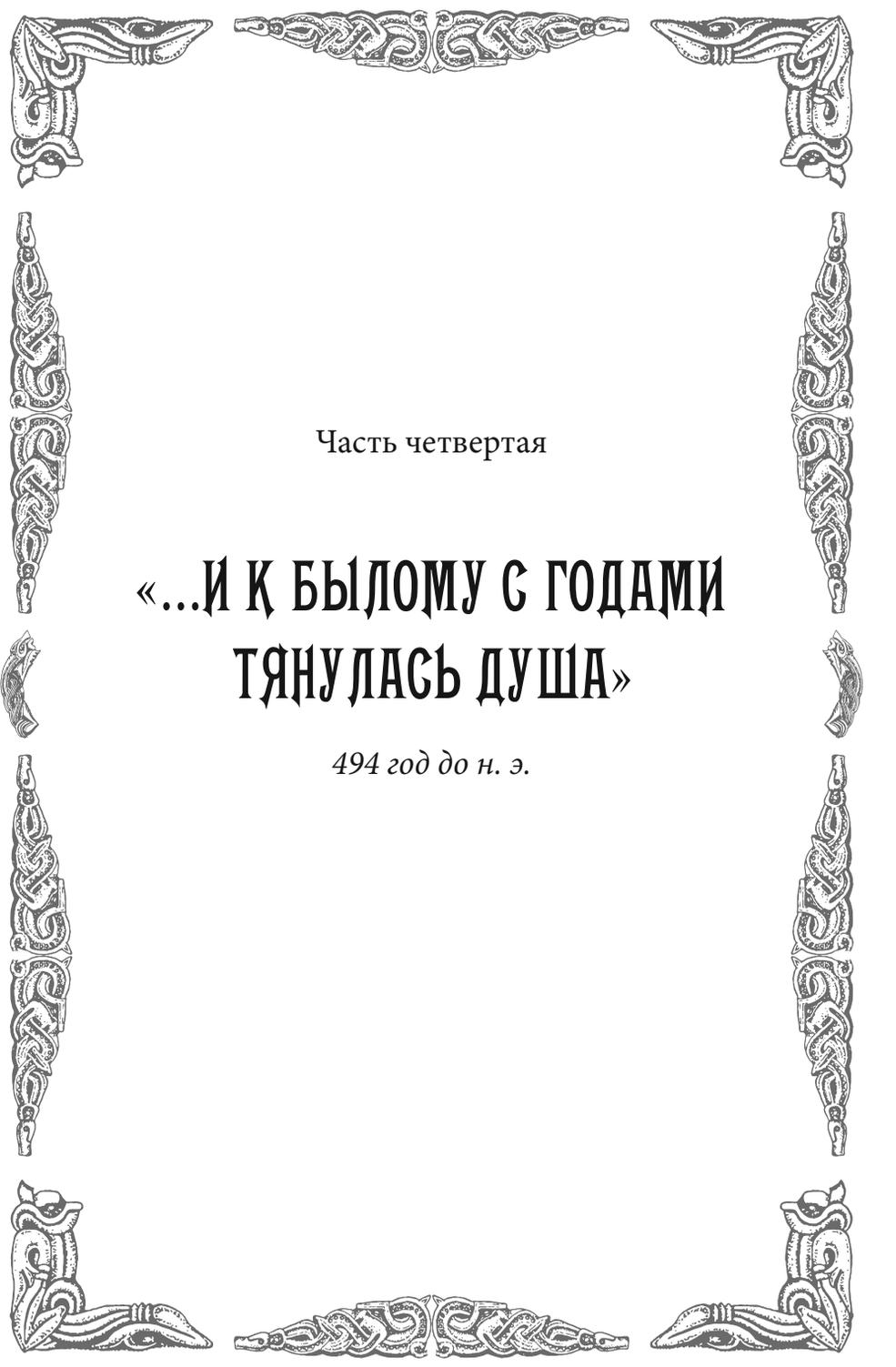
На следующее утро, когда стражники явились в подземелье за своим странным узником, старым купцом, он не поднялся. Сотник склонился над ним, желая помочь, но тут же отпрянул, прикоснувшись рукой к заочневшему холодному телу. Чуть позже при факельном свете широкого коридора он увидел торчащий из уха старца окровавленный полынный стебелёк.

* * *

Караван, ведомый купцом Претом по пустынной старой торговой дороге, на двенадцатый день пути встал на ночлег у окраины лесистого предгорья. Не успели разжечь костры, как десятник охраны сообщил новому хозяину о приближении небольшого встречного отряда. Вскоре в тусклом вечернем свете купец уже обнимал спешившихся Форкиса, Дантала и их людей. Всё получилось почти в соответствии с намеченным прежде планом, за исключением одного очень важного обстоятельства. С ними теперь не было старого доброго друга, – мудрого и щедрого душой Диагора.

Тела двух гонцов Ферекрата покоились на дне одной из многочисленных расщелин. Его послание, свиток, так оберегаемый ими, не содержал ни единого слова.

До горной долины, ставшей целью в движении каравана, оставалось четыре дня пути.

Часть четвертая

**«...И К БЫЛОМУ С ГОДАМИ
ТЯНУЛАСЬ ДУША»**

494 год до н. э.

Г Л А В А П Е Р В А Я

— **З**айдана! Зайдана! – на всю

округу разносилось многоголосое эхо ревуших в призыве людей.

Толпа вооружённых мужчин, яростно вскидывающих вверх мечи и копья, во всю мощь выкрикивала имя своего любимчика. Они нервно толкались и вертели головами в ожидании его появления. Посреди образованного воинами круга, держа перед собой в опущенных ручищах тяжёлое копьё, стоял здоровенный детина, исподлобья скользя по ним злым взглядом.

Крепостные ворота из почерневшего дерева были распахнуты настежь. В их проёме, спотыкаясь и падая, цепляясь хилыми грязными ручонками за опоры, появился тщедушный потный мужичок, указывавший вниз – на тропу, ведущую в крепость. Не трогаясь с мест, все замолчали и обратили взоры в его сторону. Проведя тыльной стороной узкой ладони по морщинистому лбу, едва успокаивая дыхание, старичок остановился, что-то промычал, открывая беззубый рот, тряся жидкой бородёнкой, и вновь показал рукой на проём.

– Эй, немой! Ты нам толком говори, он здесь или нет? – кто-то в нетерпении окрикнул его.

– Ага, он скажет, жди, – раздался другой голос.

Толпа дружно загоготала, но тут же, увидев поднимающегося к воротам человека, затихла. Высокий стройный юноша в островерхом головном уборе с отвисающими по бокам пушистыми лисьими хвостами, в безрукавке, сшитой из толстой

кожи, туго стянутой на талии широким кожаным поясом с нашитыми на него железными бляшками, придерживая рукой висящий сбоку меч, спокойно приближался к проёму, что-то рассматривая под ногами. На поводу он вёл красивого скакуна. Немой старик подобострастно подбежал и принял коня. Толпа расступилась, пропуская прибывшего и смыкаясь тут же за его спиной. Юноша остановился, осмотрел сапоги, топнул ногой о плоский камень, сбивая пыль, и, словно не замечая никого, прошёл сквозь ближние ряды в круг.

Детина крепче перехватил копьё правой рукой, повернув его остриём вверх. Юноша впервые приподнял голову и взглянул на него. Здоровяк, устрашающе раздувая ноздри, стал медленно вращать своё грозное оружие, готовясь к бою. Слегка склонив голову на бок, оценивающе осматривая соперника, юноша стал обходить его. Тот, не сходя с места, зорко следил за молодым воином, поворачиваясь к нему лицом и не давая зайти себе за спину. Толпа, затаив дыхание, ещё плотнее сомкнула свои ряды. Юноша уже обошёл полукруг, как вдруг здоровяк, не выдержав гнетущего напряжения, сделал быстрый выпад и, целясь в грудь противника, выбросил вперёд копьё, придерживая за конец древка. Вмиг присев и выхватив меч, юноша совершил кувырок навстречу нападающему, оказался перед ним на коленях на расстоянии вытянутой руки и вонзил ему меч в низ живота.

Всё произошло настолько быстро, что некоторые из отнесенных зевак, толкаясь локтями, вытягивая шеи, стали шёпотом расспрашивать других:

– Что? Ну, что там? Ничего не видно.

– Да погодите вы. Сами пока не поймём, – слышалось из передних рядов.

Здоровяк выпустил из слабеющей руки оружие, нелепо поднялся на носочки, сильно изогнувшись вперёд, будто пытался заглянуть себе между ног, мгновение постоял, затем, издав душераздирающий крик, пошатнулся и упал, скрючившись, под ноги стоящего перед ним юноши. Толпа вздрогнула и подалась назад. Эхо разнесло страшный вопль далеко по окрестностям, отражаясь от гор, и затихло среди леса.

Опустившись на колени, победитель тщательно вытер окровавленный меч об одежду противника, вложил его в ножны и направился дальше к строениям. Стоящие на его пути люди пятились в стороны, кто со страхом, кто с восхищением глядя на него.

– Ну, кто там одолел? – продолжали робко вопрошать из дальних рядов.

– Зайдана, – отвечали передние, обступая мёртвое тело огромного человека, лишь недавно внушавшего им ужас.

– Эй, немой! Иди сюда! Смотри на своего обидчика. Он теперь не опасен и не отнимет у тебя еду, – слышались крики.

С трудом протиснувшись в середину толпы, немой опустился у изголовья поверженного, упёрся руками в каменное покрытие двора и низко склонил голову. Сгрудившиеся вокруг них люди не видели, как по его щекам, стекая и теряясь среди редких волосков седой бороды, потекли крупные капли слёз. Старик горько и беззвучно плакал. Постепенно успокаиваясь, все стали расходиться.

– Чего они так торопятся?! Столько ждали, а смотреть и не на что, – недовольно бурчали одни.

– Кто следующий бросит вызов и встанет на его место? – гадали другие.

– Нет уж, хватит. Пожить ещё хочется, – тихо молвили трети.

Двое крепких мужчин поволокли тело за ворота, где, оттащив в сторону от подножья тропы, бросили в небольшую расщелину на самом краю пропасти.

– Он всегда обижал немого, вот и получил по заслугам, – произнёс один из них.

– Ничего не понимаю. Они появились здесь вдвоём, а ужиться не могли. Кто их теперь разберёт? Этот не обмолвится никогда. Тот всегда немой, – рассуждал второй.

Солнце закатилось за горы, обдав долину последним жаром потухшего дня. В крепости запылали костры. Ставшая с недавних пор разбойничьим пристанищем, она принимала всяких людей, коих набралось уже полсотни, попавших в эти места по разным житейским причинам. Здесь никто не знал о прошлом

своего собрата по вольному и опасному ремеслу, стараясь от-малчиваться и не задавать лишних вопросов. Лишь одно было известно всем: веление их общего вожака, сурового вождя с грозным именем Фаранг, подлежало безоговорочному исполнению. Да и как было послушаться, если при нём всегда находились десять могучих головорезов и невероятной ловкости сын, одолевший сегодня самого сильного из всех.

* * *

– Ты опять лишил меня ещё одного крепкого воина. Чем он тебе помешал? Эдак не с кем мне будет захватывать караваны, – полулёжа на овчинной мягкой шкуре у костра, разведённого в чашеобразном углублении в каменном полу посреди небольшого помещения в главном строении крепости, произнёс Фаранг, обращаясь к сидящему напротив сыну.

Зайдана молчал, изредка поглядывая на отца. Тот спокойно рассматривал старый большой нож, на днях подаренный ему сыном, положив его на широкую ладонь, будто взвешивая и определяя тем самым надёжность оружия. В отличие от своего отпрыска он не обладал высоким ростом, но был невероятно широк в плечах и имел очень толстые мускулистые руки и ноги. Из одежды на нём, как всегда, когда он находился на отдыхе, были лишь тонкие кожаные штаны, подвёрнутые снизу до колен. Весь покрытый густым курчавым волосом, он походил на дикого свирепого зверя. Особо выделялась его большая косматая голова. Лицо до самых щёк заросло чёрной бородой. Маленькие круглые глаза угольками светились из-под мохнатых бровей, пронизывая насквозь любого, кто осмелился взглянуть в них, и словно жалили лучами-искорками, вызывая трепет. Но самым жутким для всех, кто видел его впервые, была хищная улыбка-оскал, обнажавшая огромные белые зубы.

– Ты всё молчишь и даже не понял того, что сегодня своим мечом разрубил одно целое, – как-то равнодушно продолжил отец.

Зайдана удивлённо взглянул ему в лицо.

– Много времени проводишь на охоте, оттого и не знаешь людей, – уловив его недоумевающий взгляд, Фаранг цокнул языком.

Такая отцовская манера вести беседы, когда он бросался обрывками фраз, подолгу умолкая между ними, была знакома сыну, но сказанное сейчас было явно непонятным для юноши. Зайдана ожидал подробностей, зная, что отец не зря затеял с ним этот разговор. Он никогда ничего не говорил впустую.

– То, что тебя многие здесь побаиваются, радует меня. Только не следует бездумно лишать других жизни. Для тебя настало всего семнадцатое лето, а это лишь возраст птенца. Даже если кто-то по глупости возомнил себя равным тебе и решил помериться с тобой силой, прежде постарайся узнать, отчего в нём такое желание. Убить, отделить душу от тела всегда успеешь, а заглянуть в неё уже не будет возможности. Прах безмолвен, – отец замолчал, бережно отложив в сторону нож.

Зайдана не сводил с него глаз.

– Этот безмозглый жеребец, что по заведённому мною обычаю встал в середину двора, бросив тебе вызов, вовсе не был плохим человеком. Да, он отнял у немого кусок мяса, как делал не раз, ну и что? Это тебя не касалось. Знай, ты заступился за старика не совсем по своей воле, как тебе кажется. Этот сброд давно желал свести вас в поединке. Так и вышло. Ты не слабого защитил. Ты против сильного выступил. Он мешал тебе, и ты искал причину потешить свою прихоть. Вот тут-то ты и пошёл на поводу у заскучавшей от безделья толпы, – бросив взгляд на сына, Фаранг замолчал.

Зайдана внутренне сжался. Слова отца, как всегда, были точны. Юноше стало неловко от услышанной правды. Погибший здоровяк действительно ничего плохого ему не сделал. Своей огромной силой он наводил страх на каждого в этой крепости, тем самым как бы затмевая его, сына вождя, и такое поведение казалось для него непозволительным. Но ведь можно было использовать его мощь на благо отца, а об этом он не подумал, имея перед собой совсем другую нелепую цель. От стыда юноша залился краской и низко опустил голову.

– К тому же ты не прав вдвойне, – услышал он лёгкую укоризну в голосе отца. – Ты стал повинен в двух бедах. Помимо того, что ты сделал с одним, ты ещё и обрёл на вечное одиночество другого. Ведь немой был отцом убиенного тобой.

Зайдана был сражён услышанным. Он уставился на отца, не веря в сказанное им.

– Да, ты не ослышался. Не знаю, как они жили прежде. Только сдаётся мне, что сын теперь поступал с отцом равно так, как тот раньше обходился с ним. Став сильнее, он лишь глупо повторял его былые повадки. Вот и всё. Они стоят друг друга. Нужно ли было ради этого обнажать тебе меч? Думаю, нет. Но коль ты поступил так опрометчиво, тебе следует исправить свои ошибки и уравнять их судьбы, дабы не пасть от мстительной руки немого старика и посрамить своё имя. Иди и убей его, если не хочешь, чтобы это за тебя сделал я. Другого не дано.

Зайдана встал, молча откинул дверной полог и решительно покинул отца.

На следующий день мало кто обратил внимание на отсутствие в крепости немого. Пронзённый в сердце мечом, он лежал поверх своего сына, прикрывая его рану своим маленьким телом, вливая в неё по капле остатки своей старческой, но родственной крови.

* * *

Караван продвигался по лесистой местности. Дойдя под вечер до небольшого озера, скрытого от глаз среди деревьев, он остановился. Разбили лагерь. Вдали виднелись горные вершины.

– В ту сторону, – Форкис указал рукой на север, – за той грядой находится та самая долина.

– Выходит, мы пришли, – улыбнулся Прет.

– Похоже, дошли, – согласился тот.

– Как нам попасть туда? – спросил купец.

– С этой стороны есть небольшая расщелина. Но основной проход в неё ведёт через большое ущелье с восточной стороны. Дней пять пути. Но прежде чем тронуться туда, нужно осмотреть долину. Прошло почти четыре года, и никто не знает, что там творится. На рассвете я возьму своих людей и постараюсь всё разузнать. Вы ждите здесь. Выставьте охрану. Места тут раньше были беспокойные, всякое может случиться, – Форкис всматривался в темнеющую даль.

– Ты прав. Так будет разумнее всего, – согласился Прет и направился к лагерю.

Форкис не спеша обошёл окрестности, внимательно оглядывая подступы к стану и особое внимание обращая на расположение дозорных. Ничего подозрительного не заметив, он вернулся к костру, у которого находились его люди. Дантал и Ортия присели у соседнего огня. Вскоре подошёл Прет и опустился рядом с ним. Рабы принесли еду.

* * *

Оставив лошадей с Борусом в укрытии, Форкис в сопровождении Дантала, Грома, Саввата и Коматы, таясь за деревьями, приблизился к горной расщелине, издали рассматривая её.

– Узнаёшь это место? – тихо спросил юношу Форкис.

– Да. Только почему мы так скрытно продвигаемся? Думаешь, там кто-то есть? – прошептал тот.

– Может, и нет никого, но спешить не стоит. Внимательно наблюдай за проходом. Если что уловишь, дай знать, – Форкис выглядывал из-за толстого ствола.

– Давай я подберусь поближе. Отсюда он не так хорошо выглядывается, – предложил Дантал, готовый ринуться вперёд.

– Нет, погоди. Вон видишь, справа на подъёме находится небольшой валун? – Форкис указал рукой.

– Вижу, – всмотревшись, ответил юноша.

– Посмотри на него подольше, – предложил тот.

Дантал, не сводя глаз, стал пристально вглядываться туда и вскоре понял, что брат был прав. Там кто-то был и тщательно скрывался.

– За ним явно кто-то прячется, – протянул он. – Может, зверь какой?

– Вот подождём и узнаем, – опускаясь на колени, ответил Форкис.

Остальные его люди, также удобно расположившись за деревьями, рассматривали расщелину. Вскоре они увидели, что из-за камня, разминая ноги, осторожно, оглядываясь по сторонам поднялся вооружённый копьём человек. Почти одновременно

с ним на небольшой высоте с другого склона расщелины из-за незаметного скального выступа высунулся второй и махнул ему рукой, дабы он присел. Тот тут же исчез за валуном.

– Ну что, видел? – прошептал Форкис.

– Ага. Двое, – ответил Дантал.

– Это дозор. Вот только чей? – по-прежнему не сводя с них глаз, размышлял Форкис.

– Значит, там, в крепости, кто-то обитает, – уже настороженно произнёс юноша. – Может, персы?

– Верно, долина и крепость кем-то заняты. Но это не персы и не саки. Так кто же они? – взглянув в сторону Грома, очень серьёзно проговорил Форкис.

Гром неуклюже подполз к ним и присел, оперевшись спиной в дерево.

– Что скажешь? – теперь старший обращался к нему.

– Пока не знаю. А сородичи отца Дантала не могут находиться там? – Гром кивнул в сторону прохода.

– Не думаю. Их здесь нет. Сколько времени мы пробыли в крепости, а ни один из них не появился, – решительно мотнул головой Форкис.

– Да, странно всё это, – Гром ненадолго задумался. Почесав грудь, он продолжил: – Та дорога, по которой мы идём, может, она важна для них? Она ведь хоть и старая, но караванная. Войск на ней нет. Тогда чего они выставили дозорных с этой стороны?

– Думаешь, грабители? – поняв намёк сирийца, спросил Форкис.

– Ну, выходит, что так, – пожал плечами тот. – Знать бы, сколько их там собралось. Если не так много, нам и самим можно было бы одолеть их. Скажи, здесь по расщелине кони пройдут?

– Когда мы уходили, в середине имелся завал, но уже тогда он был частью разобран. Только с этой стороны крутоватый подъём. Мы ведь тогда лишь спустились по нему и ушли. Возьмём ли его отсюда верхами, не знаю, – Форкис вновь всматривался в ущелье.

– Нужно сообщить Прету. Будет лучше, если он отведёт караван немного дальше по пути, – предложил Гром.

– Дантал, скачи в лагерь, расскажи обо всём, пусть выдвигаются. Сам же оставайся там. Мы ещё недолго побудем здесь и вернёмся. Без ведома Прета ничего предпринимать нельзя. Я обещал ему, – Форкис коснулся плеча юноши и слегка толкнул его.

Тот понимающе кивнул и, ловко скрываясь меж деревьев, вскоре исчез в лесу.

* * *

Взяв почти всех своих людей, оставив в крепости с награбленным добром пятерых телохранителей, Фаранг поутру подступил к дальнему южному ущелью, откуда ближе всего было до старой караванной дороги. Накануне в полдень вернулись двое его лазутчиков с сообщением о продвижении с запада большого каравана. Зайдана вёл коня рядом с отцом, осматривая знакомые места, где ему в одиночку часто доводилось бывать во время охоты на этой стороне гор.

– По нашим временам большой караван – редкость на этой дороге, – говорил ему отец. – Да и опасно брать его, сынок. Охрана у него всегда сильная. Но другой такой возможности может долго не быть. Ты особо не бросайся в драку. Пусть вот эти оборванцы, как положено, отрабатывают свой хлеб. Думаю, очень скоро избавимся и от них. Хватит нам кормить и терпеть такой сброд. Сегодня они исполнят своё последнее предназначение для нас. Возьмём этот караван, и нам пора начать другую жизнь. Для этого достаточно моих людей.

Чуть поотстав от них, лёгкой рысцой вели своих скакунов пятеро преданных Фарангу воинов, за ними продвигались все остальные. Один из дозорных встретил их у самого подъёма в расщелину. Взглянув на него, вождь слегка кивнул и направил коня сквозь кусты по тропе.

* * *

Персидский десятник, что повстречал когда-то купца Ди-агора на царской дороге и был вынужден сопроводить его к своему сотнику по причине исчезновения двух прибившихся к каравану людей, так и не дождавшись его возвращения из Пер-

сеполя, получил новое указание и впридачу полсотни воинов и вот уже много дней двигался по старой караванной дороге на восток, дабы исполнить указание – вернуть караван обратно. Имея возможность проходить в день по сорок-пятьдесят стадий и быстро настичь караван, он тем не менее не спешил, зная, что тот далеко не уйдёт, а другого случая вольготно пожить у него уже может и не быть.

Такое задание он получил впервые. До сих пор он даже не слышал о подобном. Караваны никогда, сколько он помнил, никем не возвращались с взятой дороги. В пути десятник часто задумывался о причинах довольно странного отношения к этому купцу со стороны своего начальства. Вспоминая безобидного старца, он размышлял и о дальнейшей его судьбе, и над тем, что же всё-таки он совершил, и о тех двоих пропавших людях, из-за которых всё это началось. В конце концов, ничего не понимая в происходящем, он переставал забивать себе голову всеми этими мыслями и просто продолжал исполнять долг, наслаждаясь выпавшей на его долю на редкость спокойной дорогой и несложным поручением сотника, пребывая в приподнятом настроении среди благоухающей дикой природы. Лесистая местность, в которую он вступил пару дней назад, простиралась далеко вперёд. Среди её зарослей лишь изредка были видны невысокие горные выступы.

Отряд, выстроившийся длинной вереницей, продвигался тихим шагом, стараясь держаться в тени огромных деревьев: там царил желанная прохлада и к тому же не было надоевшей пыли. Сменилась природа, сменились и запахи, и звуки. Воздух вокруг наполнился густым ароматом зелени и влаги. Стали слышны звонкие, переливчатые птичьи голоса. Высланные вперёд дозорные держались на виду, не отдаляясь от основных сил и не скрываясь от посторонних глаз, в существование которых никто не верил, настолько диковинными и пустынными были эти места.

К вечеру вдали за лесом, слева от дороги, показалась невысокая горная гряда, уходящая дугой на северо-восток. Судя по следам и помёту, оставленному животными, караван находился вблизи. У небольшого ручья десятник повелел расположиться на отдых.

* * *

Форкис первым увидел появившегося в расщелине всадника. Тот остановил коня и стал осматривать прилегающую местность. К нему тут же подбежал человек, что прятался за валуном. О чём-то спросив у него, всадник поднял руку и махнул вперёд, осторожно тронув коня. За ним, придерживая лошадей, стали спускаться остальные. Не дожидаясь перехода всего отряда, насчитав двадцать всадников, Форкис со своими людьми, низко пригнувшись, побежал к оставленному с лошадьми Борусу. Не успел он запрыгнуть на коня, как с другой стороны к ним подскочил Дантал.

– Почему ты здесь? – строго спросил он юношу.

– Я не мог там оставаться. Караван давно ушёл. Я проводил его и вернулся к вам, причём не один, – Дантал развернулся и вскинул руку.

Петляя меж деревьев, гулко ударяя копытами по густой траве, приблизились десять всадников – греческих воинов, направленных Претом.

– Ладно, потом поговорим, – Форкис отвернулся от него. Взглянув на Боруса, он коротко бросил: – Из долины переходит чей-то отряд. Скорее всего, грабители. Я не знаю, сколько их там, но нам придётся сражаться с ними. Все, кроме Грома, остаются здесь. С ним я попробую проследить за движением противника.

Форкис развернул коня и в сопровождении сирийца направился обратно.

* * *

Фаранг с полусотенным отрядом, извивающимся подобно змее, медленно продвигался по лесу в направлении дороги, по случайности взяв чуть в сторону от места, где находился затаившийся Форкис. Он уверенно вёл коня меж деревьев, спокойно осматривая округу.

– Они прошли на восток, но далеко уйти не могли. Скоро настигнем их, – вождь тихим голосом обращался к сыну. – Спешить не стоит. Встанут на ночлег, тогда и ударим.

Зайдана, как всегда, молча слушал его, изредка склоняясь под ветвями и поглаживая на ходу шею коня. До дороги оставалось совсем немного, когда на ней с запада появились четверо конных воинов.

– Это ещё кто такие? – удивлённо произнёс Фаранг, осадив коня.

Зайдана, взглянув вперёд, тоже увидел чьих-то всадников, но с небольшим опозданием, уже выехав из-за дерева на открытое место.

* * *

Воины дозорного персидского отряда, заметив в лесу конных людей, в нерешительности остановились, но уже через какое-то мгновение быстро развернулись и умчались обратно.

* * *

– Взять их, – грозно выкрикнул Фаранг, и пятеро его телохранителей, нахлёстывая лошадей, помчались за чужаками.

Зайдана взглянул на отца, готовый последовать туда же, но тот мотнул головой в знак запрета. Вскоре подтянулся весь отряд и замер за его спиной. По набитой дороге громко зазвучал дробный топот конских копыт. Уже через миг он отдалился и затих. Все стали чутко прислушиваться, пытаясь рассмотреть хоть что-то сквозь заросли леса. Через некоторое время до их слуха донеслись звуки боя. Выждав какое-то время, стегнув плёткой коня, Фаранг ринулся вперёд, увлекая за собой отряд.

* * *

Форкис, удивлённый не меньше Фаранга, взглянул Грому в лицо, пытаясь понять, видел ли и он то, что произошло.

– Похоже, по нашим следам не только вот эти пошли. Кто-то ещё почти нагнал караван, – понимая его вопрос, ответил сириец.

– А если это Диагор? – осенило Форкиса.

Гром мгновенно уловил его догадку, развернул коня и направил его в сторону ожидавшего их отряда, бросив на ходу:

– Я сейчас.

* * *

Персидский десятник сразу увидел скачущий обратно свой дозорный отряд, но ничего не заподозрил, полагая, что те хотят сообщить ему о близости каравана.

Мгновением позже он увидел пятерых всадников, настигающих его людей, и лишь теперь сообразил, что кто-то преследует их.

Тут же выхватив меч, он вздыбил коня и что есть сил выкрикнул:

– К бою!

Персы разом ринулись вперёд.

* * *

Пятеро телохранителей Фаранга, не успев остановить разгорячённых скакунов, с ходу врезались в ряды персов. Завязалась битва. Силы были неравными, и вскоре трое из них, сразив по одному противнику, сами замертво пали под копыта. Двое же, остававшихся пока в живых, продолжали яростно сражаться, кружась среди охвативших их в кольцо врагов. Они надеялись на своего вождя и из последних сил рубились, ожидая его помощи. Он подоспел вовремя.

Теперь началась самая настоящая битва, втянувшая в свою кровавую круговерть почти равные по числу силы. Встревоженные её страшными звуками, над лесом вспорхнули птицы. Мелкая живность, что водилась в окрестности, также сильно напуганная, разбегалась от этого ужасающего шума, прячась в норах, иногда проносясь под лошадьми отряда Форкиса и пугая животных.

Форкис осторожно продвигался по дороге в ту сторону, где в жестокой схватке сошлись неведомые для него противники.

* * *

Разбойничий отряд во главе со своим грозным вожаком Фарангом вихрем налетел на персов, поначалу вызвав среди них замешательство. Но отважные воины многоопытного десятника, тут же оценив ситуацию и численность противника и сооб-

разив, что напавшие не представляют собой регулярных войск, быстро перегруппировались и дружно ударили тремя клиньями, охватывая отряд с боков, врезаясь по центру и разрывая его на две половины. Такая стратегия была оправдана во всех подобных случаях и давала существенное преимущество над противником, взламывая порядок его построения, дробя на части, лишая манёвренности и централизованного управления, создавая панику в его рядах.

Фаранг слишком поздно разобрался в случившемся и уже не мог должным образом повлиять на действия своих людей. К тому же, оказавшись разрозненным с сыном, он стал отчаянно пробиваться к нему в надежде оградить от нависшей угрозы и спасти в этой бойне. Он понял, что перед ним не случайный враг, а истинные воины, непревзойдённые персы. Раз за разом он предпринимал яростные, но тщетные попытки прорваться к сыну. Фаранг словно ударялся о стену и никак не мог сокрушить её, всё больше закипая необузданной злостью и от этого всё быстрее теряя силы.

Зайдана рубился так, как ещё никогда ему не доводилось. Он видел своего отца, рвался к нему, но так же, как и тот, не мог ничего поделать, крепко завязнув в битве на своей стороне. Мощь персидских воинов была поистине велика. Числом они были равны, но почему-то Зайдане казалось, что они всё прибывают и прибывают. До сих пор ему ни разу не доводилось сражаться с персами, и теперь он впервые узнал, насколько они сильны в бою.

В какой-то миг Зайдане показалось, что ему удалось продвинуться к отцу. Он взглянул в сторону Фаранга и увидел самое ужасное, чего боялся всё это время. Глаза отца, полные горечи и тоски, были устремлены на него, прямо в лицо, в самую душу. В этот момент его голова резко содрогнулась. Кто-то точным ударом вонзил ему в шею копьё. Отец ещё какое-то мгновение не сводил с него глаз. Затем его веки прикрылись. Он схватился слабейшими руками за горло и, что-то прошептав окровавленным ртом, опрокинулся с коня. Син понял, что он сказал. Отец произнёс его имя.

Битва приближалась к своему завершению. Персы одолевали. Потери с обеих сторон были велики.

Грабители знали, что в случае пленения их ожидает страшная расправа за все предыдущие деяния и что пощады никому не будет, и по этой причине сражались до последнего издыхания. Десятник помнил о своей главной цели в этом походе, оттого и старался скорее покончить с противником, сохранив как можно больше своих воинов. Он спешил, круша всех на своём пути. Разбойники не были ему нужны и очень помешали своим появлением, нарушив его планы. В своей победе он не сомневался, но самое неприятное для него таилось в другом. Теперь, после всего случившегося, он понял, что уже не станет сотником, о чём так долго мечтал.

* * *

Форкис со своими людьми скрытно наблюдал за всем происходящим, находясь на небольшом отдалении. Он узнал того десятника и уже понял, что Диагора здесь нет и что персидский отряд следовал за караваном по другой причине, скорее всего, не очень приятной как для Прета, так и для них всех. Ему не было жаль погибающих персов, впрочем, как и грабителей, явно намеревавшихся напасть на караван. Сейчас для него наступал очень важный момент, невероятно ответственный, влияющий на их дальнейшую судьбу. Следовало принять единственно правильное решение. И он принял его.

Дождавшись, когда с обеих противоборствующих сторон осталось не больше двадцати человек, он повёл на них свой отряд.

– Десятника и разбойничьего главаря взять живыми. Больше никого, – скомандовал он.

Неожиданно налетевшая на дерущихся третья сила с ходу разнесла их в клочья и в один миг уничтожила всех, кроме главарей. Старшего у грабителей определить не составило особого труда: несмотря на видимую усталость, он слишком выделялся среди остальных. Дантал сблизился с ним и плашмя мечом нанёс ему сильный удар. Тот отразил его, но не удержался и слетел с коня. Десятника же знали в лицо. Савват ловко набросил на

него аркан и сдёнул с лошади. Разоружив обоих главарей, их волоком протащили по земле и бросили под ближайшее дерево.

Пленённые были все в крови – непонятно только, в своей, от полученных ран, или в чужой, от ран нанесенных. Так или иначе, они едва держались на ногах. Ещё не успели отойти от них на пару шагов, как молодой вожак набросился на десятника, выхватил из голенища сапога нож и коротким рывком ударил его прямо в грудь, замахиваясь во второй раз. Гром, находившийся к ним ближе всех, тут же пнул в бок напавшего. Тот отлетел в сторону, свернулся клубком и замер. Гром поднял выпавший у юноши нож. Десятник, захрипев, прикрыл рукой рану. Форкис спрыгнул с коня, подбежал к нему и присел.

– Где Диагор? Где тот купец? Зачем ты здесь? – понимая, что он скоро умрёт, быстро спросил Форкис, вглядываясь ему в лицо.

– Я не знаю... Он не вернулся из Персеполя... – теряя силы, прошептал тот. – Я должен вернуть караван... Таково веле...

Перс попытался приподнять голову, но не смог. Изо рта, обильно пенясь, хлынула кровь. Он дёрнулся, вытаращил глаза на склонившегося Форкиса, потянулся к нему дрожащей рукой и тут же бессильно уронил её.

– Умер, – поднимаясь, тихо произнёс Форкис.

Воины отлавливали лошадей, связывали их между собой и грузили на них собранное оружие. Тела убитых оттащивали от дороги и бросали в траву.

– Другой-то хоть жив или ты убил его? – обращаясь к Грому, спросил Форкис.

– Да жив. Я не сильно его, – вертя в руке нож, пророкотал сириец.

Форкис скорым шагом направился к лежащему главарю разбойников. Подойдя, он вновь присел, прислушиваясь к дыханию пленного. Тот был жив, и когда Форкис коснулся его плеча, то нервно дёрнулся. Лишь теперь Форкис рассмотрел его и был искренне удивлен, увидев перед собой совсем молодого человека. Его тело сотрясала частая мелкая дрожь. Правой рукой он прикрывал голову. Форкис склонился ниже, стараясь опреде-

лить, как сильно он ранен. Сжав покрепче руку юноши, он попытался откинуть его на спину. Юноша не поддавался. Не понимая, что происходит, Форкис резко дёрнул его, и ему удалось немного развернуть пленника. Лицо приоткрылось. Увиденное ещё больше поразило его: юноша молча рыдал. От неожиданности Форкис растерянно отпустил его и присел рядом на траву.

– Эй, что с тобой? – вырвалось у него. – Тебе больно?

Тот не реагировал, вновь прикрыв голову рукой. Испачканные кровью пальцы судорожно подрагивали.

– Да что с тобой, ты можешь сказать? – сердце грека дрогнуло.

Ему стало жаль этого молодого человека, одиноко и беззащитно лежащего перед ним. Лишь мгновение назад он дрался словно лев, а теперь по-детски плакал, не обращая никакого внимания на всё творящееся вокруг него. Гром издали поглядывал в их сторону, но не решался подойти, чувствуя, что что-то не так. Дантал подлетел к Форкису, спрыгнул на землю и опустился рядом с ним.

Видя состояние брата, он тихо спросил:

– Что случилось?

– Ему плохо, и он, похоже, не понимает меня, – так же тихо ответил тот.

– Может, дать ему воды?

Дантал отвязал от пояса небольшой кожаный мешочек с глиняным сосудом и, придвинувшись к лежащему, поставил его в траву возле головы, предварительно побултыхав над его ухом.

Легонько коснувшись руки юноши, он предложил:

– На, попей воды.

Вопреки ожиданию, тот провёл тыльной стороной руки по своему лицу, размазывая слёзы и кровь, приподнялся на локоть, взял сосуд и стал жадно пить из него, обливаясь и громко глотая.

Форкис долго смотрел на него, затем перевёл взор на брата.

Уловив его пристальный взгляд, Дантал недоумевающе спросил:

– Чего ты?

– А ты сам не видишь, что ли? – уже улыбаясь, показывая на чужака пальцем, спросил тот.

Дантал посмотрел на пленённого чужеземца, но ничего не понял, пожал плечами и вновь уставился на Форкиса.

– Вы же отражение друг друга! Вглядишься, – Форкис не веря в своё открытие, удивлённо и восторженно качал головой.

Лишь теперь, внимательно всмотревшись в лицо того юноши, окинув его фигуру придирчивым взглядом, Дантал понял, о чём говорил ему брат, и был не меньше его поражён увиденным. Перед ним полулежал его двойник. Даже возрастом они были схожи.

Осушив посудину до самого дна, чужак опустил её на место, вытер рот и впервые посмотрел на сидящих рядом людей. Те не сводили с него глаз и странно улыбались. Он не мог понять их поведения. Почувствовав себя неловко, он склонил голову и стал осторожно подниматься.

– Ну ладно. Потом разберёмся. Нам всем пора в путь, – вскочив на ноги, отряхнувшись и вмиг посерьёзнев, произнёс Форкис.

Дантал подобрал пустой сосуд, направился к своему коню, взял его под уздцы, затем, оглянувшись на стоящего пленника, подошёл к нему и протянул поводья. Тот, отказываясь, мотнул головой и посмотрел в сторону стоящих поодаль лошадей.

– Ты, наверное, хочешь своего коня? Пошли, – призывая рукой, двинулся туда Дантал.

Пленник побрёл за ним.

Подойдя к захваченным лошадям, Дантал остановился в ожидании. Чужак прошёл меж них и замер возле своего скакуна, взглянув на Дантала. Дантал кивнул. Лишь после этого, погладив по шее коня, чужак отвязал его, отвёл от остальных и запрыгнул на него.

Форкис махнул рукой. Все тронулись по дороге за ушедшим караваном. Чужак продолжал стоять, оглядываясь по сторонам.

«Он что-то ищет», – догадался Дантал и подъехал к нему.

Четверо замыкающих воинов внимательно следили за пленником, не трогаясь с мест. Тот вновь взглянул на Дантала и повернул коня к лесу, туда, где находились убитые. Дантал направился за ним. У одного из тел пленник спешился и опустился на

колени. Крепкого сложения бородач с большой зияющей раной на шее лежал на траве, широко раскинув руки. Пленник низко склонил голову, недолго постоял так, поднялся и вновь вопросительно посмотрел на Дантала. Дантал кивнул. Тот с трудом поднял тело, взвалил на коня и повёл его к дороге.

Весь путь до самого лагеря, разбитого Претом, он так и прошёл, ведя на поводу любимого скакуна, на котором возлежал его отец, и уже там, молча испросив разрешения у Дантала, в стороне от стана сжёг его тело, обложив хворостом. Люди издали созерцали его прощание с родителем, скорбно вспоминая своих близких, покинувших этот мир навсегда.

Г Л А В А В Т О Р А Я

Караван под предводительством Дантала, пройдя тёмное, узкое, глубокое и оттого очень мрачное ущелье, расположенное с восточной стороны в опоясывавшей долину горной гряде, уже наполовину преодолев перевал, спустился головной частью к лесу.

Форкис встретил их, выехав из-за деревьев со своими людьми и десятью воинами.

– Как дошли? – спросил его Прет, спрыгивая с коня.

– Никого, кроме двоих дозорных, в той расщелине не было. Несколько лошадей разбрелись по пастбищу, – также сойдя на землю и разминая ноги, ответил тот.

– Юноша по-прежнему молчит. Нам не удалось узнать, сколько человек находится в крепости. Придётся поступить иначе и направить туда людей. На этом перевале пусто. Значит, обитателей в ней не так уж и много, – Прет смотрел на Форкиса.

– Я сам поведу их, а молодого вожака не нужно пока трогать. Как только я отойду, веди караван за мной. Там, невдалеке, в лесу, должен быть родник, возле него и остановитесь. Дантал знает, – Форкис кивнул на стоящего рядом брата. – Да, огонь не разжигайте. А на перевале нужно выставить дозор, – осматривая своего коня, дополнил он сказанное.

– Хорошо. Возьми ещё десять воинов, – согласившись с ним, предложил Прет, переведя взор на перевал.

Караван полностью спустился к лесу.

Скрываясь среди деревьев, Форкис остановил коня, увидев возвышающуюся вдали крепость. Следовавший за ним отряд замер в ожидании.

– Вон она, – прошептал он поравнявшемуся с ним Грому.

– Старое строение, но большое, – тихо пророкотал тот, внимательно вглядываясь. – Подъём к нему крутоват, внезапно не заскочить на лошадях. Другого подхода нет?

– Нет. Только этот, – ответил Форкис.

– Придётся подкрадываться пешими, – высказал своё мнение сириец.

– Ворота заперты. Значит, они следят за подступами. Может, всё-таки этого юношу взять с собой, а? – Форкис посмотрел на Грома.

– Его они, конечно, признают, но что нам это даст? – с сомнением произнёс тот.

– Он не простой воин, и ему они должны бы подчиниться. Вот только захотят ли, увидев нас? – рассуждал Форкис.

– К тому же, что он им скажет? Он странный какой-то, всё молчит. Может, он вообще от рождения бессловесный? – недоумённо пожал плечами Гром.

– Ладно, не будем его тащить сюда. Сами справимся. Нужно дожждаться вечера и пробираться без лошадей. Недолго осталось до заката, – наконец принял решение Форкис. – Забери моего коня и отведи людей, а я ещё присмотрюсь, может, что и выгляжу.

С наступлением темноты Форкис повёл спешившийся отряд к крепости. Продвигались тайком, забирая влево от дороги, ведущей к крепостным воротам. Отдышавшись, стали вскарабкиваться по крутому склону к входу и вскоре оказались у самих ворот. По указанию Форкиса несколько воинов, низко пригнувшись, перебежали к их дальней стороне. Теперь все сгрудились с боков. Огней не было видно. Форкис прислушался, но ни единого звука не уловил. Он шагнул, пытаясь заглянуть в щель, прижался к ближней створке и замер, после чего слегка навалился на неё. Створка скрипнула и подалась. Судя по всему, двор был пуст.

«Неужто не заперта?» – удивился Форкис. Он поднял руку, призывая к вниманию, и обнажил меч.

Больше не медля, он с силой толкнул ворота и ринулся в проём, сразу отскочив вбок и выставив перед собой оружие. Его люди мгновенно ворвались во двор и растеклись по сторонам в поисках противника. Никого не обнаружив, они подошли к дальнему, видимо, главному строению. Старая деревянная дверь была приоткрыта, за ней царил непроглядная темень. Гром вбежал первым. За ним ринулись несколько воинов. Остальные остались снаружи. Ничего напоминающего схватку они не услышали. Через некоторое время в дверном проёме, тяжело дыша, появился Гром. Выйдя из строения, он развёл руками, давая понять Форкису, что там также пусто.

– Что, совсем никого нет? – понимая его, всё же спросил старший.

– Никого, – ответил тот, убирая свой огромный меч.

– Всё осмотрели? – теперь Форкис обращался к остальным.

– Ни души, – слышались голоса.

Крепость была пуста. Уже к полуночи в ней находился весь караван. Запылали костры. Закипела в котлах вода. Рабы развьючивали уставших животных, быстро осваиваясь в новой обстановке.

Дантал молча сидел у колодца, где когда-то давно любило лежать семейство собак, которых обожали обитатели крепости. Он вспоминал своих родителей и ещё многих людей, что жили здесь рядом с ним, или это он, как подумалось ему, находился бок о бок с ними и благодаря им. Как бы там ни было, а лишь теперь, спустя почти четыре года, он ощутил в душе настоящую тоску по ним, впервые почувствовав неимоверно щемящую боль в груди. С каждым вдохом, вбирая и впитывая в себя знакомые и такие родные запахи двора, Дантал всё отчётливее представлял мать и отца. От охватившего волнения он уже не мог совладать с горькими мыслями о том, что ничто не повторится и они вдвоём не вернутся к нему никогда. Только здесь и сейчас он понял в полную силу своего сознания, насколько они дороги ему, и поражался тому, как мог дожить до этого дня без них.

На следующий день с утра Дантал вместе с Форкисом, Претом и Ортией спустился к месту захоронения его отца и ещё многих людей, ушедших из жизни при нём. Когда подошли к могильным холмам, Дантал не поверил своим глазам. У самого ближнего из них находилось каменное изваяние с рельефным изображением женщины. Не ведая о судьбе матери, оставшейся в крепости при его уходе, он понял, что эта могильная насыпь принадлежит именно ей. Подойдя к ней, он опустился на колени. Сильнее прежнего у него заныло в груди. Горький ком, поднявшись откуда-то снизу, застрял в его горле, мешая дыханию.

– Мама, ты не ушла с другими, как обещала мне, – с трудом прошептал Дантал. – Ты осталась здесь, не покинув отца.

Он низко склонил голову. Губы его задрожали, не давая возможности сказать ещё хотя бы слово. Слёзы, внезапно переполнившие глаза, вырвались из-под прикрытых век и потекли по щекам. Содрогааясь всем телом, не издав ни звука, он прикрыл лицо ладонями. Ортия, стоявшая рядом с отцом, прижалась к нему, зажав руками рот. В её глазах отражалась боль и сочувствие. Не сдержавшись, она вдруг заплакала. Прет, понимая состояние дочери, крепче обнял её. Форкис, стараясь не мешать скорбящему брату, тихо отошёл от него и задумчиво остановился у могилы его отца Русы.

Дантал долго сидел возле памятного камня матери, затем, немного успокоившись, поднялся, не сводя с него глаз, отступил на пару шагов и лишь после этого, подойдя к могиле отца, вновь присел.

– Я вернулся, отец, – прошептал он. – Я всегда помнил о вас.

Форкис снова понимающе отошёл в сторону, оглядывая другие захоронения, вспоминая покоившихся в них людей. В этот день по его совету закололи лошадь и устроили поминки по усопшим, как это было принято у саков и урартцев, к чьим народам принадлежали родители Дантала. Новым дополнением стало вино, характерное для утешительных греческих обрядов.

Всю ночь Дантал и Ортия провели вдвоём у костра. По её просьбе он поведал ей о той жизни, что провёл в этой крепости, о том, какими людьми были его родители и все те, кто обитал здесь, рассказав и обо всех событиях, что довелось пережить им. Он не так много помнил о жизни в далёкой сакской степи, но о некоторых людях, окружавших их там, он не забыл. Впервые за последние годы он с кем-то чужим делился своим прошлым.

С каждым мгновением общения с Ортией ему становилось легче на душе, словно он по крупинке избавлялся от тяжёлой ноши, до сих пор громоздившейся на его плечах и не дававшей отдохнуть, где б он ни был. Она же внимательно слушала его, удивляясь тому, как много трудностей перенёс он в столь юном возрасте, невольно сопоставляя свою прошлую жизнь с его прежней судьбой и находя в них схожесть утрат.

Ортия не задавала вопросов – они не были нужны. И причиной этому была воцаряющаяся между ней и Данталом ясность. Девушка всё больше убеждалась в том, что всегда знала его и ждала именно его, даже когда они не были знакомы. Она впитывала каждое его слово, всем сердцем разделяла его печаль и искренне переносила на себя часть этой горечи. Ей самой становилось легче, будто это не Дантал, а она изливала душу в откровениях. Ближе к утру они уснули у костра, касаясь друг друга кончиками пальцев, выказывая тем самым нежное единение душ, взаимно передавая тепло своих сердец, выражая истинное понимание и наслаждаясь близким присутствием.

* * *

Зайдана лежал у одного из костров вместе с рабами. Те спали, кто постанывая во сне, кто натужно дыша, кто похрапывая и часто ворочаясь. У крепостных ворот несли дозор четверо воинов. Откуда и кто были эти люди, он не знал, и их странного языка не понимал. Единственным человеком, кто всё это время угадывал его намерения, был юноша, подавший ему воду после окончания страшного сражения. От него исходило понимание с самого первого взгляда.

То, о чём сейчас думал Зайдана, терзало его больше всего. Пятерых телохранителей отца, оставленных им здесь, в крепости, к его удивлению, на месте не оказалось. После смерти родителя он очень рассчитывал на их помощь, но они предали и его, и своего вождя и ушли, захватив с собой всё, что должны были охранять, тем самым отняв у него последнюю возможность избежать позорного пленения. Он не хотел даже думать о том, что ожидает его теперь. Ему было больно. Так неожиданно умер самый родной, самый близкий ему человек. Он не хотел верить в случившееся, но то, с какой быстротой наполнилась тягостной пустотой душа и то, как скоро исчезли все мечты и желания, связанные с родителем, упорно свидетельствовало о постигшем его горе и внезапно подступившем одиночестве. Отныне во всем мире он оставался наедине с самим собой.

* * *

Все последующие дни под руководством Форкиса, помнящего своё былое пребывание в этой крепости, люди занимались её укреплением и обживанием. Верный помощник Прета Лисипп и двое преданных помощников Диагора вели привычные для них в любой обстановке хозяйственные дела, надёжно и с умением размещая огромное количество привезённого груза. Ортия обустроивала жилые помещения, отведённые для всех, кроме воинов и рабов. Лошадей и мулов, так же, как в прежние времена, стали выгонять под охраной на пастбища. У главного прохода в долину и в дальней южной расщелине постоянно находились сменные дозоры.

Прет, поначалу не находивший себе применения, со временем занялся своим обычным делом – расчётом и распределением всего имеющегося провианта, вещей и снаряжений. Осматривая грузы, размещённые во вьюках, он не мог не восхищаться предусмотрительностью мудрого друга Диагора. Здесь было всё для нормальной и длительной жизни большого числа людей. Становилось понятным, что старый купец вовсе не снаряжал этот караван для торговли. Все уже знали, что он никогда не вернётся к ним, но вслух об этом не говорил никто.

* * *

Со временем жизнь в крепости обрела новые устои, необходимые людям, настроившимся на долгое пребывания здесь. Теперь каждый человек нашёл своё место и полезное для всех занятие.

Прошла мягкая тёплая осень, и однажды выпал первый снег. Те, кто никогда в жизни не встречался с таким явлением природы, были поражены невиданным доселе зрелищем и с неподдельным интересом и опаской брали в руки пушистые белые хлопья, принюхиваясь к ним, пробуя на вкус, удивляясь тому, как они на ладонях превращаются в капли обычной воды.

Зная о продолжительности холодного периода в этих краях, Форкис заранее объяснил Прету и остальным, какие меры нужно предпринять перед зимовкой. Значительно утеплили одежду, заготовили древесину. Дозоры вернулись в крепость, оставив заснеженные и непроходимые ущелья. И только лошади и мулы оставались в долине, с лёгкостью отбивая копытами тонкий белёсый покров и добывая из-под него по-прежнему сочный корм.

* * *

В слегка морозные дни щеки Ортии покрывались нежным румянцем, отчего её облик удивительно преображался, придавая и без того красивому лицу ещё более прелестный вид. Улавливая частые и восхищённые взоры мужчин, она искренне смущалась, стараясь скорее пройти мимо них и скрыться в строениях. Ей нравилось такое внимание сильных и добрых людей, и она радостно воспринимала его, всем своим существом ощущая чистоту их отношения.

По ночам она вспоминала прожитый день, и всегда особенные мгновения были связаны с Данталом, чей взгляд, даже вскользь брошенный в её сторону, был дороже всего.

Имея чуткое сердце, Ортия по-своему жалела рабов, но ничем не могла им помочь и хоть как-то облегчить их участь, и от этого ей становилось не по себе. Всякий раз, когда она думала об этом, ей казалось, что им холодно и они голодны. При любой возможности она украдкой подкармливала их, и это было её маленькой и единственной тайной.

Больше всех ей было жаль пленённого сына вождя разбойников. Она выделяла его как самого несчастного даже среди рабов. Он всегда находился в стороне от всех, уединённо и молчаливо. В его глазах таилась глубокая тоска, а во всем облике сквозили скорбь и печаль. Юноша почти ничего не ел и быстро терял силы, превращаясь в некое подобие человека. Его никто не заставлял что-либо делать и даже просто не беспокоил, и он угасал, как она догадывалась, желая поскорее покончить с такой жизнью. Иногда девушка решалась подойти к нему, протягивая еду. Молодой пленник с благодарностью смотрел ей в лицо, но к подношению не прикасался, вставал и уходил. Ортии было больно смотреть на это, и она растерянно возвращалась к себе, по пути отдавая пищу кому-то из рабов. Чем решительнее он отвергал помощь, тем настойчивее она желала, чтобы он принял её скромный дар, и не замечала недовольного взгляда отца. Где-то в глубине души понимая поведение юноши, она не могла совладать с чувством ответственности, считая себя обязанной спасти его от неминуемой гибели. Взращённая доброй любящей матерью и честным благородным отцом, девушка всегда помнила их милосердное отношение к окружению и не знала иного отношения к нуждающимся во внимании людей.

Дантал поначалу относился с пониманием к её желанию помочь пленнику, но, видя, чем заканчиваются подобные попытки, стал всё больше раздражаться, теперь воспринимая чужака как надменного молодого человека, а Ортию – как чрезмерно наивную девушку. Злясь на то, что происходит между ними, он перестал смотреть в её сторону и всякий раз при появлении Ортии выказывал занятость, считая недостойным и унижительным делать ей замечание.

«В конце концов, кто я ей? Пусть поступает, как хочет. У неё есть отец. Если сочтёт нужным, он и разберётся», – думал Дантал, стараясь больше не отвлекаться на глупости. Ему было неприятно осознавать, что Ортия оказывает повышенные знаки внимания человеку, кто лишь недавно собирался подло напасть на них. Он уже сожалел, что не убил его в той схватке, и был уверен в том, что Форкис бы понял его. Но коль такое случилось,

вновь думал он, то следует вести себя, как и подобает мужчине и воину.

«Только так и никак иначе нужно жить дальше и не разминиваться на низменные чувства и поступки», – однажды решил Дантал бесповоротно и окончательно. С этого дня он запретил себе думать об Ортии.

* * *

Заметив изменение поведения Дантала, Ортия не могла понять, отчего это вдруг случилось. Обычно, где бы он ни находился, он всегда улавливал её появление во дворе и обязательно одарял её взглядом. Теперь же такого не было. Он не смотрел в её сторону, даже если она проходила рядом, и спешил тут же отойти от неё. Прекратились и столь желанные и приятные для неё вечерние посиделки с ним под навесом у костра. Дантал почему-то изменил своё доброе отношение к ней, став безразличным и даже равнодушным. Днями и ночами она думала о нём, терзаясь во всевозможных догадках, но могла найти истинной причины внезапных перемен.

Шли дни, но её надежда на то, что это лишь временные трудности, не оправдалась. Дантал был непреклонен и всё больше отдалялся от неё. Ортия же, пытаясь отвлечься от тягостных дум, стала ещё больше трудиться. Она не меняла ставшего привычным образа действий и продолжала уделять внимание пленнику, не замечая ошибки, которая послужила тем горьким поводом, что внёс раздор в их отношения с Данталом, чего она никак не могла понять в своих утомительных, изматывающих душу, размышлениях. Так прошёл месяц.

Дантал украдкой поглядывал на Ортию и видел, как она изменилась внешне, сильно исхудав и заметно осунувшись. Ему было жаль и себя, и её, но он ничего не мог поделать с собой, ведь Ортия продолжала навещать того юношу. Теперь в нём не было ни раздражения, ни ярости, ни злобы. Их место постепенно заполняла ноющая пустота, и когда она чрезмерно захлёстывала, ему становилось не по себе, хотелось скорее покинуть это место, убраться подальше отсюда куда угодно, но не оставаться

здесь больше ни одного дня. Он знал, что ущелья непроходимы из-за снежных завалов, и ждал наступления весны, чтобы раз и навсегда уйти из этой крепости, не видеть больше эту глупую женщину и никогда не вспоминать о ней.

То, что между Данталом и Ортией происходит что-то неладное, давно заметили и Прет с Форкисом. Они не раз говорили об этом меж собой, но вмешиваться в отношения молодых не спешили, понимая нелепость подобных попыток и зная из житейского опыта о наступлении в отношениях этапа естественных испытаний.

– Ортия очень похожа на свою мать. Помню, как в первые годы совместной жизни с Эрифилой я всё никак не мог привыкнуть к её отношению к рабам. Она всегда так трогательно заботилась о них, как мало кто заботится о своих родных и близких. Спустя годы я понял, насколько она была права, когда, возвращаясь из длительного плавания, видел, как тепло встречали меня все обитатели дома, включая невольников. С тех пор, находясь вдали, я уже не так сильно тревожился за судьбы жены и дочери, находящихся под защитой по-настоящему преданной прислуги. Вот и дочь такая. Проявляя заботу об этом юноше, она просто делает так, как умеет, к чему приучила её мать, и ведёт себя так, как привыкла поступать дома, – Прет замолчал, окупившись в воспоминания.

Он сидел с Форкисом у костра в его помещении, куда пришёл в один из вечеров.

– Дантал тоже молод, но по-мужски горяч. Его детство прошло в походах и в постоянном окружении воинов, закаляя сызмальства характер. Его мать и отец, хотя и были родом из разных народов, но в одном имели сильную схожесть: они были выходцами из воинственных племён. Впитав от родителей разную кровь, он приобрёл множество удивительных качеств, в том числе ясный ум и рассудительность не по годам, доброе сердце и крепкое тело, ну и, конечно, гордость и упорство, столь присущие для его предков. Сейчас, не понимая действий Ортии по отношению к пленнику, он явно растерян. Не всегда в таком возрасте можно чётко отделить чувства от поступков. Вот он

и решил по-своему эту сложную для себя ситуацию: не трогая чужака, не чиня разборок с Ортией, просто и благородно отвернувшись от обоих, – Форкис вздохнул, внимательно взглянул на собеседника и замолчал.

– Они достойны друг друга, и мне не по душе то, что происходит между ними. Может, стоит помочь им, пока не случилось непоправимое? – Прет посмотрел на Форкиса. – За этим я и пришёл к тебе.

– Ты прав. Пора объяснить им причины их заблуждений. На днях я обязательно поговорю с Данталом, – охотно согласился Форкис.

По прошествии нескольких дней они вновь находились у Форкиса. Если Прет на этот раз был доволен беседой с дочерью и спешил поделиться добрыми вестями, то Форкис был удручён и непривычно мрачен.

Заметив нехорошие перемены, Прет всё же начал беседу, не задавая преждевременных вопросов, но рассчитывая поднять Форкису настроение:

– Ты знаешь, Ортия всё поняла и вне себя от радости. Она даже не могла представить, что все эти страдания пришлось принять из-за обычного стремления помочь осиротевшему человеку.

– У меня с Данталом всё иначе, – выслушав его, произнёс Форкис. – Наверное, он тоже во всём разобрался, но никак не отреагировал на мои объяснения и, скорее всего, воспринял наш разговор как мою попытку наладить их отношения. Сдаётся мне, что ему стало ещё хуже. Он не обмолвился со мной ни единым словом.

– Да, жаль. Выходит, с ним мы упустили время. – Прет понял, почему Форкис был печален. – Что ж, пусть будет так, как суждено тому быть. Может, Ортии самой удастся повлиять на него...

Дальнейшей беседы не получилось, и он вскоре молча ушёл.

После всё прояснившей беседы с отцом Ортия пыталась начать разговор с Данталом, но он не желал её слушать, и все её старания пока были тщетны.

* * *

Прошла зима, наступили тёплые весенние дни. Снег повсюду сошёл, почти не оставив следа. Лишь мелкие досыхающие лужицы напоминали о не так давно лежавших на земле сугробах. Оживала и расцветала природа, наполняя воздух благоуханием и свежестью. Огромные, с сильными ветвистыми кронами деревья, освободившись от снежного покрова, в полную силу засверкали зеленью, блеснув тягучей золотистой ароматной смолой на посветлевшей шероховатой коре. Вся округа удивительно преобразалась, радуя глаз сочными цветами. Посеревшие зимой горные склоны сменили свои хмурые краски на праздничные бледно-розовые тона.

Старая крепость ожила. Скинув неудобные тёплые одежды, люди вели себя значительно бодрее, обретая былую уверенность и подвижность. Стали громче их голоса, всё чаще звучали шутки и смех. Крепостные ворота целыми днями были настежь открыты, пропуская во двор запахи и виды долины. Повсюду рабы наводили порядок, выметая и выскребая мусор, очищая строения и двор от накопившегося хлама, и с удовольствием выбирались наружу. Воины, разминая ослабшие тела, с наслаждением тренировались в ближнем лесу, набираясь сил, восстанавливая боевые навыки. В ущельях вновь были выставлены дозоры.

Новизна ощущений и чувств постепенно вытесняла сомнения и тревоги, возникшие по приходу сюда и засевшие в глубинах людских душ, наполняя их надеждой на спокойное пребывание в этих местах.

* * *

В один из дней, не увидев Дантала в крепости, Ортия вышла за ворота. Спускаясь по дороге вниз, она заметила его сидящим чуть поодаль от родительских могил. Она дошла до леса, где, как обычно, находились воины, и украдкой, скрываясь за деревьями, приблизилась к нему, не выдавая пока своего присутствия. Дантал был всецело поглощён раздумьями. Девушка долго стояла и наблюдала за ним. Наконец, набравшись духа и выйдя из схрона, она подошла к нему. Он спокойно посмотрел на неё и поднялся, молча уступив своё место. Ортия присела, не сводя с

него глаз. Сегодня он был каким-то другим. Во всём его облике сквозила холодная решительность. Девушка сразу уловила в нём перемену и вдруг поняла, что это отнюдь не связано с ней. Дантал явно в чём-то определился, что-то прояснил для себя и сделал выбор, и Ортия почувствовала всей душой, что всё это не касалось ни её, ни их отношений. То, как он смотрел сквозь неё, говорило само за себя. Дантал не видел её. Его глаза были наполнены далью. Они горели, словно два огонька, подрагивая то чёрным блеском, то пурпурным пламенем. Не выдержав его взора, она бессильно опустила голову. Он находился рядом, но с ней уже не был.

В эту ночь Ортия не могла уснуть. Что-то сильно тревожило её, ноющей болью отдавалось в груди, сбивая дыхание, учащая порывами сердцебиение. Она вставала с лежанки, подолгу ходила из угла в угол, не находя себе места, освежала холодной водой лицо, но ничто не помогало. Ей как никогда было плохо. Так и не сумев успокоиться, она вышла на двор.

Стояла глубокая ночь. Чистое звёздное небо низко нависало над крепостью, тускло освещая открытый квадрат двора. Лёгкий свежий ветерок тихим уютным шорохом пробежал по закоулкам строений, игриво закручивая мелкие соринки. Справа под навесом, ближе к воротам, горел костёр дозорных. Прислонившись спиной к холодной каменной стене, она недолго постояла, вдыхая прохладу и вслушиваясь в окружающую тишь. Ей стало легче, и она вскоре вернулась к себе.

* * *

Дантал, услышав скрип чьей-то двери, замер. В это время все уже давно спали, и он был удивлён этими звуками. Выждав пока вновь воцарится тишина, он, осторожно ступая, вышел из помещения. Пройдя к дальней части навеса с левой стороны двора, где в загоне находились лошади тех воинов, кто должен был отбыть на рассвете на смену дальним дозорам, и куда накануне он сам привёл несколько скакунов, он остановился и опустил на землю тяжёлые вьюки. Затем, пройдя обратно вдоль загородки до бокового строения, где располагались воины, а перед ним, под этим же навесом, за пологом, размещались рабы,

он без труда нашёл спящего пленника. Потормошив его рукой и дождавшись пробуждения, он поманил его за собой. Чужак быстро поднялся и последовал за ним, на ходу протирая глаза, не понимая, чего от него хотят. Вместе с ним Дантал вернулся в своё помещение, показал рукой на мешки, поднял два из них и двинулся к двери. Пленник подхватил остальные.

Только когда Дантал подошёл к загону и кивнул на его коня, чужак понял, что тот куда-то срочно направляется и забирает его с собой. Ещё не веря в происходящее, в то, что он имеет возможность покинуть эту крепость, он всё же ощутил радость и стал быстро нагружать мешки на двух сменных лошадях, тщательно проверяя крепления.

Было уже далеко за полночь, когда они подошли к воротам. Охрана, увидев Дантала, беспрекословно выпустила их. Спустившись к лесу и запрыгнув на скакунов, они направились к перевалу. У входа в главное ущелье немало удивлённые дозорные долго смотрели им вслед, освещая факелами крутой спуск, уводящий в глубокое межгорье. Очень скоро те растворились и исчезли во мраке, и даже гулкое эхо от стука копыт, разлетевшись среди скал, мгновенно растаяло.

* * *

Наступило утро. Два десятка воинов выступили на смену дозорным отрядам.

– Куда, по-твоему, они направились? – спрашивал Прет у Форкиса, стоя с ним посреди двора.

– Если Дантал до сих пор не тронул пленного, то не для расправы увёл его с собой. К тому же он всё предусмотрел для обоих и хорошо подготовился, коль снарядил по две лошади. Думаю, он ушёл на восток, в земли своих сородичей по матери. Чужака захватил, дабы быть с ним в равных условиях, без преимуществ перед Ортией, оставив выбор за ней. – Форкис был мрачен и произносил каждое слово больше для себя, нежели отвечал Прету. – Вновь он поступил по-своему. Как же я-то не догадался о его намерениях и не заметил его приготовлений в дорогу? Ведь я в эти дни видел в нём какую-то решимость, но

не мог даже предположить, насколько серьёзны его планы. Выходит, всё это время он ждал удобного случая, чтобы уйти от нас, не мешать нам, прекратить враз все мытарства пленённого и свои страдания, начав новую жизнь.

– Нужно что-то делать. Следует срочно догнать его и вернуть обратно, – предложил встревоженный Прет.

– Я сам пойду за ним, но не уверен, что он вернётся, – ударив плёткой по ноге, с досадой произнёс Форкис. – Надо спешить.

– Сколько человек тебе нужно? – спросил Прет.

– Возьму своих четверых. Этого хватит, – решительно ответил Форкис и направился к главному строению.

Вскоре пятеро вооружённых всадников покинули крепость.

* * *

Зайдана не сводил глаз со скачущего впереди юноши. Он не мог понять, куда тот держит путь и для чего взял его с собой.

Лишь ближе к полудню они остановились на короткий отдых у небольшого кургана. Испив воды, осмотрев лошадей, двинулись дальше. День был ветреный и прохладный, отчего дорога была приятной, а не утомительной, как это обычно бывает при жаре. На ночь расположились у подножья одинокого холма в небольшой травянистой впадине с множеством прозрачных лужиц.

Дантал стал разгружать своих лошадей. Следуя его примеру, Зайдана взялся за своих. Затем, напоив скакунов и спутав им ноги, отпустили пастись. Развели огонь, собрав сухостой. Дантал приготовил пищу и, положив себе, оставил и ему, присев с другой стороны костра. Зайдана впервые за долгие месяцы ел много и с огромным аппетитом, проглатывая еду почти не прожёвывая. Быстро насытившись, они улеглись спать. В полночь Дантал разбудил его, и они снова тронулись в путь. Два последующих дня продвигались скорым шагом, почти не отдыхая ночами.

Наутро четвёртого дня, пройдя небольшое расстояние, они достигли невысокой горной местности, где у подножья ближней скалы находилось одинокое захоронение – поросший травой холмик с установленным с восточной стороны памятным камнем, на котором был высечен воин. Не подъезжая вплотную,

Дантал сошёл с коня и подошёл к могиле. Он помнил, что здесь покоится великий воин и верный друг его матери, в чью память ему и было дано имя. Зайдана не мог знать ничего о том человеке, чей дух скорбно приветствовал его спутник, но всегда с почтением относился и к святыням, и к покойникам, он спрыгнул с коня и присел на землю чуть в стороне, с болью и горечью вспоминая своего отца. Дантал долго стоял перед захоронением некогда могучего сакского военачальника, одного из своих сородичей, о ком часто и по-особенному тепло рассказывала ему мать.

Дальше они в этот день не пошли, расположившись на отдых невдалеке, у ручья, в тени огромного валуна. Вдоволь накупавшись в неглубокой чашеобразной заводи, искупав там же лошадей, они присели к костру. Дантал был задумчив. Через некоторое время он прилёг и больше не вставал. Зайдана изредка поглядывал на него, по-своему пытаясь понять его тягостное состояние и связывая его с человеком, чей прах покоился под тем холмом.

Плавно подступили сумерки, и опустилась ночь, разбросав по низкому небу сотни и сотни сверкающих искорок, чей блеск, подрагивая, отражался в журчащей мелкой воде ручья, наполняя его лёгким, едва уловимым, трепетным звоном.

Юноши крепко спали. С первыми лучами солнца, внезапно пробудившись, Зайдана вскочил на ноги. Его спутника у костра уже не было. Обойдя валун, он увидел лишь двух пасущихся лошадей. Это были его кони. Бегом вернувшись обратно, он наскочил на нетронутые мешки, что вёз сам, а на том месте, где лежал Дантал, осталось оружие: меч, короткое копье, лук со стрелами и небольшой круглый щит. Чуть в стороне от них что-то бугрилось под плащом. Он шагнул и осторожно стянул его: там лежали железный панцирь, шлем и большой старый нож. Больше ничего не было. Зайдана стоял в растерянности, озираясь по сторонам, ещё не понимая, что в это утро ему была дарована свобода.

* * *

Форкис, Гром, Савват, Борус и Комата шли по следам, оставленным лошадьми Дантала. Они с лёгкостью обнаружили место первого его ночлега и двигались дальше на восток.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

Правитель сакских племён хаомаваргов царь Патша, унаследовавший власть после смерти своего дяди Дахара, имевшего во владении все земли от юго-восточных побережий Каспийского моря на западе до самых границ персидской сатрапии Хорезма на востоке, охотился у своих южных рубежей. Наслаждаясь тёплым ясным днём, он в сопровождении всего лишь сотни воинов личной охраны продвигался среди множества холмов, высматривая живность. Весной она была худа и непригодна для пищи, но царю нравился сам процесс поиска и преследования: он будоражил кровь, избавлял от всяческих дум и наполнял душу новизной сладострастных ощущений, присущих только охоте и проявлявшихся в неповторимой азартной погоне за дичью. Сегодня, к сожалению, дичи почти не было, но это не портило ему настроения, ведь он сумел выбраться на просторы и был доволен возможностью побыть наедине с собой, вдали от ежедневных житейских забот и решения всяческих вопросов, коих всегда накапливалось великое и нескончаемое множество. Привыкший с ранних лет к такому великолепному занятию, как охота, он не мог долго прожить без неё, и если вдруг не удавалось поохотиться, ему всё становилось в тягость. Став верховным правителем, он почти сразу приучил своё окружение, что в определённые дни он с раннего утра покидает главное поселение и удаляется в южные земли.

Вот уже пятый год его племена жили в мире и спокойствии. С той поры, как произошло великое сражение между объединёнными сакскими силами и войсками хорезмийского властителя, наступило долгое затишье. Победив в войне, саки завладели огромным количеством всевозможных богатств, что дало им возможность жить сытно и без тревог, не совершая кровавых набегов в чужие земли. Понесённые людские потери уже давно восполнились подростками за это время юношами, и теперь Патша имел под рукой большое и сильное войско, способное самостоятельно дать отпор любому врагу. От союзнических отношений между его хаомаваргами и родственными племенами массагетов и тиграхAUDов все они возымели лишь выгоду и удивлялись тому, почему не объединились раньше.

«Всякому делу определено своё время и имеются свои причины, а познать жизнь наперёд никому не дано. Многие из минувших событий осознаётся лишь теперь, а из происходящего ныне будет понято гораздо позже. Прошлое, каким бы оно ни было, только сейчас становится важным и полезным. Настоящее же, что бы в нём ни случилось, обязательно будет влиять на будущее», – размышлял Патша, вспоминая былое, оценивая явь, задумываясь над грядущим.

Солнце клонилось к закату, завершая второй день пребывания его на охоте, оставляя ещё один, отведённый им же самим для своего отдыха. Запылали костры, освещая небольшое пространство, занятое лагерем. Патша, передав стражнику своего скакуна, взошёл на пригорок, любуясь последними лучами светила. Воины готовили стан к ночёвке. От закипевших котлов потянуло запахом мяса. Под присмотром охраны отвели на пастьбу лошадей. Парные дозоры отбыли к указанным местам. От небольшой реки с густо поросшими камышом берегами по земле потянулась влажная прохлада, остужая своей свежестью разгорячённых за день людей и животных, наполняя округу тихим шорохом листвы. Правитель устало присел на походную скамью у костра и приступил было к еде, как вдруг услышал звуки приближающихся к лагерю всадников. Топот копыт вскоре затих. В сопровождении сотника очень быстрым шагом к нему подошёл один из дозорных.

– Повелитель, они задержали одинокого конника, направлявшегося в эту сторону, – доложил сотник.

– Кто он и почему вошёл в наши земли? – взглянув на дозорного, спросил Патша.

– Он ничего не сказал, – склонив голову, ответил тот.

– Приведи его ко мне, – приказал властитель.

Дозорный быстро удалился. Вскоре он вернулся, ведя перед собой задержанного. Отпустив дозорного, Патша внимательным взором окинул стоящего перед ним чужака. Высокий, стройный молодой человек с длинными, волнистыми иссиня-черными волосами, ниспадавшими до плеч, облачённый в странные одежды, спокойно смотрел ему в глаза. Что-то очень знакомое было в его облике, но что именно, Патша пока не мог уловить.

– Кто ты? Назови себя, – вставая, спросил он.

– Моё имя Дантал, – услышав так же, как и от дозорного, знакомый язык, на нём же тихо ответил юноша.

Патша замер. Было видно, что он удивлён ответом.

Отослав сотника, царь подошёл поближе к юноше, пристально взгляделся ему в глаза и вновь спросил:

– Откуда ты и кто твои родители?

– Где находится то место, откуда я держу путь, мне трудно объяснить. Моего отца звали Руса. Имя моей матери Далайя, – произнёс тот, в свою очередь внимательно оглядывая собеседника.

– Сын Далайи и Русы? Дантал? Не может быть! Не верю! Ты жив, сынок! Где ты был всё это время? Откуда ты здесь? Неужто ты уже так вырос? Да, время стремительно в своём полёте. Теперь узнаю. Ты стал очень похож на своих славных родителей, – с этими словами Патша обнял юношу и прижал к своей груди, затем, отстранясь, держа его за плечи, улыбнулся. – Не думал я, что вот так однажды повстречаю тебя в этих краях. Проходи к костру, будь моим желанным гостем.

Патша провёл его на своё место и трогательно усадил. Подбежали воины, принесли другую скамью и ещё еды и напитков. Подошёл сотник.

– Вели позаботиться о коне, – обратился к нему царь.

Оставшись наедине с Данталом, Патша, по заведённому издревле в степи обычаю, стал угощать гостя, отложив беседу до более подходящего времени. Почти незаметно подошли воины и чуть в стороне бесшумно сложили вьюки Дантала. Теперь, находясь у самого огня, при его ярком освещении верховный правитель заметил, насколько уставшим был юноша. Он почти ничего не ел, лишь испил немного кобыльего молока, но когда Патша, видя его состояние, предложил ему отдохнуть, Дантал с пониманием отказался, настраиваясь на продолжительный разговор, столь важный и для него.

Они беседовали почти до полуночи. Патша счёл нужным рассказать о себе, о том, как он познакомился с его родителями, и о том, как велико уважение к ним среди степного народа сакков. Дантал же поведал обо всём, что приключилось с ним и в крепости, и после ухода из неё, опустив встречу с исполинами и не касаясь личных моментов, и объяснил свой нынешний путь желанием пройти по местам, где когда-то бывали его отец и мать.

Многого из того, о чём поведал Патша, он не знал и был искренне удивлён деяниями своих покойных родителей. Его так захватила беседа, что он напрочь забыл об усталости.

Патша, в свою очередь, слушал его, не перебивая, с огромным интересом, часто цокая языком и кивая головой в знак понимания и признания, и только поражался всему, что довелось пережить молодому человеку.

Время было довольно поздним, когда Патша наконец решил дать отдохнуть своему гостю. Тот принял его предложение и уже через миг крепко уснул, бережно укрытый тёплым плащом. На рассвете они тронулись в направлении ставки верховного властителя хаомаваргов. Далеко впереди во весь опор мчались гонцы, дабы к его прибытию было всё подготовлено к пиршеству в честь удивительного гостя.

* * *

Зайдана, долго не мешкая, тронул коня по свежим следам лошадей своего благодетеля, но уже через некоторое время остановился, задумавшись над тем, что у того свой путь и что не

следует мешать ему и тем более навязывать своё общество. Он понимал, что его освободитель сделал и так достаточно много, и было бы недостойным мужчины обременять и без того занятого дорогой человека, поступая глупо и неблагодарно. Он решительно развернул скакуна и двинулся обратно в надежде найти телохранителей отца, покинувших крепость.

«Уйти далеко они не могли. На востоке их ожидает погибель от рук кочевников. В персидские земли они никогда не пойдут. На север, в густо заселённую враждебную горную местность они также не направятся. Значит, они скрываются где-то поблизости от покинутой долины», – решил Зайдана. Теперь он уже уверенно вёл своих лошадей. Заметив издали встречных всадников, он тут же, нахлёстывая скакуна, повернул в сторону и скрылся за одним из холмов, изготовившись для боя. Пятеро вооружённых конников пронесли в небольшом отдалении от него и вскоре исчезли из вида. Он узнал их. Это были люди из крепости, те, кто пленил его. Больше не смея рисковать, Зайдана двинулся дальше, взяв направление значительно южнее.

* * *

Форкис со своим отрядом вскоре достиг места захоронения сакского военачальника Дантала и обнаружил у валуна следы ночёвки брата.

Немного отдохнув у воды, они, как прежде, направились на восток.

* * *

Патша весь день ощущал небывалый душевный подъём. Приглашённые им на пир вожди племён, многие из которых хорошо помнили Далайю, внимательно слушали его подробные воспоминания о ней и о Русе. Во время продолжительной беседы кто-то из них дополнял его своими речами, кто-то вопрошал об их дальнейшей судьбе, искренне удивляясь тому, что их обоих уже нет в живых. После обильного застолья, данного посреди главной площади перед шатром верховного правителя, в стороне от поселения были устроены различные состязания,

в которых приняли участие самые сильные и ловкие воины. Награды победителям, к восторгу народа, были значительными. К исходу дня пыл от всеобщего веселья и завершившихся зрелищ стал понемногу угасать. Воины и простолюдины разбредались по своим шатрам, и уже там каждый в кругу своих родных продолжал праздничные трапезы. Некоторые из вождей, прибывшие из отдалённых земель, с позволения Патши, сердечно попрощались с Данталом, пригласив его к себе в гости, и отбыли обратно.

С наступлением ночи Патша предложил перейти в свой шатёр. Из десяти вождей племён оставалось четверо. Подали новые блюда, среди которых теперь преобладали рыбные. Облачённый в новые сакские одежды, подаренные Патшой сразу по прибытии в ставку, Дантал восседал слева от правителя. По правую же его руку расположились вожди, и ближе всех к нему находился седой великан.

– Ты был совсем ещё юным, и родители твои были молоды, когда моим народом правил мой дядя, светлейший Дахар. Завтра навестим его могилу. Твоя мать однажды привезла сюда мастеров, что находились при ней и были родом из далёкого Египта. Они и изготовили памятный камень на его курган. С тех пор он находится на святом месте, – взглянув на гостя, проговорил Патша. – Теперь ты знаешь многое о судьбе отца и матери. Помни всё и передавай своим детям, как это делаем мы.

Воцарилась тишина. К еде никто не притрагивался, наслаждаясь крепко взбитым пенным кобыльим молоком.

– Воистину могуч поток речной воды,
коль нарождён от сильного истока
и на пути вбирает чистые ручьи.
И дерево крепко в стволе и зелени ветвистой,
коль корни глубоко пустило в землю.
И человеческая жизнь
чрез кровь свою и память не прервётся.
Никто, постигший смерть, не умер,
покуда помнит хоть один живой о нём, –

вдруг очень неожиданно прозвучало из уст огромного седовла-
сого вождя.

Все, включая Патшу, взглянули на него, ожидая продолже-
ния. Но он замолчал, вертя в руке деревянную посудину, что-то
разглядывая на поверхности душистого напитка. То, что было
сказано им, причём очень скромно и с присущим для вождя до-
стоинством, эхом прокатилось под сводами шатра, невольно за-
ставляя каждого сидящего встрепенуться и поправить осанку.
Обычно молчаливый самый могущественный и отважный из
вождей, верный и единственный друг Дахара, чьё имя всегда с
восхищением произносили все воины и миряне, впервые за весь
день высказался, поразив всех краткостью и точностью мысли.
Он знал цену слову, его потаённую силу и огромную значимость,
и от этого очень бережливо и взвешенно относился к нему, ни-
когда не открывая рта, прежде не рассудив и не разобравшись
окончательно, вознесёт оно или погубит. Поздней ночью вожди
разошлись по отведённым им шатрам, оставив Патшу наедине
с Данталом. Верховный правитель, расслабившись, прилёг, об-
локотившись на мягкие подушки. Юноша по-прежнему сидел
рядом с ним.

– Что думаешь предпринять дальше? – спросил Патша.

– Я благодарен тебе за такой душевный приём, за добрые
слова о моих родителях, но мне следует тронуться в путь в земли
массагетов. С недавних пор, как только я вернулся в ту горную
долину, в крепость, где прошло моё детство, и навестил могилы
отца и матери, что-то появилось во мне доселе незнакомое и но-
вое. Мне стало тесно там и очень потянуло на степные просторы,
туда, где я часто бывал, но в силу малых лет не очень хорошо
запомнил. Может быть, там пригожусь материнскому народу, –
ответил юноша, поделившись своими ближайшими планами.

– Я понимаю тебя. Такое случается с человеком в любом
возрасте. В степи это называют зовом крови. Ты вдоволь на-
скитался по миру и слишком устал от одиночества. Оставайся у
меня, погости ещё, наберись сил. До земли твоей матери не так
уж далеко осталось. Здесь, у наших очагов, ты тоже не чужой
человек. Мы все очень рады встрече с тобой и охотно разделим

кров и пищу. К тому же для тебя уже разбит шатёр, – очень тепло предложил Патша.

– Я не могу. Слишком долгим оказался мой путь сюда. В последние годы жизни моя мать очень желала вернуться в степь, но внезапно умер отец, и она не захотела покидать его прах. Теперь они находятся вместе, а в меня, видимо, перелилась её заветная мечта, – вздохнув, мягко отказался Дантал.

– Да, да. Понимаю. Из всех дорог самая главная пролегает через сердце. По ней и должен идти человек. Начало любого пути находится в его душе, и первый шаг делается именно от неё. Ты прав, – соглашаясь с ним, задумчиво произнёс царь. – Признаться, я собирался тебе кое-что объяснить, но не думал, что это случится так скоро. Ну что ж, видимо, сегодня мне придётся немного огорчить тебя. Там, в земле твоей матери, не всё спокойно. – Патша вновь присел. – Вот уже год, как враждуют отдельные вожди племён с верховным властителем, царём Турпаном. Наделив их после войны с Хорезмом и Согдианой несметными богатствами и значительно усилив их, он не заметил, как некоторые из них, почувствовав себя равными ему, решили свергнуть его и завладеть властью. Я, как и царь тиграхаудов Нургал, не раз предлагал ему свою помощь, но он не принял её, рассчитывая на свои силы. Не знаю, что там творится теперь. Слишком всё запуталось. Повсюду льётся родственная кровь. Вновь горе распростёрло свои крыла над степью. Беда постигла земли массагетов.

Патша замолчал. Дантал был поражён известием. Он не хотел верить в услышанное, но, к его сожалению, всё сказанное с такой горечью верховным правителем хаомаваргов было правдой.

– Драбад, тот седовласый вождь, самый старший из всех, что восседал напротив тебя, не так давно по моему велению побывал у Турпана и вернулся опечаленный всем увиденным там, – вывел юношу из оцепенения голос Патши. – Шестеро из двенадцати массагетских вождей, недовольных правителем, объединившись, ведут войну за власть. Силы равны, и помощь была бы очень своевременной, но Турпан опять отказался от неё, считая недостойным вовлекать союзнические войска во внутренние

дела своего народа. Сам же я войти в его земли не имею права. Нельзя, вопреки воле верховного правителя, избранного сородичами, вступать в его земли даже с такой миссией. Мне очень жаль, что видя и зная всё это, я ничего не могу поделать.

Дантал ненадолго задумался, затем, взглянув прямо в глаза собеседника, решительно произнёс:

– Но ведь я пусть наполовину, но массагет. Мою мать помнят в родных землях из-за её добрых деяний для своего народа. Отец также многое сделал для него. Что, если я поведу войска? Такое возможно? В этом случае не чужой человек окажет помощь, а свой, единокровный, приведёт её. Царь Турпан по праву верховного правителя отверг твоё предложение, дабы не прослыть в степи предателем и трусом, благородно неся своё бремя и по-своему верно поступая, но ведь он может вскоре остаться в одиночестве. Будет ли лучше, когда его вдруг одолеют эти неблагодарные сородичи? Что тогда может произойти во всей степи?

– Дорогой мой гость, сынок, тебе нужно как следует отдохнуть сегодня. Я обещаю подумать над твоим предложением. Тебя проводят в твой шатёр, – видя возбуждение юноши и сочтя благоразумным прекратить разговор, Патша поднялся и провёл вскочившего на ноги Дантала к двери.

Тот, почтительно склонив голову, вышел. Верховный правитель долго стоял в задумчивости, затем хлопнул в ладони и повелел вошедшему сотнику вызвать к себе Драбада. В оставшуюся часть ночи они долго совещались с прибывшим тотчас вождём и ближе к рассвету расстались на непродолжительный отдых.

* * *

Тем временем Форкис уже проследовал мимо хаомаваргских земель и осторожно продвигался вдоль границ Хорезма, по-прежнему уверенно держа путь к массагетам.

* * *

К полудню прислали за Данталом. У главного шатра его уже ожидали Патша и Драбад. В сопровождении охранной сотни

они прибыли к кургану, под которым покоился светлейший Дахар. Принеся тут же в жертву белого коня, воздали почести его памяти. Завершив обряд, присели на скамьи, расставленные у подножья. День был солнечным и тёплым.

– Здесь всегда царят покой и умиротворение, – оглядывая округу с множеством других захоронений, тихим голосом почтительно начал верховный правитель. – В таких местах чувствуешь себя иначе. Проясняются мысли, очищается душа, да и тело становится легковесным и налитым силой. Казалось бы, почаще следует бывать здесь. Вот только стоит лишний раз беспокоить прах усопших? Они ведь и в прежней жизни не знали покоя.

Все, соглашаясь с ним, молчали. Он задумался, растирая на ладони горсть земли.

– Однажды навестив, в святых местах найдёшь ты столько откровений, сколь не добудешь в частом окружении живых, – прошептал Драбад.

Вновь Патша и Дантал взглянули на него. Но он, как всегда, невозмутимо смотрел куда-то вдаль, будто вовсе и не он только что произнёс эти слова.

– Выходит, так, – отводя от него взор, задумчиво согласился Патша.

Они вновь долго молчали, каждый думая о своём.

Вежливо кашлянув в кулак, Патша посмотрел на Дантала и приступил к изложению главного, понимая его терпеливое ожидание:

– Сегодня ты отбудешь с вождём Драбадом в его земли и уже оттуда вместе с ним и его войсками двинешься на помощь верховному правителю массагетов царю Турпану. К нему высла- ны гонцы. Он будет ждать вас.

Дантал поднялся, не зная, как вести себя и что говорить. Принятое Патшой решение и совершаемый им поступок были настолько неожиданными и важными, что ничем на всём белом свете, как подумалось Данталу, нельзя было их оценить. Всем своим существом юноша выражал благодарность ему, ещё не осознавая в полную силу случившегося всего лишь миг назад.

Он не смог вымолвить даже слова и в знак признания опустил-ся перед властителем хаомаваргов на колени, приложив правую руку к сердцу и низко склонив голову. К вечеру следующего дня он уже находился в ставке Драбада. Ещё через день во главе двадцатитысячного войска они двинулись на восток, обходя земли Хорезма, взирая на его всполошившиеся дозорные отряды.

* * *

Форкис достиг реки Окс и в нерешительности остановился у берега, внимательно оглядывая дальнюю сторону. С наступлением темноты, перейдя её воды и вступив в земли массагетов, он стал медленно продвигаться на север. Его небольшой отряд ещё не успел отойти от реки на расстояние полёта стрелы, как был окружён внезапно налетевшими вооружёнными всадниками. Хотя Форкису и трудно было понять в темноте, кто захватил его, он всё же догадывался о том, что эти люди были воинами массагетского дозора из дальней охраны и что здесь, в этом месте никого, кроме них, быть не могло. В факельном свете он разглядел сакских воинов и сразу выделил среди них старшего. Обратившись к нему, он назвал себя и сослался на знакомство с их верховным правителем, упомянув при этом Далайю. Знанием языка саков Форкис удивил своих спутников.

Сказанное им возымело должное влияние, и он со своими людьми в сопровождении выделенного караула вскоре уже направлялся в ставку царя Турпана. Все его попытки узнать у стражи, не прошёл ли здесь одинокий всадник, так ни к чему и не привели. Угрюмые воины будто не слышали его.

* * *

Дантал с самого начала пути пребывал в восторженном состоянии. Ему не верилось в то, что он направляется в землю матери во главе огромного войска. Ещё недавно он даже представить не мог, что такое может случиться в его судьбе. Юноша изредка оглядывался, с восхищением взирая на стройные ряды конных воинов, что следовали за его спиной нескончаемой вереницей, исчезая где-то вдали в клубах пыли, поднятой тыся-

чами лошадей. Кровь то закипала в нём, переполняя сердце, то куда-то откатывала, словно покидала тело, заставляя трепетать нутро. Он был счастлив и решительно настроен только на благополучный исход похода, не задумываясь о предстоящих трудностях. Но шло время, и он, часто поглядывая на сурового, молчаливого вождя Драбада, стал понемногу остывать, улавливая его сосредоточенность, ощущая исходящее от него напряжение, постепенно передававшееся ему и проникавшее в его душу.

Прошло два с половиной дня, и армия хаомаваргов под пристальным вниманием двух сотен массагетов, встречавших её по другую сторону реки Окс, большей частью уже перешла воду. Массагетский сотник сдержанно приветствовал Драбада и Дантала и стал сопровождать их в ставку своего верховного правителя. Им не пришлось двигаться на северо-запад, к берегам реки Яксарт, где находилось главное поселение массагетов, и они уже к вечеру вступили в стан Турпана, разбитый в самом центре его земель, посреди множества курганов, освещённый огнями костров и факелов. Их войска были отведены к заранее подготовленному лагерю.

Драбад и Дантал, следуя за сотником, направились к главному шатру, перед которым в ожидании находились вожди шести племён. Турпана здесь не было. Поприветствовав прибывших гостей, вожди расступились, пропуская их в шатёр. Дантал, случайно оказавшись ближе к входу, чуть замешкался, уступая дорогу Драбаду, но тот замер и, слегка склонив перед ним голову, пропустил его первым, тем самым давая понять всем встречавшим, что во главе войск находится Дантал.

Турпан лежал в дальней части шатра, ярко освещённого факелами. В самом центре в очаге полыхал огонь. Дантал сразу почувствовал, что с верховным правителем происходит что-то неладное, и уловил особую настороженность вошедших следом вождей. Тихо и аккуратно ступая, Дантал приблизился к Турпану. Властитель устало приоткрыл глаза, очень медленно повернул голову и взглянул на подошедшего.

Дантал опустился перед ним на колени и лишь теперь сумел отчётливо рассмотреть его. Верховный правитель был ранен,

причём довольно серьёзно. Сквозь светлую ткань, покрывавшую его грудь, проступали обильные кровавые пятна.

– Мне бы следовало встречать тебя стоя, сынок, – тихо прошептал он. – Потомка великих родителей не так должен приветствовать верховный правитель массагетов. Ты уж прости меня, – Турпан тяжело задышал и вдруг закашлялся, закрыв глаза и прижав руку к груди. Немного успокоившись, он, вновь посмотрев на гостя, продолжил: – Встань, Дантал, я хочу видеть тебя.

Дантал поднялся.

– Вырос ты и стал настоящим воином. Ты очень похож на Далайю. Я ждал твоего возвращения в родные земли и вот наконец дождался. Жаль, что при таких тревожных событиях тебе доводится встречаться со своим народом.

Турпан замолчал, переводя дыхание. Было заметно, с каким трудом даётся ему каждое слово. Дантал смотрел на него с болью в душе. Он не ожидал увидеть верховного правителя в таком состоянии и от этого был растерян. Только сейчас, стоя возле и взирая на него, он по-настоящему понял всю серьёзность происходящих в степи перемен.

– Я очень рад твоему прибытию. Пусть ко мне подойдёт вождь Драбад, а ты отдохни. Думаю, мы ещё успеем поговорить с тобой, – прошептал Турпан, отпуская юношу.

Дантал, кивнув, покинул шатёр. Драбад, подойдя к Турпану, почтительно склонился над ним, готовый выслушать его веление.

* * *

В отведённый для Дантала шатёр внесли еду. Он устало прилёг, не притрагиваясь к пище, и стал обдумывать увиденное. Вскоре, прервав его мысли, снаружи послышались шаги. Вошёл стражник, сообщив, что к нему пришли. Дантал поднялся в ожидании, не понимая, кто мог навестить его. Одно он знал точно: Драбада пропустили бы без предупреждения. Вошли пятеро воинов и молча встали в ряд у входа. Внимательно окинув их взглядом, он приблизился к ним, ещё не узнавая.

– Дантал, ты не узнаёшь нас? – видя его замешательство, спросил один из двоих, что был старше остальных. – Я Габу, это

Дуару, вот Саваш. Ну а это, – он указал рукой, – сыновья сотника Дага Зубар и Кудас.

– Не может быть! – Дантал удивлённо смотрел на стоявших перед ним людей.

– Да, это мы. Прознав о твоём приезде, решили не дожидаться утра. Сразу пришли к тебе.

Дантал не успел произнести больше ни слова, как они все по очереди горячо обняли его в приветствии. Почти до полуночи они разговоривали, вспоминая и рассказывая обо всём, что произошло за эти годы, но больше слушали Дантала, чья судьба была такой таинственной весь этот период. Дантал узнал, что верховный правитель царь Турпан всего день назад был ранен подосланным противоборствующими вождями лазутчиком. Теперь он знал и другое: перед ним находились пятеро военачальников, причём двое старших командовали десятитысячными войсками, а трое остальных были тысячниками, настолько они преуспели за прошедшее время. Из расспросов он также понял, что и Зела с Мире, так часто заменявшие ему мать, и их дочери Приана и Лариан проживают в бывшем селении его матери, где старшим, несмотря на возраст, был назначен Саваш как лучший воспитанник Далайи.

Габу поведал о том, что противостояние шести племён под предводительством одного из вождей, самого сильного и влиятельного, по имени Шарфу, началось больше года назад. Причиной, как это не раз бывало, послужила несправедливость, якобы допущенная верховным правителем при распределении пастбищ. В степи все знали, что если нужен повод для смуты, то лучшего, чем такой, искать не нужно, так как им во все времена успешно пользовались все вожди, недовольные своим положением и желавшие особых привилегий. Все мирные возможности решения возникшего конфликта были уже исчерпаны Турпаном. Целый год он, как мог, старался избегать кровопролитий, но его поступки были восприняты враждующими вождями как слабость и трусость верховного правителя, царя, не способного править в степи. Смутьяны всё сильнее распаялись от безнаказанности, уверовав в свою непобедимость, воспринимая

мягкость Турпана как его страх перед ними, и вследствие этого считали, что он не соответствует занимаемому им посту из-за полного отсутствия воинского духа. Всюду дерзко отзываясь о нём и предвещая свою скорую победу, они всё чаще прибегали к силе и всё ближе подступали к землям преданных ему вождей, в который раз нагло попирая устои существующей власти. Узнав о том, что он всё же повёл свои войска против них, они покусились на его жизнь самым подлым образом, подослав убийцу. И даже в этом случае Турпан счёл необходимым послать к ним гонцов с требованием прекратить подобное поведение, распустить собранные войска и явиться к нему для переговоров. Его вестовые были казнены, а их головы, привязанные к лошадям, возвращены. Они не поверили в то, что он жив. И вот наступил самый важный и тяжёлый момент для всех массагетов. Всё должно было решиться в битве. Другого выхода уже не было.

Почти восемьдесят тысяч войска противников верховного правителя были на подходе к его ставке, где разместились семьдесят тысяч его воинов и прибывшие с Данталом двадцать тысяч хаомаваргов, о которых вождь Шарфу пока не ведал. Около двадцати пяти тысяч воинов были предусмотрительно оставлены Турпаном в тылу для охраны поселений, дабы не повторить ошибок прежней войны с Хорезмом.

* * *

Форкис пребывал в недоумении. Накануне, когда он со своими людьми был сопровождён в стан Турпана, то, несмотря на все его настояния, не был принят верховным правителем. Более того, он и его спутники были тут же разоружены и взяты под усиленную охрану. Что-то непонятное творилось в лагере. Он не мог знать, что днём было совершено покушение на жизнь Турпана и что тот, получив ранения, находится в тяжёлом состоянии. Форкис даже не мог предположить, что его прибытие могут связать со случившимся и что ему и его друзьям угрожает смертельная опасность. Отсюда, с окраины лагеря, где содержали их под старым навесом, у них не было никакой возможности сообщить правителю о своём приходе. Четверо суровых стражников

как-то по-особому жёстко поглядывали на своих подопечных, всем видом показывая своё злобное пренебрежение. Форкис понимал, что при таких непонятных обстоятельствах и враждебном к ним отношении ему не следовало делать даже попыток связаться с Турпаном или хотя бы узнать о том, сообщили ли ему об их присутствии.

* * *

В полдень войска Турпана ровными тысячами выстроились в линию в ожидании противника. На правой руке каждого воина была чёрная повязка, дабы во время сражения хаомаварги по ней узнавали союзников. Дантал и Драбад по совету Турпана разделили своё войско на две равные части и отвели в укрытие с обеих сторон от основных сил. Левый засадный фланг возглавил Дантал. Сам же Драбад встал во главе правого резервного крыла. Общее руководство всеми массагетскими силами было поручено вождю Трафардару. Очень скоро вдали показались передовые отряды вождя Шарфу.

Приближался момент столкновения двух огромных армий. Такого числа воинов массагеты прежде никогда не имели. Почти пять лет спокойной сытной жизни позволили каждому из двенадцати племён довести численность своих войск до пятнадцати, а то и двадцати тысяч человек. Это была поистине огромная сила, способная лавиной пройти по соседним землям, доведись задумать и сотворить это. То, что теперь случилось в степи, разделённой из-за интриг отдельных вождей на две равные половины, вовлекло всю эту громаду воинов в столкновение между собой, на радость соседствующих южных владык, не на шутку перепуганных растущей мощью саков.

Земля содрогалась от стука копыт десятков тысяч боевых коней. Повсюду стоял неимоверный гул от нарастающего грохота сходящихся войск. С каждым мгновением степь все больше наполнялась разноголосьем вооружённых людей, лошадиным ржанием, лязгом оружия. Такого шума, казалось, вобравшего в себя все звуки мира, не доводилось слышать большинству из готовившихся к битве воинов.

* * *

Шарфу ударил с ходу, без какого-либо колебания. Ему не нужно было проводить предварительных стычек малыми силами, дабы изучить врага. Он знал его всегда, как знает каждый хозяин повадки своих домочадцев и питомцев. Это был и его народ. Началось сражение, в которое сразу вступили все массагетские силы с обеих сторон. Выждать или маневрировать никто не стал. Всадники ещё не сошлись в ближней схватке, но каждый из них на скаку уже наполовину опорочил колчан.

* * *

Трафардар находился на высоком холме, откуда сквозь тьму летящих стрел едва было видно всё поле битвы. Он внимательно следил за противником и, заметив его усиление на каком-нибудь отдельном участке, тотчас же отдавал команды сигнальщикам, поднимавшим на длинных копьях тот или иной знак, тем самым оповещая военачальников.

* * *

Шарфу, нигде не увидев Турпана и обратив внимание на чёрные повязки на руках его воинов, воспринял эти два обстоятельства по-своему. Он понял, что лазутчику-убийце удалось исполнить его веление и уничтожить ненавистного верховного правителя Турпана, чему и были, как он полагал, свидетельством эти траурные лоскуты на конниках. Ему стало радостно от того, что первый важный шаг в достижении его далеко идущих планов сделан. Степь, по его мнению, вот-вот должна была провозгласить своего нового повелителя, великого воина и вождя Шарфу. Зная численность войск Турпана, уступавшую ему, да к тому же её отнюдь не боевой дух в связи с потерей предводителя, он в душе ликовал и ничуть не сомневался в своей победе.

Выждав недолго на небольшой высоте, он не стал больше терпеть запывавшего в крови азарта войны и, желая скорейшего её славного завершения, ринулся в бой, увлекая за собой всю многочисленную свиту и пять тысяч личной охраны.

* * *

Трафардар видел, как в центр битвы, в гущу дерущихся, клином врезался сам Шарфу, которому удалось разметать встречные силы, глубоко продвинуться вперёд и, прорубив сквозь плотные ряды узкую брешь, выскочить в тыл его войск. Такой прорыв был очень опасным. Даже отсюда, издали, было заметно, как он повлиял на настрой воинов, заметивших своего командующего и с ликованием обрушившихся на противников с новой, удвоенной силой. Ждать дольше не следовало. Трафардар, вытянувшись на скакуне, поднял над головой длинный меч. Почти одновременно с ним два сигнальщика подняли копьё с чёрными широкими полосками ткани. Это был знак для затаившихся хаомаваргов.

* * *

Дантал, с нетерпением ожидавший этого сигнала командующего, тут же, выхватив акинак, вылетел со своим десяти тысячным отрядом из-за кургана. В этот же миг Драбад повёл свои войска с другой стороны.

Хаомаварги клещами охватили всех сражающихся и вступили в бой, большей частью зайдя в тыл противника.

Трафардар с тремя тысячами воинов ринулся к командующему Шарфу, дабы отсечь его от войск, перекрыть пути к отступлению, не дать ему уйти и постараться взять живым.

* * *

Не понимая, что произошло, но видя, как быстро стали отходить его войска, Шарфу растерянно вертелся на скакуне, злобно выкрикивая угрозы своим военачальникам. Но паника уже охватила его воинов, и они, неся огромные потери, стали спешно отступать, оставляя его с небольшим отрядом телохранителей. К нему стремительно приближался Трафардар. Кольцо вокруг Шарфу замкнулось. Битва, которой он так жаждал, была проиграна. Разрозненные отряды его войск, едва вырвавшись из грозившего им полного окружения, рассыпались по долинам среди холмов и помчались обратно, туда, откуда не так давно выступили в надежде прославиться.

* * *

Дантал, всецело захваченный пылом сражения, ещё долго преследовал ускользающих противников, затем остановил свои войска и повернул их к полю битвы. С трудом отыскав Драбада, он подлетел к нему. Тот, тяжело дыша, сошёл с коня, опустился на траву и растянулся на ней во весь рост. Дантал, утирая пот, также спрыгнул на землю, разминая ноги, прошёлся, стараясь не тревожить старого воина. Солнце клонилось к закату.

* * *

Потери с обеих сторон были очень большими. Пленённых же было не так много. Основным вражеским силам удалось уйти.

Командующий Трафардар, передав охране захваченного Шарфу и его приближённых, среди которых оказались ещё четверо взбунтовавшихся вождей, повелел войскам не преследовать ушедших. Они хотя и были противниками в этой войне, но всё же оставались сородичами, и по этой причине добивать их, как полагалось бы поступить с чужаками, не следовало. Семя бесчестия, однажды посеянное нечестивцем, никогда и ни при каких обстоятельствах не должно порождать плоды позора, и препятствием тому должен быть только благородный жнец. Таков извечный закон жизни.

* * *

До наступления ночи были собраны и уложены на отведённое место тела убитых воинов. Отдельно находились погибшие военачальники. Двое из шести преданных Турпану вождей обрели в этот день покой.

Дантал долго бродил среди многочисленных костров, пока не увидел Габу. Тот заметил его, но, спешившись, молча смотрел на шедших за ним воинов. Лиц не было видно, но то, как Габу ожидал их, сильно встревожило Дантала. Он замер.

Огонь порывисто выхватывал из сгустившихся сумерек отдельные части человеческих фигур. Воины медленно приближались, неся на плечах чьё-то тело. Подойдя вплотную к стоящим, они опустили на землю сложенные крестом копья, на которых

поверх щитов лежал человек. Только теперь Дантал разглядел их и узнал Дуару, Саваша и Зубара. Четвёртым был незнакомый ему воин. Габу наклонился и убрал с лица покойного обрывок ткани. Это был Кудас. Дантал, не веря своим глазам, скорбно склонился у его изголовья.

* * *

До полудня следующего дня завершили погребение. К вечеру над захоронениями уже были насыпаны высокие курганы. Войска вернулись в лагерь.

* * *

Верховный правитель царь Турпан, которого постоянно оповещали о ходе сражения, воспринял его исход сдержанно. Он уже знал, какой ценой пришлось заплатить всем племенам за необузданную алчность Шарфу и его сподвижников. Половина их же войск была уничтожена. По их вине двадцать тысяч его воинов полегли на поле битвы. Для массагетов такие потери были очень велики. Погибло четыре с половиной тысячи хаомаргов.

«Подобная война никогда не имеет победителей. Она наказала весь наш народ только за то, что шестеро отъявленных головорезов когда-то им же, этим народом, были ошибочно приведены к власти над собой, над своими землями и племенами», – размышлял Турпан. Он как никто другой осознавал произошедшее и теперь думал о последствиях: «То, что случилось, является лишь частью беды, нависшей над великой степью. Её отголоски ещё неведомы. Они потянут за собой длительную кровную месть и неслыханный раздор в некогда единые земли. Прощения никому не будет. Слишком много загублено душ и пролито крови. Очень скоро никто уже не будет помнить, с чего всё началось и кто повинен в этой бойне, и в сердцах родичей всех погибших останется только затаённая вражда. Подобное бывало не раз среди вольнолюбивых и гордых саков. Не прощают они такого и жаждут отмщения до последнего отпрыска в роду... Накопившаяся мощь, найдя тонкую пелену в жалких ду-

шонках шестерых вождей, прорвалась наружу, принеся в жертву всё вокруг, ставшее вдруг тесным и почти невыносимым. Сколько бы ни народилось и ни взросло людей под этим небом, всегда их желаний будет гораздо больше, нежели нужно для простой и спокойной жизни... Там, где много народа – мало истины. Среди распущенной беснующейся толпы правдивый запоздалый глас становится глупостью. Мелкие мечты тысяч людей об одном и том же очень скоро созревают и сливаются в несущую бедствия глыбу действий, давящую их же самих, даже если эти грёзы были изначально нацелены на что-то благое. Только думающие о разном терпят других и получают каждый своё, не мешая друг другу... Любая держава сильна, пока её подданные не объединили свои слабости. Ничто не долговечно, если оно зиждется на одном порыве многих. Даже у двоих творцов уже через вдох меняется суть восприятия совместно созданного... Единоначалие во всём – вот что ведёт если не к вечному, то хотя бы к долговому порядку, и достойно уважения и подражания. Я совершил ошибку из-за чрезмерного доверия. Мне её и исправлять».

Турпан устало прикрыл глаза, пытаясь хоть на мгновение избавиться от назойливых, изматывающих душу дум. Тут же, едва не доводя до потери сознания, во всём его теле возобновились сильнейшие боли. Он долго лежал, неимоверным усилием воли преодолевая их, терпеливо ожидая ослабления. Вдобавок к саднящим ранам сильно кружилась голова – сказывалась большая потеря крови. Краешком сознания он удивлялся тому, как эти ужасные боли исчезают при крепком сне или при важных мыслях.

* * *

Три дня поминали погибших, воздавая им почести. Верховного правителя старались не беспокоить. Он отдавал надлежащие распоряжения, но сам пока не мог подняться. Трафардар часто навещал его, выслушивая веления и докладывая об их исполнении. На четвёртый день с утра Турпан вызвал к себе всех вождей, пригласив Дантала и Драбада. Первым он обратился к Драбаду со словами благодарности за оказанную помощь, особо

подчеркнув значимость их добрососедских отношений и непоколебимость дружбы с его верховным властителем царём Патшой. Семье каждого погибшего воина-хаомаварга он повелел направить по пять лошадей, а всем оставшимся в живых выделить по два отборных скакуна и новые воинские снаряжения. Это был большой дар. Самого Драбада Турпан наградил огромным мешком золота. Верховному правителю хаомаваргов он передал пятьдесят бесценных скакунов, потомков знаменитых бактрийских жеребцов. Отпустив Драбада отдыхать, он дал понять, что ещё не прощается с ним. Затем к нему подходили свои вожди, которых он одарил особо, не забыв и о двух погибших вождах. Вскоре в шатре остались лишь Трафардар и Дантал.

Первым Турпан подозвал Дантала:

– Ты настоящий воин-массагет. Твои достославные родители гордились бы тобой. Я благодарен тебе за чуткость твоего сердца, приведшего тебя в родную землю в самое важное для неё время. Так поступают только истинные дети своего народа. Ты вправе просить всё, что хочешь. Говори, и я исполню.

– Позволь мне остаться здесь и служить тебе, – первое, что произнёс Дантал, искренне тронутый его вниманием. – Много дел теперь предстоит свершить каждому из твоих подданных. Я хотел бы принять в них участие. Наверняка следует усмирить бунтовщиков. Я готов выступить к ним по первому твоему велению... И ещё. Вчера я случайно увидел содержащихся под стражей пятерых людей. Они прибыли к тебе в поисках меня, но почему-то охраняются как пленные. Это мои друзья. Среди них находится Форкис. Я жив благодаря ему. Он мой названный брат.

– Пусть будет по-твоему. Не так уж много ты просишь, – Турпан смотрел юноше в глаза, пытаясь улыбнуться. – Я сам подумаю о твоей награде. Ну а о том, что Форкис прибыл в мой стан, я не знал. Видимо, не стали меня тревожить. Ступай и сам приведи его ко мне.

Дантал склонил голову и тут же выбежал из шатра, спеша освободить близких людей.

– Ты всё слышал. Что скажешь, мой верный друг? – обратился Турпан к оставшемуся с ним наедине Трафардару.

– Юноша прав. Нужно как можно быстрее выступить в дальние кочевья. Больше таких кровопролитий не должно быть. Я готов. Ему наверняка следует доверить отдельное войско. Он всё понимает и не подведёт. Нет у него озлобленности и излишней жестокости, и массагеты должны видеть в нём твою будущую опору без приведённых им хаомаваргов. Одно то, что их верховный властитель доверил ему часть своего войска, уже свидетельствует о многом в характере юноши, – решительно ответил вождь.

– Да. Он прирождённый воин и не по годам разумный муж. Что ж, не зря он скитался по миру, терпя лишения и одиночество. Много накопилось в нём нужных для степи знаний. Сдерживать его благие порывы было бы глупо. Особенно теперь, когда нет покоя на нашей многострадальной земле, – Турпан замолчал, переводя дух. Через некоторое время он продолжил: – Пойдёте вместе. Не сдерживай его, но присмотри. Пусть чувствует себя старшим в этом походе. Посмотрим, как воспримут его появление в тех краях. Будет нелегко. Главное заключается в том, что он ещё не нашёл себе среди них врагов и не чужой в нашей степи. Если сложится так, что ещё помнят его мать и поверят ему, то нам удастся сохранить хоть какой-то мир среди племён. Я даю ему полномочия назначить вождей от моего имени. Отныне, покуда я жив, в этих племенах будет так. Я лишаяю их права избирать самим своих вождей. Это и есть моё наказание. Укажи ему на достойных, но не противься и его выбору, даже если всех шестерых определит он сам. В твоё отсутствие заменой тебе здесь будут Габу и Дуару.

– Когда выступить и сколько войск пойдёт с нами?

– Сегодня достойно проводи Драбада. На заре возьми тридцать тысяч и выдвигайся в путь. Я тронусь к поселениям.

– Охотно повинуюсь, мой царь.

* * *

Пятнадцать с половиной тысяч воинов-хаомаваргов, исполнив свой долг, были с почётом сопровождены до Окса. Тепло попрощавшись с Трафардаром и Данталом, Драбад, перейдя реку, повёл войска к своим землям.

* * *

Форкис узнал от Дантала обо всём случившемся в эти дни, а когда был принят верховным правителем Турпаном, высказал ему своё желание отбыть вместе с братом в предстоящий поход и получил на это разрешение. Он был очень доволен встречей с Данталом и завершением мытарств, пережитых вместе с товарищами за столь короткий срок.

Всю эту ночь Форкис со своими людьми, а также Габу, Дуару, Саваш и Зубар находились в шатре Дантала. Не хватало Кудаса, чью смерть тяжело переживали все, кто знал его и очень любил. Печаль и тоска, исходящие от них, вязкой невидимой пеленой окутывали души даже тех, кто не был знаком с ним. Особенно велико было горе Зубара, так неожиданно потерявшего единственного младшего брата.

На заре, свернув лагерь, два войска выступили в дорогу. Одно шло на запад в свои поселения. Другое двинулось на восток.

* * *

Зайдана спокойно добрался до лесов у южных склонов горной гряды, окаймляющей долину с расположенной на её северо-восточной окраине крепостью, прошёл по старой караванной дороге и вскоре достиг того места, где случилось сражение, в котором пал его отец. Останки погибших здесь людей были уже обглоданы зверьём и теперь россыпью белёсых костей виднелись из травы среди деревьев.

Найдя укромное место в лесной гуще, юноша устроил себе жилище из сучьев и лапника и каждый день с самого утра и до позднего вечера осматривал округу в надежде отыскать телохранителей отца, уверенный в том, что они находятся где-то здесь.

В этот день он отдалился довольно далеко, следуя вдоль предгорья на северо-запад. Солнце скрылось за вершинами, откинув от них прохладную тень. Решив проехать ещё немного, Зайдана вывел коня за очередной скальный выступ, и сразу увидел в небольшом отдалении светлый дымок, поднимавшийся над зарослями кустарника у самого подножья гор. Он спешил и, оставив коня, стал скрытно пробираться поближе, чутко

прислушиваясь и оглядываясь по сторонам. Вскоре он увидел лошадей, пасущихся среди деревьев. Подкравшись к кустам, он услышал приглушённые голоса, доносившиеся от костра. Стараюсь быть как можно тише, он раздвинул ветви и увидел людей. Это были они, те, кого он искал, все пятеро телохранителей отца. Вернувшись обратно в свой шалаш, Зайдана в эту ночь не мог заснуть, обдумывая предстоящие действия, желая понять, как правильнее поступить: прийти к ним поутру или же понаблюдать за ними.

Всё это долгое время Зайдана очень тяготился одиночеством, его душа выматывалась полусонными ночами, сердце терзалось утомительными дневными поисками. И вот наконец он нашёл их, тех ради кого вернулся сюда. Теперь они были рядом с ним, но радости почему-то не было, и от этого в нём зародились непонятные пока сомнения.

«Нужен ли я им? Не стану ли я для них помехой? Ведь они обладают всем отцовским богатством и могут поделить его между собой, а с моим появлением они должны будут передать его мне. Захотят ли сделать такое или же им удобнее будет избавиться от меня? – пытался разобраться Зайдана, вглядываясь в темноту над головой. – Но ведь они такие же, как я, из одного наира, и к тому же мне не нужны эти богатства, и я скажу им об этом. Тогда они должны меня понять и не станут противиться. Чтобы избавить их от лишних недомолвок и заставить поверить мне, я предложу им разделить всё это поровну между всеми, и они успокоятся».

Спрятав недалеко от шалаша большой нож, Зайдана с первыми лучами солнца направился к месту, где находились сородичи урартцы, некогда преданные его отцу, в надежде на добрую встречу и понимание. Удивлённые его появлением, да ещё с двумя лошадьми, те стояли у костра не в состоянии вымолвить и слова. Первым опомнился старший из них, по имени Арам. Он быстро подошёл к Зайдане, мельком взглянув ему за спину, пытаясь понять, нет ли там ещё кого-нибудь, и порывисто обнял его.

– Где твой отец Фаранг? Мы похоронили наших людей, но среди них его почему-то не оказалось. Тебя вместе с ним мы дол-

го искали по всей округе. Что произошло и куда вы подевались? – спросил он, отстраняясь от юноши.

Остальные так же тепло приветствовали его. Зайдана настороженно подошёл к костру и присел на камень. Он долго молчал, прежде чем поведал обо всём случившемся с его отцом и с ним самим. Несмотря на юный возраст, он обладал низким густым голосом, свойственным больше зрелому мужчине, и всегда, когда он говорил, что было большой редкостью, действовал на слушателя магически и завораживающе. Рассевшись вокруг огня, на котором, источая аппетитные запахи, готовилась на вертеле туша горного барана, все внимательно слушали его, изредка переглядываясь. Юноша, завершив рассказ, окинул всех взглядом.

Остановившись на Араме, он неожиданно спросил:

– Почему вы ушли из крепости, но не пришли к нам?

– Таково было веление твоего отца, – без заминки ответил тот, глядя ему прямо в глаза. – Я не мог знать о его дальнейших планах и исполнил всё в точности с его последним указанием. До сих пор мы не покинули этих мест в ожидании и его, и тебя. Может быть, он узнал о чём-то, чего не следовало знать нам. Последнее время этот сброд, что был с нами, вёл себя слишком смело, тем самым вызывая недовольство и недоверие Фаранга. Мы выступили из крепости сразу после вашего ухода. Прошли большое ущелье, следуя на восток. Отойдя на три дня пути, пробыли там ещё два дня и, не дождавшись ни Фаранга, ни тебя, вернулись обратно, обошли горы и пришли сюда. Здесь нашли место побоища. С той поры и обитаем вот в этой пещере. Благо есть на кого охотиться.

«Отец действительно говорил о том, что скоро куда-то уйдём только со своими людьми, но того, что сказал Арам, я не знал. Выходит, отец не собирался возвращаться в крепость, и именно поэтому эти пятеро покинули её, забрав с собой всё ценное, что там было, тем самым исполнив его волю, – вспоминая последний разговор с отцом и сопоставляя его со сказанным Арамом, размышлял Зайдана. – В таком случае я напрасно воспринял их поступок как предательство. В будущем следует быть осторожнее и не делать скорых выводов, иначе может случиться

непоправимое. Отец был прав, всякий раз требуя от меня более внимательного отношения к своему окружению».

Арам предложил угощение. Очень долго не вкушавший горячей пищи юноша охотно согласился. Приступили к еде. Зайдане стало значительно легче на душе. Ел он много и с огромным удовольствием. Оттого, что он находился среди своих, к тому же не совершивших трусливого бегства и сумевших, несмотря ни на что, так преданно и терпеливо ждать, теперь он пребывал в приподнятом настроении. Постепенно исчезали тревоги и сомнения, возвращались почти прежние отношения. Думать сейчас о будущем ему не хотелось. Следовало отдохнуть. С тех пор как он попал в плен, в эту ночь он впервые крепко уснул, чувствуя себя вновь действительно вольным человеком.

* * *

Почти до самой осени Дантал в сопровождении Трафардара наводил порядок в шести племенах, чьи вожди подняли смуту против существующей в степи власти. Во всех поселениях, куда он подступал с войсками, его встречал весь люд, кто в страхе, кто с ненавистью, а кто и с потаённой надеждой на улучшение жизни после необузданных поборов прежних хозяев и прошедшей войны. Непокорных последователей бунтарных властителей он отлавливал и нещадно казнил. Простых воинов прощал, разрешая вернуться к своим очагам. Скот и имеющиеся богатства уничтоженных приверженцев бывших вождей он справедливо разделял между простыми кочевниками, не давая возможности разжиться их знатным сородичам. На всём пути он оставлял небольшие гарнизоны, как это делали у себя персы, обеспечивая себе безопасность и сохраняя мир и спокойствие за спиной.

Молва о появлении нового преемника верховного правителя массагетов разлетелась по степи с молниеносной быстротой, при этом слухи о его благих и праведных деяниях всё больше обрастали весьма лестными отзывами. Изначально тревожное отношение к нему постепенно сменялось на более спокойное. Поселяне стали встречать его с радушием, выражали благодарность за прощёных отцов, мужей, братьев и сыновей, предлагали

остаться погостить подольше, открыто высказывали свои пожелания. Всё чаще его обступали умудрённые старцы, они расспрашивали о нём самом и желали узнать о будущем своих племён. Он, не таясь, назывался, и многие из них, помнившие Далайю, с искренним восторгом взирали на него, услышав о том, что он её сын. Почтение к его матери и уважение к его поступкам порождало веру в него почти мгновенно. Повсюду устанавливалась стабильность, степь возвращалась к спокойной жизни.

Сам же Дантал в те недолгие вечера, что проводил в каком-нибудь из кочевий, внимательно выслушивал старейшин, рассказывающих о положении дел, о количестве людей, скота, расположении пастбищ, готовности к зимовке, не забывая осведомиться о самых достойных мужах. К концу своего похода именно из их числа он со ссылкой на веление верховного правителя назначил новых вождей во всех племенах. К Турпану он отправлял гонцов с подробными сведениями обо всём, что творится в этих землях.

Особый интерес он проявлял к детям, оставшимся сиротами. По его указанию их всюду собирали и отсылали под охраной в бывшее материнское селение. Длинные вереницы кибиток отбывали в дальнюю дорогу, увозя в себе множество обездоленных мальчиков и девочек. Всякий раз, провожая их, Дантал с горечью думал о том, что в первую очередь при каждой войне больше всех терпят лишения именно они, самые невинные и беззащитные, принесённые в жертву во взрослых игрищах. Не ведая о потерях в сражении, стоило узнать лишь о количестве появившихся сирот, и любой сторонний человек получал почти отчётливое представление о величине прошедшей битвы. Положение детей всегда является самым ярким отражением людской любви и ненависти, добра и зла, умысла и ошибок. Гибнут зрелые, а страдают юные... И всё это вместе взятое, и даже смерть, есть жестокая, но такая желанная жизнь. Так задумано небесами, что её, жизни, всегда больше, нежели утрат, оттого они и вьются рядом с ней, находясь под её покровительством. А сама жизнь от этого таинственна и непонятна, хотя каждый живущий её воспринимает всеми чувствами – видит, слышит, ощущает...

Трафардар, внимательно приглядывавший за Данталом, поначалу был встревожен решительным его поведением, но уже через некоторое время, убедившись в правильности всех его поступков, успокоился и перестал следовать за ним по пятам, выказывая искреннее и всё возрастающее доверие. Теперь вождь уже не относился к юноше как опекун и даже сам невольно стал прислушиваться к его мнению, всё чаще соглашаясь с его намерениями, удивляясь его находчивости и уму. Дантал на глазах мужал и набирался мудрости. Трафардар видел, как он легко и точно находит выходы из довольно запутанных ситуаций и тем самым заметно укрепляет своё положение и возносит верховного правителя, упоминая его в сложных случаях и выдавая свои решения за его волю. Так он ловко и прочно восстанавливал везде прежнюю веру в сильного и мудрого Турпана, объединяя народ под единую власть.

Массагеты этой части степи сплотились, охотно избавляясь от недавних предрассудков, с каждым днём всё больше подпадая под влияние незаурядного молодого наместника Турпана. Где бы он ни находился, к нему спешили вестовые от новых вождей с множеством вопросов и согласований и всегда получали от него либо точное решение, либо обоснованную отмену, либо рассудительное одобрение. Дантал успевал делать всё, мог быть занят в любое время дня и ночи, не считаясь с личным временем, которого у него почти не было, но не откладывал ничего на будущее.

Он не просто исполнял царскую волю, связанную с наведением здесь порядка, он уже стал истым реформатором, внедряя в степную жизнь новые устои. Отныне каждый из вождей, тысячников и сотников направлял по одному сыну на службу в личную гвардию верховного правителя, что, в свою очередь, служило гарантом их власти на местах. Из всех поселений назначенные вождями племён старшины в строго установленный срок были обязаны отправлять в ставку царя определённое количество воинов, боевых коней и всевозможного снаряжения к ним, оружия, выделанных шкур, скота и иной провизии на их же содержание. В самих же этих

поселениях теперь оставалось строго установленное количество войск, неизменное ни при каких обстоятельствах. Такое нововведение касалось и каждого племени в целом, причём по первому требованию верховного правителя к нему должна была отсылаться точно определённая часть войска. В резерве, для защиты самих племён, всегда оставались воины, численность которых Дантал определил исходя из своих расчётов. В то же время он наделил вождей почти неограниченными возможностями при распределении остального скота и имущества, однако учёл положение простых семей: закрепил за ними ровно столько живности и иного добра, сколько нужно было им для безбедного существования, и уровень ниже этого считался недопустимым, за что и несли теперь большую ответственность сами вожди.

По совету Форкиса при каждом из вождей Дантал назначил представителя верховного правителя из числа военачальников, прибывших с ним. Видя, что воинские десятки, сотни и тысячи вовсе не соответствовали числу, а были лишь маленькими, средними и большими отрядами, он собрал вождей, военачальников и старшин поселений и, отсчитав по десять и по сто камней и разложив их в отдельные мешки, пояснил, что десятки должны иметь ровно столько воинов, сколько камней в меньшем мешке, а сотни – столько, сколько камней в большем мешке. В тысяче же должно быть воинов столько, сколько камней в большом мешке, и это число должно повториться столько раз, сколько камней в меньшем мешке. Отныне в этих шести племенах все отряды стали иметь то количество воинов, какое было указано им, и общее число войск поддавалось подсчёту.

С наступлением первых прохладных осенних дней Дантал вернулся в главное поселение массагетов, по дороге распуская войска, отпуская воинов к родным очагам. Недолго погостив у верховного правителя царя Турпана, благодарного ему за содеянное, он отбыл в бывшее селение матери, отныне перешедшее к нему и значительно расширенное для прибывших детей. Властитель же ещё не оправился от полученных ран.

Работ в крепости с приближением зимы прибавилось. Одна часть рабов трудилась на небольших полях, убирая урожай, другая обмолачивала зерно, сушила и размещала на хранение. Ортия целыми днями хлопотала по хозяйству. В особенной заботе нуждался её отец, заметно изменившийся со дня отбытия Дантала, Форкиса и его людей: она часто видела его слегка растерянным и понурым.

После давнего разговора со своим отцом Ортия знала об истинной причине отъезда Дантала и не могла простить себе допущенной оплошности, приведшей к разладу в их отношениях и уведшей в неизвестность дорогого ей человека. Всякий раз, когда из дозоров возвращались сменённые воины, она с замиранием сердца вглядывалась в их ряды в надежде увидеть среди них Дантала, Форкиса и всех ушедших с ними, но, не обнаружив никого, отправлялась к себе и подолгу оставалась одна, то плача, с горечью предаваясь воспоминаниям и вновь терзая себя за столь глупое и необдуманное поведение, то успокаиваясь с верой в их скорое появление и долгожданную встречу с Данталом, которому мысленно уже много раз приносила свои извинения.

Прет был очень огорчён всем, что случилось между Данталом и его дочерью, и особенно тем, что последовало после этого. Внезапный уход самых значимых здесь людей сильно повлиял на него, изменил его отношение к будущему пребыванию в этом месте, опустошил его душу, свёл к бессмысленности все его былые благие порывы, связанные с улучшением жизни в крепости, наполнил его нутро безразличием ко всему, что отныне творилось вокруг. Он не ожидал, что будет так сильно переживать отсутствие этих людей. Он понимал и Дантала, и то, что Форкис и его верные помощники покинули крепость по особой и важной причине, но даже при всём при этом он считал, что им не следовало так поступать, оставляя их всех в весьма затруднительном положении.

Чужбина тяготила его как никогда. Прежде Прет много странствовал, порой находился так далеко от родного дома, что по возвращению оттуда ему самому не верилось в то, что он был

там. Здесь же всё обстояло иначе, и самое главное и невообразимое заключалось в том, что возвращение отсюда в ближайшее время не предвиделось, если вообще могло когда-то случиться. Порой ему казалось, что эта крепость вовсе не простое строение, хоть и крепкое и грозное, а нечто живое, являющееся носителем чьей-то воли и воплощением чьего-то наказа о негласном и бессрочном заточении его самого и всех приближённых к нему людей. Жизнь за этими стенами складывалась довольно странным образом. Вроде бы никто его не удерживал, но и уйти отсюда не было возможности, будто что-то постоянно сдерживало его, всякий раз давая понять, что настоящее – здесь и сейчас гораздо спокойнее ожидаемого будущего в любом другом месте. В конце концов, как он ни старался всё это понять и осознать, а получалось одно – иного выхода пока не было и следовало безропотно подчиняться сложившимся обстоятельствам, сохраняя надежду однажды увидеть родную землю.

* * *

Зайдана, следуя совету Арама, остался вместе со всеми на зимовку в этой уже обжитой ими пещере и исполнил своё прежнее намерение, разделив между всеми поровну всё нажитое отцом добро.

Других дорог в этот год для них не было.

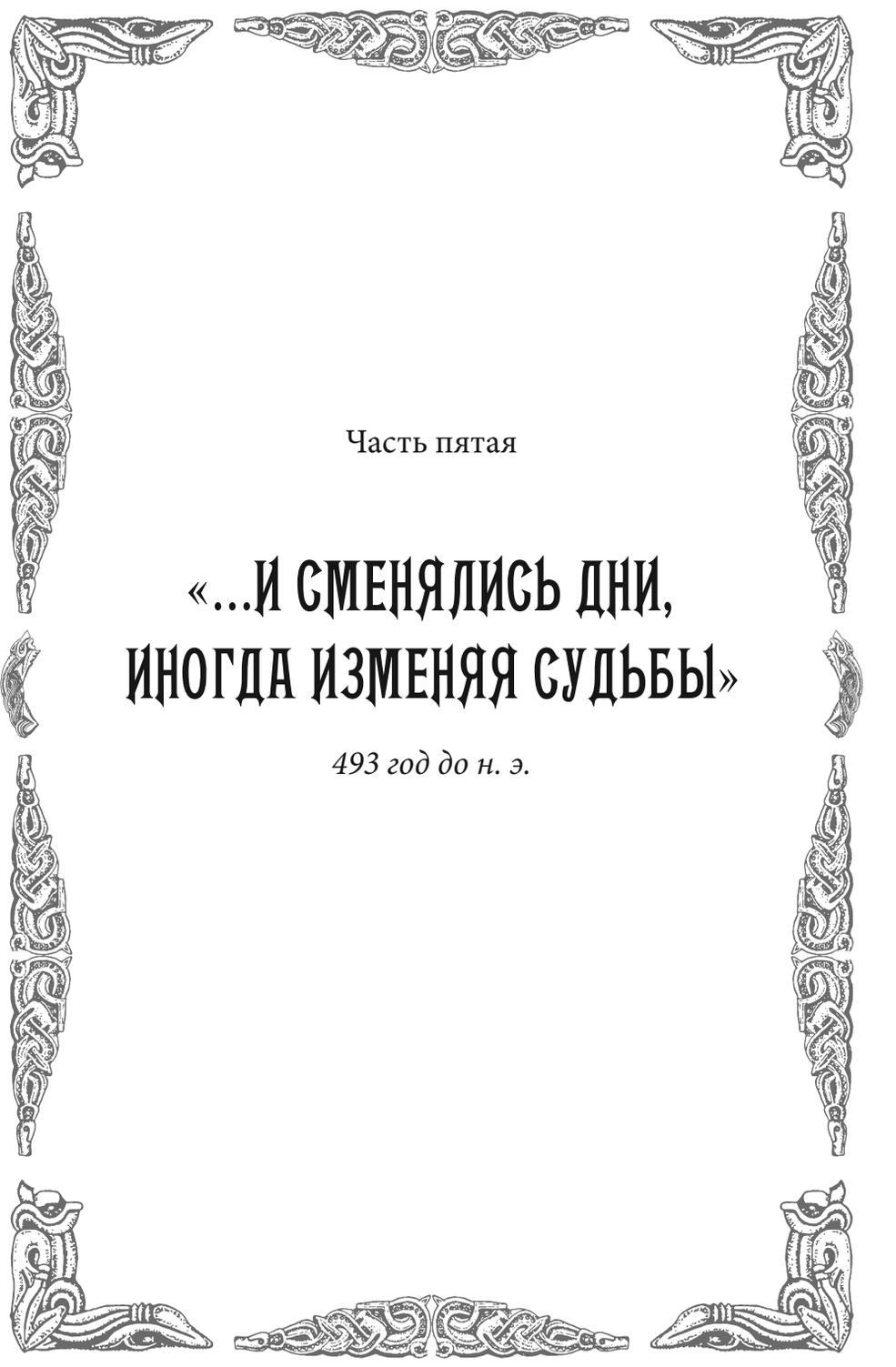
* * *

Обретя относительный душевный покой в своём селении после столь бурных и насыщенных событий, теперь Дантал не знал, чем заняться и как применить себя в такой размеренной жизни. Все работы были строго распределены между его верными друзьями и помощниками. Все были захвачены повседневным мирным трудом, и всякий раз, когда он пытался найти хоть какое-то дело для себя, его тут же почтительно оттесняли приближённые люди, дабы он имел возможность соответствовать своему нынешнему положению их вождя, а попросту говоря, отдыхал, набирался сил и подобающе правил ими. Он стал чувствовать себя так, словно после долгой скачки по бескрайней

равнине вдруг вынужден был остановиться на берегу великой воды. Ему было не по себе и от царящей вокруг тишины, и особенно от внезапно потухшей своей активности и возникшего взамен неё ощущения ненужности, и от наступившего неприятного расслабляющего безделья.

Часто в окружении лишь нескольких огромных собак, славных потомков любимчика его матери, рыжего пса, он отправлялся в степь и подолгу взирал вдаль, туда, где в горном кольце находилась одинокая старая крепость, в которой обитала удивительная девушка с красивым именем Ортия. Он не каялся в том, что однажды покинул её. Особенно сейчас, когда так неожиданно переменялась вся его жизнь. Он скучал по ней, сильно жалел её, но при этом был уверен, что ничего плохого с ней не произойдёт. Воспоминания о ней всегда согревали его душу, наполняя её свежим содержанием, а окружающий мир – новым смыслом. Вера в то, что они обязательно встретятся и всё между ними наладится, никогда не покидала его. Та причина, из-за которой ему пришлось покинуть крепость, сейчас казалась ему по меньшей мере смешной. Отсюда, издали, по прошествии такого длительного времени, он иначе относился к своему давнему поведению, понимая, что всё можно было исправить одной лишь беседой с ней.

Судьба распорядилась иначе, и всё то, что случилось с ним тогда, как он считал и осознавал теперь, было самым лучшим из всего возможного в том его положении, и пережить иные перемены он никогда не согласился бы. Для полного и желанного их завершения оставалось сделать один шаг – посетить крепость, встретиться с Ортией и больше никогда не расставаться с ней. Но для этого следовало пережить зиму.

Часть пятая

**«...И СМЕНЯЛИСЬ ДНИ,
ИНОГДА ИЗМЕНЯЯ СУДЬБЫ»**

493 год до н. э.

Г Л А В А П Е Р В А Я

В тех краях земли, где осень отличается пронизывающей прохладой, а студёная зима изобилует снегами, люди во все времена тяготятся ими, терпеливо пережидают их, стараются держаться своих жилищ, какими бы они ни были, согреваются у тепла очагов, становятся менее активными, словно впадая в оцепенение, как, впрочем, почти всё живое в этих местах и в эту пору. Лишь с приходом долгожданной тёплой весны вновь оживает человек, расширяет круг своей деятельности, как никогда желая творить и воплощать в жизнь народившиеся задумки. Весной и летом случаются самые важные события в людских судьбах, будоражащие кровь, взвинчивающие и освежающие эмоции. Накопившиеся за зиму силы ищут своего выхода, распирают человеческое существо, ввергают его в необузданную стихию действий. Такой его энергии, как правило, хватает до предстоящей осени, когда природный круговорот повторяется сызнова, а изрядно уставший человек вновь нуждается в отдыхе и осмыслении содеянного на прошедшем пике своей возбуждённости.

Каждый по-разному оценивает минувшие дни. Один, тот, что относится к себе очень требовательно, подводя итоги и находя в своих деяниях явное удовлетворение, воспринимает прожитое с почтением и считает судьбу благосклонной к себе. И люди уважают его. Другой, кто рад лишь тому, что дожил до этой поры, не задумываясь над тем, как это могло случиться, обрекает себя на однообразное повторение своего существования,

затягивающее в трясины ошибок. Он бесполезно проживает драгоценное время. Такой в глазах окружающих чаще всего жалок. Так или иначе, но никому не ведомо, кто из них прав на самом деле, распорядившись своей жизнью выбранным им образом. Во все времена людям было точно известно только одно – каждый из них однажды завершит свой путь.

Мудрецы догадывались о том, что лишь в самый последний миг жизни, когда уже ничего невозможно изменить, для каждого умирающего должно наступить озарение, вносящее ясность в истинность его предназначения. Именно в это мгновение, считали мудрейшие из мудрейших, человеку впервые дано познать, по своей ли судьбе он прошёл и прошёл ли правильно. Они свято верили в то, что лишь при этом последнем дыхании ему и предстоит понять всё самое главное в его промелькнувшей жизни: с тем ли человеком он прожил жизнь и родил детей, делил горе и радость, кров и еду? С тем ли человеком дружил и враждовал ли с тем? Тому ли служил и того ли отверг? Того ли убил и щадил ли того? И если всё случилось с ним совсем не так, как должно было быть, то он перед смертью узнавал самое страшное для себя: он прожил не свою жизнь, и значит, всё было зря.

* * *

Зайдана с наступлением весны всё чаще предавался своему самому любимому занятию – охоте. Целыми днями он в одиночку объезжал окрестные леса, выслеживая живность. Ослабевших, едва переживших зиму животных он не трогал, лишь, слегка вспугнув, любовался ими, издали наблюдая за их повадками, всякий раз удивляясь тому, как они ловко скрываются от него, используя любой возможный схрон.

Прошедшую холодную пору, пережитую в небольшой пещере, все шестеро мужчин питались отстрелянной и отловленной дичью, не тронув ни одну из лошадей. В большинстве случаев именно Зайдана возвращался с охоты с крупной добычей. Причиной его везения было хорошее знание прилегающей к горам территории, где прежде, ещё в бытность отца, он проводил очень много времени, за что порой и выслушивал от него нарекания.

Теперь же весь накопленный опыт и крепкая память юноши, в которой сохранилось множество звериных троп, были весьма кстати и выручали горстку людей, невольно оказавшихся среди дикой природы и так и не определившихся в своём будущем.

В долгие зимние вечера, находясь у костра в тёплой пещере, они старались не задумываться над тем, что им следует предпринять с приходом весны, куда податься дальше и где наконец осесть по-настоящему. Попросту им не хотелось прежде времени ломать головы над такими тяжёлыми вопросами, и они, каждый по-своему, отгоняли тревожные мысли, связанные с предстоящей жизнью, не затевая даже бесед на эту тему, умышленно шли на самообман, подпитывая его возможностью подумать об этом позже. С приближением тёплых дней неопределённость в будущем стала сильнее тяготить их, подступая и наваливаясь крепче обычного, цепко овладевая их душами, сильно нервируя, сверля сознание назойливыми думами, на которые следовало найти ответы, поскольку скрывать своих прежде потаённых мыслей об одном и том же теперь не мог никто.

В один из дней, сидя у костра, Арам, окинув всех взглядом, начал первым разговор о наступивших благодатных днях, давая понять, что больше не намерен отмалчиваться и что пришла пора обсудить общее положение:

– Это первая весна, когда нас стало так мало и думать за нас больше некому. Мы были вынуждены находиться здесь, но так не может продолжаться вечно. Давайте все вместе подумаем над тем, куда нам податься и чем заняться дальше. Лично я не намерен оставаться в этой пещере до самой старости. Пусть выскажется каждый из вас. Времени подумать было достаточно. Моё же предложение таково: нам всем по отдельности нужно разъехаться в разные края, вновь собрать вольных людей и, объединившись, отбить крепость. Податься в чужие земли мы не можем. Никто нас не примет. Разве что сделают рабами. Тогда уж лучше смерть. Не нужны мы никому, да и мало нас. Мы народились гордыми урартцами, ими и умрём. Но куда мы живы, мы ещё многое должны успеть сделать. Главное – сохранить род, а для этого нужны силы и земля, где появятся на свет наши дети.

Таким местом может быть долина за этими горами и та самая крепость, где не так давно мы все обитали. И ещё. Если мы растеряемся, то поодиночке нам не выжить. Я всё сказал.

Арам замолчал. Зайдана смотрел на огонь, обдумывая его слова. Он понимал правоту старшего сородича, но не мог представить, как всё это сделать.

«Где найти этих вольных людей? И захотят ли они примкнуть ко мне? Даже если это случится, будут ли они служить нам? Как начинать новую жизнь, если те, кто придёт с нами, тоже возжелают равного существования? Что делать тогда? Крепость должна принадлежать только нам шестерым. Значит, будет новая резня, и нам придётся избавиться от тех, кто поможет завладеть и ею, и долиной. Получится ли свершить такое?» – мысленно рассуждал он.

Думы плавно увели его в крепость, где теперь находились странные воины, пришедшие неведь откуда и занявшие её. Он тут же вспомнил её единственную обительницу, девушку, что часто пыталась помочь ему едой. Она была красивой и очень искренней. Тогда, когда она находилась там, ему было не до неё, но сейчас он с огромным желанием вспоминал её, легко представляя дивный образ. При мысли о ней юноша сразу ощутил тепло, мгновенно наполнившее его душу и разлившееся по всему телу. Он уже не думал о том, что говорил собрат. Для него важнее всего в этот миг стала она, эта чужеземка. Он почувствовал небывалый прилив сил и понял, что не будет поступать так, как предложил Арам. Он иначе распорядится своей судьбой. Одно из сказанного старшим очень отчётливо врезалось в его память: «Нас мало, и нужно продолжить род».

Не имея другого выхода из создавшегося положения, все приняли предложение Арама и стали собираться в дорогу.

* * *

Едва забрезжил рассвет, Зайдана, погрузив мешки со своей частью богатств на двух лошадей, запрыгнул на скакуна, взглянул напоследок на братьев и первым тронулся в путь, держа направление на юго-восток.

Вскоре местечко, где временно нашли свой приют шестеро урартцев, было уже безлюдно, и лишь затухающий одинокий костёр свидетельствовал о недавнем пребывании здесь человека.

* * *

Зайдана, не очень спеша, достиг старой караванной дороги, на которой произошло последнее сражение его отца. Проследовав по ней на восток и миновав место схватки, он вновь повернул на север, в сторону гор, и уже к полудню созерцал их склоны, таясь за деревьями. Там, впереди, в небольшом отдалении располагалась расщелина, через которую они с отцом вышли на эту сторону в тот злосчастный день. Он догадывался, что с уходом снегов в этом межгорье могут находиться дозорные из крепости, и понимал, что пройти их заслон незамеченным, а тем более с боем для него не представляется возможным. Но он и не собирался входить в долину в этом месте, слишком велик был риск. Оказаться убитым по глупости в его теперешние планы не входило. Быть захваченным в плен он больше не желал и вторично попадать в руки кого бы то ни было не намеревался впредь никогда.

Зайдана вновь повернул на восток, ведя коней среди деревьев. Не отдаляясь от предгорий, он внимательно разглядывал их, отыскивая лишь ему известные приметы. Солнце уже слепило косыми лучами, находясь над вершинами гряды, когда Зайдана наконец увидел то, что искал. Приблизившись к подножью скалы, он спешил, вглядываясь в её срединную часть. Отсюда, снизу, горные выступы выглядели обычно и неприступно, но он помнил, что там на небольшой высоте таится звериная тропа, о которой наверняка никто не знал и даже не мог предположить. Ловко вскарабкавшись по ребристой стене на высоту почти в рост пяти человек, Зайдана нашёл извилистую и очень узкую тропку, ведущую наверх. Довольный собой он быстро спустился обратно, осмотрел ещё раз всю округу и развёл костёр, готовясь к ночлегу. Теперь он был уверен, что поутру, преодолев горную преграду, он окажется по другую сторону, там, где недалеко шумит небольшой водопад, к которому и ведёт эта звериная тропа. Развьючив лошадей, смотав верёвки и ремни, он прилёг у огня и вскоре уснул.

* * *

Едва посветлел небосвод, Зайдана поднялся. Предстоял тяжёлый день, и он слегка подкрепился подвяленным мясом и водой. Подтащив мешки к самому основанию скалы и привязав к ним верёвки, он вновь забрался наверх и стал затягивать груз туда. Завершив подъём всех грузов, он спустился обратно. Попрощавшись с лошадьми, он, присвистывая, топя и яростно размахивая руками, разогнал их по лесу. Ему было жаль терять своего скакуна, но в таком положении другого выхода не было.

Половину дня юноша совершал восхождение в гору. Порой тропа была настолько узка, что он подолгу не решался ступить дальше. Пот заливал глаза, струился по спине. Мокрые ладони скользили по холодным камням, едва удерживая от падения уставшее тело. Пальцы, изодранные в кровь, уже ничего не чувствовали и немели всё сильнее, отчего каждый маленький успех давался с всё более возрастающим усилием. О том, чтобы подтягивать мешки на следующий подходящий выступ, как он рассчитывал в начале подъёма, теперь он даже не думал. Все его помыслы были направлены лишь на одно – на то, чтобы хватило сил добраться до верха.

* * *

Верховный правитель массагетов царь Турпан прибыл в поселение Дантала без предварительного предупреждения, как было принято в степи, тем самым выказывая ему своё особое расположение. Несмотря на неожиданность визита, встреча была несуетливой и очень радушной. Турпан поправился, но пока не выглядел окончательно выздоровевшим человеком, в глаза бросалась его бледность и худоба. Однако в настроении он пребывал бодром и духом был крепок. Осмотрев всё селение, посетив места повседневного обучения детей и устроенные в честь его приезда состязания подростков, он расположился в главном шатре Дантала, куда и подали торжественные кушанья. Завершив трапезу, верховный правитель остался в шатре наедине с Данталом.

– Все отбывают в дальние кочевья, – начал он разговор. – Хватает ли тебе скота, пастбищ, кормов и другой провизии? Дети растут быстро и требуют много расходов.

– С такими друзьями и расчётливыми помощниками, как у меня, грех жаловаться, – достойно ответил Дантал, раздумывая над тем, для чего всё-таки прибыл так неожиданно царь.

– Я знаю тебя. Знаю и то, что ты никогда не потревожишь меня подобными просьбами, но ты не должен ограничиваться лишь своими возможностями, ведь все эти молодые люди – часть будущего нашего народа, и они не должны знать лишений и жить впроголодь. Твоя забота о них велика и схожа по своей значимости с деяниями твоих родителей. Я уверен в том, что ты даёшь им всё для достойной жизни, но моя помощь, думаю, не будет лишней. На днях к тебе приведут два табуна лошадей и множество другого скота. Также к тебе доставят большое количество оружия и иного снаряжения для подросших воспитанников. Кроме того, в твоё подчинение поступит двадцать пять сотен воинов. О них не тревожься, всё необходимое для их размещения и содержания прибудет с ними и будет поставляться впредь, – Турпан замолчал, затем внимательно взглянул на удивлённого Дантала и пригубил посудину с пенистым кобыльим молоком.

– Властитель, позволь мне узнать, что-нибудь случилось? – выждав, пока верховный правитель насладится напитком, встревоженно спросил Дантал.

– Нет, – спокойно ответил тот. Затем, слегка улыбнувшись краешками губ, он полушутя продолжил: – Твои нововведения в дальних землях дают скорые и большие плоды. Ко мне в строго установленное время прибывают воины и поставляется всё, что было повелено тобой.

Юноша при этих его словах искренне смутился.

– Скажи мне, – уже серьёзно продолжил Турпан, – есть ли у тебя ко мне какое-нибудь личное пожелание? Знай, Дантал, чего бы ты ни попросил, я всё исполню. Так должно быть.

– Да, светлейший, у меня есть одна просьба, – начал Дантал и, слегка запнувшись, взглянув в лицо царя, решительно завер-

шил: – Я хотел получить от тебя разрешение посетить крепость. Других желаний у меня нет.

– Что ж, я знал, что рано или поздно, но услышу от тебя такую просьбу. Всё повторяется. Когда-то твоя мать вот также стремилась попасть туда. Видимо, для вашего рода эта крепость много значит, коль даже ты не можешь жить без неё. Такое тяготение объяснимо, ведь твой отец был из тех краёв, а это очень значимо для его потомка, поскольку на свете нет ничего сильнее, нежели зов крови, – Турпан задумчиво повертел в руке посудину. Отложив её и посмотрев в глаза юноше, он продолжил: – Когда собираешься в путь?

– Снега в ущельях давно сошли, и реки от разливов вошли в берега. Мне уже подошла пора выступить в дорогу.

– Хорошо. Я даю тебе своё благословение на предстоящий поход. Да, именно на поход, – заметив удивление юноши, верховный правитель выделит последнее слово. – На моих глазах уже второе поколение одной семьи не оставляет без присмотра далёкую горную крепость. Если для кого-то такое поведение и может показаться странным, то не для меня, знавшего твоих родителей, а теперь узнавшего и тебя. По этой причине я не прошу, а велю выступить из земли матери в землю отца с войском, нужным тебе по численности, и подготовить всё необходимое для простых наших мирян, дабы в ближайшем будущем они могли осесть там на долгую жизнь. Степь становится тесной, и кто знает, может быть, в тех далёких краях доблестные массагеты пустят крепко свои корни и продолжат свои великие творения во благо будущих сынов и дочерей.

Верховный правитель и молодой воин ещё долго вели беседы, пока старший не возжелал тронуться в обратный путь. Он не остался на ночлег, несмотря на уговоры радушного хозяина, и с вечерними лучами светила отбыл в ставку.

В эту ночь в шатре Дантала на военный совет собрались все его близкие люди. Следовало обсудить очень много вопросов, связанных с предстоящим походом. При сообщении Дантала о цели прибытия верховного правителя первой реакцией созданных лиц было неподдельное удивление, но уже через миг они со

всей серьёзностью углубились в детальное обсуждение подготовки в дорогу.

Через два дня на заре, поднимая до небес клубы пыли, мимо селения пронесли огромные табуны разгорячённых сакских лошадей. За ними к полудню, источая жар, громко и утробно мыча, приблизились стада волов, за которыми вдали тянулись вереницы гружёных кибиток. Ещё через день, как и было обещано верховным правителем, с ужасающим грохотом прибыли двадцать пять сотен грозных саков во главе с Габу и Дуару. Памятуя о том, что эти два военачальника прежде долго находились с Далайей в той далёкой крепости, Турпан именно им поручил отвести войска к Данталу, дабы предоставить им возможность попрощаться с ним. Расставание было очень душевным, но недолгим, и уже на следующее утро они отбыли обратно.

Жизнь в селении, обычно размеренная и тихая, круто изменилась. Повсюду, не давая покоя воинам, громко крича, сновала восхищённая детвора. Старшие воспитанники впервые получили из рук многоопытных полководцев настоящее боевое снаряжение, оружие и скакунов. Наконец их ожидания оправдались! Радости не было предела. Желая по-своему выразить свою благодарность старшим, они облачились в новые кожаные доспехи, полностью вооружились, нацепили на островерхие шлемы заготовленные волчьи хвосты и, вытянувшись в ровную тысячную линию, прошли, гарцуя на отмытых до блеска конях и сияя в лучах заката, мимо всех поселян, высыпавших на окраину и замерших в восторге от неопишуемого зрелища. Дантал, как и все, не ожидавший такого поступка от своих юношей, с замиранием сердца созерцал ровный строй молодых саков.

Бывалые же воины-наставники, цокая языками, довольно покачивали головами, переглядывались между собой и украдкой утирали повлажневшие глаза, приговаривая:

– Ах сорванцы, угодили так угодили!

Через пять дней усиленной подготовки Дантал двинулся в поход, ведя за собой двадцать сотен прибывших войск, десять сотен молодых воинов-воспитанников, три сотни гружёных волов и тысячу лошадей, отказавшись от кибиток, непригодных при переходе ущелья.

* * *

Зайдана одолел горный подъём, самый низкий в этом месте, и весь последующий день перетаскивал свои грузы.

Водопад, как он и предполагал, находился в небольшом отдалении, наполняя округу шумом низвергающегося потока.

Осмотрев окрестности и разведя огонь в густых порослях кустарника с западной стороны небольшой заводи, куда и обрушивалась вода, он разделся донага, прыгнул в неё, стараясь как можно скорей оказаться по другую её сторону, за водопадом.

Вскоре выбравшись обратно и добравшись до берега, он долго грелся у костра, подбрасывая в него хворост.

Затем, потуже затянув кожаные мешки, подтащил их к воде и стал по одному вплавь доставлять за поток. Всякий раз выскакивая на землю, он стремглав несся к огню, дрожа от холода, судорожно подпрыгивая и размахивая руками, пытаясь быстрее согреться.

Завершив работу, Зайдана облачился в одежды и стал обустроить себе потаённое жилище подальше от заводи, в гуще непроходимых зарослей, у самого подножья гор.

* * *

Прошло очень много дней с той поры, как Зайдана, тщательно скрываясь среди деревьев, начал издали наблюдать за крепостью, в надежде увидеть ту девушку, ради встречи с которой не поступил так, как решили пятеро его сородичей, а пришёл сюда.

Крепость надёжно охранялась. Уже несколько раз с равным промежутком времени сменялись отряды дозорных, размещённых в двух ущельях. Каждое утро из ворот появлялись рабы, возделывавшие до темноты небольшие поля за лесом.

Девушка же из крепости не выходила.

Иногда ночами он покидал свой шалаш, но не шёл на охоту, а бежал вновь к крепости, бесшумно пробираясь вдоль её южной стены, едва не срываясь в пропасть, и, забравшись по крутым горным склонам, подолгу сидел на скальном выступе, оглядывая сверху крепостной двор, тускло освещённый одиноким костром у ворот и несколькими факелами под навесами.

Отсюда ему был виден и крохотный мерцающий огонёк, означавший дозорный костёр на перевале у главного ущелья.

В такие мгновения ему становилось как никогда одиноко. Прохладный воздух пробирал до костей, но уходить ему не хотелось. Там, внизу, в крепости, несмотря на пустоту и звенящую тишину, царила жизнь, которую он улавливал всем своим нутром, отчего ему становилось очень тоскливо.

Далеко за полночь он возвращался обратно, тенью скользя в лунном свечении меж огромных раскидистых деревьев.

* * *

Дантал неспешно миновал приграничные земли племён хаомаваргов, простиравшиеся от этих мест далеко на север, повстречав на своём пути их дозорный отряд, поприветствовав сотника и осведомившись о здоровье его верховного властителя.

* * *

В один из дней с утра, обнаружив, что ему совсем нечего есть, Зайдана решил поохотиться. Почти невидимая козья тропа, круто петлявшая по ребристым горным склонам, брала своё начало у самого ручья, вытекавшего из заводи, и уводила зигзагами на запад. Труднодоступная, порой едва заметная, она то уходила высоко вверх, теряясь среди многочисленных выступов, то вновь неожиданно обрывалась вниз к долине. Зайдана знал, что именно в этом направлении в полудневном переходе от водопада находится небольшое ущелье – проход в долину с южной стороны. Не опасаясь быть замеченным, он продвигался по этой опасной дорожке в надежде выследить и отстрелить крупного горного барана, что дало бы ему возможность длительное время не думать о пропитании.

Солнце уже стало припекать, когда он увидел одинокое животное, гордо стоявшее впереди на большой высоте. Огромные винтообразные рога свидетельствовали о его зрелом возрасте и невероятной мощи. Зайдана сразу присел и, теперь уже боясь быть обнаруженным им, стал медленно пробираться в его сторону, не сводя с него глаз, стараясь не вспугнуть нечаянно

оброненным камнем. Спешить не следовало, иначе сильный и осторожный самец мог надолго покинуть эту местность, уведя с собой всё своё семейство, явно находящееся где-то неподалёку. Скрываясь за каждым выступом, низко припадая к узкой тропе, едва сдерживая учащённое дыхание, Зайдана приближался. Расстояние между охотником и животным заметно сокращалось. Ничего не подозревавший самец уже неподвижно возвышался над самой головой замершего юноши. Стоя на расстоянии полёта стрелы, Зайдана изготовил лук, плавно наводя на животное. В тот самый миг, когда он был готов отпустить натянутую тетиву, самец вдруг громко фыркнул, разбрасывая слюни, нервно ударил копытом, быстро подался назад, отпрыгнул в сторону и тут же скрылся за камнями. Что-то внезапно встревожило его. Слегка отстранясь от скалы, Зайдана выглянул, но самца не увидел. Сверху послышался шорох соскользнувших вниз камешков, и откуда-то издали донеслись совсем иные звуки. Отступив на более удобное место, Зайдана окинул округу взглядом, но ничего не заметив, присел и стал прислушиваться.

Звуки не прекращались и исходили со стороны ущелья. Отдышавшись и испив воды, он спустился к подножью и побежал вдоль зарослей в направлении межгорья. Сильно запыхавшись, он остановился и теперь уже отчётливо слышал людские крики и звон оружия. В ущелье шло сражение. Больше не теряя времени, он со всех ног помчался туда, спотыкаясь, падая и вновь поднимаясь. То, что он увидел, пробравшись через кусты, поразило его своей неожиданностью. Разгромив дозор, выставленный из крепости, в долину спускалась конная и пешая вереница чыхто войск. Пригнувшись и забравшись обратно в заросли, он стал внимательно всматриваться и первым узнал Арама, развернувшего своего коня и что-то кричащего воинам. Судя по мохнатым буркам из козьих шкур и таким же головным уборам, это были горцы.

«Значит, Араму всё-таки удалось собрать новое воинство», – первое, что пришло в голову Зайданы.

Вооружённые люди всё прибывали и прибывали, скапливаясь вдоль ручья, припадая к воде. Здесь же были и остальные

четверо телохранителей отца. Гул, исходящий от тысячи людей, казалось, заполнил всю долину.

«Да, много их. Крепости явно не устоять, – вновь пронеслось в голове Зайданы. Не зная, как поступить, юноша присел на землю и задумался. – Арам не простит мне неисполнения принятого всеми решения. Они вернулись и привели людей. Я же ничего не сделал. Как мне быть теперь? Выйти к ним не могу. Что я скажу им? Правду о том, что хотел выкрасть чужеземку и продолжить род... Они на смех поднимут меня, опозорят и отвернутся. Ещё прилюдно припомнят имя моего отца, посрамлённого его недостойным отпрыском... Что же делать? Бежать в крепость и предупредить их о нависшей беде? Но ведь это означает предательство. Да и поможет ли это им?.. Если Арам возьмёт крепость, а это неизбежно, то ему будет принадлежать и чужеземка. Тогда зачем я так стремился сюда, столько терпел и ждал? Нет уж! Она достанется только мне! Чего бы это ни стоило...»

Зайдана поднялся. Не оглядываясь, он устремился назад, ещё не зная, что предпринять, но уже уверенный в том, что к своим сородичам ему возврата нет.

* * *

Арам не стал задерживаться и вскоре двинулся через долину к крепости, ведя за собой почти две тысячи наёмников, собранных им и братьями среди северных горных селений. Посулив всем несметные богатства и сытную жизнь, одарив их вождей небольшим количеством золота, ему, как и остальным четверым сородичам, удалось довольно быстро склонить к походу голодных и нищих горцев, чьи племена вели между собой бессмысленные войны, не дававшие покоя и хоть какой-то жизни. Несколько дней, приведя к ущелью в условленный срок людей, они ожидали прибытия Зайданы, но, так и не дождавшись его, вступили в долину, удивляясь тому, куда он мог запропасться. К вечеру конная часть войск, захватив по пути пасущихся лошадей и мулов, достигла возделанных полей, где с ходу были изрублены все рабы, и, приблизившись к крепости,

встала там лагерем в ожидании подхода пеших воинов. Посланная Арамом к основному ущелью сотня, не сумев внезапно и быстро преодолеть подъём на перевал, завязла в длительном сражении с десятью греческими воинами, несшими там дозор. Потеряв почти половину своих людей, горцы отступили, так и не словив обороны горстки чужеземцев. Недовольный предводитель направил туда ещё одну сотню, и лишь с её прибытием глубокой ночью главный перевал был взят. На заре началась осада крепости.

* * *

Прет пребывал в смятении. Ещё вчера днём он не мог допустить и мысли о том, что кто-то готовится посягнуть на его покой. Теперь же он с оставшимися шестью десятками воинов отражал натиск рвущихся в крепость дикарей, не понимая, откуда они взялись и что им нужно.

Противник бросал все свои силы по единственно доступному направлению – по дороге, ведущей к воротам. Всадники, пытавшиеся вначале подняться по ней, не смогли преодолеть её крутизны и были вынуждены спешиться. Врага было очень много.

Мощные, наглухо запёртые створки ворот пришлось дополнительно подпирать толстыми брёвнами. Лучники, забравшись на стены, метко сражали осаждавших, в первую очередь прицеливаясь в тех, кто стремился подойти с факелами, чтобы поджечь ворота.

Весь день продолжался штурм крепости. Вся небольшая площадка перед воротами была усеяна телами. Среди осаждённых также были потери.

К вечеру бой прекратился. Враг отступил на отдых. Рабы, постоянно снабжавшие воинов стрелами и копьями, теперь носили наверх камни и складывая их в кучи, готовясь к возможной ночной атаке. Ортия не отходила от раненых. Она всячески пыталась облегчить их страдания: подносила воду, промывала и перевязывала раны, уводила в строения, заботливо укладывала на лежаки. Опустилась тревожная ночь.

* * *

Зайдана наблюдал за ходом сражения, забравшись на высокое дерево. Он не мог знать о том, что творилось за стенами крепости, но, видя упорство горцев, догадывался о потерях защитников, неизбежных при осаде. Где-то в глубине души он жалел находящихся в западне людей, понимая, как им теперь тяжело, зная их небольшую численность, которая будет уменьшаться с каждым штурмом. Именно по этой причине, думал он, долго продержаться им не удастся, и если даже такое случится, то голод однажды добьёт их всех.

«Арам никогда не отступит. Ему не жаль приведённых наёмников. Чем больше их поляжет, тем лучше для него. Судьба крепости решена. Так или иначе, но она уже в его руках. Осталось всего лишь выждать время, – размышлял Зайдана, спускаясь на землю и разминая затёкшие ноги. – Видимо, из всего затеянного у меня ничего уже не получится. Попасть в крепость теперь невозможно. Помочь хоть как-то чужеземке я не могу. Что же делать? Бессмысленно бродить по этим лесам до самой смерти – глупое занятие. Может, всё-таки явиться к Араму, обмануть его, сказать, что ничего не вышло, и таким образом приблизиться к своей цели? Нет. Не могу. Не по мне это. Лучше уж быть одному и достойно прожить остаток жизни. Жизни?! Разве всё это можно назвать достойной жизнью?! Нет. Отец бы не одобрил моего поведения. Нужно во что бы то ни стало добиться своего! А иначе как потом смотреть в глаза своих будущих детей? Как чему-то их учить, что-то требовать от них, зная и всегда помня своё жалкое прошлое. Я должен что-то придумать, что-то делать и не сидеть целыми днями на этом дереве!» – Зайдана зло ударил кулаком по шершавому стволу и, развернувшись, решительно шагнул в сторону крепости.

* * *

Прет не спал. Он забрался на стену и скрытно следил за подступом. В небольшом отдалении от него внизу, среди деревьев, пылали вражеские костры. Стояла тёмная ночь, от чего видимости как таковой не было. Вдруг в какой-то момент он скорее по-

чувствовал, нежели заметил едва уловимое движение у самого основания подъёма к крепостным воротам, и стал внимательно вглядываться туда. Он не ошибся. Кто-то осторожно поднимался наверх по дороге. Двое воинов, находящихся рядом с ним, мельком взглянув на него, тут же вскинули луки. Прет слегка поднял руку, запрещая преждевременную стрельбу. Те замерли. Сделав шаг назад, он махнул другому воину, ожидавшему чуть ниже на лестнице. Тот сразу протянул ему факел. Быстро размахнувшись, Прет кинул его в сторону крадущихся. Описав дугу, факел полетел вниз, тусклым огнём осветив несколько фигур. Тут же его воины выстрелили, сразив двоих из них. Одновременно с ними в свете разлетевшихся искр, вскрикнув, упал ещё один, схватившись за вонзившуюся в правый бок стрелу. Послышался отдаляющийся топот.

– Вы видели? – недоумевающее спросил Прет.

– Да. Кто-то выстрелил вон оттуда, – вытянув руку влево от ворот, прошептал ближний воин.

– Странно, – протянул Прет, всматриваясь в ту сторону.

В эту ночь больше никто не осмелился приблизиться к крепости. Два последующих дня Араму также не удалось завладеть ею. Он нёс огромные потери, но вновь и вновь бросал на приступ своих наёмников. Каждую ночь он направлял лазутчиков к воротам, рассчитывая поджечь их, но ничего из этой затеи пока не получалось. Они погибали, так и не добравшись до них.

Горцы стали поговаривать о каких-то людях, в ночной темноте обстреливающих их со стороны старого захоронения. Направленные туда отряды никого там не обнаружили, и, как бывает в таких случаях, среди людей поползли слухи о демонах, вставших на защиту либо крепости, либо странных могил. Теперь у суверенных горцев уже не было той уверенности в себе, что привела их сюда в жажде хорошей наживы. Они недовольно поглядывали на Арама, но продолжали исполнять его веления.

* * *

Дантал находился в однодневном переходе от ущелья, за которым в горной чаше раскинулась заветная долина. Рядом с

ним молчаливо следовали Форкис, Гром, Савват, Комата и Борус. Изредка к ним подъезжали Зубар и Саваш. Первый отныне командовал основным войском. Второй же, будучи прежде сам воспитанником селения Далайи, теперь предводительствовал над всеми молодыми саками, подопечными Дантала. К полудню нагнало тучи, пошёл ливень. Решили остановиться и переждать ненастье. Разбивать лагерь не стали, лишь натянули лёгкие навесы. Дантал снял шлем и, подставляя влаге лицо, нетерпеливо поглядывал на небо.

* * *

Разразившийся проливной дождь был на руку осаждённым. Он прибывал ужасающие запахи разлагающихся у ворот тел, препятствовал активным вражьиим атакам, выматывая до изнеможения воинов, вязнувших и скользящих в слякоти, заливал их факелы, не давая возможности подпалить ворота. Только теперь Прет по-настоящему понял, насколько правильно была выстроена эта крепость. При соответствующем количестве обороняющихся войск и достаточных запасах продовольствия её не смог бы взять никто. Но сейчас положение защитников становилось критическим. Из шестидесяти воинов в живых осталось лишь двенадцать. Что ни делала и как ни старалась Ортия, многие тяжелораненые умирали.

Прет с двумя помощниками Диагора и Лисиппом все эти дни был бесшумным стражем на стенах крепости и ещё чудом держался на ногах, давая другим возможность немного отдохнуть. Воспалёнными от бессонницы глазами они всматривались сквозь пелену дождя, готовые сразить любого, кто приблизится к воротам.

* * *

Зайдана, облачённый в панцирь, оставленный ему когда-то странным юношей-освободителем, устало сидел в лесу под деревом, часто подставляя под струи дождя сложенные ладони и прямо с них утоляя жажду. Прохладная влага быстро скапливалась в руках. Сброшенный рядом шлем, ставший таким тя-

жѣлым, наполовину был наполнен водой, но он не замечал этого, хотя мог бы напиться из него. С каждой прошедшею ночью у него всё меньше оставалось стрел, и этим утром он обнаружил, что их в колчане было всего две. Целыми днями он ни на миг не покидал этого места, боясь не успеть примкнуть и раствориться в толпе, которая очень скоро, по его мнению, должна была ворваться в крепость. Он надеялся таким хитрым способом спасти чужеземку.

Ночами же он приближался к дороге, ведущей к крепости, и сражал каждого, кто пытался подобраться к воротам, тем самым давая возможность своей избраннице увидеть свободной ещё один рассвет. Дождю он радовался как никогда, поскольку вода для него стала единственным источником силы. С того дня, как он покинул своё укромное жилище, он ничего не ел. Еды у него не было. Лишь неимоверным усилием воли он запрещал себе думать о ней. Последняя ночная вылазка далась ему с огромным трудом, и он едва не угодил в руки наскочивших всадников, вовремя спрятавшись за могильным камнем с изображением женщины. Горцы почему-то не приблизились к нему, воротаясь обратно.

* * *

Дождь лил до самого вечера, затем как-то внезапно прекратился. Дантал тут же тронул своего скакуна. Впереди оставался последний ночной переход.

* * *

Дождавшись наступления темноты, Арам, сидя у костра, обратился к своим собратьям, как и он, очень хорошо знавшим крепость.

– С этими пустоголовыми мы ещё долго будем торчать в лесу. Нужно что-то придумать и наконец завладеть крепостью. Сколько можно терпеть такое убогое положение? Пора покончить с этим. Я вот что предлагаю. Кому-то из вас, даже лучше двоим, под покровом ночи следует пробраться вдоль южной стены, подняться на скалы над крепостью и, оттуда проникнув

внутри, убить их предводителя. Иного выхода я не вижу. Да, это опасный для вас путь. Прохода над пропастью почти нет, но нужно очень постараться. Послать кого-то из этих тугодумов я не могу. Ну, что скажете?

– Хорошо. Раз надо – мы пойдём, – тихо, но уверенно ответил Акоп, слегка коснувшись рукой сидящего рядом Гургаша.

– Что молчишь, Гургаш? Ты готов идти с Акопом? – спросил Арам.

– Да, конечно, – взглянув старшему в лицо, ответил тот.

– Что ж, решено. Идите и сделайте всё как подобает, – вставая, произнёс Арам. – Да помогут вам боги.

Вскоре, проверив оружие, двое урартцев исчезли в темноте, направляясь чуть правее подъёма к крепостным воротам.

Выждав некоторое время, Арам повелел горцам приступить к ночному штурму, дабы стянуть силы защитников крепости к воротам и отвлечь их внимание от дальних её строений, куда должны были проникнуть его собратья.

* * *

Зайдана, несмотря на сильный дождь задремавший под деревом, уловив его окончание, поднялся на ноги и с хрустом потянулся, осматривая чистое звёздное небо. Немного отдохнув, он чувствовал себя значительно лучше. Лишь голод упорно напоминал ему о себе, сводя желудок до боли. Подняв с земли шлем, он обнаружил скопившуюся в нём воду и с удовольствием выпил её всю до последней капли, подумав: «Надо же, будто кто-то приготовил её для меня». Утолив жажду и слегка погасив этим голодные позывы, он быстрым шагом двинулся к своему обычному ночному месту, откуда вёл довольно странную войну. Мокрая трава забрызгивала ноги холодными каплями, взбадривая его, заставляя двигаться ещё быстрее.

Приблизившись на расстояние, равное полёту стрелы, к дороге, ведущей к крепости, Зайдана скрылся за толстым стволом крайнего дерева и, стал, как всегда, осматривать подступы к воротам. Стоило ему выглянуть, и отсюда, с этого места, были видны костры в лагере горцев. Подавшись вперёд, он посмотрел в

их сторону и сразу же отпрянул. Два тёмных силуэта промелькнули в небольшом отдалении от него и очень скоро исчезли под ближним крутым откосом подъёма. Как только они удалились, горцы бросились в атаку, освещая факелами дорогу к крепости. Зайдана рванулся вслед за двумя лазутчиками, на ходу снаряжая лук. Боясь быть замеченным с дороги, он низко пригнулся, сделал сильный рывок и пробежал опасно освещённый участок, припав спиной к откосу, чтобы спрятаться в тени насыпи. Отдышавшись, он стал медленно пробираться к пропасти, туда, где скрылись те двое.

Юноша понял их намерение: они явно собирались преодолеть пропасть по очень узкой каменной кромке вдоль крепостной стены и, забравшись на скалы, попасть внутрь крепости с дальней её стороны. Зайдана догадывался, от кого исходил этот коварный план. Только хитроумный Арам мог предпринять столь рискованный манёвр. На что он рассчитывал при такой погоде, Зайдана не понимал. Принятое сородичем решение было почти безумством. Прежде сам не раз пробиравшийся в этом месте, он знал, что ширина выступа – всего в полступни, и даже по сухому камню трудно удержаться на высоте. Без помощи рук, не цепляясь пальцами за мелкие трещины, о которых ещё нужно знать, пройти невозможно. Но как бы там ни было, а те двое смельчаков уже начали опасное движение. Зайдана вскарабкался вверх по мокрому валу и, оказавшись за углом крепостной стены, замер на краю глубокой пропасти, черневшей под ногами. Переведя дыхание, он перекинул за спину лук, нащупал в стенной кладке щель и осторожно ступил.

Переход в эту ночь для него был самым долгим и тяжёлым. Несколько раз его ноги соскальзывали с выступа, и лишь ценой невероятных усилий ему удавалось подтянуться, держась на пальцах, почти до ладоней всаженных в спасительные трещины. Он добрался до скал за пропастью. Идущих впереди он не видел, но в том, что они также перебрались на эту сторону, он не сомневался, иначе, как он полагал, он услышал бы звуки падения. Немного отдохнув и отдышавшись, он стал взбираться вверх по

крутым горным выступам и продвигаться ближе к крепости, уже отсюда с высоты видя в её дворе и на стенах у ворот множество огней. Довольно скоро он оказался над главным жилым строением крепости, расположенным под горой.

В этом месте задняя крепостная стена была выложена так, что почти соприкасалась со скальным отвесом. Лишь теперь на фоне дальних отсветов он увидел преследуемых воинов, осторожно скользящих вниз по верёвке. Медлить было нельзя. Зайдана стал спускаться за ними. На общей кровле строения, перекрытой каменными пластинами до самых стен, выступали невысокие островерхие крыши отдельных его помещений. Лазутчики уже находились на ней, когда Зайдана добрался до их верёвки и, дождавшись пока они скроются, быстро соскользнул вниз. Оказавшись на уровне крыши, он оттолкнулся от выступа и, отпустив конец верёвки, прыгнул.

* * *

Прет, не ожидавший сильного ночного натиска врага, вывел на стены всех своих людей, включая рабов. Ярость, с какой атаковал противник, была по-настоящему необузданной и дикой. Сверху на него летели камни, копья и стрелы, но он не отступал, напирая всё сильнее, заполнив весь подъём и всю площадку перед воротами. Несколько рабов, зачерпывая воду из кипящих котлов в медные чаны, обжигаясь, доставляли её наверх и сливали прямо на головы тех воинов, которые пытались подпалить ворота. Намокшая после дождя и теперь обливаемая водой древесина створок не возгоралась, вопреки ожиданию врага, ввергая его в ещё большую ярость.

Горцы, как догадывался Прет, имели навыки штурма подобных укреплений, так как подтаскивали к крепости брёвна и таранили ими ворота. Некоторые из них устанавливали у стен вырубленные цельные стволы деревьев с обломанными сучьями, по которым тут же целыми группами пытались взобраться наверх, но высота была недосягаемой, и они обрушивались вниз под своей же тяжестью. К полуночи атаки стали ослабевать. Сказывалась усталость.

Прет, находящийся прямо над воротами, видя, как отступает противник, отошёл в сторону одной из приставленных к стене лестниц, принял из чьих-то рук кувшин и надолго припал к нему. Вдоволь утолив жажду и вылив остатки воды себе на голову, он мельком взглянул во двор и тут же замер. В слабом отблеске огней он вдруг увидел, как один за другим с крыши дальнего строения во двор спрыгнули два человека. Пока ещё не понимая, кто эти люди, он спустился вниз и, скрываясь за столбами ближнего навеса, обнажив меч, стал осторожно продвигаться в их сторону. Бросив взгляд на крышу и больше ничего не увидев, он ускорил шаг. Тех было двое. Прислонившись к стене, они озирались по сторонам.

Когда до них оставалось несколько шагов, Прет вышел из-под навеса, но вновь замер. Чуть в стороне от них, скрипнув, настежь отворилась дверь, и на пороге появилась Ортия, держа в руке какую-то посудину. Один из этих чужаков тут же метнулся к ней, резко дёрнул её за руку и заскочил ей за спину, приставив нож к шее и зажав ладонью рот. Глиняная чаша, выскользнув из её руки, упала, разлетевшись на мелкие черепки. Прета охватил ужас. Он не знал, как поступить. Его дочери угрожала опасность, и любое его движение могло причинить ей вред и даже повлечь её смерть. Как он теперь ясно понимал, эти люди были настроены очень решительно и явились сюда неспроста. Медленно склонившись, не сводя глаз с пришельцев, Прет опустил на землю меч, судорожно обдумывая сложившуюся ситуацию. Второй лазутчик, мягко ступая, направился в его сторону. В этот момент кто-то ещё, мелькнув тенью, слетел с крыши прямо на спину удерживающего Ортию и сильным ударом свалил его. Прет, не мешкая, подхватил меч и бросился на оглянувшегося на шум чужака, шедшего в его сторону. Завязалась схватка.

Несколько воинов, увидев это, спустились со стены и уже спешили на помощь Прету. Вскоре нанеся смертельный удар противнику, он, переступив через тело поверженного, побежал к Ортии. Вопреки его ожиданию, странный спаситель его дочери не стал добивать лежащего перед ним захватчика. Он схватил девушку, перекинул её через плечо и скрылся под другим навесом у дальней окраины строения.

* * *

Зайдана спешил. Девушка сильно сопротивлялась и несколько раз ударила его кулачками, пытаясь вырваться. Он помнил, что там, куда он бежал, в самом углу навеса был небольшой лаз, по которому можно было забраться на крышу. Добежав до него, он остановился, натужно дыша, выискивая в темноте под ногами бревно, всегда лежавшее в этом месте. Но его не было. Сзади слышались шаги бегущих людей. Понимая, что ему не удастся скрыться со своей драгоценной ношей, он опустил её на ноги, взглянул на прощание в её напуганные глаза, отстранился от неё, с разбегу прыгнул к лазу, ухватился руками за жерди и выскочил наверх. Несколько стрел просвистели над его головой. Пробежав по крыше, он быстро добрался к тому месту, где свисала верёвка и, в броске зацепившись за неё, стал взбираться вверх по скале. Лишь на высоте, подтянув её, он присел, переводя дыхание, понимая, что ему чудом удалось уйти от преследователей.

«Надо же, я чуть не убил Акопа. Кто же был вторым? Выходит, Арам направил его, хорошо знающего крепость. Другой бы не прошёл. Только Акоп да ещё Гургаш могли сделать это. Неужели вторым был Гургаш?» – размышлял Зайдана, всматриваясь во двор крепости.

* * *

Прет ворвался под навес и чуть не сбил с ног стоявшую в углу дочь. Увидев его, она бессильно опустилась. Он тут же бережно подхватил её на руки и понёс обратно. Подбежавший Лисипп ловко забрался наверх, но, проверив крышу и никого не обнаружив там, спустился во двор.

– Как ты, дочь моя? – почти шёпотом проникновенно спросил отец, опуская её на лавку у стены.

Не сумев ответить, она кивнула, прикрыв глаза, давая понять, что с ней всё в порядке. Связанный чужак лежал у двери, что-то бормоча и зло тараща глаза по сторонам. Тело второго оттащили к воротам. Двое воинов стояли посреди двора, опустив луки, и вглядывались в темноту над строением.

– Прости, что оставил тебя одну, – прошептал Прет, присев перед дочерью, и широкими ладонями нежно провёл по её щекам, вытирая выкатившиеся бусинки слёз.

– Отец, это был он, – дрожащими губами прошептала Ортия.

– Кто? – напряжённо спросил Прет, смотря ей в глаза.

– Тот самый юноша, пленник, – ответила она.

– Тот, кого увёл Дантал? – сразу догадался Прет.

– Да, – кивнула Ортия.

– Ты уверена? – удивился отец.

Ортия вновь кивнула, утирая рукой губы. Прет поднялся.

– Лисипп, как там? – спросил он стоящего рядом помощника.

– Пока тихо. Отступили, – спокойно ответил тот, протянув Ортии кувшин с водой.

– Оставь там двоих. Остальные пусть немного отдохнут, – распорядился Прет, опускаясь на лавку рядом с дочерью. – Сколько у нас людей?

– Не считая троих рабов и нас с тобой, ещё шесть человек, – с горечью в голосе вновь ответил Лисипп.

– Да, негусто, – вздохнув, произнёс Прет. – К тому же и эти двое сумели пробраться к нам.

– Трое, – поправил его Лисипп.

– Третий не в счёт. Он, похоже, не на их стороне, – задумчиво протянул Прет.

– Думаешь, это он помогал нам каждую ночь?

– Выходит, он.

Ортия взглянула на отца, но промолчала. Лисипп направился к воротам.

* * *

Далеко за полночь передовая сотня саков дошла до ущелья. Дантал следовал сразу за ней.

– Думаю, будет правильным, если я возглавлю первую сотню и доберусь до перевала, – предложил ему Форкис. – Мало ли что может случиться. Вдруг дозорный отряд Прета, не разобравшись в темноте, начнёт стрельбу, приняв нас за врагов.

– Нет. Тебе не стоит рисковать. Я сам поведу её, – возразил брату Дантал.

– Тогда я с тобой, – решительно произнёс Форкис.

– Хорошо. Будь по-твоему, – согласился Дантал. – Зубар, – он повернулся в другую сторону, – веди войска за нами. Мы войдём в ущелье с первой сотней.

* * *

Целая сотня горцев, оставленная Арамом на перевале главного ущелья, большей частью расположилась у её основания, разместив наверху полтора десятка воинов.

– Вы ничего не слышите? – спросил один из верхних дозорных.

– Что там опять тебе вдруг померещилось? – подойдя к нему, недовольно произнёс старший.

– Вроде кто-то есть там, внизу, – неуверенно пожал плечами тот.

Старший подошёл к узкой тропе, ведущей вниз в ущелье, приставил к уху ладонь и стал прислушиваться.

Цокот конских копыт он услышал довольно отчётливо.

– Все к бою! – крикнул он. – Сообщите остальным. Живо.

Горцы мгновенно вскочили на ноги, быстро запалили от костра факелы, сгрудились рядом со своим старшим, прислушиваясь к звукам, доносящимся из межгорья и всматриваясь в её густую темень.

* * *

Пройдя ущелье, Дантал первым достиг тропы, ведущей к перевалу.

Он сразу увидел наверху множество огней, остановил коня и громко выкрикнул на греческом языке:

– Эй, вы там, наверху, это я, Дантал.

Сверху никто не ответил.

– Вы что, не слышите? – выждав, вновь выкрикнул он.

На перевале молчали.

– Ну-ка, дай я попробую, – поравнявшись с ним, попросил Форкис.

– Мы поднимаемся. Передайте Прету, вернулись Дантал и Форкис, – приставив ко рту ладони, прогремел он.

Эхо гулко разнесло его слова по всему ущелью, отдаляясь и повторяя: «...ркис... кис... ис...»

– Они не могут не слышать нас, – удивлённо произнёс Дантал. – Странно, но ведь они там. Вон сколько факелов светится.

– Что-то неладное там творится, – недовольно мотнул головой Форкис. – Может, послать туда людей?

– Ничего не понимаю. Должен же хоть кто-то из них ответить нам, – Дантал явно был взбешён.

– Ладно. Я попробую подняться туда и всё разузнать, – твёрдо решил Форкис, спрыгивая с коня.

– Подожди, может, одумаются, – предложил Дантал.

На перевале по-прежнему царил тишина. Форкис стал подниматься по тропе. Тут же за ним, спешившись, тронулись Гром и Савват. Они уже достигли середины подъёма, когда вдруг сверху на них полетело несколько факелов и вслед им засвистели стрелы. Не ожидавший ничего подобного, Форкис поднял голову, и в этот момент острая боль пронзила его левое плечо, отбросив назад. Гром, успевший подхватить падающего Форкиса, прикрыл его своим телом и стал быстро сползать вниз. Савват, видя, что их обстреливают, подался в сторону, пропуская Грома, снарядил лук и выстрелил вверх. В тот момент, когда он закладывал новую стрелу, огромный камень упал ему на голову, с хрустом проломив ему голову. Аравиец замертво рухнул.

Увидев происходящее, Дантал соскочил с коня и бросился к Грому, помогая перенести раненого Форкиса. Стало понятным, что на перевале нет ни одного греческого воина и что там находятся враги. Убедившись в том, что Форкис всего лишь ранен и ему не угрожает опасность, Дантал передал его подоспевшим Борусу и Комате. Больше не задерживаясь, он повёл сотню на взятие перевала, повелев воинам сойти с коней и прикрыться щитами. Добравшись до Саввата, Дантал склонился над ним и, не обнаружив признаков жизни, распорядился спустить его тело вниз.

Саки неудержно рванули наверх. Горцы, теснясь на небольшой площадке, сменяя друг друга над тропой, выпускали тьму стрел по восходящему противнику, не зная, кто угрожа-

ет им и сколько их там, в ущелье. Неся потери, воины Дантала неуклонно приближались к верхушке перевала. Вскоре с диким воем они ворвались на неё, сражая горцев, скатываясь с ними по дальнему склону. Уже посветлело предрассветное небо, когда пятая сакская сотня, быстро преодолев перевал, спускалась в долину, скапливаясь на ближней окраине ещё сумрачного леса.

* * *

Отведя войска от крепости, Арам прилёг, ожидая возвращения Акопа и Гургаша. Сказывались почти бессонные ночи. Он задремал. Сквозь пелену полусна до его слуха донеслись отдалённые звуки боя. Не понимая ещё, снится ли ему это или же наяву происходит, он, с трудом разлепив веки, прислушался. Звуки не исчезли. Первое, что пришло ему в голову, было связано с Акопом и Гургашем, наверняка, как подумал он, устроившими резню за крепостными стенами. Арам встал, вышел из шатра и только теперь понял, что ошибся. Бой шёл, но на перевале.

Из темноты выхватываемый всполохами костров вдруг вылетел всадник, приблизился к нему и сообщил о нападении на их сотню чьих-то войск, появившихся из ущелья. Арам тут же поднял на ноги весь лагерь. Всех конных воинов во главе с сородичем Валехом он сразу направил к перевалу. Пешие войска и последнего своего сородича Матиса Арам оставил при себе.

* * *

Зубар, не дожидаясь перехода через перевал всех войск, хорошо помня местность, повёл саков по окраине леса в сторону крепости и с ходу налетел передовой сотней на движущегося на встречу противника.

Началось сражение.

Первые солнечные лучи блеснули в горных вершинах, отбрасывая от них во все стороны яркий свет, и осветили долину, ещё не вытесняя из неё ночной прохлады и не согревая её своим теплом.

Валех ожесточённо дрался в самых первых рядах. Он знал, что именно сейчас очень важно показать горцам всё, на что он

способен, иначе они, измотанные длительной и пока бесполезной осадой крепости, не смогут дать должного отпора непонятно откуда взявшимся врагам.

С открытой местности битва постепенно переместилась в лес, куда первыми хлынули горцы в надежде обойти противника и взять его в кольцо. Вскоре они поняли, что их меньше, а враг наращивает силы, всё прибывая и прибывая с перевала. Валех, видя превосходство противника, направил к Араму гонца с просьбой о помощи. Тот прислал к нему три сотни пеших воинов, остальных же вновь бросил на штурм крепости, где в случае поражения от пришельцев в долине можно было занять оборону.

Не зная положения дел в крепости, Дантал, не дождавшись прибытия Саваша, взял с собой три сотни из войск Зубара, углубился в лес и стал в обход пробираться к ней.

* * *

Прет, понимая, что очень скоро враги ворвутся в крепость, пребывав в отчаянии, не зная, как поступить с дочерью. Всё, что он делал сейчас, находясь на стене, было связано уже не с защитой этого сооружения, а с желанием во что бы то ни стало, даже ценою своей жизни, спасти Ортию. Видя, как, схватившись за грудь с вонзённой в неё стрелой, полетел вниз Лисипп, он с болью в душе простился с ним и уже сожалел, что помешал тому юноше похитить ночью дочь. Лишь теперь он осознал, что это и был единственный шанс для её спасения, и этот шанс был упущен.

Не получая должного сопротивления, горцы двумя таранами били в ворота, всё сильнее расшатывая их и готовясь ворваться внутрь.

* * *

Отсюда, с высоты, с наступлением утра Зайдана уже видел перевал, с которого спускались чьи-то многочисленные войска. Разглядеть их ему не удавалось, но по звукам сражения ему было понятно, что они – враги горцев. Он взглянул на крепостные ворота. Они сотрясались от наносимых снаружи ударов и вскоре

должны были разлететься. Над ними на стене находилось всего четыре человека, среди которых он узнал отца девушки. Крепость была обречена.

Зайдана сбросил смотанную верёвку и быстро спустился по ней вниз. Перепрыгнув на крышу, низко пригибаясь, он перебежал на другой край. Припав к нему и осмотревшись, спрыгнул во двор. Здесь никого не было. Отскочив в сторону и скрывшись за столбом навеса, он стал наблюдать. Со стены во двор с грохотом упал воин. Сражённый стрелой, дёрнувшись, он замер. Отец девушки, взглянув на поверженного, оглянулся. Зайдана махнул ему рукой, подзывая к себе, слегка высунувшись из укрытия. Тот, видимо, узнал его и, что-то сказав оставшимся двум воинам, побежал по стене к лестнице, увлекая их за собой. Ворота сдерживались лишь приставленными изнутри брёвнами, часть из которых, отскочив при ударах, уже валялась на земле. Видя, что люди бегут к нему, Зайдана быстрым шагом направился под противоположный навес к лазу на крышу, по которому взбирался ночью.

* * *

Прет сразу узнал бывшего пленника. Оглядываясь на ворота, он устремился за ним. Левая часть главного сооружения крепости была приспособлена под хранилище. Вход в него находился под навесом и представлял собой низкую дверь. Прет отворил её, склонился внутрь и окликнул Ортию. Она тут же появилась, встревоженно глядя ему в лицо. Не обмолвившись ни словом, он кивнул в сторону поджидавшего у лаза юноши. Увидев ночного посетителя, ничего не понимая, она вновь посмотрела на отца, но тот уже отошёл от неё и пристально вглядывался в сторону ворот. Ортия шагнула к лазу. Юноша быстро присел, обхватил её за ноги, поднялся и вытолкнул её к проёму. Она ухватилась за края, выбралась наверх и отстранилась, пропуская чужака. Крепко схватив её за руку, он побежал. За ними, стараясь не отстать, бежали Прет и двое воинов. Юноша первым поднялся по верёвке. Прет, обвязав её свисающим концом тело дочери, махнул ему. Тот стал подтягивать девушку наверх

и, как только она оказалась возле него, отвязал верёвку и вновь сбросил её вниз. В этот момент с треском и грохотом разлетелись крепостные ворота, и вражий поток с душераздирающими криками устремился во двор.

– Отец, скорее! – не выдержав, вскрикнула Ортия.

– Прощай, дочь моя! – Прет, задрав голову, взглянул наверх, в её сторону, выхватил меч и устремился к лазу.

Двое его воинов кинулись за ним.

– Не-е-т! – закричала она, прикрыла ладонями лицо и заплакала.

Юноша встал. Он видел, как навстречу последним трём защитникам крепости по крыше уже бежали горцы. Вскоре они все сошлись в ближнем бою. Юноша выбрал верёвку и опустился на место.

* * *

Дантал выскочил из леса недалеко от захоронений. Он увидел, как пешие воины ворвались в крепость. На скаку бросив быстрый взгляд в сторону могил своих родителей, он направил коня на врага. Три сотни саков ударили по противнику неожиданно. Горцы, давя друг друга, спешили быстрее подняться к воротам, но крутой подъём давался им с трудом, и почти половина из них ещё оставалась у его подножья. Выпустив по ним издали несколько стрел, саки врезались в самую их гущу, круша и сметая всех на своём пути, не давая возможности отставшим воинам подняться наверх.

* * *

Арам в сопровождении Матиса, с первой сотней ворвавшись в крепость, уже находился на стене над воротами. Он видел, как несколько человек яростно сражались с горцами на крыше дальнего сооружения. С ними покончили довольно быстро. Других защитников не было. Из-под навеса, почти у ворот, вывели связанного Акопа. Тому, что он жив, Арам был искренне рад, но больше всё-таки был удивлён. С трудом забравшись на стену, тот сообщил ему о смерти Гургаша. Услышав за спиной

чуждый дикий вой, Арам развернулся и увидел налетевшую с южной стороны конницу врага. Почти четыре сотни его войск были уже в крепости, но около двух сотен пока оставались внизу, отбиваясь от противника. Понимая, что те обречены, и не считая нужным помочь им, он велел закрыть полуразбитые ворота. Несколько воинов ринулись за ворота к собратьям, но остальные, несмотря на явное недовольство, всё же исполнили приказ, понимая, что спасение может быть только здесь, на этой стороне ворот.

– Не верю своим глазам! – вдруг воскликнул Акоп.

– Ты это о чём? – вздрогнув от неожиданности, спросил Арам, взглянув на него.

– Он был здесь, а теперь там, – непонятно произнёс тот, указывая рукой в сторону дерущихся внизу.

– Кто? – Арам недоумённо перевёл туда взгляд.

– Зайдана. Вон он, – почти прошептал Акоп.

– Зайдана?! – удивился Арам, подавшись вперёд.

– Вон же. Видишь? На коне, – приблизившись к нему, вновь показал рукой Акоп.

Увидев Зайдану, Арам замер.

– Я же говорю тебе, он был здесь. Ещё тут была девушка. Они скрылись на крыше. Я видел, – не унимался Акоп.

– Этого не может быть! – теперь Арам не верил своим глазам. – Какая девушка? О чём ты? Там на крыше было несколько воинов и всё, больше никого, – раздражённо сквозь зубы процедил он.

– Может, мне показалось, – отпрянув, неуверенно пробурчал Акоп.

Встряхнув головой, он тут же решительно добавил:

– Но там ведь он? Этого ты не можешь отрицать?

– Вроде он. Но почему он там? Неужели предал? Или мне уже тоже мерещится всё это? – Арам был явно растерян.

– Матис! – крикнул он, оглядываясь и ища его.

– Чего тебе? – подбежал тот.

– Вон там, на коне, кого ты видишь в самом центре? – спросил Арам, указывая рукой.

– Кого-кого, Зайдану, – спокойно произнёс Матис, даже не посмотрев в ту сторону.

Арам, ещё больше удивившись тому, как уверенно ответил собрат, пристально посмотрел ему в лицо. Тот виновато отвёл глаза.

– Ты что, уже заметил его и ничего не сказал мне? – Арам негодовал.

– А что говорить? Что изменится от этого? Нужно к обороне готовиться, а не Зайдану разглядывать. Ты ведь рвался в эту крепость, вот мы и здесь, – Матис зло взглянул Араму в глаза и, резко развернувшись, ушёл обратно.

– Не думал я, что такое может случиться, – прошептал Арам. – Ну а эти кто такие? Кого он привёл?

– Это кочевники. Саки, – как-то обречённо тихо ответил Акоп. – Их очень много. Нам, похоже, не выстоять. Матис прав. Странная эта крепость. То она заставляет людей себя осаждать, то их же вынуждает оборонять себя. Любит она кровь. Много крови. Ненасытная она какая-то. Видимо, тем и живёт. Иначе как объяснить её неизменное долголетие?

– Кровь, говоришь, любит? Вечно стоять желает? Нас не будет, а она всё равно будет торчать среди этой долины? Ты это хочешь сказать? Нет уж! Хватит. Не бывать такому. Коль нам не жить в ней, то и другим она не достанется, – Арам рассвирепел.

Оглянувшись, он скользнул ненавидящим взглядом по всей крепости, затем, сорвавшись с места, побежал по стене и что есть сил заорал на родном языке:

– Открыть ворота! Матис, слышишь меня? Поджечь всё здесь. Если последний собрат не хочет видеть ни тебя, ни меня, ни его, – Арам ткнул рукой в сторону бегущего за ним Акопа, – зачем нам жить? Для чего нам нужна эта крепость? Нет нас. Всё кончено. Даже последних из одного рода она сделала врагами. Уничтожить её немедленно!

– А-а-а, чего стоите?! – сбрасывая с себя панцирь, заорал Матис на языке горцев. – Сжигайте всё. Открывайте ворота. Смерть врагу!

Десятка два горцев бросились к кострам, схватили жаркие головёшки и разбежались по двору, разбрасывая их во все сто-

роны. Остальные, словно ждали этой команды, вмиг распахнули створки ворот и мощным потоком хлынули вниз по дороге.

Не ведали трое урартцев о своих заблуждениях, ошибочно принимая Дантала за Зайдану. Они не могли знать ни того, что Зайдана всё это время находился на горе над крепостью и не поднял на собратьев меч, ни того, что внизу против них сражался молодой сакский вождь Дантал, схожий внешностью с их сородичем.

* * *

Зубар, получив в подмогу все свои сотни, прибывшие с перевала, громил горцев, заставляя их отступать.

Вскоре к нему, не найдя Дантала, подлетел гонец от Саваша, уже перешедшего в долину со всем своим войском. Зубар передал Савашу повеление не вступать в это сражение, а спешно следовать в обход через лес к крепости на помощь к Данталу.

Саваш, нахлёстывая скакуна, быстро скрылся среди деревьев, ведя за собой десять сотен молодых воинов.

* * *

Разгорячённый Дантал, захваченный азартом битвы, не сразу заметил вырвавшихся из крепости вражеских воинов и, лишь услышав грохот сотен ног и громкий ор, завертелся на коне и взглянул в ту сторону. Горцы лавиной скатывались вниз, размахивая копьями и мечами.

– Отходим! – скомандовал он.

Около двух сотен его воинов тут же откатились обратно, выпуская тьму стрел по бегущему противнику.

– Они подошли к крепости, – услышал Дантал от подскочившего к нему сотника.

Над стенами крепости в разных местах потянулись чёрные клубы дыма.

– Выходит, они не стали отсиживаться в ней. Не верят в спасение. Где же Прет? Где его верные воины? Может, заперлись в дальних строениях? – с надеждой прошептал Дантал, всматриваясь вверх.

«Что с Ортией? Не верю, что её захватили. Прет не даст. Вот только огонь... Он опасен и может заставить их выйти из укрытий», – пронеслось у него в голове.

– Пусть они все спустятся. Заманим в лес. Отсечём их от подъёма. Что бы ни случилось, ты со своей сотней прорывайся к воротам. Войди в крепость. Там могут быть наши люди, спаси их, – скомандовал Дантал, направляя скакуна навстречу приближающимся горцам и забирая левее, к лесу, давая понять им, что хочет скрыться среди деревьев.

Стараясь перехватить его и не дать уйти, те ринулись наперез.

– Давай! – обращаясь к сотнику, закричал Дантал.

Его люди почти вплотную приблизились к врагу. Сотник тут же повернул коня и, обходя противника справа, со своими воинами устремился к подъёму. Чуть замешкавшись, горцы разделились, частью перекрывая ему дорогу. Сотник, быстро сообразив, выслал на них заслоном свою полусотню, с остальными же, пытаясь обойти их, забрал ещё правее. Дантал увидел, что его задумка почти удалась, и, больше не отвлекаясь, врезался в противника. Вновь завязалась битва. Теперь ему нельзя было отступить. Следовало как можно дольше держаться, оттягивая на себя большую часть их войск, не давая им возможности отойти и вернуться к крепости.

«Только бы успели они. Прорвались бы», – стучало у него в голове. Он шептал эти слова, рубя налево и направо всех, кто был пеший, зная, что это враг. Силы были неравными.

Его неполная сотня вскоре завязла среди гущи горцев, быстро редая. Кони уже не могли ступать, всюду натыкаясь на тела. От множества движущихся вокруг людей зарябило в глазах. Вот кто-то замахнулся на него по правую руку. Он не смог вовремя развернуть скакуна, и острая боль пронзила его правое бедро. Всё же дотянувшись до врага, он раскроил ему голову коротким ударом меча.

Через некоторое время у него сильно закружилась голова, движения стали замедленными, перед глазами поплыли круги, очень мешая видеть противника, заволакивая какой-то мель-

тешащей пеленой. Плавно отдаляясь, потухали звуки. Вскоре вокруг всё померкло, и лишь в груди стало сильнее и громче стучать сердце. Он не чувствовал правой ноги. Меч стал как никогда тяжёлым. Руки не подчинялись и предательски опускались, наливаясь неимоверным грузом, будто на них навесили сотни щитов. Шея и спина ослабли. Тело стало лёгким и подалось назад. Голова коснулась чего-то мягкого.

* * *

Увидев откинувшегося в седле Дантала, десятник прорвался к нему, вплотную прижал своего коня к его скакуну, при этом придерживая одной рукой его тело, а другой отбиваясь от врага, и стал надрывно созывать своих воинов:

– Все ко мне! В круг! Защищать вождя!

Полтора десятка оставшихся саков ценой невероятных усилий стянулись к Данталу и изрубили всех, кто находился вблизи от него, образовав подобие кольца.

– Отходим, – прохрипел десятник, перетягивая к себе тело вождя.

Как ни старались они, но выскочить из окружения не могли. В тот самый миг, когда десятник уже прощался с Данталом, шепча над ним последние слова, с диким воем из леса вылетела сакская лавина, впереди которой стремительно нёсся Саваш. Горцы дрогнули и побежали к крепости.

* * *

Арам, воспользовавшись создавшейся суматохой, остался с Акопом и Матисом в крепости, с трудом удержав их от участия в сражении, удивляясь столь искреннему восприятию ими его призывов. Он первым увидел вражью конницу, взбирающуюся к воротам, и сразу заспешил к дальнему большому строению, на бегу распрашивая Акопа о местонахождении лаза на крышу. Горели навесы, застилая дымом весь двор, очень кстати скрывающая троицу. Взобравшись наверх, они отдалились от края и тихо притаились среди множества сооружений крыши, ещё не зная, как поступить дальше.

* * *

Зайдана уже ничего не мог рассмотреть в крепости. Дымная завеса затянула весь её двор и потянулась в горы, окутывая каждый выступ. Её едкий запах уже изредка доносился и до него, но лёгкий ветерок спасительно отгонял его в сторону. Девушка сидела рядом, обхватив руками колени, уткнувшись в них лицом, часто содрогаясь от беззвучного плача. Зайдана ждал ночи. Только с заходом солнца он мог предпринять попытку спуститься с девушкой вниз. Ему не хотелось пока думать о том, как они вдвоём сумеют пройти над пропастью.

* * *

Сакская полусотня, преодолев подъём в пешем порядке, ведя на поводу лошадей, вошла в ворота и в нерешительности остановилась. Передав коня, сотник до глаз обвязал лицо тканью и, взяв с собой четверых воинов, исчез в дыму.

* * *

Горцы, отброшенные внезапным натиском Саваша до ведущей в крепость дороги, чтобы не попасть в западню между врагом и заполнившим строения удушливым чадом, повернули к лесу и двинулись к дерущимся собратьям, издали обстреливая преследующую их конницу.

* * *

Саваш, помня наказ Зубара не вступать в его сражение, остановил свои войска, загнав пеших горцев в чащобу.

* * *

Зубар охватил противника по правому флангу, не давая скрыться в лесных зарослях, тесня к пропасти, что находилась слева от крепости. Ему уже сообщили о том, что к противнику пришла помощь. Такая весть его не тревожила. Он понял, что это Дантал с подоспевшим Савашем выгнал вражьи остатки прямо на него. Именно этого момента он ждал, не предпринимая наступления. Всё получалось так, как он задумал. Теперь на-

чиналось самое главное, и он отдал долгожданный приказ, больше не сдерживая своих воинов. Войска ударили в полную силу, сокрушая врага, тесня его полукругом ближе к краю пропасти. Пленение противника он запретил. Лишних людей в долине, как велел Дантал, отныне не должно быть.

* * *

Дантала бережно положили на шкуры под деревом. Он был в забытьи, но дышал, и это было самым главным для саков. Саваш, направив в крепость ещё две свои сотни и повелев им найти её защитников, находился возле друга. На правом бедре Дантала, чуть выше колена, оголяя кость, зияла огромная рубленая рана. Кровь уже не текла. Ногу повыше раны перетянули ремнём. Опустившись рядом с ним, Саваш прикрыл его своим плащом. Молодые воины, спешившись, молча стояли в отдалении, не сводя глаз с раненого главнокомандующего. Тихо подошёл сотник, направленный в крепость Данталом.

– Что там? Нашли кого? – осторожно, отойдя в сторону на несколько шагов, шёпотом спросил его Саваш.

– Там всё в огне, но никого, кроме убитых, нет. Трое каких-то людей пытались спрятаться. Они набросились на меня, но с ними покончено, – также прошептал сотник.

– Ты не поспешил? Что, если они ошиблись и приняли вас за врагов? – недовольно прошипел Саваш.

– Думаю, нет. Взгляни сам. Вон их тела, – махнул рукой сотник.

– Да я-то откуда их знаю. Ты найди людей Форкиса и им покажи. Если ты убил кого-то из защитников крепости, спрос будет чинить сам Дантал. Понял? – отходя, произнёс Саваш.

– Да, я понял, – встревоженно ответил тот и бесшумно побежал к коню.

Дантал был плох. Его дыхание заметно слабело. Глаза под потемневшими веками сильно ввалились. Он заметно осунулся и был очень бледен. Почти бескровное тело стало будто старческим, словно из него выжали все живительные соки.

Саваш не знал, что делать. Он повелел срочно позвать Зубара и всех остальных военачальников, включая друзей вождя,

чужеземцев. Сюда же, как можно скорее, он попросил доставить раненого Форкиса. Ждать пришлось недолго.

Весь вместе с лошадьё забрызганный кровью, неизмерно грохоча, первым примчался разгорячённый Зубар. Спрыгнув с коня, он в порыве подбежал к Данталу и вдруг замер, не смея нарушать нависшую тишину ни словом, ни движением. Тут же, следом за ним, оставив в отдалении лошадей, подбежали Гром, Борус, Комата и несколько сотников.

Чуть с опозданием, отказавшись от помощи, верхом на коне прибыл сам Форкис. Он сошёл на землю, не сводя глаз с лежащего под деревом Дантала, и медленно подошёл. Пропуская его, все расступились. Сбросив с себя плащ резким рывком плеча, Форкис опустил перед братом на колени.

* * *

К вечеру пошёл мелкий дождь. Разбили лагерь. В главный шатёр внесли Дантала. Он не приходил в себя. Рану часто промывали родниковой водой, слегка разбавленной солью. От пережитого потрясения и полученного ранения Форкиса бросало то в жар, то в холод. Его тоже уложили в этом шатре. Он часто терял сознание и что-то бормотал на своём языке. Хотя никто не понимал его, но всё же одно слово, часто повторяемое им, было известно всем, и этим словом было имя брата – Дантал.

Зубар, отдавая распоряжения, не покидал шатра. Все самые близкие люди вождя находились здесь же.

* * *

Зайдана, долго и с нетерпением ожидавший скорого наступления вечера, был очень раздосадован начавшимся дождём. О том, чтобы попытаться пройти над пропастью обратно к лесу при таком ненастье да ещё с девушкой, ему не следовало даже помышлять. Он не знал ничего о происходящем на другой стороне крепости, но чувствовал, что с его собратьями случилась беда. Понимая, что их с горцами уже одолел более сильный враг, пришедший в долину не случайно, он догадывался о том, что это была та самая подмога, которую так и не дождались защитники крепости.

«Они пришли, но из-за пожара войдут в опустевшую крепость только утром», – подумал он.

Из туч, нависших над долиной, сыпали мелкие капельки дождя. К полуночи в крепости уже не было видно ни одного огонька. Вода одолела пламя.

* * *

Ортия всё так же сидела, ни разу не пошевелившись и даже не издав ни единого звука. Думы об отце разрывали её сердце. Её душа постепенно наполнилась ноющей пустотой. Она не ощущала ни ночного холода, ни пробирающей до костей сырости, ни острых граней камней. Горе, внезапно постигшее её, было настолько велико, что она уже перестала понимать, жива ли сама. Впечатления недавней реальности плавно размывались в её медленно потухающем сознании, изредка наплывая обрывками откуда-то из глубины слабеющей памяти. Она не закрывала глаз, но и ничего не видела. Мысли, чувства, ощущения – всё перемешалось в ней, всё перепуталось.

* * *

Зайдана поглядывал на девушку, понимая её состояние и желая хоть чем-то помочь, но что ещё сделать для неё, кроме как находиться рядом, он не знал и от этого пребывал в явной растерянности. Далеко за полночь дождь прекратился. Небо слегка посветлело.

Зайдана решительно поднялся. Проверив ещё раз прочность верёвочной завязки на скальном выступе, он коснулся рукой плеча девушки. Она повернула голову и взглянула на него каким-то отчуждённым взглядом. Он протянул ей смотанную верёвку. Она приняла её. Постояв какое-то мгновение, он сделал шаг, стараясь обойти её. Девушка тоже поднялась и повернулась к нему. Их взоры встретились. Он уловил, что что-то изменилось в её взгляде.

Она долго и внимательно всматривалась ему в глаза и вдруг тихо произнесла:

– Дантал.

Зайдана не мог понять сказанного.

– Дантал, – вновь прошептала она.

Зайдана виновато пожал плечами, мотнул головой, шагнул в сторону и стал быстро взбираться по выступам. Он ушёл один, оставив девушку дожидаться скорой зари.

«Её увидят и обязательно спасут», – уверенно подумал он на прощание.

Другого выхода не было.

* * *

На рассвете по уже расчищенной за ночь дороге в крепость вступила сотня саков во главе с Зубаром. Тяжёлые перекошенные створки ворот, избитые таранами, покрытые занозами стрел, были широко распахнуты. По обеим сторонам дворовой площади местами полностью прогоревшие навесы были обрушены. Ощетинившись полусожжёнными переломанными жердями, они являли собой непроходимые нагромождения. Ссыпавшиеся с них плоские каменные плитки грудями топорщились на земле. Всюду валялись копыя и стрелы. Запах прошедшего дождя, перемешавшись с горькой кислицей гари, поднимался с утренним испарением влаги, придавая воздуху необычный привкус. Сплошь покрытые слоем копоти, как-то по-особенному уныло лежали опрокинутые огромные котлы и небольшие чаны. Мирные посудыны и те пострадали от смертных людских игрищ.

Главного строения огонь не коснулся. Перед ним ровными длинными рядами, укрытые плащами, лежали тела всех защитников крепости. Не зная, как выглядят греки, сакские воины тем не менее легко обнаружили их по своеобразным, странным одеяниям, не характерным для осаждавших горцев, и отовсюду снесли в это место.

Зубар в задумчивости устало остановился. Не на такую встречу с крепостью рассчитывал он. Окинув взглядом тела, он развернулся. В воротах появился Форкис. Шёл он, пошатываясь, придерживая подвязанную руку. Следом за ним, бережно неся вождя на скрещённых копьях, во двор вошли восемь воинов. Сердце Зубара сжалось. Не желая услышать страшной вести, он

прикрыл глаза, но, тут же совладав с собой, шагнул навстречу идущим. Увидев внесённого Дантала, сотня Зубара мгновенно выстроилась двумя рядами по обеим сторонам двора, создав коридор от самих ворот до главного строения. Кони, придерживаемые накоротке своими хозяевами, тихо пофыркивали за их спинами, тараща глаза и задирая головы. Форкис подойдя к Зубару, остановился.

– Как он? – тихо спросил Зубар.

– Держится, – вздохнув, ответил тот. Пристально посмотрев в глаза Зубара, он добавил: – Если уж суждено ему сейчас покинуть этот мир, то пусть всё произойдёт здесь. Он пришёл в жизнь в этой крепости, в ней и уйдёт.

– Он ещё молод и обязательно выживет, – твёрдо произнёс Зубар.

* * *

Задремавшая было к утру Ортия, в какой-то миг почувствовав что-то необычное, открыла глаза, увидела в крепости людей и вскочила на ноги. Не сумев сразу рассмотреть их, она выпустила из рук верёвку, коснулась ладонями ещё влажных камней и приложила их к глазам. Лишь после этого она смогла отчётливо разглядеть находящихся внизу воинов – и первым среди них узнала Форкиса. В один миг её душа будто перевернулась. Сердце готово было выскочить наружу. Ортия не верила своим глазам. Ноги подкосились, и она плавно опустилась, держась за выступ. Слёз не было, но она вся содрогалась от внезапно охватившего озноба. Не смея отвести взгляда, она прикусила губу, готовая вот-вот разрыдаться.

Превозмогая слабость, она снова поднялась на ноги и что есть сил выдохнула:

– Форкис!

Но вместо крика из её груди вырвался тихий стон.

* * *

Форкис, не дослушав сказанное Зубаром, резко развернулся и склонился над Данталом, шепча:

– Что? Что ты сказал?

Дантал по-прежнему находился в забытьи.

Подошедший Зубар, также склонясь, прислушался, затем, посмотрев на Форкиса, тихо спросил:

– Ты что-то услышал?

– Не уверен, – озабоченно ответил тот, выпрямляясь и оглядываясь по сторонам.

Взглянув вверх крыши главного строения, он обомлел. Там, на высоте, на горном склоне кто-то стоял. Форкис шагнул в ту сторону, приложил здоровую руку козырьком ко лбу и стал вглядываться. Он узнал её. Это была Ортия. Зубар, недоумевая, приблизился к нему, пытаясь понять, что он такого увидел.

– Вот оно, спасение Дантала, – прошептал Форкис.

– Там кто-то есть, – теперь уже и Зубар увидел её.

– Зубар, пошли туда немедленно людей, пусть помогут Ортии, – Форкис вскинул руку и замахал ей.

Она подняла обе руки и долго не опускала их. Вскоре несколько воинов, быстро взобравшись на крышу, побежали в её сторону. Форкис, о чём-то подумав, изменился в лице, метнулся к телам своих сородичей и стал открывать их лица.

– Да куда ты со своей рукой! – подбежал к нему Зубар. – Скажи мне, что ты хочешь?

– Пусть откроют им лица, – запыхавшись и держась за большую руку, попросил тот.

Когда исполнили его просьбу, он медленно пошёл вдоль всех рядов, внимательно всматриваясь в убитых. У самого дальнего тела он остановился и опустился на колено.

– Кто это? – спросил подошедший к нему Зубар.

– Это Прет, отец Ортии, – поднимаясь, скорбно ответил Форкис.

Посмотрев на Зубара, он проникновенно добавил:

– Хороший человек и настоящий воин.

Тело Прета тут же подняли и, как подобает поступать у сакков с павшими военачальниками, положили в стороне на боевые щиты, устлав их шкурами. Также по указанию Форкиса поступили с телами Лисиппа и двух верных помощников Диагора.

Ловко забравшись наверх по сброшенной Ортией верёвке, один из саков осторожно спустил её вниз. Оказавшись во дворе, она была встречена Форкисом. Он накинул на неё плащ, крепко прижал к себе её хрупкое тело и долго не отпускал, впервые по-настоящему понимая, как она дорога ему.

Немного успокоившись, слегка отстранясь и глядя ему в глаза, она тихо произнесла дрогнувшим голосом:

– Моего отца больше нет.

Форкис, почувствовав всю её боль, вновь прижал её к себе. Ортия заплакала. До сих пор он ещё никогда и ни к кому не ощущал такой жалости, как теперь испытывал к ней и Данталу. Два самых родных ему человека оказались в страшной беде. Один, ещё не начав жизнь, умирал, и он впервые не мог помочь ему. Другую же хоть и удалось спасти, а обрадовать было нечем. Из всей своей семьи она осталась одна на всём белом свете, а её любящий отец лежал в двух шагах, уже отвергнутый этим жестоким миром. Форкис страдал как никогда. Его сердце готово было расколоться на части. Он не знал, как покончить со всеми этими несчастьями, что обрушились на их головы. Всей душой он желал забрать себе все их беды и молил богов об этом единственном снисхождении для себя, свято веря в скорое свершение справедливости.

Ортия притихла, согреваясь его жаром. Нежно приподняв пальцем её голову за маленький подбородок, он тепло посмотрел ей в глаза и жёсткой сухой ладонью, стараясь не причинить боли, вытер ей слёзы.

Она долго вглядывалась в его лицо, затем очень тихо спросила:

– Где Дантал?

– Он здесь, – как можно спокойнее ответил Форкис.

– Что с ним? – её глаза выражали испуг.

– Он ранен. Но скоро поправится, – твёрдо произнёс Форкис.

– Я могу увидеть его? – Ортия напряглась, улавливая неладное.

– Тебе нужно отдохнуть и хоть немного поесть, – Форкис пытался улыбнуться.

– Не надо, Форкис. Я не маленькая и всё перенесу. Покажи мне его, – настойчиво попросила она, отстраняясь от него.

– Вон он, – чуть помедлив, кивнул Форкис.

Ортия подошла к Данталу.

То, как он лежал, и особенно его вид, невероятно потрясли её. Она закрыла лицо руками, что-то шепча, и опустилась на землю у его изголовья. Форкис приблизился и расслышал её слова. Она обращалась к богам с просьбой помочь Данталу.

* * *

До полудня воины тщательно готовили всё необходимое для погребения погибших. Для проведения древнего обряда перед сожжением по просьбе Форкиса тела греческих солдат опустили на землю в некотором отдалении от места захоронения саков.

Ортия рыдала, прощаясь с отцом, при этом едва держась на ногах и огромным усилием оставаясь в сознании. Её отвели в шатёр, куда вновь перенесли Дантала, дабы ему не навредил душливый воздух крепостного двора.

Четыре сотни тел сакских воинов предали земле по всем обычаям степи. Форкис в сопровождении Грома, несшего небольшой мешок, шёл вдоль тел своих сородичей, уложенных на траву. Он опускался на колено возле каждого, брал из мешка серебряный обол и клал ему в рот. Эта самая мелкая монета была единственной платой старику Харону, чтобы он в преисподней переправлял на своём челне души умерших через реку Ахерон в подземное царство Аида. Исполнив последний обряд, Форкис отошёл в сторону. Воины тут же стали заносить тела на огромный бревенчатый настил, сложенный поверх сухих жердей и веток. Его высота была почти в человеческий рост. Когда все тела были подняты наверх, Форкис принял из рук Грома факел и стал обходить смертное ложе, подпаливая его со всех сторон. Вскоре разрозненные огненные языки, усиливаясь и быстро сливаясь у основания настила, поползли наверх и, добравшись до него, уже запылали единым пламенем, взметнувшись ввысь, наращивая

гул, во всю свою мощь с треском пожирая и древесину, и человеческую плоть.

Форкис, не сводя глаз с гигантского кострища, тихо прошептал:

– Великий и вечный Аид, царь подземного мира, сын Кроноса и Реи, брат Зевса, Посейдона, Геры, Деметры и Гестии, супруг Персефоны, прими с покоем души своих верных и доблестных сыновей.

* * *

Зайдана, сумевший под покровом ночи благополучно перебраться через пропасть, теперь вновь находился в лесной чаще и издали наблюдал за станом пришельцев. Среди них он узнал нескольких воинов, тех, кто когда-то пленил его и находился в этой крепости. Только сейчас он понял, кто были все эти люди, пришедшие в долину и разгромившие его собратьев вместе с приведёнными ими горцами. Он внимательно всматривался в людскую массу, пытаясь отыскать того, кто даровал ему волю, но пока не находил его.

Вечерами, возвращаясь в своё жалкое подобие жилища, он подолгу не мог успокоиться, с каждым днём сильнее тяготясь одиночеством. Сидя ночами у маленького костерка, он всё чаще сожалел о том, что не поступил так же, как его погибшие собратья. Девушка, с которой он желал войти в свою будущность, ради которой отверг родных ему людей, была совсем недавно так близка, что он уже не сомневался в сбыточности своих планов, но всё внезапно изменилось, и она по-прежнему оставалась недостижимой для него.

Иногда он мысленно призывал на помощь дух отца и вопрошал его о том, как бы он поступил в таком положении. Но ничего из этой затеи не получалось. Отец являлся, но почему-то молчал, и от этого ни одна, даже хрупкая, подсказка не приходила ему в голову. Тогда он задумывался о причине безмолвности предка и однажды нашёл ответ. Отец всегда находился среди людей, в гуще всех событий, и именно по этой причине невозможно было представить его одиноким и тем более попавшим

в такую ситуацию. Он умел сплотить вокруг себя пусть небольшую, но группу людей, объединив их какой-нибудь общей целью и упорно ведя их за собой к её достижению. Он же, Зайдана, его сын, был другим и предпочитал уединение. Поэтому, наконец уяснил он, отец не мог дать ему совета, как ни проси. Отец, будучи жив, брал от жизни всё, что хотел, зачастую не чуждаясь даже чем-то греховным и недопустимым для многих, порой не гнушаясь ни хитрости, ни жестокости, ни смерти, но при этом никогда не позволяя себе быть лжецом. Вот и теперь, находясь по другую сторону мира, он предпочёл обману молчание. Всегда почитавший отца, Зайдана только сейчас понял и выделил самое главное качество его характера – правдивость. Удивительным образом сбережённая им среди множества своих пороков и сохранённая в чистоте от постоянных посягательств людского лукавства, она возвышалась и искрилась в нём настоящим даром, не давая ничему затмить себя, сопровождая его по всей его жизни и погаснув с последним его вздохом, так и оставшись для него единственной и оттого самой бесценной спутницей. Зайдана удивлялся своему открытию. Он не мог никак сообразить, почему прежде не замечал этой отцовской черты, и злился на себя за невнимательное отношение к родителю. Сейчас он сожалел о многом. Будь он хоть чуточку прозорливее, и тогда, возможно, у него самого всё сложилось бы иначе, и не было бы этих изматывающих душу страданий и терзающих разум мук.

* * *

Много дней с самого раннего утра и до позднего вечера не покладая рук трудились саки, восстанавливая крепостные строения, наводя в них порядок.

Ортия, слишком отчётливо помнившая недавнее пребывание в крепости своих сородичей, поначалу сильно тяготилась произошедшими переменами, не веря в случившееся и очень нуждаясь в общении с отцом. Чуждый говор, доносившийся отовсюду, казалось, переполнивший весь окружающий мир, тяготил её до изнеможения, невольно заточая её в тесном пространстве шатра. Единственной отдушиной был Форкис, ко-

торый появлялся всегда вовремя, словно угадывая её желание видеть его. Он заботился о ней с истинно родительским теплом: уделял ей много внимания, проявлял чуткость и заботу, часто говорил на родном греческом языке. Иногда он, разговаривая с ней о скорой поправке Дантала, незаметно увлекал её с собой на прогулку в лес, чтобы развеять её горестные думы созерцанием животворящей природы. В такие мгновения отчаяние, доводившее её до грани безумства, отступало, освобождая место добрым жизненным силам.

Девушка была благодарна ему за всё, что он делал для неё, и каждый раз по возвращении в шатёр к Данталу она всё больше размышляла о будущем, отгоняя от себя грустные мысли, избавляясь от них уже лёгким усилием крепнущей воли. Ещё не так давно она не знала, как общаться с сакскими воинами, этими суровыми, очень молчаливыми и своеобразными людьми, но довольно скоро привыкла к их присутствию. А чуть позже, неожиданно даже для себя, она изменила отношение к ним. Эти люди перестали раздражать её своим диким поведением и начали вызывать в ней живой интерес, всё больше удивляя её необычным трудолюбием, строгой, но не угнетающей дисциплиной, невероятной выносливостью и непрехотливостью. Ортия пыталась разобраться, отчего поменялись её взгляды, и в какой-то миг поняла, что она попросту не учитывала того, что они все являются сородичами Дантала, самого дорогого ей человека, а стало быть, и для неё они уже не чужие люди.

Г Л А В А В Т О Р А Я

Наступила жаркая летняя пора. Дантал шёл на поправку и уже поднялся на ноги. Ортия, перенявшая от матери многие знания о цветах и травах, применяла целебные свойства растений, чтобы лечить раненых и захворавших всевозможными отварами, настойками и примочками, приготовленными из сборов. Большинство увечных сакских воинов поначалу без особого доверия воспринимали её помощь, оказанную другим, терпели боль, но избегали её присутствия, однако видя, как быстро выздоравливают те, кто поверил ей, однажды всё-таки обращались к ней и впредь никогда не сожалели об этом, с почтением поглядывая в её сторону. Первыми её подопечными были Дантал и Форкис.

Если Форкис к этому времени уже почти забыл о полученной ране, то с Данталом всё обстояло иначе, гораздо серьёзнее и тяжелее. Несколько раз Ортия считала, что теряет его, настолько опасным было его состояние. В такие дни она не отходила от него ни на шаг, призывая богов проявить высочайшую милость к нему и не забирать его так рано в подземное царство. Узнав у Форкиса, кому преклоняются саки, она обращалась с той же просьбой и к духам их предков, и к небесам, и к земле, и к воде. Теперь же, когда он пришёл в себя и стал очень медленно набираться сил, Ортия по-прежнему продолжала воздавать молитвы, но уже с благодарностью за вновь дарованную ему жизнь.

Дантал изменился внешне до неузнаваемости. Истощённый, обросший, с синюшно-бледной кожей, он больше походил на дряхлого старика. В тот самый памятный полдень, когда его впервые вынесли во двор и опустили на походное сиденье, он долго не мог приоткрыть глаз, отвыкших от яркого света за длительный срок, что он провёл под сводом тёмного помещения. Проходившие в отдалении воины украдкой поглядывали в его сторону, не веря в то, что сидящий у стены человек и есть их молодой предводитель, вождь, приведший их в эти земли.

Ему не довелось увидеть крепость после пожара, но то, что все навесы по обеим сторонам двора и главные ворота были полностью обновлены, он заметил сразу. Жаркий воздух был насыщен запахами свежей древесины и каменной пыли и оттого вдыхался как-то по-особенному, сильно бередя душу Дантала, поднимая из самых глубин его памяти отдельные эпизоды жизни, когда-то проведённой им здесь с отцом и матерью. Он уже знал о том, как погиб отец Ортии Прет. Ему было очень жаль его, и он скорбел по нему, равно как и по своим родителям.

Внимательно наблюдая за людьми и всем происходящим вокруг него, он ясно осознавал, что мир, ныне царящий здесь, совсем другой, нежели был прежде. Всё переменилось. Неизменной, как всегда, оставалась только сама крепость, принимавшая и провожавшая разных людей, порой покинутая всеми и пребывавшая какое-то время наедине с собой. Дантал понимал, что её стены за долгие годы прошлого существования повидали многое, но, как он ни старался, а представить крепость опустошённой в будущем не мог.

«То, что сотворил однажды хоть один человек, должно служить с пользой и ему, и всем его преемникам. Какие бы ни происходили перемены, но всё, к чему приложилась людская рука и во что была вложена частичка души, не должно быть никогда оставлено без ухода и внимания, иначе оно может обрести свою судьбу, и ещё неизвестно, благую ли для всех пришедших после творцов», – оглядывая крепость, размышлял он.

От долгих раздумий Дантал быстро утомлялся, и тогда ему хотелось только отдохнуть, но лишь он набирался немного сил, как вновь появлялось желание мыслить.

Дантал узнал и о том, что какой-то человек помог Ортии избежать пленения, а возможно, и смерти, но кто был тот спаситель и почему так поступил, ему было неизвестно. Он не мог знать о просьбе Форкиса к Ортии не сообщать иных сведений о благодетеле. Так Форкис пытался избавить своего брата от ненужных тревог и беспокойств. Эта единственная маленькая тайна двух любящих его людей однажды, как обещал Ортии Форкис, когда наступит срок, должна быть раскрыта ими перед Данталом, и только тогда она, как очень надеялись они оба, перестанет тяготить их души, не приученные к обману.

* * *

«Куда мог деться тот человек? Кто он? Зачем ему нужно было спасать Ортию? Да и спасение ли это, если он оставил её одну на скалах, а сам исчез? На что он рассчитывал? Ведь там, среди гор, её ожидала неминуемая смерть. Тот, кто истинно берётся помочь человеку, никогда не бросит его на полпути, обрекая на новые мучения. Выходит, покидая её, он был уверен в том, что вошедшие в крепость ей не враги. Откуда он мог знать об этом?» – в который раз задавал себе вопросы Дантал, но ответов пока не находил.

* * *

Зайдана, постепенно смиряясь со своим новым положением, с каждым прожитым днём всё больше привыкал к одиночеству. Теперь он уже не стремился бывать ближе к людям и даже наоборот сторонился их. Так ему было спокойнее. Для человека, потерявшего в жизни главную суть, видеть, как кто-то чем-то занят и озабочен каким-то нужным и важным делом, значило причинять себе невыносимую боль. Дабы избежать всего, что напоминало о полноценном существовании, и не сталкиваться ни с одним человеком, он ежедневно забирался по знакомой тропе высоко в горы и, перебравшись на другую их сторону,

бродил среди дикого леса, отдыхая в его тенистых дебрях и охотясь в своё удовольствие, выбирая дичь лишь мелкую и глупую, даруя жизнь сильному и осторожному зверью.

Однажды он набрёл на давний свой шалаш, в котором обитал до встречи с Арамом и остальными сородичами. Тот бросился ему в глаза своими изогнутыми почерневшими прутьями, очень напоминавшими останки давно поверженного большого животного с возвышающимся полукругом обглоданных рёбер. Зайдана устало присел возле него, рассматривая округу, и вдруг, что-то вспомнив, отбежал чуть в сторону и стал рыться под ближним деревом. Он нашёл то, что искал. Это был большой нож, оставленный ему вместе с другим оружием его освободителем. Скрываясь от жаркого летнего солнца, он вновь опустился на землю, прислонился спиной к стволу и стал впервые внимательно разглядывать нож, вертя его в руках. Ещё не понимая, что такого важного он заметил в нём, Зайдана поднёс его ближе к лицу, поглаживая пальцами шершавое полотнище, очищая его от прилипшей грязи. Нож был явно урартским, когда-то давно изготовленным мастерами на его земле. Этому открытию он не удивился, так как знал о том, что после того последнего сражения всё оружие, в том числе и отцовское, попало в руки победителей. Одно было непонятно ему. Почему тот юноша, отпустивший его на волю, оставил ему именно этот старый нож среди остального чужого нового вооружения? Восприняв это как нечто случайное, он решил на следующий же день забраться в пещеру за водопадом и положить нож там, дабы он сохранился среди ставшего ненужным богатства и напоминал бы о родной земле.

* * *

Дантал уже стал ходить без палочки, которую искусно изготовил для него сердобольный Форкис, но сильно прихрамывал на раненую ногу. В один из дней он проснулся раньше обычного, оседлал своего скакуна и покинул крепость. Сотник дозора, увидев его, удаляющегося в одиночестве в лес, тут же послал за ним десяток воинов, повелев им присмотреть за правителем, но

не попадаться ему на глаза. Дантал неспешно продвигался среди деревьев, внимательно оглядывая местность, иногда останавливался и всматривался, будто что-то искал, затем продолжал путь. Следовавшие за ним воины замирали, боясь быть обнаруженными. К полудню, оставив за спиной тенистую лесную прохладу, он стал взбираться по узкой каменистой тропе к скалам, поднимая лёгкую пыль. Стража спешила и на большом отдалении продолжала скрытно продвигаться за ним. Яркое солнце, отражаясь лучами от горных вершин, слепило им в глаза, заставляя одних подолгу щуриться, других неистово чихать. Десятник бросал на последних осуждающий взгляд и потрясал могучим кулаком. Те, сразу зажимая рты, отставали, но ничего не могли поделать с собой, продолжая, хоть и почти беззвучно, но предательски шуметь. Тогда он спускался к ним и, злобно сверля каждого из них недовольным взглядом, замахивался плёткой. Такая угроза действовала очень весомо, и они уже надолго забывали об охватившем их приступе, судорожно протирая носы. За одним из крутых поворотов, уводящих тропу влево за выступ скалы, десятник первым увидел одиноко стоящего скакуна вождя, покинутого своим хозяином. Пройдя наверх и оглябая крутой склон, тяжело дыша и постоянно утирая пот, он подобрался к небольшой площадке. Здесь заканчивался подъём. Лес остался где-то далеко внизу и отсюда уже не просматривался. В небольшом отдалении виднелась горная гряда.

Дантал неподвижно стоял на дальнем краю площадки. Широко расставив ноги, уперев руки в бока, он взирал куда-то вниз. Шум водопада, теперь очень отчётливо доносящийся с другой стороны перевала, отражаясь от предгорья, эхом докатывался до той скалы, за которой прятались саки, охранявшие своего вождя. Дантал, так давно не бывавший в этом месте, не верил своим глазам. Перед ним почти от самых его ног начинался крутой спуск к небольшой заводи, окаймленной густым кустарником, в которую с грохотом ниспадал поток воды, вылетавший из тесной расщелины высоких гор. Отсюда водопад казался небольшим, но его мощь была весьма велика и ощущалась даже на высоте.

Постояв ещё, немного отдохнув, вдыхая посвежевший влажный воздух, он стал медленно спускаться, опираясь одной рукой на длинный меч. Раненая нога засадила. Дантал останавливался и потирал её, успокаивая боль. Из-за этого спуск, вопреки его ожиданию, был долгим и трудным. Десятник, видя, как он скрылся внизу, склонившись, тут же перебежал площадку, приблизился к её дальней окраине и бесшумно прилёг, наблюдая за вождём и окидывая цепким взором окрестности, пытаясь понять, нет ли угрозы для него. Ничего подозрительного не обнаружив, он жестом подозвал одного из воинов и шёпотом повелел ему спуститься вниз по неглубокой ложбинке и спрятаться в кустах. Дантал подступил к воде, остановился и устало присел на валун. Ему стало легче. Он долго смотрел на водопад, полной грудью вдыхая чистый воздух. Старый добрый друг словно приветствовал его, рокоча неведомым ему могучим языком.

– Я тоже рад встрече с тобой, – прошептал Дантал, слегка склонив перед ним голову.

Здесь всё было почти как прежде, только заросли стали выше и гуще и ещё больше обступили заводь. Вдоволь насладившись чарующим взором видом, хорошо отдохнув, Дантал разделся и, оставшись в тонких кожаных штанах, прихрамывая, вошёл почти по пояс в холодную воду. Зачерпнув в ладони живительную влагу, он поднёс её ко рту и сделал несколько глотков. Затем пригоршнями он стал бросать её себе в лицо, на грудь и плечи, сильно растираясь, замирая при каждом вдохе. После нескольких осторожных шагов по скользкому дну он бросился в воду и, размашисто гребя, поплыл к водопаду. По тугим тяжёлым потокам, обрушившимся на него с огромной силой и придавливавшим его невероятной массой куда-то в глубину, он понял, что заплыл под него. Сделав рывок, преодолев его мощь, он ринулся вверх, высунул голову из воды и упёрся руками в каменную стену. На обратной стороне водопада было довольно сумрачно. Дрожащий дневной свет проникал сюда сквозь водный заслон, но тут же рассеивался, не давая возможности осмотреться. Едва не задыхаясь, только на ощупь находя мокрые края гладкого скального выступа и цепляясь за них, он стал взбираться вверх.

– Да, не очень-то ты любишь впускать людей в свои владения, – с трудом переводя дыхание, прошептал Дантал, оглядываясь по сторонам.

Впереди, чернея, зиял небольшой вход в пещеру. Поправив висящий на шее нож, он двинулся к нему.

* * *

Зайдана, наткнувшись в кромешной темноте на ближний мешок, присел, ощупал его рукой и опустил на него нож.

«Не знаю, когда я ещё приду сюда, но твоё место здесь», – мысленно произнёс он, поднимаясь и двигаясь к светлеющему проёму. До него оставалось всего несколько шагов, как вдруг кто-то появился в нём. Зайдана замер. Он знал, что сюда, кроме него, никто пройти не мог. Никому на всём белом свете теперь не было известно об этом потаённом месте. Все его сородичи, кто ведал о нём, давно покинули этот мир. Последним был его отец. Будучи безоружным, Зайдана метнулся обратно, схватил нож и отскочил в сторону, дабы нанести пришельцу неожиданный удар. Чужак, будто уловив его присутствие, остановился, не вступая в пещеру. Зайдана, немного выждав и видя, что тот не двинулся вперёд и может уйти, сам бросился на него. Проход был низким для верхнего замаха, и он решил ударить сбоку, но в самый последний момент длинный нож шаркнул остриём по стене и выпал из руки. Чужак отступил к водопаду, выманивая его на площадку и, как только он появился, тут же кинулся на него, сбив его с ног. Вцепившись друг в друга голыми руками, пытаясь вцепиться в горло, они завертелись на каменном полу, рыча словно звери. Силы оказались равными. Никому из них не удавалось взять верх.

* * *

Десятник увидел, как вождь скрылся за падающей водой, и что есть сил побежал вниз, увлекая за собой остальных. Поднимая клубы пыли, спотыкаясь, падая и вновь вскакивая на ноги, саки достигли заводи. Сбоку из кустов выскочил затаившийся воин и опроретью нёсся к ним.

– Двое за мной! Остальным всё окружить! – заорал десятник и с разбегу ворвался в воду.

Находясь в середине заводи, он увидел, как из-под пенистого бурлящего потока показались две головы. Быстро доплыв до ближнего, он узнал в нём вождя. Тот вертелся в воде, стараясь повыше приподняться из неё, явно кого-то высматривая. Видя, что с ним всё в порядке, мгновенно сообразив, десятник заорал:

– Взять того!

Вскоре на берегу возле валуна, у разведённого наспех небольшого, но сильно пылающего костра уже сидели продрогшие Дантал, десятник и воины-пловцы. Здесь же лежал связанный по рукам чужак. Дантал сразу узнал его, но не мог пока понять, как тот оказался в этой пещере, являющейся родовым тайником его отца. По его глазам Дантал уловил, что и он признал его. Десятник же, как и другие воины, удивлённо поглядывал то на вождя, то на пленника, не находя в их внешности хотя бы небольшого различия: сходство было невероятно. Один из воинов принёс одежду и вооружение, найденные им в небольшом отдалении в кустах. Другой сообщил об обнаружении им у подножья гор странного жилища, больше напоминающего логово зверя.

Дантал задумчиво взглянул на принесённый панцирь и тут же повелел десятнику освободить пленника и отдать всё, что принадлежит ему, включая оружие. Теперь тот сидел по другую сторону костра, опустив голову и растирая затёкшие запястья.

– Однажды, когда тебе стало совсем неважно, я отпустил тебя на волю, – неожиданно для саков на незнакомом языке громко, стараясь перебить шум водопада, начал Дантал, обращаясь к чужаку. – Не знаю, почему ты не покинул эти места. Так скажи мне, это ты спас девушку из крепости?

Все сразу увидели, как с первым произнесённым вождём словом чужак вздрогнул и уставился ему в глаза. Дантал замолчал в ожидании. Чужак был поражён услышанным, и не столько тем, что сказал ему этот странный человек, сколько тем, на каком языке он обратился к нему. За долгие дни, проведённые в этой долине, он впервые слышал родную речь. Он оцепенел от неожиданности. Не верить своим ушам он не мог, так как ясно

расслышал каждое слово, но и поверить в то, что случилось, его разум пока не хотел. Не зная, как поступить, он вновь опустил голову. Перед ним лежал панцирь, шлем и оружие. Лишь теперь он по-настоящему сумел оценить и этот поступок благородного собеседника, вернувшего ему всё и тем самым давшего понять, что он не пленник. Он решительно кивнул.

Больше не задавая вопросов, Дантал поднялся. Вечерело. Предстоял обратный путь.

* * *

– Дантал, мы с Ортией собирались сами сообщить тебе о том, кто спас её. Это я попросил её не говорить о нём до поры. Ты был очень плох, и нам пришлось обойтись полуправдой. Мы договорились с ней и пообещали друг другу хранить эту небольшую тайну, пока ты не поправишься. Теперь же всё сложилось так, что ты сам во всём разобрался. Веришь ли ты мне? – Форкис был явно удивлён появлением в крепости вместе с братом бывшего пленника, но тем не менее счёл нужным объясниться, хотя в душе не очень надеялся на его понимание.

– Верю, верю, – как-то не очень убедительно ответил тот, пройдя мимо него не останавливаясь и похлопав по плечу, словно успокаивая наивного несмышлёныша.

Форкис был подавлен. Он так и остался стоять посреди двора. Впервые в жизни он уловил в голосе Дантала обращённую к нему иронию, граничащую с усмешкой. Он ожидал какой угодно реакции брата, только не такой, очень обидной и до боли несправедливой, зацепившей его в самое сердце.

«Что ж, наверное, он прав. Припозднил я с объяснениями», – горестно подумал он и направился к себе.

Ортия, весь день ожидавшая возвращения Дантала, столкнулась в дверях с Форкисом и, заметив его понурое состояние, с тревогой спросила:

– Что-то случилось?

– Дантал нашёл твоего избавителя. Они оба здесь. Мне кажется, он не поверил мне. Ты понимаешь, о чём я, – больше не сказав ни слова, Форкис скрылся в строении.

Ортия выбежала во двор. Сумерки уже сгустились над крепостью. Лёгкий ветерок играл пламенем костров и факелов, изредка задувая их и вновь взъерошивая, заставляя всполохами освещать постройки. Она увидела Дантала, сидящего за столом под навесом. Напротив него находился какой-то человек. Подойдя к ним, она молча присела на край скамьи со стороны Дантала и, взглянув на чужака, сразу узнала в нём бывшего пленника и своего спасителя. Оторвавшись от еды, он спокойно посмотрел на неё, затем перевёл взгляд на Дантала. Тот растирал ногу, не обращая ни на кого внимания.

– Форкис сказал правду. Этот человек спас меня. Он хотел помочь моему отцу. Больше мне сказать нечего, – прошептала она.

Дантал с интересом посмотрел на неё, затем подал рукой знак. Подбежавшему к нему десятнику он повелел отвести гостя для отдыха вниз в шатёр и выставить там охрану. Чужак поднялся и вскоре исчез в воротах в сопровождении десятника.

– Дантал, ты устал. Прошу тебя, не покидай надолго крепость. Это может навредить тебе, – поднимаясь с места, произнесла Ортия. Отступив от стола, она вновь повернулась к нему и очень проникновенно добавила: – По-моему, Форкис не заслужил сомнения в себе. Будь к нему внимательнее. Ты умный и сильный, но помни, что твой брат – мудрый и благородный.

Ортия ушла. Дантал задумчиво посмотрел ей вслед. Он долго сидел в одиночестве, перебирая в памяти события прошедшего дня, насыщенного и очень сложного.

* * *

На следующий день Дантал пробудился очень поздно. Сказывался трудный путь накануне. Его никто не беспокоил. Взглянув на кувшин, в котором Ортия обычно приносила ему горький отвар для питья, он понял, что она уже навестила его с утра, но будить не стала. Встать с лежанки не хотелось. Закинув руки за голову, он стал рассматривать высокий свод над собой, сужающийся серыми жердями в одну чернеющую точку. Яркий солнечный свет проникал в помещение через узкое окно-бойницу, падая прямо на дверь, на которой, в самом её центре, изред-

ка взмахивая яркими крылышками, сидели две бабочки. Кругом царила тишина. Ощущение покоя и умиротворённости вмиг охватило его, настраивая на отдых и на что-то ещё, хорошее и желанное, чего понять он пока не мог. Прикрыв глаза, полежав так какое-то время, он вновь взглянул на дверь, желая увидеть там бабочек, но их уже не было.

«Надо же, улетели. Так бесшумно, никому не мешая. Что ж, у них своя жизнь, а у меня своя. Важно то, что они меня наведдали», – поднимаясь, подумал он с какой-то необыкновенной лёгкостью.

Не спеша умывшись возле колодца и оглядев почти пустой двор, Дантал вернулся к себе и, облачившись в чистые одежды и новые доспехи, направился к воротам. Внизу в лагере кипела жизнь. Повсюду сновали воины. Возле шатров тянулись дымки от костров. Слышались голоса и конское ржание. Десятник дозора подвёл скакуна. Забравшись на него, Дантал стал медленно спускаться.

В лагере он подозвал к себе сотника и осведомился у него о местонахождении Форкиса. Тот сообщил ему, что Форкис, Зубар и Саваш ещё с раннего утра взяли с собой сотню и ушли в долину. Выслушав его, Дантал повелел дать гостю коня и привести к нему. Вскоре тот прибыл.

Дантал отпустил охрану и повернул в сторону захоронений. Гость последовал за ним. В десяти шагах от ближнего могильного холма Дантал спешился и, сильно прихрамывая, подошёл к нему. С его восточной стороны находилось каменное изваяние с барельефом женщины. Склонив голову, Дантал опустился на колено. Гость, также сошедший на землю, не приближаясь, неподвижно стоял за его спиной. Через какое-то время, поднявшись и отступив на шаг, Дантал повернулся и подошёл к соседнему холму с таким же памятным камнем, но уже с изображением мужчины. Прах покоящегося в этой могиле он также почтительно приветствовал. Отойдя чуть в сторону и опустившись на траву, Дантал взглянул на гостя. Тот подошёл к нему и тоже присел. Они долго молчали, разглядывая остальные захоронения, число которых было очень велико.

– Здесь возлегают оба моих родителя, – вздохнув, начал на языке гостя Дантал. – Моя мать из далёкой степной страны сакков-массагетов. Имя её – Далайя. Рядом мой отец. Он урартец. Его имя Руса.

При последних словах Дантал перевёл взор на гостя и увидел, как тот вздрогнул, весь напрягся и слегка подался вперёд. Его глаза выражали неподдельное удивление и даже подобие страха.

– Да, ты не ослышался, – спокойно продолжил Дантал. – Отец с раннего детства был уведён персами и всю свою жизнь провёл в сражениях. Раны сильно истощили его, и по дороге из этой долины в сакские края он умер. Мать вернулась и здесь по степным обычаям предала его тело земле. Больше она не покинула его и погибла от рук персов, в одиночестве защищая его могилу. Помощь пришла, но было поздно.

Дантал надолго замолчал. Гость не сводил с него глаз, терпеливо ожидая продолжения повествования.

– Я появился на свет в этой самой крепости. Моё имя Дантал, – прервав раздумья, тихо произнёс Дантал. – Тогда в сакской степи было беспокойно. Моя мать с небольшим отрядом направлялась к своим сородичам, но в дороге ей пришлось вступить в схватку с персами, отступавшими в свои земли. Отец был среди них и, раненый, попал к ней в плен. Тогда между ними всё и началось. Он привёл сюда остатки её отряда, и они надолго осели в крепости. Это была его земля. О своём родовом тайнике за водопадом он поведал моей матери, и сам показал ей то место. Позже она рассказала о нём мне. Но как ты оказался там, и как называть мне тебя? – Дантал посмотрел на гостя.

– Я Зайдана, сын Фаранга. Мы урартцы. Когда-то давно наше селение находилось невдалеке от этих мест, – низким грудным голосом начал гость. – Это было задолго до моего рождения. Отец, будучи ребёнком, как-то сумел избежать служения персам и всю свою жизнь скитался по этим вот горам. Вместе с ним удалось спастись ещё несколькими его сверстникам, в том числе и будущей моей матери. Её я не помню. Она умерла очень рано, оставив меня на руках у отца. Он меня и воспитывал, –

Зайдана запнулся и замолчал. Через миг он продолжил: – Когда я подрос и окреп, он привёл меня к водопаду и там показал мне схрон, принадлежащий нашему наири. Выходит, наши отцы – сородичи?

– Выходит, так, – соглашаясь с ним, произнёс Дантал.

Они вновь замолчали, каждый думая о своём.

– Мне некуда было идти, и я вернулся сюда. Тебе я благодарен за волю, что ты даровал мне, и за знак, поданный тобой, – нарушил тишину Зайдана. – Старый урартский нож, оставленный в то утро, признаюсь, я воспринял как случайность, но теперь я понял, что ошибался. Ты уже тогда прочувствовал во мне родственную кровь. Скажи, как это случилось?

– Я не знаю. Такое невозможно объяснить словами. Может быть, в твоих поступках я уловил нечто, напомнившее мне и моего отца, и себя. Может быть, и наша с тобой внешняя схожесть, подмеченная первым моим названным братом Форкисом, что-то подсказала мне. Трудно разобраться во всём этом. Главное, что я не ошибся, и вот мы оба здесь, – Дантал посмотрел Зайдане в глаза. Несколько раз задумчиво кивнув, как бы взвешивая каждое своё слово и соглашаясь с ним, он продолжил: – Я тоже признателен тебе за спасение Ортии. Не будь тебя рядом с ней, я бы не увидел её больше никогда.

Зайдана опустил голову.

– Теперь мы знаем многое. Отныне ты не одинок, – поднимаясь на ноги, завершил Дантал.

Пройдя вдоль всех остальных захоронений, они запрыгнули на скакунов и направились к лагерю.

* * *

Вечером этого же дня Дантал посетил Форкиса. Тот собирался прилечь и уже завершал умывание.

– Форкис, мне нужно поговорить с тобой, – начал Дантал, но, увидев приготовления брата, чуть замешкался в дверях.

– Проходи, Дантал, я рад тебя видеть. Весь день мы осматривали долину, заодно посетили и дальнее ущелье, – подойдя к нему и приглашая войти, радушно произнёс старший брат.

Дантал опустился на шкуры, расстеленные вокруг огня, и неожиданно для Форкиса спросил:

– Скажи, ты помнишь обряд, введённый здесь моей матерью и сотником Дагом?

Тот подал ему холодной воды и, с интересом вглядываясь ему в глаза, опустился напротив.

– Г-хе, г-хе, – довольно кашлянул он в кулак, мотнул головой и тут же расплылся в широкой доброй улыбке, понимая, о чём спросил его Дантал. – Я-то помню, но всё же лучше меня помнит о нём Зубар, ведь он и Кудас тогда соединили свои судьбы с Прианой и Лариан.

– Я знаю, но мне не хотелось об этом спрашивать Зубара. Кудаса больше нет, и я не стал тревожить его, – с грустью ответил Дантал.

– М-да. Ты прав, – Форкис вновь стал серьёзным. – Но ему и Савашу тоже следует немедленно сообщить о принятом тобой решении. К тому же Саваш старший здесь со стороны твоей матери. Ну а Ортию подготовлю я сам.

– Да. Есть кому быть и от рода моего отца, – Дантал многозначительно взглянул на брата.

Тот изумлённо смотрел на него, не в состоянии что-либо произнести.

– Его имя Зайдана.

Дантал рассказал Форкису обо всём, что произошло в прошедший день, при этом ни единым словом не упомянув о несметных богатствах, сокрытых за водопадом, и объяснив своё появление в той стороне лишь желанием навестить памятное место.

* * *

Через два дня в полдень по велению Саваша тысяча молодых воинов, воспитанников Дантала, выстроилась ровными рядами по обеим сторонам крепостного двора. Шестнадцать сотен остальных конных саков расположились коридором внизу, от подъёма к воротам, сквозь лагерь, до лесного родника.

Форкис, облачившись в этот день в сияющие боевые греческие доспехи, поверх которых была накинута пурпурная хлами-

да, находился слева от двери основного строения. Рядом с ним стояла Ортия, чей белоснежный длинный шёлковый хитон, оттаясь бронзовым загаром её лица и рук, переливаясь в солнечных лучах, ослеплял всех, кто бросал на неё восхищённые взгляды. Её длинные мягкие волнистые волосы, перехваченные изящным узлом на самой макушке, тугим хвостом струились по спине, отливая золотом при каждом дуновении ветерка. За ними, молча оглядывая войска, замерли Гром, Борус и Комата.

Дантал стоял напротив. Его простая, но новая сакская одежда была дополнена широким поясом с множеством золотых бляшек. С правого бока к поясу был пристёгнут акинак с искусно изготовленной золотой рукояткой. Его ножны были покрыты красной кожей, на которой золотыми нитями был вышит конь. Слева висел длинный меч. Голову Дантала украшал новый островерхий кожаный шлем, у которого по бокам, пушась белизной на ветру, свисали два золотисто-огненных лисьих хвоста. Полностью вооружённый Зубар находился рядом с ним, держа за спиной на коротком поводу его скакуна.

Зайдана, так же как и Дантал, облачённый в новые сакские одежды, с непокрытой головой стоял чуть в стороне от него между двумя сотниками, державшими перед собой длинные копья, на остриях которых развевались белая, красная и жёлтая ленты – символы сакской земли – жрецов, воинов и пастухов.

Все ожидали появления Саваша. Отворилась дверь, и он статно переступил через порог. Следом за ним вышел воин, держа на руках накрытые белой тканью предметы. Внимательно окинув спокойным взглядом стоящих, Саваш остановил взор на Ортии и слегка кивнул головой. Форкис, коснувшись её руки, посмотрел ей в глаза, тем самым давая понять, что ей следует подойти к Савашу. Девушка покорно подошла и встала перед ним, склонив голову. Саваш ловким движением откинул ткань. Под ней находился красивый, сшитый из тонко выделанной красной кожи островерхий шлем, отороченный по низу коричнево-золотистым мехом. Впереди по центру золотыми нитями на нём был вышит конь. Под шлемом, свисая с ладоней концами, лежал такого же цвета пояс, тут же заблестевший на свету мно-

жеством мелких золотых бляшек. Взяв в руки головной убор, Саваш шагнул к девушке и бережно опустил его ей на голову. Затем протянул пояс. Ортия приняла его и украдкой взглянула Савашу в глаза. Тот улыбнулся ей и вновь кивнул. Пояс был очень тяжёлым и едва не соскользнул из её рук, но она справилась, аккуратно застегнув его на тонкой талии.

Саваш, довольно осмотрев её, перевёл взор на Дантала. Молодой вождь, стараясь скрыть хромоту, подошёл, остановился возле Ортии и опустил на колено, почтительно склонив перед ним голову. Зубар подвёл скакуна, передавая поводья Савашу. Тот принял их и тут же протянул Ортии. Дантал поднялся. Они встретились глазами с Савашем. Саваш одобрительно кивнул. Дантал ловко запрыгнул на коня. Ортия, наблюдавшая за ним, грациозно развернулась и, уверенно ступая, повела скакуна к воротам.

Отбивая чёткий ритм, гулко загрохотали барабаны. Воины, поправив строй, вытянулись ровными рядами. С приближением вождя и его избранницы они стали дружно ударять мечами о щиты, приветствуя их. Минуя родник, пара углубилась в лес, оставив далеко за спиной последние сотни. Дантал спешился, Ортия отпустила коня и стояла перед своим супругом, не сводя с него восхищённых глаз. Он подступил к ней и нежно обнял.

* * *

Мудрая Далайя вместе с верным другом сотником Дагом, введя когда-то такой обычай, давала молодым возможность в свою первую ночь начать новую жизнь, не обременяя её ни одним обязательством перед своими сородичами. Даже вождь превращался в вольного человека, обретая иные права, не достигаемые для людских суждений и упрёков. Отныне только за ними оставался выбор, непоколебимо чтимый всеми, и он заключался в их особом волеизъявлении: либо уйти навсегда, либо на утро вернуться обратно.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

Прошла зима. Тёплая и мягкая, она не доставила обитателям долины особых хлопот. Сотни, расселённые Данталом по всей её территории, имея много скота и тёплые войлочные шатры, постоянно менялись местами, дабы как можно лучше обжить и изучить все окрестности. Нововведение полностью соответствовало велению верховного правителя царя Турпана. Теперь в этой горной чаше не осталось ни одного участка земли, где бы не обитали или не побывали саки. Единственным местом, куда вождь никого не поселил, был водопад, отданный им Зайдане, где для него был поставлен шатёр. Он по привычке вёл одинокую жизнь, часто навещая крепость. Саки меж собой стали называть его «подобие вождя».

Молодые воины, принявшие участие прошедшим летом в своём первом сражении, пережив в новых условиях зиму, выглядели совершенно иначе и уже не отличались от бывалых вояк.

Форкис, видя счастливую Ортию и как прежде деятельного Дантала, был спокоен, проводя больше времени в крепости, в кругу своих верных помощников.

Здесь же пережили зиму Саваш, Зубар и сотня личной охраны вождя.

Гонцы, прибывавшие в крепость в строго установленные для них сроки, докладывали об уровне снега в ущельях, чтобы командующий мог вовремя выставить там дозоры.

Зубар по велению Дантала готовил три сотни в дальнюю дорогу в родные земли, откуда он должен был до осени привести семьи воинов. Ортия, видя его приготовления и зная, куда он собирается, всё чаще стала затевать разговоры о доме, оставленном вдали, переживая за людей, обитавших там и ставших для неё родными. Дантал молча выслушивал её, понимая её тоску по родному краю, и думал над тем, как отвлечь её от горестных дум, но не находил пока выхода из этого сложного положения. Он не мог обещать ей скорой встречи с покинутым домом, но ясно осознавал, что рано или поздно, а уступить придётся, только не мог решить, когда и как это сделать. Войска, доверенные ему верховным правителем, а главное, цель, с которой он прибыл сюда, довлели над ним, сковывая его личную свободу тяжёлой ношей долга.

Слыша слова Ортии о доме, он стал часто задумываться и о судьбе брата.

«Форкис, посвятивший мне всю свою жизнь, до сих пор остаётся одиноким, не обзаведясь семьёй, не имея детей. Его благородное сердце всегда горело рядом со мной, никогда не отдаляясь от меня своим могучим биением. Для него не было ничего невозможного, когда что-то касалось меня. Вот и теперь он находится рядом со мной, ни взором, ни словом не намекнув и не обмолвившись о желании хотя бы ненадолго побывать на своей родине. Такой самоотверженной преданности по отношению к другому человеку я ещё не видел. До конца лета почти ко всем воинам придут их семьи и лишь Форкис, как всегда, будет один. Я ни разу не обидел его словом, но и чуткостью к нему не блеснул. Чего стоит моё отношение, если он, дарующий мне всего себя без остатка, обделён моим даже небольшим вниманием. Я, обязанный ему жизнью, приковал его к себе как какую-то вещь, не допуская мысли о том, что он живой человек и так же, как все, умеет тосковать, скучать, страдать и томиться. Сколько же нужно иметь сил, чтобы терпеть меня и всё, что связано со мной?» – с болью в душе впервые подумал Дантал.

Ортия, заметив перемены в нём, приняла их на свой счёт, вина себя за допущенную несдержанность и надоедливые разго-

воры о своём доме, и старалась всячески успокоить его, принося искренние извинения. В такие мгновения Дантал не знал, как вести себя, остро ощущая всю нелепость и даже беспомощность своего положения. Он не мог расслабиться и признаться ей в своих думах и чувствах, считая такое поведение недозволительным для мужчины, и от этого мучился сам и изводил её, ясно осознавая, что не прав ещё и по отношению к ней. Бессонными ночами он мысленно раскаивался в том, что опять не сумел объяснить ей всего, что накопилось у него на душе, чем пришла пора поделиться. Он очень желал скорейшего прекращения своих и её терзаний и больше не хотел допускать неясностей, из-за которых она считала себя виноватой. Дантал понимал, что не следует стыдиться откровенности, столь нужной обоим и заслуженной ею взамен за доброту и отзывчивость. Но наступало утро, и он вновь ничего не мог сделать с собой, полагая, что решение всё же должен принять сам. При пробуждении Ортии, не смея смотреть ей в глаза, он крепко прижимал её к груди и подолгу не выпускал из объятий, боясь, что она увидит его растерянность и почувствует его слабость. С каждым прожитым днём он всё больше убеждался в том, что два самых дорогих ему человека, Форкис и Ортия, сами того не ведая, страдают от его нерешительности, продолжая, несмотря ни на что, заботиться о нём. Это не могло длиться бесконечно, и однажды всё должно было определиться.

* * *

В один из дней, когда только сырость на дне ущелий напоминала о некогда лежавшем там снежном покрове, Дантал призвал к себе Форкиса, Саваша и Зубара. Срочность, с какой он это сделал, явно свидетельствовала о важности предстоящего разговора.

– Зубар, твои люди готовы выступить в дорогу? – начал с вопроса Дантал.

– Да. Жду лишь твоего повеления, – уверенно ответил тот.

– Через день на рассвете ты отбываешь, – твёрдо произнёс вождь.

– Слушаюсь, – склонил голову Зубар.

– Саваш, ты остаёшься командующим над всеми войсками, – Дантал взглянул в его сторону.

Тот непонимающе смотрел ему в глаза.

– Через три дня я также покидаю долину, – Дантал внимательно окинул взглядом сидящих и вновь остановился на Саваше. – С небольшим караваном мы с Форкисом уходим в греческую землю. Подготовь мне десять воинов. Из всего, что есть, подбери им подходящее снаряжение и оружие. Выдай пораньше, пусть пообвыкнут. Каждому – по два коня, но сакских не брать. С нами пойдут Гром, Борус, Комата и Зайдана. Ортия также уходит со мной. Да, нам нужны будут двадцать мулов. На них следует погрузить всё необходимое в пути и побольше чужеземных товаров. Четырех из них пусть оставят отдельно, они понадобятся лично мне. К ним повели приторочить пустые мешки.

Форкис удивлённо взглянул на него, прикусил губу и понимающе кивнул.

– Я всё сказал. Готовьтесь, – завершил Дантал.

* * *

Ортия принесла еды и опустилась возле Дантала.

Он задумчиво посмотрел на неё, затем улыбнулся и тихо спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

Не находя слов, она растерянно пожала плечами, так и не ответив ему.

– Не тревожься. Просто я хочу знать, готова ли ты перенести дальнюю и трудную дорогу, – коснувшись рукой её плеча, спокойно произнёс он.

Ортия замерла, не сводя с него глаз. Больше не мучая её недомолвками, Дантал сообщил ей о принятом решении.

– Через три дня мы с тобой покинем крепость. Очень надеюсь, что скоро ты увидишь свой дом.

Ортия, услышав его слова, ещё не веря сказанному, метнулась к нему и прижалась к его груди, обвив руками шею. Дантал, вдохнув запах её волос, нежно погладил её по голове и крепче прижал к себе такое хрупкое и такое родное тело.

* * *

На рассвете определённого вождём дня Зубар выстроил свои сотни. Дантал проследовал мимо них, внимательно оглядывая каждого воина. Завершив осмотр, он развернул скакуна, приблизился к Зубару и, очень проникновенно посмотрев ему в глаза, произнёс:

– Ну что ж, Зубар, пора. Ты знаешь дорогу. Да хранят тебя небеса. Выступай.

– Прощай, Дантал.

– Прощай, Зубар.

Сотни развернулись, перестроились в ряды по пять воинов и тронулись в сторону перевала, обходя окраину леса. Дантал долго провожал их взглядом, оставаясь на месте и сдерживая скакуна. Форкис и Саваш находились рядом с ним, за его спиной. В небольшом отдалении, сойдя с коней, замерли Гром, Борус, Комата и Зайдана. На высоте посреди распахнутых крепостных ворот стояла Ортия.

* * *

К полудню второго из трёх дней, отведённых для себя на сборы, Дантал в сопровождении Зайданы, ведя на привязи четырёх мулов, прибыл к его шатру у водопада.

– Дантал, там, за потоком, в пещере, было пусто, – не понимая пока его действий, но уже догадываясь о том, что тот желает посетить схрон, недоумевающее произнёс Зайдана, перекрикивая шум низвергающейся воды.

– Зайдана, если там есть что-то твоё, оно мне не нужно. Я не за тем пришёл сюда. Ты лучше помоги мне, – вкратце объяснил свои действия Дантал.

Он пробирался сквозь густые кустарники слева от заводи. Зайдана, придерживая ветки, следовал за ним.

– Видишь бревно? Нам нужно вытащить его отсюда, – показав рукой в неглубокую расщелину, пояснил Дантал.

Вскоре они уже катили бревно к воде. Оно было длинным и тяжёлым и больше походило на огромный каменный стержень.

– Его нужно обвязать по концам и перекинуть через воду вот в этом месте, – продолжал говорить Дантал.

Зайдана наконец понял его назначение. Своеобразный мост вскоре был готов. Но для этого Данталу пришлось вплавь забраться под водопад и затянуть туда дальний конец бревна. Немного отдохнув, они оба перешли на другую сторону и оказались позади потока.

– Подожди здесь, я скоро, – попросил Зайдана и скрылся в проёме входа в пещеру.

Он довольно быстро появился, волоча пару больших, чем-то набитых кожаных мешков. Затем вновь исчез и вновь выволок ещё два мешка. Скрывшись в третий раз, он вышел с длинным ножом в руке.

– Вот. Это тот самый нож, – протянул он оружие Данталу.

– Да, это он, – разглядывая знакомую вещь, кивнул Дантал.

– А это всё осталось мне от отца, – разводя руками, крикнул Зайдана.

Слегка подавшись вперёд, он добавил:

– Больше там ничего нет.

– Давай посмотрим, – предложил Дантал и шагнул внутрь.

В пещере был очень темно. Они обошли её полностью, но ничего не нашли, кроме груды камней, что лежали у стены напротив входа.

«Как же так? Сюда никто не мог наведаться, кроме Зайданы, но он честен и не позволит себе обмана», – удивлённо подумал Дантал.

Он ещё раз прошёл вокруг тайника, нащупывая руками стены и шаря ногами перед собой, но кругом было пусто.

Зайдана коснулся его плеча и крикнул на ухо:

– Нет так нет. Не нужно огорчаться. Моего добра хватит и тебе. Бери хоть всё. Оно мне не нужно.

Дантал благодарно сжал его руку и снова направился в дальнюю часть пещеры, туда, где возвышались сложенные камни. Он присел и стал осторожно откладывать их в сторону. Вскоре его пальцы коснулись чего-то напоминающего кожу. Он быстро разворошил всю грудку и уже уверенно по-

тянул за завязку верхний мешок. Тот под своей тяжестью ска-
тился вниз. Под ним лежали ещё два мешка, а ниже, в полу, в
углублении, были сложены остальные мешки. Всего их оказа-
лось восемь.

– Зайдана, я нашёл их, – радостно выкрикнул Дантал.

Вскоре всё, что было спрятано родителями для него, уже на-
ходилось на площадке под водопадом.

– Ты по-прежнему оставляешь их здесь? – спросил Дантал,
кивнув на мешки Зайданы. – Завтра мы уходим надолго в даль-
ние земли. Решай сам, как быть с ними. Если мои воины найдут
их, то ты больше не увидишь своего добра.

– Давай всё это тоже заберём с собой и вывезем отсюда.
Думаю, в пути оно пригодится и послужит нам, – предложил
тот.

* * *

На заре следующего дня, перейдя дальнейшее южное ущелье,
небольшой караван вереницей спустился в лес и уже вскоре вы-
шел на старую торговую дорогу, поворачивая на запад. Среди
семнадцати человек его сопровождения, облачённых в боевые
греческие доспехи, мало кто, доведись такому случиться, смог
бы распознать молодую женщину.

Шли быстро, останавливаясь на ночлег при закате. Дорога
была пустынной, но уже через несколько дней впереди пока-
зался конный персидский отряд. Форкис первым приблизился
к нему. Старший отряда, пожилой перс, внимательно оглядев
его, махнул рукой. Полусотня его воинов, растягиваясь по всей
длине каравана, проскакала мимо них, добралась до его конца и
замерла по обеим сторонам.

– Кто вы такие, откуда и куда ведёте путь? – спросил перс.

– Моё имя Форкис. Я купец и следую из Хорезма в Эфес, –
спокойно ответил Форкис. – Ну а дальше мне предстоит путь по
морю в Египет, в Навкратис. Там я живу. Хвала богам и вели-
чайшему из великих царю Дарию, щедро дающему мне возмож-
ность вести свои скромные торговые дела. Да продлятся вечно
его дни!

– Да пребудет он вечно во здравии и покое! – перс тут же подхватил благодарные слова Форкиса.

– По этой дороге уже давно никто не водит караваны. Спокойно ли было в пути? – взглянув на своих воинов, продолжил сотник расспросы.

– Прежде я всегда ходил по ней, и она привычна для меня, хотя и скучна своей безлюдностью, – уловив в его словах доверие, уверенно ответил ему Форкис.

– Что-то не припоминаю я тебя. Скажи-ка мне, когда ты прошёл в Хорезм? – прищурившись и глядя ему в глаза, вновь спросил перс.

– Прошлым летом. Пришлось провести зиму в Кяте. Дела в последнее время идут не так, как хотелось бы, слишком часто стали подводить торговые люди с востока, – с огорчением произнёс Форкис, слегка обернулся и тут же увидел выдвинувшегося к нему Дантала.

Словно опомнившись, он махнул ему рукой. Подлетевший к нему Дантал с почтением протянул ему небольшой кожаный мешочек и молча удалился.

– Прими от меня этот дар из далёкой земли, – Форкис подвёл коня ближе и протянул персу подарок.

Тот принял его и неторопливо, с подобающим достоинством развязал шнурок. Красивая золотая чаша блеснула в его руках изящными гранями. Было видно, как она мгновенно восхитила его. Он не мог отвести от неё глаз, но быстро совладал с собой, засунул её обратно, довольно кашлянув.

– Ты знаешь о том, что скоро выйдешь на великую дорогу. Первым, кто встретит тебя там, будет мой брат. Он похож на меня. Передай ему, что у Лурдия всё хорошо. Это моё имя. Он поймёт. Будет что нужно, обратись к нему, – перс развернул коня и отвёл его в сторону от дороги, освобождая путь.

– Да будет у тебя всегда так! – внутренне успокаиваясь, поблагодарил Форкис и тронул скакуна.

Караван двинулся, оставляя позади первый персидский отряд.

Брат Лурдия был точной его копией. Его сотня повстречалась через день. Поднимая клубы пыли, она подлетела к каравану и окружила его со всех сторон.

– Кто такие? Откуда идёте? – грозно пророкотал он, гарцуя на красивом жеребце.

Форкис представился, объяснил свой путь и не преминул добавить, что повстречался с досточтимым Лурдией, передавая его слова.

– В хороший день и вести хорошие приходят, – смягчаясь, произнёс сотник. – Давненько я не видел столь малого числом каравана. Не случилось ли чего в пути? – подав знак своим воинам, спросил он.

Сотня отошла в сторону.

– Хвала богам и всемилостивейшему владыке великому Дарию, у меня всё благополучно, – достойно ответил Форкис. – Это часть моего каравана. За остальными вскоре отправлю своих помощников. Успеть бы в это лето.

Дантал, как и в прошлый раз, передал Форкису мешочек, но чуть побольше прежнего.

Форкис преподнёс его сотнику с подобающими словами. Взвесив на ладони мешочек и даже не заглядывая в него, тот удовлетворённо засунул подношение в притороченный сбоку объёмистый мешок. Форкис понимающе отвернулся.

– Нет ли каких просьб ко мне? Может, помощь какая нужна? – почти искренне спросил перс.

– Благодарю тебя за столь учтливое отношению к простому торговцу. Если нужно что-то кому-то передать по пути, я с большой охотой готов исполнить, – в свою очередь проявил внимательность Форкис.

– Тебе на пути повстречается мой давний друг. Скажи ему, что Борстий ждёт его в гости и что у его старшего сына недавно родилась дочь, – мягко попросил сотник. Затем, подняв на прощание руку, добавил: – Ну а тебе – хорошей дороги.

Он стегнул плёткой коня и направился к ожидавшей сотне.

Таким незатейливым образом через много дней и ночей караван добрался по царской дороге до города Гордиона. Форкис лишь после очередной, четвёртой встречи с дозорным отрядом персов понял, что у командующих существуют свои условные слова, передаваемые друг другу через купцов в виде всевозможных просьб и незначительных сообщений и сигнализирующие о хорошей мзде со стороны прибывшего торговца. Зайдана, видя, как Дантал опорожнил целый мешок, предложил впредь брать дары из его части.

Форкис однажды, заметив, что по мере приближения к Гордиону подарки становятся всё ценнее и ценнее, обратился к Данталу:

– Откуда ты берёшь всё это золото? Это, конечно, не моё дело, но боюсь, что вскоре тебе нечем будем одаривать персов. Они всю дорогу только и знают, что ждут нас и нечестиво обирают.

– Скоро Сарды, а там и до Эфеса рукой подать. Главное – мы почти дошли до моря. Ты ведь не хочешь, чтобы персы заглянули в наши вьюки и поняли, что мы идём не из Хорезма? – ответил Дантал, хитро подмигнув брату.

Форкис, поняв верность поступков Дантала и не считая нужным дальше вести расспросы, впредь больше ни разу не проявил ненужного интереса, зная, что тот однажды, если сочтёт необходимым, сам обо всём расскажет.

* * *

Благополучно миновав Сарды, в один из дней караван достиг греческого портового города Эфес.

За всё время пути Ортия ничем не выказала усталости, терпеливо снося все трудности и неудобства. Лишь теперь, увидев море, услышав родной язык, почувствовав близость дома, она стала проявлять лёгкую нетерпеливость, часто шёпотом спрашивая Дантала о том, как долго они пробудут в этом городе. Он всячески успокаивал её, объясняя, что необходимо тщательно подобрать надёжный корабль, оплатить дорогу и что для этого потребуется определённое время.

Через два дня пребывания в городском торговом дворе Форкису удалось договориться с владельцем одного судна, отбывающего в Египет, прямо в Навкратис. Продав лошадей и мулов, при этом оставив всю упряжь и амуницию, они погрузились на корабль и ранним утром отошли от гавани в бескрайние водные просторы.

* * *

Саки, впервые оказавшись на морском судне, все до единого одинаково реагировали на качку. Их сильно тошнило и постоянно клонило ко сну. Но это было для них даже удобно. На все обращения к ним со стороны греков они отмалчивались, давая понять, что им плохо и что в этом состоянии им вовсе не до досужих разговоров. Те с пониманием отходили от них и больше не приставали с вопросами.

Хотя теперь сородичам Дантала, казалось бы, ничего уже не угрожало, но всё же было нелишним продолжать выдавать себя за соплеменников людей, плывущих вместе с ними на этом корабле. Мало ли что могло случиться в пути. Среди их окружения могли оказаться персидские лазутчики, а такое соседство ничего хорошего не сулило.

Море на редкость было спокойным. Иногда небольшие волны накатывали на борта, слегка раскачивая судно. Чайки, долгое время сопровождавшие корабль, по мере отдаления его от земли всё реже стали пролетать над головами и вскоре совсем исчезли, перестав раздражать людей своими истошными криками.

Форкис наслаждался плаванием. Целыми днями он стоял у борта и вдыхал родной морской воздух, по которому так сильно соскучился. Дантал старался не мешать, понимая его всей душой. Он знал, что вся эта необъятная водная гладь для брата была больше чем просто вода. Море всегда, с самого раннего детства было его единственной страстью, и теперь, по простетии длительной разлуки, она вспыхнула в нём с новой силой, волнуя кровь, насыщая её жаром и обновляя желаниями.

Вопреки ожиданию, долгим путь не оказался. Вновь неожиданно появились чайки, разорвав тишину пронзительными

криками, сообщая так о приближении земли. Вместе с ними стали всё чаще попадаться египетские суда, снующие в разных направлениях. Люди нетерпеливо вглядывались вдаль, где уже виднелась тонкая линия чернеющей полосы суши, медленно выроставшая прямо на глазах и превращавшаяся в множество огромных островов, сплошной линией прикрывавших широкую дельту главной реки Египта. Проскользив ещё немного по прибрежной морской глади и убрав парус, корабль на вёслах пошёл к одному из её рукавов. Священный Нил, неся свои потоки в море, могучим встречным течением замедлил его ход.

* * *

Небольшая старая пристань Навкратиса не изменилась. Семнадцать человек, прибывшие в числе других на корабле, сошли на берег, сторговавшись с хозяином, навьючили все свои грузы на его мулов, объяснили погонщикам, куда нужно следовать, и дружно зашагали в сторону города. Ортия, улыбаясь, взглянула счастливыми глазами на Дантала и крепко сжала в своих пальцах его ладонь.

Ровная пустынная пыльная улочка городской окраины, куда они вошли, зажатая всевозможными постройками, постепенно расширяясь, очень скоро превратилась в широкую улицу, приведшую их на центральную рыночную площадь. Здесь было многолюдно. Бурно велась торговля. Растворившись среди толпы, сбавив шаг, но не упуская из виду друг друга, через некоторое время они выбрались на её другую сторону.

Саки с нарастающим интересом разглядывали дома, всю дорогу о чём-то тихо перешёптываясь между собой. Форкис, шедший впереди, остановился у одного из приземистых домов. Здесь не было ни ограждения, ни двора в отличие от почти всех остальных строений. На пыльной двери висел огромный замок. Два небольших окна были затворены дощатыми щитами. Это и была та самая оружейная мастерская, откуда когда-то ушли вместе с ним в поход по Нилу Дантал, Гром, Савват, Борус и Комата. Теперь они вновь находились перед ней, но среди них не было Саввата. Недолго постояв, все тронулись дальше.

Перед домом Ортии их ожидали погонщики с гружёными мулами. Ничего не понимающая прислуга, почти в полном составе выбравшись на улицу, молча разглядывала их. Увидев приближающийся вооружённый отряд, все слуги тут же исчезли, плотно затворив за собой ворота.

Ортия подошла, приложила ладони к створкам, провела пальцами по их поверхности и осторожно толкнула. Те легко подались в стороны, открывая вид на большой двор. Прислуга, стоявшая прямо за воротами, оглядываясь, отбежала по широкой дорожке, ведущей к дому. Ортия шагнула внутрь. Она окинула взором весь двор, вдохнула его родной запах и сняла шлем, встряхнув головой и разметав волосы по плечам.

– О всемогущие боги! Так это же наша хозяйка! – в голос воскликнули слуги и бросились ей навстречу, падая перед ней на колени, молитвенно сложив на груди ладони.

– Встаньте. Прошу вас, – обращаясь к ним, Ортия склонилась, поднимая ближнюю из них, самую старшую служанку.

Та покорно поднялась, по-детски утирая слёзы, при этом продолжая бормотать дрожащими губами:

– Свершилось! О боги, свершилось! Я всегда молилась и знала, что это случится. Я верила и ждала.

Мужчины молча стояли под низкой аркой ворот, не мешая встрече Ортии с родимым домом, с верными домочадцами, искренне и трогательно обрадовавшимися её возвращению. Ортия, больше не сдерживая переполнявших её чувств, обняла добрую служанку и заплакала.

* * *

Весь остаток дня люди приводили себя в порядок, отмываясь после дальней дороги, облачаясь в чистые одежды. Вечером они все были приглашены Ортией в андрон за огромный трапезный стол на низких ножках, вокруг которого на полу были расстелены самотканые ковры. Сюда стали подаваться различные блюда, с огромным удовольствием приготовленные истосковавшимися по кулинарному ремеслу слугами. Приступили к еде. Довольно быстро насытившись, невероятно уставшие пут-

ники задолго до наступления полуночи уже крепко спали. Саки, несмотря на уговоры, расположились на дворе на разостланных поверх травы покрывалах, прямо под открытым небом. Вся прислуга, возбуждённая долгожданными и очень приятными переменами, продолжала хлопотать по дому, основательно готовясь к предстоящему на следующий день по-настоящему праздничному и обильному застолью, при этом заботливо оберегая сон хозяйки и её спутников.

* * *

Тейя, гостившая несколько дней у своей сестры в Мемфисе, ранним утром вернулась домой. Она отпустила на отдых сопровождавшую её прислугу и, прежде чем, искупавшись, тоже прилечь в приготовленную постель, направилась по обыкновению в соседний дом. На её стук в воротах появилась престарелая служанка, остававшаяся в доме за старшую уже довольно длительное время, с тех пор как его покинул хозяин, ушедший по своим торговым делам и впервые забравший с собой дочь. Приглаждая по своей воле за его домом и заботясь о его домочадцах, Тейя часто навещала их, давая нужные советы по ведению хозяйства, проявляя искреннее беспокойство обо всех, кто там проживал. Ей приятно было посещать этот дом, где всегда царили лад и уют. И даже теперь, когда не было радушных хозяев, в нём по-прежнему протекала неизменно спокойная жизнь.

Тейя помнила Эрифилу, рано и неожиданно покинувшую этот мир и оставившую юную Ортию без материнского тепла. Весёлая, очень чувствительная, необыкновенно добрая и жизнерадостная Эрифилла порой казалась ей не от мира сего. Всегда, когда из дальних поездок возвращался Прет, она приходила к ней в дом и одаривала её всевозможными заморскими вещицами, делясь радостью от встречи с супругом. Иногда, когда его долго не было, она сильно грустила и не скрывала своих переживаний за него, но тут же успокаивалась и смеялась, рассказывая о проделках маленькой дочери. Её открытый нрав настраивал любого человека на чистое и откровенное общение. Мудрость, с какой она жила, была не навязчивой, а какой-то простой и есте-

ственной, не обременяющей никого, отчего, глядя на неё, всякий мог посчитать, что так, как она поступает, доступно и для него. На самом же деле всё обстояло иначе. В этой удивительной женщине словно лучился и сиял божественный дар. Тейя, будучи сама ненамного моложе её, относилась к ней как к матери или к старшей сестре, боготворя и восхищаясь ею. С тех пор как Эрифилы не стало, Тейя охотно перенесла своё безграничное уважение на её семью и дом, считая своим долгом быть хоть чуточку полезной для них.

Вот и теперь, уставшая от долгого пути, она могла бы отложить посещение этого дома до более подходящего момента, но такого поведения не допустила бы её совесть, и она, желая скорее убедиться в том, что у соседей всё обстоит благополучно, пришла к ним.

Увидев Тейю, сияющая счастьем служанка тут же ещё шире распахнула створки ворот, пропуская её и тихо щебеча на одном дыхании:

– Счастье-то какое, Ортия вернулась домой!

– Ортия?! – Тейя была и обрадована, и поражена одновременно, но, уловив какую-то важную недосказанность, остановившись, спросила: – Вместе с отцом они здесь?

– Нет, – служанка запнулась, скорбно опустив голову. Едва сдерживая плач, она сообщила страшную весть: – Его нет. Хозяин умер. Я только что узнала об этом от Форкиса.

– Умер?! – ещё больше поразила Тейя. – А Форкис, он с ней?

– Да, с ней. Там и Дантал, и Гром, и Борус с Коматой, и ещё много людей, – утирая слёзы, ответила служанка. – Они отдыхают.

– Я... я очень рада. То есть... Но Прет! Как же так! Может, это зловещая ошибка? – не веря в сказанное, сильно разволновавшись, прошептала Тейя.

Она замолчала, пытаясь собраться с мыслями. Два совершенно разных известия неожиданно обрушились на неё. Они не могли уместиться в её голове. От этого она пребывала в небывалой растерянности.

– Я, пожалуй, пойду, – устало произнесла она. Взглянув в глаза служанки, она мотнула головой и добавила: – Позже зайду. Пусть отдыхают.

Неуверенно поправив рукой длинные пышные локоны распущенных чёрных волос, она, пошатнувшись, развернулась и вышла за ворота. Служанка подалась за ней и долго смотрела ей вслед. Высокая стройная женщина, всегда выделявшаяся среди других своей безупречной статью, впервые ступала так, словно на её плечи взвалили непосильный груз, от которого она едва держалась на ногах, и если бы кто-нибудь смог заглянуть сейчас в её душу, он бы понял, что так и было.

* * *

Ближе к полудню, когда Тейя в полудрёме лежала в своей комнате, к ней вошла служанка и сообщила о приходе Ортии. Быстро поднявшись и утерев платком заплаканные глаза, Тейя вышла к ней. Ортия бросилась в её объятия и прижалась, обхватив её руками. Тейя, прикусив губу, прикрыла дрогнувшие веки и, стараясь не причинять боль, стала гладить девушку по голове, нервно перебирая пальцами её шелковистые волосы. Прислуга бесшумно удалилась, оставив их наедине. Женщины молча плакали, не выпуская друг друга из объятий. Им не нужно было слов. Они чувствовали почти одно и то же.

* * *

В полдень, когда все в доме Прета уже расположились в трапезной и на стол начали подавать яства, в дверях появилась Ортия. Войдя, она отступила в сторону, пропуская Тейю. Прервав разговоры, мужчины быстро поднялись на ноги. Форкис, так давно не видевший эту невероятно красивую женщину, с которой когда-то ему довелось познакомиться здесь же, снова увидев её, стоял, не смея отвести от неё глаз. Она прошла на отведённое ей место и опустилась на ковёр. Все вновь присели. Форкис же продолжал стоять, пока Дантал не дёрнул его за руку. Опомившись, он тоже опустился. Трапеза началась. В доме уже все знали о смерти хозяина, и приготовленный было для праздника обед стал поминальным. Люди молча ели, стараясь не нарушать тишину.

* * *

Дантал, заметив перемены в брате, стал украдкой наблюдать за ним. Тот замкнулся в себе, был непривычно рассеян, всё чаще уединялся, ежедневно отправляясь в одиночку на длительные прогулки за город. Его поведение было странным и пока не поддавалось объяснению. Что-то, несомненно, угнетало его, но он ни с кем не делился своими переживаниями. Прежде никогда не видевший его таким, Дантал терялся в догадках, пытаясь разобраться в причинах, так быстро изменивших брата, но не находил их.

Форкис перестал нормально питаться и сильно похудел. От постоянной бессонницы он смотрел на всех покрасневшими, впавшими глазами. Его потухающий взор явно никого и ничего не замечал, пугая каждого, кто заглядывал ему в глаза, своей отчуждённостью и пустотой.

Однажды Дантал не выдержал и рассказал Ортии о своих тревогах за брата. Она довольно спокойно восприняла его сообщение, тем самым давая понять, что и сама заметила его плохое самочувствие, и пообещала ему разобраться во всём и попытаться излечить его от недугов и хворей. С большой надеждой на её помощь в один из дней Дантал погрузил несколько мешков на нанятых мулов и, прихватив с собой Зайдану, покинул дом и направился к пристани. Саки, встревоженные отбытием вождя, последовали было за ним, но после его заверения, что скоро вернётся, и веления оставаться здесь и охранять дом, покорно подчинились и повернули обратно. Зная, когда отходит судно, на котором они прибыли сюда, в Навкратис, Дантал успел вовремя попасть на него, и уже через некоторое время они приплыли в город Галикарнас.

* * *

Определившись с местом в торговом дворе и оставив с грузом Зайдану, Дантал прошёлся по городу. Знакомый дом купца Диагора он приметил ещё издали. С каждым приближавшим к дому шагом его сердце стучало всё сильнее.

«Быть может, старый добрый Диагор сейчас дома, и я встречу с ним? Как было бы хорошо, если б такое случилось! Я за-

брал бы его погостить в Навкратис. Вот тогда наш Форкис от радости обязательно бы поправился», – взволнованно думал он, подходя к двери.

Оказавшись перед ней, Дантал в нерешительности остановился. Дверь неожиданно распахнулась, и на улицу, громко смеясь, выбежали две девочки. Та, что была чуточку старше, с интересом взглянула на него, склонила на бок кудрявую головку и весело прошептала:

– Все гости уже давно пришли. Опаздывать нехорошо.

Младшая нетерпеливо дёрнула её за руку, и они побежали по улице. Не успев ничего спросить, Дантал растерянно оглянулся.

– Ты что-то хотел? – услышал он вдруг чей-то голос.

В дверях стоял незнакомый мужчина средних лет.

– Мне сказали, что хозяин этого дома продаёт какое-то судно, – первое, что пришло ему в голову, спокойно произнёс Дантал.

Мужчина оценивающе скользнул по нему взглядом, на миг задумался и вновь спросил:

– Ты хочешь купить торговый корабль?

– Да, если он новый, – уверенно ответил Дантал.

– Есть у меня такое судно, но мне сейчас некогда. Приди ко мне завтра с утра, тогда и поговорим, – предложил он.

– Хорошо. Я приду, – Дантал кивнул, развернулся и, сильно прихрамывая, пошёл в обратную сторону.

Ему было не по себе. Он понял, что верного друга и мудрого наставника Диагора не стало. Он не вернулся домой из Персеполя, оказав ему, Ортии и Форкису ещё одну, последнюю в жизни услугу. Горечь от огромной утраты вмиг охватила душу Дантала, теперь уже окончательно погасив в ней все потаённые надежды на встречу с Диагором, и щемящим отголоском отразилась в сердце, долго, бережно и непоколебимо хранившем веру в то, что они обязательно увидятся. Ему было очень обидно за несправедливый исход, уготованный доброму старцу, одному из тех редкостных людей, кто, как никто другой, был достоин иной кончины. Судьба всегда была благосклонна к этому уди-

вительному и очень миролюбивому человеку, но завершила его путь слишком жестоко. Всем сердцем Дантал сожалел о том, что Диагор на склоне лет оказался в одиночестве в далёкой чуждой земле, причём, как он полагал, беззащитно встретив насильственную смерть. Данталу было тяжело осознавать, что в последние мгновения жизни Диагора никого из близких людей не оказалось рядом. Никто не сумел защитить его или хотя бы проститься с ним.

«Не так он должен был покинуть этот мир! Совсем не так!» – звенела в голове Дантала одна и та же скорбная мысль.

* * *

На утро следующего дня Дантал явился к дому Диагора. Новый хозяин ждал его и сразу появился в дверях. Они прошли в гавань, и тот показал ему торговый корабль, пояснив при этом, что выстроен он и спущен на воду совсем недавно, но уже несколько раз с грузом ходил по морю. Пентеконтер – длинное низкое судно – имел по каждому своему борту по двадцать пять вёсел в один ряд. Над палубой возвышалась высокая мачта с собранным большим парусом. На фоне соседних кораблей с почерневшими от времени корпусами он выгодно отличался своей новизной и свежестью. По велению его хозяина команда, состоящая из пяти человек, привела гребцов-рабов, и уже через некоторое время они вышли в море. На открытой воде прошли под парусом, затем вновь на вёслах. Вернулись в гавань.

Ещё раз тщательно осмотрев судно, Дантал сошёл на берег. Корабль, оказавшийся ему по душе, обошёлся в содержимое ещё четырёх мешков. Вместе с судном Дантал приобрёл и гребцов. Теперь следовало подобрать команду и загрузиться всем необходимым для дороги в Навкратис. Умельцев-мореходов за хорошую плату оказалось достаточно много при торговом дворе. Вскоре наняв троих из них, они с Зайданой уже плыли обратно.

Не было Диагора, но даже теперь его добрый дух продолжал помогать Данталу руками нового владельца его дома, случайно, но очень удачно повстречавшегося ему в этом пути.

«Случайно ли?» – подумал Дантал.

Ортия поведала Тейе обо всём, что случилось с ней за всё то время, что она провела вне дома. Её печальный рассказ о гибели отца сильно потряс собеседницу. Она долго не могла успокоиться, представляя последние мгновения его жизни. Ей не верилось, что его уже нет в живых. Преданная дружбе с Эрифиллой, даже теперь она не могла в душе и мыслях признаться себе, что Прет всегда занимал в её сердце особое место, столь же высокое, как её отношение к подруге, но иное по сути, и вызывал чувства гораздо большие, нежели просто уважение к очень достойному мужчине, и от этого ей было больнее всего.

Узнав многое о Дантале и о том, что они с Ортией стали супругами, она была искренне рада. Её поздравления были по-настоящему материнскими, очень нежными и проникновенными. Всё, что было у неё ценного из украшений, она принесла и подарила Ортии, по-женски напутствуя её быть такой же матерью, как Эрифилла, желая ей долгой и счастливой жизни с Данталом.

Во время одной из душевных бесед Ортия поделилась с ней своими переживаниями по поводу состояния Форкиса. По тому, как она отзывалась о нём и как говорила о его поступках, какими словами выражала своё отношение к нему, Тейя вдруг поняла, что он, сумев в трудную пору заменить ей отца, стал для Ортии таким же дорогим человеком, каким был Прет. Она слушала Ортию очень внимательно, пытаясь вспомнить своё первое знакомство с Форкисом, стараясь понять его характер и узнать как можно больше о нём. Человек, которого всегда высоко ценил Прет и о ком теперь так нежно и трепетно отзывалась его дочь, вызывал в ней откровенный интерес.

Глядя на Ортию, внимая её словам, Тейя также поняла и то, что перед ней не та девушка, которую она знала раньше, а совсем другая, рано и быстро повзрослевшая, выстрадавшая своим юным сердцем множество чувств, горьких и радостных. За короткий срок она лишилась самого близкого и родного человека, но осталась верна себе, перетерпела все ниспосланные ей испытания и обрела в награду за пережитые муки женское счастье. Несмотря на понесённые утраты, её вновь окружали

любящие люди, и Тейе вдруг очень захотелось находиться в их числе, перестав быть просто соседкой. Она всегда чувствовала, что здесь, у этого очага, протекает настоящая жизнь, и именно поэтому её постоянно влекло сюда, но впервые до глубины души она лишь теперь осознала, насколько велико в этом доме ощущение полноценного существования, чего так не достаёт в её обители.

«Только достойные люди, утратив серебро прошлого, способны обрести золото будущего», – пронеслось у неё в голове.

* * *

Форкис сидел в тени одинокого дерева. Шумный город оставался за его спиной. Там, вдали, куда был обращён его взор, до самого горизонта раскинулись необъятные просторы, где раскалённая суша своими причудливыми берегами ласкалась с холодной морской гладью. Лишь здесь он обретал некое подобие покоя, смутно ощущая родство неизведанных таинств великой природы с тем, что не так давно проявилось в нём самом. Ему было немного легче, когда он сравнивал себя с горячей частичкой тверди. Вот только не было рядом той желанной волны, что могла остудить его жар. Прошло уже много дней, но он не мог совладать с собой. Его крепкая воля, всегда спасавшая его от хандры, теперь оставалась безучастной, делая его слабым и лишним раз показывая этим свою мощь и великую значимость в хрупкой человеческой жизни. Впервые он открыл для себя, что воля может отступить, освобождая место чему-то равному по силе. Но что сумело сдвинуть её, он не мог пока понять.

В глубине души он осознавал, что причиной всего происходящего с ним являются чувства, внезапно возникшие к Тейе, но почему они были такими странными и мучительными, заслонили собой весь мир – разобраться не мог. Такого с ним не происходило никогда. Новизна ощущений пугала своей необычностью и непредсказуемостью, посягая на привычный жизненный уклад, когда-то избранный им по своей воле. Он не хотел потерять прежнего себя и ждал, когда наконец всё это успокоится и пройдёт. Сегодня Форкис всё же уловил возвращение воли.

Отъезд Дантала, о котором он узнал лишь вчера, сильно подействовал на него, заставив думать об этом и надорвав пелену отчуждённости. Постоянное чувство ответственности за младшего брата пересиливало временный душевный недуг. Форкис не знал, как поступить и где искать брата. Он терялся в догадках, не понимая, почему тот покинул дом, не сказав ему ни слова о своих планах. Ортия, добрая и отзывчивая, все эти дни старалась помочь ему, оказывая ему внимание, предлагая множество всевозможных вариантов исцеления. Он видел и слышал её, охотно подчинялся уговорам, внутренне сожалел о причинённых хлопотах, в душе благодаря её, но не умея пока оправдать всех её ожиданий. Утром на его вопрос о местопребывании Дантала она вновь ничего не ответила.

Наступил полдень. Ему уже следовало вернуться в дом, дабы там начать исправлять допущенные ошибки и продвинуться хотя бы на шаг к прояснению ситуации с братом. Взглянув напоследок в сторону моря, он хотел было подняться, но в этот момент кто-то слегка коснулся его плеча. Он повернул голову и увидел стоящую возле себя Тейю. Убрав руку, она спокойно смотрела на него. Форкис поднялся, не веря своим глазам.

– Я с трудом нашла тебя, – тихо произнесла она.

– Что-нибудь случилось? – спросил он, поворачиваясь к ней.

– Форкис, вернулся Дантал. Он ждёт тебя. Пойдём в дом, – пригласила она, склонив голову. – Тебе станет легче.

Они направились к городу.

* * *

Дантал стоял на ступенях дома. Рядом с ним, улыбаясь и держа его за руку, находилась Ортия. Отворились створки ворот. Все взглянули в их сторону. Форкис и Тейя не спеша вошли. Дантал удивлённо смотрел то на брата, то на его спутницу.

– Как тебе удалось сотворить такое? – шёпотом, не скрывая восхищения, спросил он Ортию.

– Это вовсе не я, – нарочито вздохнув, прошептала она. – Это они сами.

– Надо же! Вот так дела! – протянул Дантал, направляясь к идущим и увлекая за собой Ортию.

На середине дорожки они встретились. Форкис молча обнял брата. Женщины понимающе смотрели на них.

– А теперь все вместе навестим одно место. Только прошу ни о чём не спрашивать меня, – отстраняясь от брата, громко произнёс Дантал. – Всё. Идёмте. Зайдана заждался.

Все, кроме прислуги, двинулись за ним, ещё не понимая, что происходит, но уже догадываясь, что их ждёт, несомненно, что-то хорошее.

– Ну мне-то хоть шепни, что там, – всю дорогу до пристани приставала к Данталу Ортия.

– Нет. Не могу. Потерпи чуточку. Ты же у меня понятливая, – он мягко пресекал её просьбы. – Скоро сама увидишь и скажешь мне, понравилось тебе или нет.

У пристани, слегка покачиваясь на волнах, убрав парус и втянув вёсла, одиноко стоял пришвартованный корабль. Зайдана находился на нём у сходней. Увидев приближающихся людей, он быстро сбежал на берег.

– Что ты привёз? – остановившись в десятке шагов от Зайданы, спросил Форкис.

Все молча обступили братьев, ожидая объяснений Дантала.

– Помнишь наш поход по Нилу? – не ответив, спросил он, глядя Форкису в глаза.

– Помню. Всё помню. И что? – очень серьёзно произнёс Форкис.

– Выходит, не всё ты вспомнил, – улыбнулся Дантал. – Я обещал тебе подарить корабль. Вот он. Он твой.

Форкис удивлённо вскинул брови.

– Иди же. Он хоть и не военный, но новый, и больше пригодится тебе для мирной жизни, – Дантал вытянул руку в сторону судна, приглашая брата взойти на него и принять подношение.

Форкис оглянулся. Ортия и Тейя не скрывали восхищения и слёз, мгновенно выступивших при последних словах Дантала. Гром, Борус и Комата смотрели ему в глаза с какой-то тоской,

едва сдерживая чувства, нахлынувшие с особой мужской силой. Было видно, как они до самой глубины души тронуты поступком Дантала. Саки, по жестам понявшие, что происходит, поцокивали языками и удовлетворённо кивали головами.

Форкис повернулся к кораблю, окинул его взглядом, вздохнул, прикусил губу, коснулся рукой плеча брата и решительно направился к пристани. Ловко взбежав по сходням, он замер, внимательно оглядывая корабль. Затем ступил на палубу, прошёлся до кормы и вернулся к трапу. Взглянув в сторону стоявших на берегу, помахал им рукой, подняв её высоко над головой. Ортия от восторга по-детски прижала ладони к щекам. Тейя обняла её, нежно поглаживая по плечу.

На новом судне прошлись недалеко вниз по реке, затем вернулись к пристани и сошли на берег.

– Пойдёмте. Если вы не устали, то нужно побывать ещё в одном месте, – произнёс Дантал.

На обратном пути он показал Форкису на небольшое, но добротное помещение, пояснив, что и оно отныне тоже принадлежит ему, и предложил разместить здесь рабов и склады.

Но и это было не последним приобретением Дантала. Когда они дошли до своей давней оружейной мастерской, то увидели, что её двери и окна открыты, а внутри всё прибрано и подготовлено для работы.

– Гром, Комата, Борус, вот это всё теперь ваше, – сообщил Дантал, встав посреди помещения и разведя руками.

Троих друзей от неожиданности охватило сильнейшее волнение. Они испытывали огромную благодарность к Данталу, но выразить её подобающе, сколько ни старались, так и не смогли, не найдя подходящих для этого слов.

– Ну а теперь нам пора и отдохнуть, – улыбнулся Дантал и взял за руку Ортию, первым выходя на улицу.

– Что молчишь? – лукаво спросил он её.

– Мне нечего сказать, – прошептала она. – Ты всё сделал правильно. Нам всем не хватало именно тебя.

Только Зайдана знал о том, что эти две покупки обошлись Данталу в полмешка золотых изделий.

Прошёл ещё один день. Накануне вечером Дантал наконец подробно рассказал брату и Ортии о происхождении богатств, благодаря которым он смог все приобрести, упомянув и о встрече с Зайданой, и о разговоре с ним у водопада. Форкис, в свою очередь, поведал Ортии о том, как однажды в ночной беседе в походе по Нилу Дантал обещал купить и подарить ему корабль. При этом он не сказал ни единого слова о великанах, дабы не пугать её. Вспомнили о Диагоре, о том, что его, к их сожалению, нет среди них и уже никогда не будет. То, что в его доме в Галикарнасе живет совсем чужой человек, Форкис и Ортия уже знали со слов Дантала. Как-то само собой заговорили о планах на будущее. К удивлению братьев, Ортия сама затронула эту тему.

– Форкис, – начала она, – нам с Данталом скоро в обратную дорогу. Отныне этот дом твой. Живи в нём, распоряжайся, налаживай торговые дела. Мы когда-нибудь обязательно навестим вас, – она особо выделила последнее слово. – К тому времени у вас с Тейей уже наверняка будет много детей.

Ортия от души звонко засмеялась. Увидев, как смутился Форкис, задорно вскинув голову и посмотрев на Дантала, она тут же добавила:

– Но и мы появимся у вас в гостях не одни. Будет с кем поиграть вашим детишкам. Ещё посмотрим, чьих будет больше!

Они долго смеялись, да так, что сбежалась почти вся прислуга. Давно под сводами этого дома не звучал смех, и оттого, что он теперь слышался, всем его обитателям было радостно.

Дантал был признателен Ортии за начало важной беседы, очень умело и своевременно затеянной ею, так как сам не мог решиться сообщить Форкису обо всём этом.

Сегодня же оба брата сидели во дворе на скамье под деревом.

Ортия изредка появлялась из-за кустов олеандра и вновь скрывалась за ними, занимаясь самым любимым своим делом – уходом за цветами.

– Дантал, я очень благодарен тебе за всё, что ты сделал для меня, – немного грустно начал Форкис. – Прошу тебя, не перебивай и выслушай меня. Мне нужно сказать много важного.

Я не представляю, как буду жить без тебя, но, пожалуй, пришла пора и мне осесть в каком-нибудь месте. Годы уже не те, чтобы скитаться по миру. Ты тоже должен вернуться к себе. Тебя ждёт твой народ. Кажется, только вчера ты был подростком, а сегодня ты уже один из правителей в родной земле. Многого ты добился, но ещё большее ждёт тебя впереди. На своём пути я встречал немало достойных людей, но, поверь мне, такого, как ты, не видел. Я горд тем, что у меня есть такой замечательный брат. С тобой мы пережили несчетное число дней и ночей, зачастую невероятно тяжёлых, но ты ни разу не усомнился во мне, так же как и я в тебе. Мы умирали и выживали вместе, вдвоём... Не верю, что пришло время для расставания. – Форкис вздохнул, задумчиво взглянул на Дантала и продолжил: – Я всей душой хочу до конца пройти по жизни с тобой, но впервые боюсь только одного. Однажды подойдёт срок, и мы уже будем хоронить друг друга... Нам придётся это делать. Я старше годами и, конечно, уйду первым, но как же тогда ты будешь без меня? Ты ведь всегда смотрел и шёл только вперёд. Я же старался надёжно прикрыть твой тыл... Лучше не видеть нам ничего этого, и поэтому, наверное, я остаюсь. Это не трусость. Это желание навсегда остаться друг для друга живыми и сильными. Знай, Дантал, если ты скажешь, что всё это не так, то я пойду с тобой.

Дантал молчал. Ему стало трудно дышать. Такой разговор между ними был впервые. Он сам всего лишь вчера не знал, как почти эти же слова сказать Форкису. Но брат опередил, и Дантал понял, что говорить такое и слышать – не одно и то же.

«Первое рождается в тебе, и пока о нём никто не знает, ты вправе сам решать, выражать его вслух или нет. Второе попросту не зависит от тебя», – подумал он, собрался с духом и произнёс:

– Думаю, ты прав, Форкис. Вчера я мысленно разговаривал с тобой. Ты удивишься, но всё, что ты сказал мне, я говорил тебе.

Они оба замолчали, каждый сознавая себе в том, что всё, что хотели выразить друг другу сегодня, оказывается, в душе говорили всегда.

– Когда ты собираешься в дорогу? – тихо спросил Форкис.

– Через два дня, – ответил Дантал.

– Знаешь, я хочу посоветоваться с тобой ещё об одном деле, – вновь начал Форкис. – Здесь оставаться ни мне, ни Грому с Борусом и Коматой нельзя. Тейя гостила в Мемфисе. Супруг её сестры, видимо, имеет доступ к командованию городского гарнизона и как-то обмолвился ей о странных событиях, происшедших не так давно на границе в верховьях Нила. Может, они и не касаются нас, но в том, что о нашем появлении в Навкратисе станет известно, я не сомневаюсь. К тому же твои последние приобретения не могли остаться незамеченными. Поэтому я решил не задерживаться здесь и податься на Самос, к себе домой. Да и соскучился очень. Вас с Ортией, Зайдану и воинов мы оставим по пути в Эфесе. Снарядим вас небольшой караван и уже оттуда направимся на остров. Как ты считаешь, это решение будет правильным?

– Признаться, не думал я, что интерес к тому походу ещё жив. В таком случае твоё решение – единственно верное. Вот только Тейя, что будет с ней? – соглашаясь с братом, спросил Дантал.

– Не знаю. Мне нужно поговорить с ней. Если она поймёт меня и примет предложение покинуть этот край и уйти со мной, то с ней мне будет гораздо легче ожидать твоего приезда с Ортией, – Форкис улыбнулся.

– Хорошо. Думаю, продавать дома не нужно. Лишнее внимание нам ни к чему. Есть ещё кой-какие припасы. Вам с Тейей хватит начать новую жизнь, – как всегда в такие моменты, лукаво подмигнув, Дантал также расплылся в улыбке.

От этой доброй и очень важной беседы, от ощущения взаимного понимания и возникшей определённости в действиях братья почувствовали невероятное облегчение.

* * *

Вечером Ортия пришла к Тейе в дом. Та пребывала в растерянности после разговора с Форкисом.

– Ой, не знаю, как быть и что делать! – она расхаживала по комнате, скрестив руки на груди и качая головой. – Всё так неожиданно. Даже не могу представить, что окажусь в другом месте,

оставив этот дом. Я ведь родилась в нём и всю жизнь прожила здесь. Форкис – хороший человек, надёжный, верный, но как всё у нас с ним сложится, никто не знает. Или он толком ничего не объяснил, или это я предложенного им не поняла. Сказал, что ждёт ответа, и очень торопит. Я ничего не соображаю. Голова словно набита всяким мусором, ни одна здравая мысль в неё не приходит. А вдруг ничего из этой затеи не получится? Что тогда?

Тейя остановилась и смотрела на Ортию, ожидая от неё ответа.

– Во-первых, тебе нужно успокоиться, – взяв её за руку и усаживая на скамью, спокойно и уверенно произнесла Ортия. – Во-вторых, ты ведь не хочешь остаться одна? Ведь так? Что будет с тобой потом, после того как мы покинем этот город? Ты задумывалась над этим?

– Когда мне было думать? Он пришёл, высказался и ушёл. Я даже слово не успела вымолвить. Утром дай ему ответ. Вот и всё, – негодуяще развела руками Тейя.

– Вот и хорошо. Вот и прекрасно. Сейчас всего лишь вечер. Времени достаточно, – будто ребёнку, растолковывала Ортия, присаживаясь рядом с ней. – А теперь представь себе, что мой дом пуст. Прислугу Форкис забирает с собой. Ты в своём доме одна. Пройдёт день, потом другой, и что дальше? Что ты будешь делать? Чем займешь свою жизнь?

– Ну вот и ты туда же! Вы что, сговорились, что ли, свести меня с ума? Я от этих мыслей уже места себе не нахожу. Хожу тут как больная. Спросить, посоветоваться не с кем. Кто ж так поступает? Взял и перевернул всё с ног на голову, а я разбираюсь, что да как! Ему хорошо. Он ведь всё уже реши-и-ил, – жалобно протянула Тейя, сжимая дрожащими пальцами ладони девушки. – Что мне делать, скажи?

– Соглашайся, – твёрдо ответила Ортия. – Не поступи и не сделай так, чтобы потом горько сожалеть. Прости меня, но будет поздно.

* * *

Через день в полночь корабль Форкиса отошёл от пристани Навкратиса, держа курс на город Эфес. Два опустевших дома

были навсегда покинуты своими хозяевами и всей прислугой. В оружейной мастерской на старой улочке никто так и не услышал звука работы. Город спал, не заметив, что с ним сердечно попрощались несколько его обитателей.

Форкис сам уверенно вёл своё судно, в цепкой памяти храня нужное ему направление и изредка сверяя его с вечными звёздами.

* * *

Небольшой караван, очень схожий с тем, что не так давно прибыл сюда, в Эфес, был готов к отправлению. Саки, держа оседланных лошадей на коротком поводу, выстроились перед ним ровным рядом.

Тейя и Ортия, прощаясь, плакали. Форкис, Дантал, Гром, Борус и Комата стояли чуть в стороне, не мешая женщинам.

Зайдана, словно опомнившись, бросился к одному из мулов, отвязал от него увесистый мешок, принёс его и положил к ногам Форкиса. Из двенадцати мешков с драгоценностями, что были у них с Данталом, теперь на обратную дорогу оставался лишь один, из его запаса.

– Что это? – спросил Форкис, глядя то на Зайдану, то на Дантала.

– Это вам с Тейей его подарок, – ответил Дантал. – Он благодарит вас за всё.

– Пора, – кивнул Форкис и поочерёдно обнял брата и Зайдану. Затем подошёл к Ортии и крепко прижал к груди, шепча:

– Мы всегда будем ждать вас.

Вскоре первым тронулся караван.

Только когда он скрылся вдали, Тейя, Форкис и его верные помощники развернулись и, не оглядываясь, направились к гавани.

* * *

Дантал никогда прежде не был старшим каравана, и теперь по воле судьбы ему выпала и эта доля. Дорога была свежа в его памяти. Персидские дозорные отряды встречались на ней через

равное расстояние. Сотники чаще попадались знакомые. При разговоре с ними Дантал назывался помощником купца Форкиса и напоминал об их недавней встрече при следовании в Эфес. Те помнили Форкиса и его щедрые вознаграждения и беспрепятственно пропускали караван, не взимая дополнительной платы.

Последним из них на развилке двух дорог, одна из которых уводила в сторону горной долины, был Лурдия. Заскучав по общению, он любезно справился и о хозяине каравана, и о проделанном пути. Дантал терпеливо отвечал на все его вопросы, после чего передал ему особую благодарность купца Форкиса, подумав при этом, что не обманывает его и что брат действительно скоро станет таковым. Пожелав друг другу много добрых слов, они разъехались.

* * *

Десятник дозора на перевале в южном ущелье, как и следовало ожидать, встретил Дантала первым. Зубар ещё не вернулся из степи. Долина жила своей обычной жизнью. Воины, увидев вернувшегося вождя, приветствовали его по-особенному, не скрывая радости, восторженно взметая над собой мечи, ударяя ими о щиты, грохоча на всю округу. На середине долины появился Саваш. Он во весь опор летел к ним навстречу. Ещё издали было видно его сияющую улыбку, обнажающую белоснежные зубы. Встреча была поистине горячей.

* * *

Утром следующего дня Дантал велел Савашу послать сотню навстречу Зубару. Закончилось лето, и подходил срок его возвращения в долину.

Зайдана отныне по просьбе Дантала обитал в крепости. Его внимание привлекла небольшая мастерская, что оставили Гром, Комата и Борус. Теперь он целыми днями находился в ней и осваивал навыки починки оружия и снаряжения, желая принести всем пользу.

Ортия занялась своими обычными делами. Первые дни были для неё и Дантала очень томительными и тоскливыми.

Здесь не было Форкиса, и от этого словно потухли все краски, кончился праздник, исчезло полмира, всегда уютно окружавшего их в крепости. Теперь всё было не так, как прежде. Им не доставало чего-то очень важного, значимого для них, отчего они и чувствовали себя, будто снова осиротели. Постоянное ощущение ожидания не покидало их ни на миг.

Прошло пять дней, и однажды глубокой ночью, когда все спали, земля вдруг содрогнулась. Ничего не понимающие люди стали выскакивать под открытое небо, оглядываясь по сторонам, пытаясь понять, что произошло. Но кругом вновь царила тишина. Наутро Зайдана подвёл Дантала к крепостной стене и показал ему большую трещину, что тянулась по ней ломаной линией от основания до самого верха. Дантал прошёлся по крепости и обнаружил ещё в нескольких местах подобные расколы в каменной кладке. Он понял, что ночное явление было на самом деле и вовсе не показалось ему, как поначалу воспринял и он, и все остальные.

Ничего не сказав Ортии об увиденном, он запрыгнул на скакуна и в сопровождении Зайданы направился в долину, внимательно осматривая её, чтобы уловить малейшие перемены. Воины настороженно поглядывали в его сторону, но не осмеливались спросить о случившемся ночью. Лишь Саваш, нагнавший их, поделился своими наблюдениями: в левой части пропасти, простиравшейся по бокам от крепости, всё изменилось. Услышав это, Дантал развернул коня и направился туда. Ближний край пропасти был испещрён трещинами и заметно обвалился. Справа же от крепости, там, где пропасть находилась прямо напротив захоронений, всё было как прежде.

Вечером в крепость к вождю прибыли гонцы от Зубара. Он уже находился в двух днях пути от главного ущелья. Известие было радостным и сразу же разнеслось по долине, вдохновляя всех саков, особенно тех, кто ожидал прибытия своих семей.

Под утро следующего дня земля вновь сильно содрогнулась. Дантал, припадая на увеченную ногу, выбежал во двор. Вся сотня охраны была на ногах. Несколько воинов стояли у колодца, заглядывая в него. Дантал быстро посмотрел в их сторону и тут

же уловил нечто странное, творящееся там, но пока не мог понять, что именно поразило его. Лишь приблизившись, он увидел клубы пыли, поднимавшиеся из колодца. Такого не могло быть! Он склонился и сквозь рассеивающуюся пелену стал всматриваться в темнеющее нутро. Невероятно глубокий колодец обвалился и был заполнен камнями почти до самого верха. Зрелище было ужасающим.

– Всем покинуть крепость! –скомандовал он.

Через некоторое время крепость опустела. Без источника воды людям не было смысла оставаться в ней. Взирая на неё снизу, Дантал понял, что только живительная влага способна удерживать человека вблизи от его даже самых прочных творений, и как только она иссякает, он покидает их без особого сожаления в поисках нового места извечно главного источника жизни – воды.

Послышался конский топот. Подлетел сотник. Спешившись, он подбежал к Данталу, склонил голову и тихо сообщил:

– Вождь, родник перестал биться.

Дантал, запрыгнув на коня, помчался в лес. Небольшое чащобразное углубление, которое всегда наполнял водой прозрачный журчащий ручеёк, выбегавший из-под камней, было почти пустым. Лишь на округлом дне, до которого не доходил маленький боковой желобок, оставалась мутная лужица.

Взяв с собой Зайдану, Дантал погнал скакуна к водопаду. Оставив коней, они, запыхавшись, приближались к подъёму, ещё не веря, что там, за ним, могло случиться то же самое. Кровь стучала в висках, не давая возможности прислушаться к звукам. То, что предстало их взорам, потрясло их с небывалой силой. Водопада не было. На небольшой высоте от обмелевшего озера в углублении зиял черным пятном вход в пещеру.

– Этого не может быть! – прошептал Дантал.

Вскоре длинная вереница пеших саков двумя потоками растянулась по горной тропе от заводи до кромки леса, набирая остатки воды и неся её в кожаных мешках к лошадям.

Во все времена многим людям случалось видеть, как нарождаются ручьи и водные потоки, но как они иссякают прямо

на глазах, не каждому суждено созерцать. Подобное зрелище может довести любого человека до умопомрачения, являя собой нечто, что для всего разумного живого страшнее смерти.

* * *

Вечером на совете военачальников было единогласно принято решение покинуть на заре эту местность и выйти навстречу Зубару, пока он не дошёл до ущелья и не вступил в него.

Сотники ещё не успели вернуться к войскам, как вдруг сильные толчки всколыхнули долину. Земля под ногами задрожала. Со стороны крепости раздался оглушительный треск, перешедший в ужасающий скрежет каменных глыб. Все растерянно озирались. Кони, напуганные страшным грохотом, вздыбились, норовя вырваться из рук.

Вскоре так же внезапно всё прекратилось. Давящий гул волной прокатился до дальних горных склонов и, потухая, вернулся обратно.

Люди с ужасом смотрели на крепость. В отсветах закатного марева она оседала сквозь землю, при этом плавно разваливаясь на части. Быстро разрастаясь вокруг неё, взметнулись огромные густые клубы пыли, затмевая над ней всё пространство.

– Не будем ждать рассвета. Выступаем, – скомандовал Дантал. Войска тронулись к перевалу.

– Саваш, присмотри за Ортией, я скоро, – попросил он, запрыгивая на скакуна.

Через миг он уже скрылся среди деревьев, направляясь к захоронениям. Возле могилы Далайи он спешился, опустился на колено и очень тихо прошептал:

– Прощай, мама, я ухожу навсегда.

Затем он подошёл к могиле Русы и так же простился с отцом.

* * *

Передовая сотня саков преодолела перевал и вступила в ущелье, сразу разорвав тишину и заполнив его до самых вершин дробным стуком копыт. За ней двинулись остальные в строго установленном порядке. Вместе с пятой сотней ушла Ортия в сопровождении Зайданы.

Опустилась ночь. Дантал с Савашем стояли на площадке перевала. В свете дозорного костра они оглядывали проходящие мимо них войска. По обеим сторонам дороги внизу, словно светлячки, пылали факелы. Ближе к полуночи стала подниматься последняя сотня.

Дантал взглянул на Саваша, тот понятиливо кивнул. Вождь, не дожидаясь замыкающих воинов, спустился в ущелье. Холодное влажное дно межгорья, как прежде, пробирало до костей сыростью. Дантал не спешил. Перед ним и за его спиной следовали по пять всадников личной охраны. Прямо по ходу в небольшом отдалении в вязкой темноте виднелись маленькие тусклые огоньки. Гулкое эхо раскатисто разносилось по ущелью, поднималось вверх и многократно отражалось от крутых скальных склонов, напоминая людям о тесно сжатых каменных объёмах покидаемых ими гор.

Прошли большую часть пути. Воздух стал суше и свежее. Скоро выход из ущелья. Внезапно кони встревожились, зафыркали, часто вскидывая головы и быстрее обычного перебирая копытами. Дантал остановился, чутко прислушиваясь. Всё вокруг вдруг вздрогнуло. Люди не успели ещё опомниться, как ущелье стали сотрясать новые толчки. Сверху, с обеих сторон, посыпались камни.

– Все вперёд, быстрее к выходу! – прокричал Дантал, едва сдерживая скакуна.

Пятеро шедших за ним воинов, услышав его команду, пустили коней вскачь и пролетали мимо него, догоняя передних. Дантал, развернув скакуна, направился к последней сотне. Тех почему-то ещё не было. Он ускорил шаг и наскочил на завал. Дорога была перекрыта грудой камней.

– Саваш, где ты?! – кружась на месте, что есть сил крикнул Дантал.

– Уходи, Дантал! Скорее уходи! – услышал он отдалённый голос Саваша.

– Бросай коней! – вновь прокричал Дантал.

Всё затряслось в очередной раз. По отвесным горным склонам, грохоча, летели камни. Гул стоял невероятный.

Стараясь перекричать его, прикрывая голову коня рукой, Дантал до хрипоты продолжал кричать:

– Саваш, брось лошадей! Слышишь меня? Саваш!

Он уже не мог понять, отвечают ему или нет. Спрыгнув на землю, он стал карабкаться вверх по завалу, цепляясь пальцами за острые грани отколовшихся от скал осколков, предательски осыпавшихся под руками и выскальзывавших из-под ног. Он задышался от пыли. На исходе сил ему всё же удалось взобраться наверх. Протерев глаза изрезанными в кровь ладонями, он взглянул на другую сторону, но огней там не увидел. Сплошная темень ничем не напоминала о присутствии людей.

Сжав кулаки, подавшись вперёд, он надрывно закричал:

– Саваш! Где ты?

Грохот поглотил его слова.

– Саваш, отзовись, прошу тебя, – захрипел Дантал, но ни единого звука, хоть как-то отдалённо напоминающего отзыв, он не услышал и обессиленно опустил на колени, закрыв лицо руками.

Он долго стоял, пока, наконец, не понял, что ни Саваша, ни последней сотни уже не стало. Они были заживо погребены под завалами.

– Прощайте, мои братья... Прощай и ты, мой верный друг Саваш. Прости меня за всё, если можешь... Простите и вы, мои доблестные воины. Не успел я вывести вас... Погубил я вас... – прошептал Дантал.

Пошатываясь, он поднялся на ноги и долго напоследок вглядывался в кромешную тьму. Он брёл по ущелью, спотыкаясь о камни, перебирался через завалы, невидящим взором уставившись перед собой и не обращая никакого внимания на всё ещё продолжавшийся, хоть и значительно ослабевший камнепад. Что-то обрушилось ему на голову. Ноги подкосились. Он упал навзничь. Сознание потухло.

* * *

Сотник личной охраны вождя находился рядом с Ортией. Здесь, на равнине, в отдалении от ущелья, было гораздо светлее.

Отзвуки происходящего там сюда уже почти не доносились. Войска остановились.

– Где же Дантал? Почему его нет до сих пор? – тревожно вглядываясь в сторону гор, шептала Ортия. – Что с ним могло случиться? Почему он там задерживается, ведь все уже давно прошли ущелье.

Зайдана не понимал её слов, но, услышав из её уст имя сородича, описал круг, стегнул плёткой скакуна и помчался обратно. Ворвавшись в ущелье, он тут же наскочил на первый небольшой завал. Оставив коня, он стал пробираться вглубь. Впереди, становясь всё выше и выше, сплошь тянулись груды камней. Пыльный воздух плотной стеной сгущался над ними. Зайдана падал, поднимался и со всех сил рвался вперёд. На пути ему попадались убитые лошади и бездыханные людские тела. Всякий раз, не имея возможности рассмотреть того, кто лежит перед ним, он опускался на колени, шаря рукой по его правой ноге, пытаясь нащупать шрам. Не находя его, шёл дальше. В какой-то момент он наступил на очередное тело. Ища в темноте рубец на его ноге, он вдруг уловил слабое дыхание, а пальцы коснулись затвердевших краёв зажившей огромной раны.

– Дантал, это я, Зайдана. Я нашёл тебя. Ты жив! – низко склонившись над ним, радостно прошептал он.

Просунув руку ему под голову, он тут же почувствовал на пальцах горячую липкую массу. Дантал застонал.

– Не умирай, прошу тебя. Потерпи ещё немного. Сейчас я вынесу тебя отсюда, – шептал Зайдана, поднимая его на руки.

Он бережно нёс Дантала, часто прислушиваясь к его дыханию, боясь, что тот может покинуть его навсегда.

* * *

Ортия не выдержала столь долгого ожидания и устремилась к ущелью. Сотник, взяв с собой десять воинов и повелев остальным оставаться на месте, двинулся за ней. Когда до чернеющего входа в ущелье было уже совсем недалеко, Ортия осадила коня. В слабом лунном свете, чуть в стороне от гор, в дымке стелюще-

гося над землёй тумана стояла одинокая лошадь. Ортия замерла, не сводя с неё глаз.

Сотник поравнялся с ней и махнул рукой. Один из его воинов помчался к лошади, но на полпути почему-то резко остановился. Он смотрел на вход в ущелье. Оттуда медленно шёл человек, тяжело неся на руках чьё-то тело. Саки, с места припустив скакунов, во весь опор помчались к нему.

Ортия не могла шевельнуться. Страх сковал её сердце. Смутное предчувствие беды, не покидавшее её в эти дни и поначалу мысленно относимое ею ко всем обитателям долины в связи с невероятными проявлениями природы, теперь определилось окончательно и, к её ужасу, касалось только двоих людей – её и Дантала. Она уже не сомневалась в том, что тот, кого несли, был Дантал.

Несколько воинов быстро подвязали копыта к двум скакунам вдоль их боков, подвели их ближе друг к другу, сплели между ними ремнями лежак, настелили поверх накидки и очень бережно опустили на него вождя. Зайдане, устало сидящему на траве, подвели отловленного коня, помогая взобраться на него.

Сдерживая шаг, все приблизились к Ортии, уже сошедшей на землю. Отпустив поводья, она подошла к лежащему на подвешенных носилках супругу. Он дышал, но был без сознания. Она нежно провела ладонью по его щеке и с надеждой взглянула на Зайдану. Тот кивнул, прикрыл на миг глаза и указал рукой вдаль, давая понять, что нужно торопиться. Ортия поняла его и отступила к подведённому коню. Стараясь как можно тише вести спаренных скакунов, отряд тронулся.

Сотник уже выслал вперёд гонцов, дабы к их прибытию было всё подготовлено для встречи раненого вождя. Войска, всё это время ожидавшие его появления, не разжигая костров, узнав о случившемся, тотчас разбили лагерь, в центре которого воздвигли шатёр. Гонцы были также посланы к идущему сюда Зубару.

* * *

Ортия осмотрела раны. Она поняла, что удар был очень сильным, но шлем, погасив его мощь, спас Данталу жизнь.

Кости головы были целы. Кожа в нескольких местах была разорвана и висела клочками вместе со слипшимися волосами, сочась по краям сукровицей. Отрезав как можно короче волосы вокруг поврежденных мест, она промыла раны чистой водой, затем, взяв самую тонкую иглу, сшила кожу и приложила к швам отваренные лепестки разных трав. Поверх них стянула голову лоскутами чистой ткани. Лишь после этого Ортия устало прилегла рядом с Данталом и не заметила, как заснула.

Было уже светло, когда в шатёр ворвался Зубар. Ортия, услышав шаги, проснулась и склонилась над Данталом, прислушалась к его дыханию. Оно было ровным. Он спал. Она взглянула на вошедшего и вышла из шатра.

Зубар шагнул к Данталу, опустил на колено, взял его за руку.

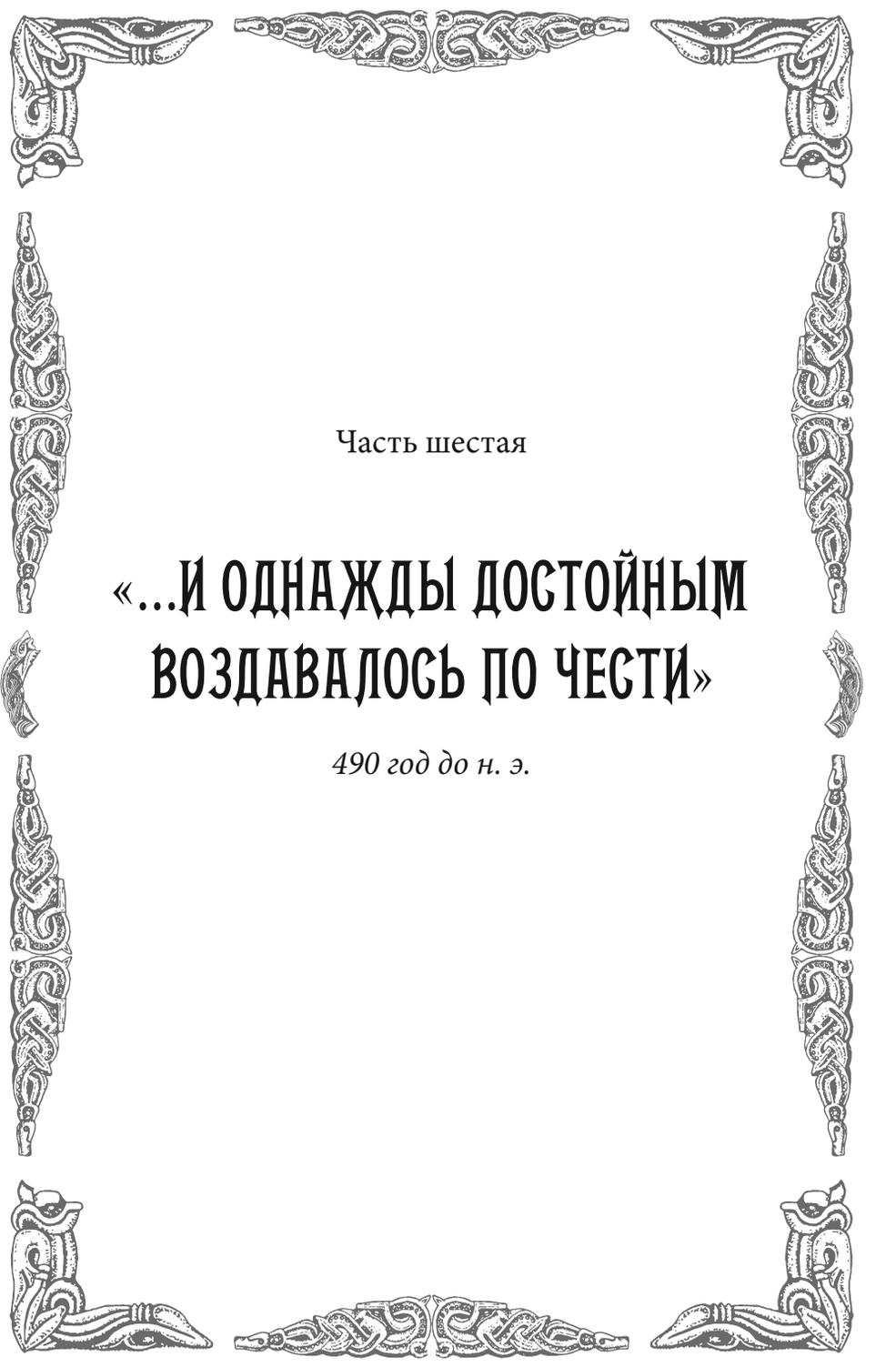
– Я слишком хорошо знаю тебя, Дантал. Ты не можешь умереть вот так, лёжа под сводами шатра, на середине пути. Много ещё дел тебе предстоит свершить. Степь ждёт тебя. Ты обязательно поправишься и вернёшься, чтобы править ею. Мы вместе вернёмся. Ты ещё увидишь и своего первенца, и всех остальных детей. Вон сколько их у тебя в твоём селении, – тихо говорил старый друг, покачивая головой, не веря, что опять жизнь Дантала висит на волоске.

Поправив тёплую накидку на друге, он поднялся и покинул шатёр. Зайдана сидел на походной скамье у костра. Напротив, заслонясь от дыма, стояла Ортия. Она изредка помешивала что-то в бурлящем котле. Зубар подошёл к ним. Зайдана поднялся, глядя ему в лицо. Зубар ловким движением отстегнул кожаный пояс, на котором сбоку висел акинак, склонил в почтении голову и на ладонях протянул Зайдане своё оружие. Ортия вытерла рукой вспотевший лоб и взглянула в их сторону. Зайдана принял дар. Он был растерян. Зубар приложил правую руку к сердцу, отступил на шаг, развернулся и быстро ушёл. Вскоре две сотни воинов во главе с ним пронеслись в сторону ущелья.

Проводив их взглядом, Ортия вошла в шатёр, бережно держа в руках приготовленный отвар.

* * *

Зубар весь остаток дня провёл в ущелье, но тело Саваша так и не нашёл. Из десяти воинов личной охраны вождя ему удалось обнаружить лишь пятерых. Он доставил их тела в лагерь, где и прошло захоронение. От каравана, что он вёл в крепость и который ожидал от него вестей в полудневном переходе, прибыли четыре кибитки. На следующее утро в одну из них, мягко устлав её шкурами, погрузили Дантала. В ней же расположилась и Ортя. Войска двинулись обратно на восток.

Часть шестая

**«...И ОДНАЖДЫ ДОСТОЙНЫМ
ВОЗДАВАЛОСЬ ПО ЧЕСТИ»**

490 год до н. э.

Г Л А В А П Е Р В А Я

В один из морозных зимних дней верховный правитель массагетов царь Турпан скончался в окружении всех двенадцати вождей племён. До последнего вздоха он молчал, собираясь с силами. Дождавшись первых блеснувших лучей восходящего светила, он поднял руку и, выдохнув имя своего преемника, умер.

Вожди удалились из главного шатра, освобождая его, чтобы с Турпаном могли проститься родные и близкие. По их лицам нельзя было разобрать, довольны они услышанным или нет. До конца похорон и последовавших за ними поминальных обрядов имя нового верховного правителя держалось в тайне, дабы усопший прошёл в другой мир тем, кем был, покидая свет.

Со всех концов массагетской земли в ставку тянулись войска, обозы и отборный скот. Тело верховного властителя Турпана предали земле со всеми почестями, подобающими его высочайшему положению.

Накануне, оповещённые заранее о плохом его состоянии, прибыли верховные правители хаомаваргов и тиграхудов – цари Патша и Нургал. Приведённые ими огромные табуны лошадей и большие стада волов были последней их данью поистине великому предводителю массагетов.

Семь дней длились поминки. На утро восьмого дня вождём Трафардаром при всём скопившемся в ставке народе было провозглашено имя нового верховного правителя. Им стал Дантал. Трафардар опустил на его склонённую голову тяжёлую золотую

цепь, на которой висел золотой знак с барельефом коня. Он же вручил ему и плеть с золотой рукоятью, на которой также был выбит конь. Хромой Дантал, отныне ставший властелином всей массагетской земли, с почтением принял царские символы.

* * *

Прошло четыре года. Двум старшим сыновьям-близнецам Дантала и Ортии Карийю и Руму было уже три года. Их младший сын Гайат родился годом позже. В семье верховного правителя вновь ожидали скорого прибавления.

– А хромой-то со своей чужеземкой плодовиты, – тихо молвили злыми языками завистники.

– Наконец-то у нашего правителя есть много наследников. Значит, и нам всем уготована долгая и сытная жизнь, – не скрывая радости, говорили добродушные и открытые люди.

* * *

В соседней Персии, сменив Дария I, на престол взошёл его сын Ксеркс.

* * *

Как бы там ни было, а подошёл срок, и Ортия благополучно родила, явив на свет ещё одного сына, названного отцом Боро. Празднования в честь появления четвёртого младенца длились три дня и три ночи. Дары, словно дождь, сыпались в его шатре. Ни один из двенадцати вождей не был огорчён. Их искренность и радость были чисты. Они всей душой были на стороне своего властелина и его семьи. Такого единения душ ещё не видела сакская земля. Каждый из вождей помнил, как при рождении его ребёнка верховный правитель царь Дантал прибывал с богатыми подарками и чувствовал дитя словно родное. Зачастую он также поступал и в отношении простых своих подданных, неожиданно появляясь в их селениях, подобно обычному сородичу, не скупился на дары, подбрасывал малышей, смеялся и нюхал их нежные ягодицы, тем самым вызывая неописуемый восторг и ликование народа.

Дантал любил детей и по-особому трепетно обходился с ними, не разделяя их по значимости родителей в иерархии власти. Селение, где находились все осиротевшие дети, коих становилось всё меньше и меньше при его правлении, Дантал навещал очень часто, проявляя отцовскую заботу, уделяя небывалое внимание. Во все свои поездки он брал с собой Ортию и старших детей, оставляя младшего на попечение служанок.

– Дети должны чаще бывать вместе, знать друг друга, общаться. Только тогда они вырастут верными друзьями, будут одинаково понимать и воспринимать боль и здоровье, горе и радость, утраты и обретения, – говорил он Ортии. – В единении и согласии им будет легче жить и встречать свою будущность. К тому же их должно быть много.

При последних своих словах он многозначительно вскидывал бровь и подмигивал супруге.

Она понимала его и, от души смеясь, нарочито испуганно вопрошала:

– Как, ещё?

– О-о-о! Ещё великое множество! – откидываясь назад, он во всю ширь раскидывал руки, окидывая взором небосвод.

В каждом, даже самом маленьком, поселении их приезд превращался в праздник. Люди начинали радушно хлопотать, но он не любил обременять их, и, будучи неприхотливым, всё необходимое возил с собой, от чего все трапезы не были обузой для встречающих, и они чувствовали себя так, будто сами побывали у кого-то в гостях. Нигде он не задерживался подолгу. В самый разгар празднеств, когда мужчины становились в круг и, сплетя руки на плечах, заводили сакский пляс, он, незаметно собрав с Ортией детей, уезжал, давая возможность хозяевам спокойно отдохнуть, понимая их усталость, накопившуюся за долгие дни, проведённые в трудах и заботах. Обычно их отъезд замечали с опозданием, но относились к такому поведению с уважением и лёгкой грустинкой, с благодарностью за внимание, оказанное им, за приезд и угощения и желали ему и его семье многих лет и всех земных благ.

В ставку семья царя возвращалась после таких поездок окрылённой, полной сил и добрых надежд.

Дантал сразу вбегал в шатёр своего маленького сына, хватал его и долго подбрасывал, приговаривая:

– Заждался отца, сорванец! Ничего, скоро ты подрастёшь и будешь везде находиться рядом со мной, как твои братья.

Шумно вбегали старшие дети и повисали на его руках. Служанки принимали младенца, а Дантал валился с сыновьями и начинал возню, рыча и страшно тараща глаза. Те визжали от счастья, изображая испуг. Изрядно измотавшись, он отсылал их и ещё долго лежал, наслаждаясь приятной усталостью. Затем, взбодрённый, вставал, уходил к себе и, вызывая нужных людей, погружался с головой в дела. Ортия, зная об этой его привычке, не мешала ему и находилась в своём шатре, лично готовя для него еду. Поздно вечером, завершив дела и приняв все необходимые решения, довольный положением в стране, он появлялся у неё.

– Что, заскучала, златовласая? – опускаясь на ковры, шутиливо спрашивал он.

Она приседала перед ним на колени, внимательно вглядывалась в его уставшие глаза и, чуточку приподнявшись, бережно прижимала его голову к своей груди. Он обнимал её, прикрывал веки, слегка тёрся щекой о её наполненные груди, прислушиваясь к биению её сердца. Они долго сидели, ласкаясь в объятиях, чувствуя друг друга и мысленно благодаря судьбу за эти чудные мгновения. Она пока ещё говорила и думала на греческом языке, он же думал на родном языке своего народа. Потом она кормила его, словно маленького, получая от этого огромное удовольствие. Он охотно ел, лишь теперь понимая, насколько сильно проголодался. Перед сном, если он оставался у неё, она омывала его душистой водой, приготовленной на разнотравьях, мягкими тёплыми пальцами массировала шрам на его ноге, стараясь не причинить боли. Он засыпал. Укрыв его лёгким покрывалом, она ложилась рядом, прижималась к нему и тоже засыпала.

* * *

Так в мирной и спокойной жизни пролетело три года. Ортия родила ещё двоих сыновей-погодков Сунну и Далла. Младшему уже исполнился год. Владея в совершенстве языком саков,

Ортия к этому времени уже думала на нём. Иногда Дантал заговаривал с ней греческими словами, и она, занятая работой, не заметив этого, переходила на родную речь. Только несколько позже, когда он умолкал, наблюдая за ней, она понимала, что попалась на его хитрую уловку, и они вместе смеялись над её невнимательностью.

– Ты должна помнить свой язык. Иначе как ты будешь разговаривать с Форкисом, Тейей и их детьми? – назидательно поучал Дантал.

Вспомнив о них, Ортия грустно приседала к огню. Дантал обнимал её. Он не случайно затрагивал эту тему, но только в такой шутиливой форме, как он полагал, можно было как можно мягче начать разговор об этих дорогих им людях, по которым и он скучал в душе.

– Как ты думаешь, сколько у них малышей? – спрашивал он.

– Не знаю. Мне почему-то кажется, что их трое, – подумав, отвечала она. – Ну, может, и четверо. Тейя хотела иметь много детей, так что на одном или двух она не остановится.

– Да-а-а. И Форкис замечательный отец, – соглашался Дантал.

– Он, наверное, чаще в море бывает, чем дома, – рассуждала Ортия.

– Без моря он жить не может, но к детям он точно привязан, – заступался за брата Дантал.

– Интересно, где их дом и какой он? – пыталась представить Ортия.

– Он, я уверен, очень похож на твой, но должен обязательно стоять на берегу, – без особых раздумий отвечал Дантал.

– Я согласна с тобой, – соглашаясь, шептала Ортия, прижимаясь к супругу.

О том, чтобы попасть к ним, она даже не помышляла, ясно осознавая положение Дантала. Но где-то в глубине души она лепила надежду, что Форкис сам вместе с Тейей однажды придёт сюда с караваном. И каждый раз, думая об этом, она всё меньше допускала сомнений на этот счёт. Вот только когда это случится, она даже не предполагала.

По заведённому Данталом правилу ежегодно весной, до отбытия племён в дальние кочевья, все вожди, оставив в селениях небольшие отряды, прибывали с войсками к ставке для проведения смотра. Такое его веление было очень серьёзным испытанием как для вождей, так для и их военачальников. Дантал знал, что стоит ему лишь мельком взглянуть на воинов, и он тут же с лёгкостью определит, как обстоят дела в том или ином племени. Знали об этом и вожди. Добрый и отзывчивый в быту, верховный правитель был как никто из его предшественников требователен и скор на расправу с теми, кто не был усерден или же допускал своеволие.

По одному сыну каждого вождя, тысячника и сотника несли службу при царе, в его стане, как было установлено при Турпане. Вот и теперь они основательно готовились к встрече с отцами, но больше их всё же беспокоил отзыв верховного правителя о них, гласно доводимый до всех на большом совете.

Наступил назначенный день, и недалеко от ставки в степи в ожидании верховного главнокомандующего ровными нескончаемыми рядами, посотенно, в строго отведённом для каждого племени месте выстроились войска. Каждый из вождей, исполняя веление Дантала, привёл с собой по двести сотен воинов.

Верховный властитель появился с восточной стороны в сопровождении небольшой свиты. Все подтянулись и замерли. В обычной одежде сакского воина, на красивом белом скакуне он стал медленно продвигаться вдоль войска, цепким взглядом окидывая всадников. Первыми стояли сотни вождя Трафардара. Его племя всегда находилось рядом со ставкой. Дантал хорошо знал его ещё и как полководца. Особо присматриваться к его воинам он не стал.

«Достаётся тебе, мой старый друг Трафардар. Находиться подальше от меня тебе, конечно же, было бы гораздо легче. Но ведь ты сам этого никогда не пожелаешь, поскольку привык за долгие годы терпеливо и скромно нести бремя ответственности не только за своё племя. Никто другой из стоящих здесь не смог бы сделать столько добра для своего народа, сколько делаешь

ты», – глядя на него, думал Дантал, мысленно выражая ему за его заслуги своё искреннее почитание.

Вторым стоял вождь Спур. Дантал залюбовался его рослыми воинами. Здесь всё и всегда было в порядке.

«Тебе, доблестный Спур, с твоим умением успевать делать всё и вовремя, править бы отдельной страной. Хотя ты и не тщеславен, но власти, что в твоих руках, для тебя, наверно, маловато», – в который раз Дантал восхищался его даром правления.

За ним расположился вождь Бадрат. Его воины смело смотрели командующему в глаза. Такое ему было по душе.

«Ясный, прямой взор говорит не только о дерзости. Они уверены и в своём вожде Бадрате, и в себе. Им, готовым всегда к любым испытаниям, незачем скрывать своего настроения. Это хорошо», – подметил Дантал.

Следующим был вождь Клибер. Доспехи и оружие в его сотнях были как следует подобраны, и какой-либо спешной подгонки, как это было в первый раз, не замечалось.

«Ишь ты, как исправился Клибер! Ни одного замечания больше от меня не получил. Всю жизнь, соседствуя с братскими племенами тиграхаудов, немного расслабился, но теперь всё понял и выглядит подобающе», – Дантал вспомнил свой первый смотр.

Вождь Дончу даже среди саков всегда выделялся особым пристрастием к тяжёлым боевым коням. Вот и сейчас обращали на себя внимание рослые широкогрудые скакуны. Дончу и сам был огромен, так же как и его сотники, десятники и воины.

«В прошлый раз под ним был другой жеребец. Ну что ж, у каждого человека свои слабости. К тому же такое пристрастие вовсе не помеха для истинного воителя, а даже важное и полезное увлечение. Да, силён могучий Дончу, и ударная мощь его сотен очень велика. Пожалуй, даже персидско-лидийская кавалерия, вся закованная в броню, не выдержит его сокрушительного натиска», – подумал Дантал.

Возле самого молодого вождя Лидибора он остановился. Тот вытянулся стройным телом, ожидая слов верховного правителя. Дантал посмотрел на него, затем перевёл взгляд в дальние ряды его воинов и тронулся дальше.

«Слишком молод ещё Лидибор, но войска содержит в порядке, а это самое главное. Значит, и к простому люду внимателен», – довольно размышлял он.

Седьмым по порядку расположил свои сотни вождь Вилиест. Несмотря на отменную выправку, вид у него был уставший.

«Самое дальнее племя. Долго шёл. Притомился. Хорошо, что именно он, Вилиест, стоит на нашей дальней северной границе. Надо бы разрешить ему увеличить количество войск. Неспokoйно там стало», – пронеслось у Дантала в голове.

За ним стоял вождь Такмар. Этот любил искусство владения мечом, и чаще всего именно его воины побеждали как в состязаниях, так и в ближнем бою в сражениях.

«Отважен, но уж очень горяч Такмар. Хотя как знать? Без удали нельзя жить сакам. Пропадём», – рассудил Дантал, поглаживая коня по гриве.

Добрый и мягкий характером, вождь Земба был любим всеми своими подчинёнными, и даже если что-то упустил, они сами старались сделать так, чтобы не подвести его. Вот и сейчас его воины выглядели не хуже других. Он же совершенно не был похож на полководца, но Дантал знал его и другим. В бою этот увалень превращался в истинного барса и очень решительно командовал войсками.

«Кем был Земба прежде? Что-то подзабыл я уже. Ну да ладно, доброта в миру так же важна и значима, как и ярость в бою», – глядя на вождя, слегка улыбнувшись, подумал Дантал.

Вождь Бандосар был природённым воякой. Ловкий и хитрый в сражении, он всегда и везде успевал первым. Наладить переправу через водную преграду или перебраться через горы он умел как никто другой. Именно в его сотнях было меньше всего потерь.

«Умён Бандосар да к тому же бережлив к людской жизни. Не зря его сильно ценил Турпан», – Дантал вспомнил отношение усопшего верховного властителя к этому полководцу.

Сотни вождя Винсара разительно отличались от других. Будучи самым метким стрелком, каждый его воин всегда имел при себе по два лука. Польза от них была невероятная. Первыми по

врагу наносили удар именно эти воины, зачастую уже в самом начале битвы предрешая её исход.

«Винсар... Всегда первым смотрит смерти в глаза. Крепкое, отважное сердце. Чистая, благородная душа», – почтительно подумал о нём Дантал.

Замыкал строй вождь Суссанг. Никто, кроме его воинов, не мог так далеко и точно метать тяжёлые копья на полном скаку. К тому же он преобладал над всеми и в быстроте. Таких стремительных скакунов, как у него, не было ни у кого из вождей, оттого он так ревностно и оберегал свои отборные табуны.

«Суссанг, нет тебе равных в спокойствии, но и быстрее тебя никого нет. Потому и держу тебя в южных землях. Хорезм знает тебя и побаивается. Не пропустишь ты его наёмников к нам никогда, пока жив и пребываешь в здравии», – с уважением взирая на него, мысленно благодарил его Дантал.

Развернув коня, верховный главнокомандующий проследовал обратно. Смотр был окончен. После непродолжительного отдыха начался большой совет. На нём, помимо двенадцати вождей, присутствовали и все военачальники вплоть до сотников.

Дантал, при отличительных царских символах верховного правителя массагетов, выразил благодарность вождям за умелое правление племенами и надлежащее содержание войск, при этом окинув почтительным взглядом всех сидящих полководцев. После этого он в подробностях рассказал о несении службы в ставке их детьми. Заметив, как все напряглись, он улыбнулся и отметил, что особых претензий и замечаний к ним не имеет. Почтённые отцы расслабились, заёрзали, довольно перешёптываясь меж собой. Дав им возможность успокоиться, верховный правитель приступил к самому главному.

То, что в землях, простирающихся к северу от массагетских границ, появились многочисленные чуждые кочевые племена, было уже известно всем, но о том, кто они и представляют ли угрозу сакам, пока никто не знал.

В связи с этим Дантал первым обратился к вождю Вилиесту: – Тебе, вождь Вилиест, отныне позволяю увеличить численность войск до трёхсот сотен. Особо усиль охрану кочевьев.

Далеко не уходи. Велю тебе по возвращению в свой край разослать в те земли лазутчиков и сообщать мне обо всём каждые три дня. Я должен знать всё о появившихся племенах.

– Повинуюсь, правитель, – склонил голову Вилиест.

– Теперь вождь Лидибор. Ближе всех к вождю Вилиесту находишься ты. Встречных гонцов посылать друг другу ежедневно. В случае войны вы вместе будете сдерживать врага до моего прихода. Увеличь число войск ещё на пятьдесят сотен. Держи их ближе к Вилиесту.

– Повинуюсь, правитель, – склонил голову Лидибор.

– Вождь Суссанг, до персидского сатрапа Хорезма наверняка уже дошли сведения обо всём происходящем в северных землях. В случае войны он не останется в стороне и двинет своих наёмников на нас с юга. Тебе также велю дополнить войска пятьюдесятью сотнями. От тебя жду гонцов ежедневно.

– Повинуюсь, правитель, – склонил голову Суссанг.

– Вождь Клибер, срочно оповести от моего имени верховного властителя дружественных нам племён тиграхаудов, царя Нургала, о событиях на наших северных границах. Персидская сатрапия Согдиана всегда враждебна сакам. От тебя также жду гонцов.

– Повинуюсь, правитель, – склонил голову Клибер.

– Я уже направил гонцов к верховному вождю хаомаваргов Патше и жду от него скорого ответа, – Дантал окинул взором всех сидящих. – На заре все отбываете к своим племенам. Если есть, что сказать, я готов выслушать.

Воцарилась тишина.

Выждав некоторое время, Дантал завершил совет:

– Одним небесам известно, чем для нас может обернуться завтрашний день. Прошу вас всех, доблестные вожди, быть бдительными. Я не исключаю возможности появления в наших землях лазутчиков как со стороны персидских сатрапий, так и с севера. Каждый в ваших селениях от юнца до старца должен немедленно сообщать вам о замеченных чужаках. Вы же через гонцов обязаны тут же оповещать меня. Всех задержанных людей под усиленной охраной отсылайте ко мне. Я всё сказал.

Царь поднялся. Все вскочили на ноги и замерли, обратив взоры на него. Прихрамывая, он удалился.

* * *

Форкис, благополучно добравшись до родного острова Самос, только там увидел среди прочего груза оставленные ему Данталом два больших тяжёлых мешка. Развязав их, они с Тейей увидели содержимое. Мешки были набиты золотыми изделиями. Подаренный Зайданой мешок был также под завязку наполнен посудой из золота. Тейя обомлела от растерянности. Такого богатства ей никогда не доводилось видеть даже во сне. Она перевела удивлённый взгляд на Форкиса. Он провёл ладонью по одному из мешков и грустно отвёл глаза.

Форкис, живший первые дни на Самосе на корабле, неустанно подыскивал дом для покупки. Первым делом он посетил маленький рыбацкий посёлок, где когда-то влачил нищенское существование со своей семьёй. Его старенький домик не пустовал. В нём кто-то поселился. Повсюду на берегу на воткнутых в песок шестах были развешены для просушки латаные сети. Кое-где виднелись старые лодчонки. Ничего не изменилось с той далёкой поры, когда он одиноко покинул эту местность. Даже запах был прежним, насыщенным солью и рыбой. Невольно нахлынули воспоминания, но они уже не были так остры, как прежде. Посетив небольшое жалкое кладбище и так и не найдя могил матери и сестры, он ушёл.

* * *

Прошёл год. Просторный уютный дом, купленный Форкисом, располагался на возвышенности, недалеко от гавани, в добротном районе главного города острова. Он очень понравился Тейе и уже давно был обжит. Три её служанки вместе с бывшей прислугой Ортии дружно обитали в нём вместе с хозяевами, не изменяя их привычкам и добросовестно исполняя знакомую работу. Гром, Борус и Комата были с ними.

Тейя была поистине нежной супругой и замечательной хозяйкой.

Форкис с головой погрузился в торговые дела, вникая во все их тонкости, и обрстал при этом новыми знакомствами. Почти при каждой сделке он с благодарностью вспоминал Дантала и Зайдану, так щедро одаривших его напоследок и тем самым предоставивших ему возможность впервые жить так, как он мечтал и хотел.

В этот год Форкис не уходил в дальние плавания и торговал с купцами в городах, расположенных вдоль западного побережья Малой Азии. Вечерами, когда он бывал дома, они с Тейей часто и подолгу сиживали во внутреннем саду, предаваясь воспоминаниям о Дантале и Ортии.

– Как там Ортия? – вздыхала Тейя. – Не могу представить её в какой-то крепости, посреди гор.

– Не грусти так. С ней ведь Дантал. К тому же он не простой воин, а вождь. Это много значит. Он человек умный и деятельный, так что жизнь в той горной долине не так уж и скучна. Наверняка, из степи к воинам прибыли семьи, и всё там стало гораздо интереснее. Женщины и дети примут Ортию как свою. Иначе и быть не может. Саки в быту – народ покладистый и добродушный. Открытое сердце Ортии быстро сблизит их, – успокаивая супругу, рассуждал Форкис.

– Хорошо бы так, – с надеждой соглашалась она.

* * *

На следующий год у Форкиса и Тейи родился их первенец, девочка, наречённая отцом Эвтерпа, что означало «восхитительная».

* * *

Прошло ещё шесть лет.

– Мама, а кто такая Ортия? – спрашивала дочь, часто слыша это имя из уст родителей, забираясь на колени Тейи. – А скоро папа вернётся? А куда он уплыл? А что ты делаешь?

– Ортия – хорошая женщина. Она тебе как сестра и сейчас живёт очень далеко. У неё много детей, но они не мешают своей маме и не задают сразу столько вопросов. А папа скоро бу-

дет дома и привезёт тебе много подарков, – терпеливо отвечала мать, бережно опуская девочку.

– Тогда я тоже не буду тебе мешать и пойду в сад, – надув пухленькие губки, тоненьким голоском говорила малышка и убежала, часто оборачиваясь и разметая кудряшки.

Тейя смотрела ей вслед и вновь принималась за работу. Из дальнего плавания возвращался Форкис. Он радостно врывается в дом, подхватывал дочь, долго кружился с ней. Затем, посадив её к себе на одну руку, подходил к Тейе и молча обнимал её.

– Ты видел Ортию, папа? – щебетала девочка. – А подарки мне привёз? А мне они понравятся? А мама не отберёт их у меня?

– Привёз, конечно. Ещё как понравятся, и мама их не отберёт. Ей я тоже привёз, – глядя в глаза супруги, нарочито по-детски, в тон дочери, отвечал он.

– Папа, ты не сказал, а Ортию ты видел? – не замолкала она, уловив, что отец ответил не на все её вопросы.

– Вот Ортию я не увидел пока, доченька, – Форкис склонялся и ставил её на ноги. – Беги скорее, там твои подарки.

Маленькая Эвтерпа охотно убежала.

– Как вы тут без меня, скучали? – Форкис ласково опуская руки на плечи Тейи.

– У тебя всё хорошо? – касаясь его щёк ладонями, шёпотом вопрошала она, внимательно разглядывая его лицо. – На этот раз ты надолго покинул нас. Мы с малышкой сильно соскучились по тебе. Идём, я приготовила для тебя душистые купания.

– Подожди, я скоро, – отстраняясь от неё, Форкис уходил за дарами.

Так или почти так происходили их встречи после долгой разлуки.

* * *

В один из дней, уйдя из дома ранним утром, Форкис вернулся раньше обычного. Он был задумчив и явно чем-то озабочен.

– Что-то произошло? – увидев таким супруга, спросила Тейя.

Он долго молчал, расхаживая по комнате, пока, наконец, не присел на скамью.

Взглянув на Тайю, он начал говорить о своих переживаниях:

– Ты знаешь, сегодня я случайно услышал разговор двух купцов. Один из них прибыл вчера из Эфеса. Так вот, как я понял, там он повстречал своего какого-то приятеля. Тот тоже купец и вернулся не так давно с караваном из Индии. Дорога пролегла через Хорезм. Есть такая сатрапия в Персии, она граничит с сакскими землями... Война назревает там.

Форкис замолчал.

– Хорезм начинает её с саками? – ещё не понимая до конца его слов, спросила Тейя.

– Кто-то другой должен начать войну с ними, а Хорезм пока выжидает. Скорее всего, он вступит в неё на стороне тех, других, – пояснил Форкис. – Дантал, наверняка, оповещён и выступит на помощь к своим сородичам. Если уже не вернулся в степь.

Тейя опустила рядом, не сводя с него напуганных глаз.

– Что ты говоришь? А как же Ортия? Как же их жизнь в той крепости? – растерянно произнесла она. – Ведь это меняет всё к худшему.

– Я вот о чём подумал, Тейя. Нам нужно помочь ему и его народу, – решительно произнёс он. – Я снаряжу караван и отправлю его к Данталу. Сам я, к сожалению, не смогу повести его, но Борус, знающий лучше Грома и Коматы наш и сакский языки, помня дорогу, сумеет всё сделать как надо. Он готов.

– Какой караван? Чем мы можем помочь? – не поняла Тейя.

– Думаю, вооружением, – уверенно кивнул Форкис. – Тако-го, как у греческих воинов, у них нет. Там всё проще, а наши панцири, возможно, сэберегут многим жизни в предстоящей войне. Больше ничего им и не нужно. Остальное у них есть.

– Тогда нужно торопиться, – наконец сообразила она.

– Гром и Комата уже занялись этим. Я нашёл три оружейные мастерские. Их владельцы готовы продать мне весь свой товар и за хорошую плату будут молчать. Через день я отплываю в Эфес.

* * *

Дантал находился в своём шатре. Пять дней назад вернулся гонец от верховного властителя хаомаваргов царя Патши. Тот с

готовностью предлагал свою помощь, но Дантал с благодарностью от неё отказался. Утром прибыли гонцы от вождя Вилиеста. Вождь Трафардар, как всегда, находился здесь же.

– Значит, в землях сарматов межродовая вражда стала непримиримой и переросла в войну, – вслух рассуждал верховный правитель. – Племена аланов, вытесненные от северо-западных берегов Каспия, двинулись в нашу сторону. Пока они находятся вдали от нас, но отдельные дозоры уже были замечены людьми Вилиеста. Им нужны пастбища, иначе их народу не выжить... На восток они не пойдут. Ими не изведаны те земли. Хотят выждать, накопить сил и вновь вернуться к себе. Только в наших краях они могут найти всё, что ищут... Принять с миром их всех мы не можем. Слишком много людей у них. Нам самим стало тесно... Попытаться направить к ним послов и настоять на обратном уходе, конечно, можно, но чего стоят пустые слова, когда не хватает пищи и корма. Голодное тело никогда не внемлет рассудку... Выделить им совместно с Патшой часть его и наших северных земель на некоторое время тоже можно было бы, но на какой срок? Они ведь сами не знают, как долго пробудут на чужбине. Как бы потом не пришлось силой выдворять их. А это уже война. Самим же насытить их людей и с трудом одолеть после этого – глупо. Выходит, нужно ждать.

– Правитель, я готов отбыть к ним для переговоров, – с готовностью произнёс Трафардар.

– Не нужно. Вилиест в случае необходимости сам направится к ним. Суссанг сообщает о том, что Хорезм упорно ищет пути связаться с аланами, и может случиться так, что встреча его послов с ними уже произошла. Мне об этом, к сожалению, пока не ведомо.

– Что-нибудь известно о численности войск этих аланов? – спросил Трафардар.

– Нет. Лазутчики Вилиеста донесли лишь о том, что всех их вместе – большое множество. Они, как и мы, от мала до велика все воины. За их воинственность и мощь к ним и в Персии, и в Греции относятся уважительно.

В шатёр вошёл сотник охраны.

Склонив голову, приложив правую руку к сердцу, он сообщил:

– Правитель, от дальнего дозора с южных границ прибыл гонец. Чей-то большой караван стоит на другом берегу Окса. Старший каравана сказал, что следует к тебе.

– Караван? – удивился Дантал. – Откуда он пришёл?

– Правитель, старший каравана молчит. Он требует встречи только с тобой.

– Требуется? Где он? – Дантал почувствовал сильное волнение, но не мог понять отчего.

– Здесь он, правитель, – сотник кивнул головой на вход.

– Пусть войдёт, – Дантал поднялся.

Сотник, склонив голову, отступил и удалился. В шатёр вошёл человек. Он замер и склонил голову. От пыли, что покрывала его с головы до ног, вид у него был весьма странный.

– Кто ты, назовись? – повелел Дантал.

– Я Борус и прибыл к тебе, великий царь, из далёкого греческого острова Самос, – тихо ответил тот.

– Борус, ты?! – Дантал шагнул к нему, ещё не веря в услышанное.

Крепко схватив его за плечи, он стал внимательно рассматривать лицо вошедшего и лишь потом, разглядев знакомые черты, улыбнулся и обнял его, громко воскликнув:

– Не может быть!

– Это я, Дантал, – прошептал тот.

Трафардар молча взирал на встречу друзей. Он уже понял, кто этот человек и от кого прибыл, и тут же повелел вошедшему сотнику распорядиться немедля встретить и привести в ставку караван. Вскоре пятьсот тяжело груженных мулов в сопровождении двух сотен греческих воинов вереницей потянулись к ставке верховного правителя массагетов.

* * *

Совершенно забыв о том, что Борус устал с дальней дороги и ему нужно хоть немного отдохнуть и привести себя в порядок, Дантал до полуночи расспрашивал его о Форкисе и его семье. Ему было всё интересно. Узнав о рождении у брата дочери, он

пришёл в неописуемый восторг. Неизвестно сколько прошло бы ещё времени, если б не пришла Ортия и не прервала деликатно супруга, намекнув ему на более тактичное проявление гостеприимства. Дантал опомнился и тотчас лично отвёл Боруса в гостевой шатёр.

В эту ночь они с Ортией почти до зари делились впечатлениями от услышанного, радуясь тому, что у Форкиса с Тейей всё получилось и что у них уже есть дочь.

В полдень следующего дня в честь прибывших гостей, столь дорогих и желанных, верховным правителем был дан пир, в разгар которого примчался с донесением гонец от вождя Вилиеста. Приняв его у себя в шатре, Дантал узнал, что несколько дней назад произошло первое столкновение между дозором саков и отрядом аланов. Сарматы сами развязали бойню, но, понеся потери, быстро скрылись. Весть была хоть и ожидаемой, но весьма неприятной, и оттого тяжким грузом наполнила его сердце, разливаясь по душе ненавистью к будущему врагу.

«Всё-таки война», – пронеслось в голове у Дантала. Внешне стараясь не показывать своих чувств, он вернулся к гостям.

* * *

Ровно тысяча изготовленных из железа тяжелых греческих панцирей, парных поножей, шлемов с шеломниками, мечей, больших овальных и маленьких круглых щитов была прислана Форкисом. Дар поистине был велик и неоценим. Дантал был поражён увиденным. Брат, находясь вдали, узнал о предстоящей войне и желал помочь ему. Даже то, что он велел Борусу очень спешить и не посещать по пути горную крепость, а идти прямо в сакские земли, свидетельствовало о его осведомлённости о событиях в степи. Такого он не ожидал.

Десять сотен из его личной гвардии были дополнительно вооружены и облачены во всё новое снаряжение. Греческие воины помогали сакам подгонять его и обучали наилучшему его применению, вместе с ними занимаясь освоением новой тактики ведения боя, заключавшейся в молниеносном перестроении конницы на полном скаку в невиданные раньше различные

формы: то клином, то квадратом, то кругом. Теперь в войсках Дантала появилось странное для степи подразделение, состоящее из конных саков, закованных в доспехи пеших греческих воинов-гоплитов. Женщины и маленькие дети в страхе сторонились при виде новых сотен, разглядывая их издали. Отныне воинов этой тысячи среди всего кочевого народа стали называть «твердотелыми».

* * *

– Когда ты думаешь возвращаться обратно? – спросил однажды Дантал Боруса.

– Я не спешу. После твоей победы и тронусь в путь, – улыбнулся тот, понимая, что скорая война неизбежна.

* * *

Шли дни, но сведений о стычках с сарматами больше не поступало. Дантал не верил в то, что те отказались от мысли напасть на его земли. Он чувствовал, почти знал, что они собираются в один мощный кулак, дабы нанести сокрушающий удар. По его велению вожди Вилиест и Лидибор выдвинули свои войска ближе к границе. Ещё три вождя – Спур, Бадрат и Дончу – придвинули к ним свои сотни. Сто пятнадцать тысяч воинов находились в полной готовности.

На юге к вождю Суссангу продвинулись сотни вождей Бандосара и Винсары. Шестьдесят пять тысяч их войск и здесь были наготове дать отпор Хорезму. Остальные четверо вождей со своими тысячами, находясь в западных, центральных и восточных землях, были резервными. Войска верховного правителя были стянуты к ставке и лагерем встали на подступах к ней, окружив её плотным кольцом. Предприняв все необходимые меры, владетель массагетов царь Дантал пребывал в ожидании.

* * *

Верховный вождь аланов Ваха, прозванный среди сарматов Кровавым, был уже извещён о готовности массагетов. Численность их войск на границе его не пугала. Он преобладал поч-

ти вдвое. К тому же, на его радость, от правителя персидской сатрапии Хорезм, втайне приславшего к нему своих послов с щедрыми дарами, он заручился столь нужной и своевременной поддержкой. Старый лис Ардава клятвенно заверил Ваху в том, что в случае его нападения на саков протянет ему союзническую руку, двинув одновременно с ним пятьдесят тысяч своих наёмников с юга. Всё складывалось как нельзя лучше для него.

После первой же битвы вытесненный со своих земель более сильными родственными племенами роксоланов вождь аланов Ваха испытывал к ним невероятную ненависть и был одолим мстью за такое отношение к нему. Он мечтал, покорив саков и накопив силы, вернуться в свои исконно родные края и уничтожить всех, кто надсмехался над ним и так унижительно вышвырнул его оттуда. Под покровом ночи, оставив готовыми тронуться следом кибитки, он с войсками быстрым переходом приблизился к стану саков. Наступило долгожданное утро.

* * *

Вождь Вилиест, оповещённый дозорами о приближении врага, задолго до зари выстроил совместно с Лидибором все объединённые с ним войска. Они были готовы к встрече с противником. Их гонцы в ночь срочно направились в ставку. Войска вождей Спура, Бадрата и Дончу представляли собой вторую линию, растянувшись сотнями по всей долине. Как только блеснули первые лучи восходящего светила, лавина аланов с дикими криками понеслась на саков. Вилиест и Лидибор тут же повели свои тысячи навстречу к ним. Саки с грозным нарастающим воем пронеслись до середины расстояния, разделявшего их с врагом, и резко остановились, выпуская тьму стрел. Затем, избегая прямого столкновения, рассыпались в стороны, отступая и продолжая обстрел противника. Аланы, будучи отменными стрелками, также второй линией врезались в их ряды. Но и теперь саки не приняли открытого боя и вновь быстро рассеялись по долине, пропуская противника, охватывая полукругом и расстреливая из луков.

Вождь Ваха, расположившись на невысоком кургане, очень внимательно наблюдал за битвой. Половина его войск находилась рядом. Он понял тактику противника. Оставив при себе двадцатипяти тысячный резерв и разделив остальных на две половины, он двинул их с двух сторон, клещами охватывая всех: и своих, и саков. Только теперь началась по-настоящему кровавая битва. Сакские вожди уже не могли совершать привычные для них манёвры и оказались в кольце, причём оно впервые было не таким, которые доводилось им видеть. Враг находился и внутри, и вокруг.

* * *

Дантал, зная от своих лазутчиков о приготовлениях сарматов к скорому наступлению, не дожидаясь вестей от вождя Вилиеста, двинулся к нему с Трафардаром, ведя сорок тысяч войск, половина из которых была его личной гвардией. По его велению на помощь к Вилиесту и остальным четверым вождям, что были с ним, спешили с востока вождь Клибер и из центра – вождь Земба. Гонцов от вождя Вилиеста он перехватил ещё в полудневном переходе к долине, где теперь уже шло сражение и откуда были слышны его зловещие звуки. Вожди Клибер и Земба прибыли вовремя и ждали подхода царя.

* * *

Саки дрались ожесточённо, но численно почти вдвое превосходящий противник всё сильнее сжимал их в своих смертельных объятиях, рассекая и дробя на части, громя их в плотном окружении.

Неся огромные потери, сакские вожди всё чаще поглядывали в южную сторону в надежде увидеть подмогу.

* * *

Дантал вывел скакуна на холм и окинул взором долину. Напоминающая собой множество небольших островков среди бушующего моря, разрозненные отряды его отважных массагетов продолжали неравное сражение, не уступая врагу и не да-

вая его полчищам захлестнуть их одним решающим последним наплывом.

– Трафардар, ты со своими тысячами ударишь прямо отсюда, – повелел верховный главнокомандующий.

– Повинуюсь, правитель, – склонил голову тот и спешно удалился.

– Клибер, ты обойди справа и вступай в бой, – продолжая смотреть вдаль, вновь повелел Дантал.

– Повинуюсь, правитель, – склонил голову Клибер и также устремился к своим войскам.

– Земба, ты сокруши их слева, – взглянув ему в глаза, как бы попросил его Дантал.

– Повинуюсь, правитель. Всё сделаю, – и он, склонив голову, спустился с холма.

Прибывшие войска с ужасающим воем ударили по врагу с трёх сторон.

– Ну а теперь наступил и мой черёд. Пришла и моя пора, – тихо произнёс Дантал, плавным шагом ведя скакуна вниз с холма.

Обойдя со своей гвардией долину с левой стороны, видя, как его войска быстро одолевают противника, он, не вступая пока в битву, приблизился к возвышенности, на которой стоял одинокий всадник – главнокомандующий вражьими войсками вождь аланов Ваха по прозвищу Кровавый.

За холмом находился его последний резерв.

* * *

– Зубар, Борус, Зайдана и «твердотелые» – за мной! Габу и Дуару, ведите гвардию вон на тех! – скомандовал Дантал и рванул с места своего жеребца.

Ваха взметнул руку и, указав в его сторону, нахлестывая коня, ринулся навстречу, быстро спускаясь по пологому склону.

Дантал летел к нему, на скаку выкрикивая:

– Взять его в кольцо! Не трогать! Он мой!

Из-за холма лавиной выскочили аланы, сразу столкнувшись с гвардией Дантала. Греки и «твердотелые» на ходу разделились надвое и двумя колоннами стали обтекать их вождя, отсекая

всех его воинов, замыкаясь за ним в клин. Ваха даже не заметил, как вдруг оказался один среди странного по виду отряда противника. Он остановил коня и озирался вокруг, ещё не понимая, кто эти воины и как вести себя дальше. Греки и «твердотелье» перестроились, образовав квадрат, через одного развернувшись на внешнюю сторону.

Дантал осадил коня и стал шагом приближаться к предводителю аланов. Кроме них двоих в середине оцепления никого не было. Остановив взор на Дантале, Ваха яростно ударил плетью скакуна и помчался на него, размахивая над головой мечом. Дантал также ринулся к нему навстречу. Ваха очень быстро налетел на него, нанося размашистый удар, но Дантал отклонился и тут же сбоку полоснул его акинаком в область живота. Конь алана пронёс его дальше и, перейдя на шаг, вскоре замер. Низко согнувшись к гриве, Ваха не двигался. Дантал развернулся и подлетел к нему, замахнувшись для удара, но тот даже не пошевелился. Дантал протянул руку и толкнул его в плечо. Вождь аланов плавно сполз на землю и упал навзничь. Большая рана ровной полосой зияла на его животе. Из неё толчками выталкивались сгустки крови. Ваха Кровавый был мёртв.

Вскоре Дантал с двумя сотнями греков и тысячью «твердотельх» обрушился на последний резерв аланов, дерущихся с его гвардией.

* * *

Следя через своих затаившихся дозорных за тем, как в утреннем тумане переправляются через Окс сотни хорезмийских наёмников, вождь Суссанг отходил, давая возможность им всем перебраться на свой берег. Он не знал численности врага, но когда они вступили в степь, он понял, что их не меньше пятидесяти тысяч.

Войска вождей Бандосара и Винсары находились с двух сторон от противника, тихо вползавшего вереницей всадников в сакские земли, словно голодный змей, начавший охоту. Дождавшись, пока слегка рассеется предрассветная дымчатая пелена, саки первыми проявили себя, также тихо подступив к врагу и

внезапно осыпав его тысячами стрел. Они наплывали на него лавинами, заставляя сбиться в плотную массу, затем стали кружить вокруг, расстреливая издали из своих огромных луков.

Хорезмийцы, не ожидавшие такого скорого начала сражения с ними, попытались отойти обратно к реке, но было поздно, их отсекали от неё. Саки были повсюду. Ответные выстрелы наёмников не достигали цели, и дать должный отпор, как они ни старались, у них не получалось. Раз за разом саки приближались к ним всё ближе и ближе и вновь откатывали, скашивая их внешние ряды. Потерь среди хорезмийцев было очень много, но они ничего не могли поделать с преобладавшим над ними врагом, к тому же избравшим такую непреодолимую для них тактику ведения боя. Их командующий, видя бесполезность предпринимаемых попыток вырваться из окружения и желая покончить резню, отделился от своих воинов, подняв руку, но тут же был сражён наповал метко пущенной стрелой.

Сакские вожди, строго исполняя веление Дантала не брать никого в плен, продолжали ужасную карусель смерти, нещадно уничтожая врага, при этом оставаясь в недостижимом для него отдалении. Всё, что теперь происходило, уже не могло называться сражением, а больше напоминало массовую казнь. Силы противника таяли с огромной быстротой, и уже к полудню были добиты последние их воины, жалкой горсткой сбившиеся в самом центре завалов из тел. Оставив десяти тысячное войско на границе, саки ушли, быстрым ходом направляясь к ставке верховного правителя. Стоны израненных и едва живых наёмников ещё долго разносились по округе.

* * *

– Что находится в их кибитках? Есть ли ещё у них войска? – спросил Дантал вернувшегося вождя Лидибора.

– Правитель, войск больше нет, там только старики, женщины и дети, – ответил тот.

– Всех захваченных отпустить без оружия. Дать на каждом трёх воинов только по одной лошади. Нам они не нужны. Сопроводить их двумястами сотнями на четыре дня пути. Выждать

там после их ухода ещё день и вернуться обратно, – скомандовал верховный главнокомандующий.

Шёл второй день после погребения погибших. Пятьдесят тысяч саков полегли в сражении. Враг же потерял две трети из приведённых двухсот тысяч. Насыпав высокие курганы на месте захоронения своих воинов, войска саков повернули к ставке. Так завершились два первых сражения, данные верховным правителем массагетов – хромым властелином царём Данталом.

* * *

Прошёл ещё один год. В семье верховного правителя массагетов родился седьмой сын – Турия. Четверо старших его сыновей – Карий, Рум, Гайат и Боро – проживали в селении, куда были доставлены дети многих воинов, погибших в прошлых сражениях. Под присмотром Зайданы они уже овладевали воинским искусством и обучались другим премудростям юношеской жизни. Младшие сыновья Дантала, Сунна и Далл, пока ещё находились при родителях. Теперь к ним прибавился и Турия.

Поздней весной, когда уже давно прошёл очередной смотр всех войск, устроенный верховным главнокомандующим, Борус с греческими воинами покинул саков с небольшим караваном. Дантал щедро одарил каждого из них, при этом передав Форкису и его семье отдельные подарки. Пять сотен сопроводили их до земель хаомаваргов.

Ортия, как прежде, не изменяла своим привычкам и всегда находила себе занятие. Несмотря на высокое положение, все эти годы она вела простой образ жизни, за что любовь и уважение к ней со стороны народа всё больше крепли. Всюду, где она появлялась, её называли Арития златовласая.

Дантал правил землями, часто навещая вождей, решая все насущные вопросы, внимательно вникая в каждую их просьбу. Иногда, покидая ставку, он подолгу задумчиво вглядывался в потоки воды, стоя на прибрежном косогоре над Яксартом. В такие мгновения никто не осмеливался беспокоить его, даже самые близкие ему люди. Все понимали, что помыслы властителя устремлены в будущее соплеменников и что не следует тревожить его понапрасну.

«На этом месте нужно построить большой город. Нельзя целому народу вечно скитаться по миру. Людей везде становится много, и ещё народятся. Со временем некуда будет податься. Что тогда достанется потомкам? Пастбища да пустынные степи? Этого уже будет очень мало. Если они вдруг окажутся слабыми, то ненасытная Персия сметёт их могучим порывом, словно ветер пылинку. Пришло время возделывать эти земли, возводить крепости, строить дороги. Нужно много и добротнo торговать. Такое ремесло весьма выгодно и полезно, – думал Дантал, вспоминая всё виденное им в прошедшие годы. – Хотя бы нужно начать. Люди быстро привыкают ко всему, но особенно к хорошей жизни... Везде, где я был, строительством заняты рабы. Я же обойдусь без них. Мои войска долго пребывают в безделье. Вот в ком таится мощь, столь нужная мне теперь. Не гоже зря проедать нажитое здоровому и крепкому мужчине. Боевые навыки хранятся в крови и никуда не исчезнут. К тому же эту огромную армию всегда следует держать занятой, иначе всякое может случиться. Без натруженности в телах – в головах появляется лень, постепенно сменяясь разными ничёмными мыслями, ведущими неведь куда и непонятно к чему, однажды проявляясь в глупых и оттого опасных поступках...

Чем мы хуже греков, египтян, персов или даже соседних хорезмийцев? Может, тем, что мы не привязаны к земле, как они? Нет, от этого мы не хуже. Такой уклад был присущ нашим предкам. Он жив, и по сей день нет в нём ничего плохого. Когда-то племена пасаргад, из которых вышел знатный род правителей персидской державы Ахеменидов, тоже были кочевниками.

А может, тем, что они обладают большими знаниями? Может быть. Но и это восполнимо. Дай срок. Наверное, мы слишком любим внешнюю волю, ту, что видим, слышим и измеряем копытами своих скакунов. Оттого и не сидится нам на одном месте. А они ценят волю внутреннюю, не нуждающуюся во всех этих просторах. Для такой воли, как у них, нужны большие познания, иначе как втиснуть в себя всё то, что есть вокруг?» – размышлял Дантал, в очередной раз находясь у воды, окидывая взором дали.

Г Л А В А В Т О Р А Я

Пятнадцать лет минуло с той поры, как верховный правитель массагетов царь Дантал, стоя на берегу Яксарта, мечтал о новой жизни на подвластных землях. Он вновь находился на своём излюбленном месте у реки и взирал на крупное поселение, обнесённое высокой стеной, раскинувшееся перед ним вдоль берегов.

Город был заложен им годом позже, как он задумал и решил начать строительство. Первые постройки были возведены воинами его личной гвардии и войсками вождя Трафардара. Из прибрежной глины стали изготавливать кирпичи, просушивая их на ветру под жарким солнцем. Как только появилась первая улица с одноэтажными домами, он призвал всех вождей и, показав им сотворённое, повелел срочно направить сюда караваны для перевозки глины в свои края и начать возведение крепостей и поселений, подобных этому. Для обучения изготовлению кирпича и ведению строительных работ к нему из племён прибыли выделенные для этого люди. Ещё через год все вожди по его указанию добывали глину уже в своих землях. Появились первые колодцы. Через четыре года вдоль северных и южных границ саков протянулись крепкие невысокие стены, разделяемые небольшими крепостями, в которых обязательно находились источники воды.

Направив послов к новому правителю Хорезма, сменившему покойного Ардаву, Дантал гарантировал ему мирное соседство и предложил начать взаимовыгодную торговлю. Так первым

партнёром в новом деле стал бывший враг. К нему из степи стали направляться стада волов и караваны с пушниной и выделанной кожей. От него же он ввозил семена ячменя и пшеницы, мельничные жернова, плуги, бороны и другой нужный инвентарь и инструменты. Однажды его купцы привезли оттуда нежные саженцы разных плодовых деревьев и ягнят домашних коз и овец совершенно странных пород.

По обоюдной договорённости с правителем Хорезма в главный его город – Кяту стали направляться небольшие группы молодых саков. Они обучались там гончарному, кузнечному и ювелирному ремёслам.

Жизнь в степи разительно менялась, но по-прежнему несметные табуны лошадей и бесчисленные коровьи стада паслись на бескрайних пастбищах, куда вместе с ними откочёвывали на лето племена, оставляя часть людей в поселениях для присмотра за всходами на полях и уходом за мелким скотом.

Сорокатрёхлетний верховный правитель Дантал в окружении семи сыновей и сотни личной охраны часто объезжал свои земли, радуясь в душе преображению степи. Главными для него были мир и сытая жизнь его народа. За двадцать три года его правления массагеты достигли немало, но и впереди оставалось ещё огромное множество дел.

* * *

Умер верховный властитель тиграхаудов царь Нургал. Его место без проведения подобающих церемоний тут же занял единственный тридцатипятилетний сын Бадраг. Слухи о том, что он не родной отпрыск усопшего правителя, прежде скрытно передававшиеся по земле, теперь уже в открытую разносился среди народа, набирая силу, порождая негодование со стороны вождей. Каждый из них уверенно считал себя единственным претендентом на этот высочайший пост. Подстрекаемая ими племенная знать стала повсюду выступать с призывами не признавать нового верховного правителя, при этом заявляя во всеулышанье о хитрости самозванца Бадрага, вовсе не являющегося потомком Нургала по причине рождения от другого

человека и вследствие этого не имевшего права быть его наследником во власти.

Редкое имя Эвклеб, якобы принадлежащее его настоящему отцу, долго не сходило с людских уст и произносилось с усмешкой и особым сарказмом. Собрав вокруг себя преданных сподвижников, Бадраг очень старался не придавать значения этим кривотолкам, но всё же втайне поручил найти того человека, о ком так упорно все говорили и кого считали его истинным родителем. Вскоре ему представили какого-то старика с таким именем, удивлённо пояснив, что тот явился сам. Увидев старика, Бадраг долго смеялся, затем без распросов подошёл и спокойно отрубил ему голову.

Он так и не узнал, что свершил расправу над своим кровным отцом, всей душой почитаемым его матерью, покинувшей этот мир пять лет назад.

Трое взрослых сыновей Эвклеба, знавшие, как и все, о слухах об отце, не дождались его, однажды ушедшего к правителю из их маленького горного селения, состоящего их трёх старых шатров, поняли, что больше никогда не увидят его, и накрепко затаили в душах ненависть к верховному правителю, поклявшись отомстить ему за смерть родителя.

* * *

Добродушный Эвклеб когда-то очень давно впервые увидел супругу властителя Нургала, посетившую со свитой предгорье, где находилось большое селение, в котором он жил и служил сотником. Вождь его племени знал о её пристрастии к охоте и на следующий день устроил выезд в горы, дабы доставить высокой гостье удовольствие отстрелом дикого барана.

В то утро во время восхождения по пологому отрогу сопровождавший её Эвклеб, оказавшись случайно слишком близко, мельком заглянул в её дивные очи. Заметив его взгляд, дольше положенного задержавшийся на ней, женщина не смутилась, не проявила недовольства и не сделала замечания, а пристально посмотрела ему в глаза. Опомнившись, он отвёл коня и отстал. Весь этот день его не покидало воспоминание об этом необычном взоре.

Когда в полдень они забрались на небольшое плато, она, вопреки ожиданию, вдруг прервала начавшуюся охоту и отдала распоряжение разбить лагерь и воздвигнуть шатры. Вождь подчинился и тут же всё исполнил.

Эвклеб, расставив все дозоры, расположился недалеко и развёл костёр.

Опустилась прохладная ночь. Далеко за полночь, когда все в лагере уже спали, к нему вдруг подошла служанка правительницы и передала её веление явиться к ней.

Та ночь была единственной в жизни Эвклеба, проведённой им с этой удивительной женщиной, являвшейся для всех, несмотря на её молодой возраст, великой матерью. Больше они никогда не встречались. Несколько раз приходили её доверенные люди с невиданными дарами, но он не принимал их, с благодарностью отсылая обратно.

Шло время, и однажды среди кочевий разнеслась радостная весть: у верховного правителя родился долгожданный ребёнок, мальчик. Отец дал ему имя Бадраг.

Эвклеб, любивший охоту больше всего на свете, но постоянно занятый службой, в один из дней всё-таки выбрался в горы. Пробираясь по узкой козьей тропе, он увидел животное, азартно поспешил к нему и не заметил, как наступил на шаткий камень.

Его, почти бездыханного, случайно нашли на второй день в неглубокой расщелине. Очнулся он ещё через день в шалаше бедного пастуха, что сиротливо стоял у ручья под горным отвесом. Каких-либо опасных для жизни ран или тяжёлых увечий у него не было, но он странным образом повредил горло, и больше с той поры никто уже не слышал его голоса.

Все то время, что он был без сознания, за ним ухаживала дочь пастуха по имени Тила. Неспособный больше командовать и непригодный к воинской службе, немой Эвклеб не вернулся к себе домой и стал проживать в семье спасителя, помогая им вести небольшое хозяйство.

Проведя у них год, похоронив отца девушки, он как-то само собой стал хозяином, а она – его супругой. Жили они хоть и безмолвно, но понимали друг друга. Он продолжал охотиться,

пасти десяток лошадей и обзавёлся старым шатром, где спустя четыре года родился их первенец Дарк. Здесь же с разницей в один год появились на свет и ещё двое их сыновей – Зурра и Бор. Всем троим имена давала мать, спрашивая супруга о том, одобряет ли он их. Его довольный утвердительный кивок она воспринимала радостно и с особой гордостью.

Эвклеб не мог предположить, что все эти годы его неустанно разыскивал брат Танкал, и когда в один из вечеров услышал лай своих собак и увидел приблизившегося к костру всадника, то не поверил своим глазам. Перед ним стоял его единственный брат. Тот сразу засыпал его вопросами, но не услышав ни одного ответа, непонимающе взглянул на женщину, тихо вышедшую из шатра. Она спокойно объяснила, что её супруг нем. Брат был сражён такой новостью, и лишь чуть позже понял сказанное ею до конца.

У Эвклеба была семья. Тила же, в свою очередь, впервые услышав имя супруга, была удивлена его необычностью, но оно ей сразу понравилось.

Наутро, увидев сыновей Эвклеба и то, как он живёт, брат ненадолго задумался и к полудню отбыл. Уже на следующий день он пригнал косяк лошадей и привёл пару волов, запряжённых в кибитку, в которой находился новый шатёр, много одежды и других необходимых вещей. С этого дня он стал часто навещать их, привозя подарки детям и Тиле.

Такое не могло остаться незамеченным в селении. Молва о том, что Эвклеб жив, но тронулся умом, быстро пронеслась по окрестностям и вскоре иссякла, перестав быть интересной. Так они и жили своей дружной уединённой семьёй.

Мальши уже выросли и превратились в могучих мужей, но не покидали родителей. Тила души не чаяла в них. С почтением относилась к их дяде. А супруга любила всем сердцем. Слухи о его отцовстве по отношению к сыну самого верховного правителя Нургала она воспринимала молча, не стараясь перед детьми опровергнуть их, чувствуя женским нутром, что всё обстоит именно так.

Теперь Эвклеба не стало, и даже не было найдено его тело. Горе, так неожиданно постигшее их семью, было невероятно ве-

лико. Тила не находила себе места, шепча проклятия всем, кто отнял у неё Эвклеба. Сыновья молчаливо взирали на неё, тяготясь бессилием, не зная, как утешить мать. Не выдержав утраты, она вскоре слегла, а через семь дней умерла.

* * *

Тиграхауды видели, как Бадраг упивался властью, хотя её как таковой у него не было. Она распространялась только на родовое племя его отца, в котором он первым делом сменил всю правящую верхушку, не считаясь с тем, что вся знать в племени состоит из его кровных сородичей. Во всех подвластных ему селениях старшинами и военачальниками он назначил только своих людей, некогда проводивших с ним время в весёлых застольях, при этом всюду говоря о том, что свято верит в них и в их непоколебимую преданность. После этого он велел явиться к нему всем вождям, но, вопреки его ожиданию, никто из них к назначенному сроку не прибыл. Он негодовал, вымещая злобу на прислуге.

«Не для того я столько времени пребывал в тени отца, чтобы делиться ещё с кем-то властью. Он, конечно, надолго задержался в этой жизни, но я вытерпел, и теперь только я буду властителем в земле тиграхаудов», – думал Бадраг, расхаживая по шатру.

Те, кто был предан его отцу, терпеливо сносили все его выходы и ждали, пока новоиспечённый правитель угомонится и возьмётся всерьёз за насущные дела.

Со своими льстивыми приближёнными он с сожалением делился мыслями о том, что у него не получилось с наскока укрепиться в новом положении, сетовал на судьбу и вопрошал их, как быть дальше. Они отмалчивались, не понимая, чего он хочет от них.

Не питая к этим людям особого доверия и будучи не лишён здравого смысла и суждений, он решил зайти с другой стороны к вопросу о взятом им наследстве и с этой целью пошёл на хитрость. Всевозможные слухи, являвшиеся излюбленным оружием недовольных властью людей, всюду и во все времена применялись ими очень умело и имели ожидаемые необратимые последствия. Их следовало заронить на определённую почву,

вложить в подходящие уста и всячески поддерживать, дополняя правдоподобными подробностями. Ощувив на себе всю силу такого оружия, Бадраг задумал развернуть его против тех, кто так старательно желал использовать это смертоносное жало против него.

Зная о том, что почти каждый из вождей стремился заменить его отца и по этой причине сделал всё, чтобы отодвинуть своих возможных соперников, он выбрал среди них двух наиболее влиятельных и решил столкнуть их меж собой, рассорить, распространить через приближённых к себе людей слухи о том, как один из них весьма нелестно отзывался о другом. Это было началом в его действиях в борьбе за настоящую власть, но не первым его шагом. Первый шаг он уже сделал тогда, когда сдвинул с высоких мест ничего не подозревавших о его планах родственников, желая проверить их истинное отношение и к себе, и к своим поступкам.

Как только порождённая им молва разлетелась по кочевьям, он закрепил её, прилюдно казнив невинного человека из племени одного из этих вождей, якобы собиравшегося покуситься на жизнь другого. Предварительно он пытками вынудил свою жертву признаться здесь же, на людях, в страшных намерениях своего хозяина.

Такое поведение Бадрага не могло остаться незамеченным в народе и не подействовать. Теперь уже многое число людей, хоть и сдержанно, стало возносить хвалу новому правителю за справедливо свершённую им кару. Слухи обрастали невиданными доселе подробностями, но неизменным и важным при этом для Бадрага оставалось одно: люди считали, что только истинный верховный правитель мог поступить именно так, как это сделал он – с подобающим властителю царским благородством.

Следующим шагом в достижении поставленной цели стал пышный приём, устроенный обиженному вождю в ставке Бадрага. Для народа и это показалось правильным. Вождь, тронутый такой тёплой встречей, ощущая неловкость при виде непризнанного им правителя, расчувствовавшись, тут же обратился к нему со словами благодарности, вдруг назвав его при всех присутствующих властителем и пригласив к себе в гости.

Отпустив его с небольшими дарами, Бадраг повелел другому, второму из этой пары вождю немедленно явиться к нему. На этот раз тот появился вовремя. Бадраг долго не принимал его, держа в неведении, нагоняя страх. А когда всё же принял, то не предложил даже сесть, впившись в него злобным взглядом.

– Что, и для меня, наверное, у тебя приготовлен палач? – процедил он сквозь зубы.

– Прости, властитель, я не желаю твоей смерти, – не выдержав его сурового взора, тихо ответил тот.

Он был подавлен.

– Убирайся и жди моего прибытия через три дня, – успокаиваясь, повелел Бадраг.

Заранее узнав о том, кого по-настоящему ценят в племени этого вождя, и посетив его, Бадраг в указанный срок, не входя в главный шатёр, назвал имя нового вождя. Народ ликовал. То, что неприглядные действия смещённого вождя не должны были остаться безнаказанными, понимали все, но то, с какой быстротой правитель сумел определить среди них самого достойного, больше всего поразило их.

– Вот это да! Надо же случиться такому?! – восхищались люди. – Какой провидец наш властитель!

Остальные вожди, видя, как переменилось отношение всего народа к верховному правителю, и стараясь опередить друг друга, заспешили к нему в ставку с признаниями и подношениями. Бадраг был доволен. Упорная борьба за власть почти завершилась его победой. Осталось сделать последний шаг.

И однажды он сделал его. Всех людей из своего бывшего окружения, назначенных им же в его родовом племени на самые важные посты, он обвинил во всевозможных проступках, грехах и злодеяниях и вновь отдалил, вернув на их места своих сородичей. Увидев его истинное лицо, дивясь его уму и невероятной находчивости, с которой он так ловко и быстро захватил власть, они уже не смели думать о нём так, как это было совсем недавно. Все вожди, следя за его вроде бы справедливыми действиями, так и не опомнились до конца, пока вдруг не поняли, что оказались в его крепко сжатом кулаке, за короткий срок

своими же руками вознеся над собой нового могучего властителя. Отныне Бадраг был всенародно признан верховным правителем земли, царём тиграхаудов.

* * *

Дантал, внимательно следивший за развитием событий в дружественной соседней стране, услышав о том, что сын покойного Нургала Бадраг возведён в правители, направил к нему гонцов с поздравлениями и дарами, как было заведено с давних пор при подобных случаях. Вскоре они вернулись и доложили о том, что верховный правитель тиграхаудов оставил подарки, но не принял их лично и велел передать, чтобы впредь направлялись послы из знати. Такое поведение нового властителя удивило Дантала, но он не обиделся и сделал для себя должные выводы. Лишь та непривычная холодность, с которой обошёлся с его гонцами Бадраг, неприятно задела душу, осев в ней горьким осадком, отпечатав какой-то жалкий след поверх воспоминаний о прошедшем добром времени. Он не стал никому говорить о случившемся, веря в то, что всё ещё в их отношениях образуются и наладится вновь.

* * *

Наступила очередная весна. Прошёл смотр войск. Дантал остался доволен увиденным, но вождю Клиберу при отдельном приёме велел усилить бдительность на границе с тиграхаудами.

* * *

Сыновья Эвклеба Дарк, Зурра и Бор, схоронив мать, покинули родную местность и подались в селение, где проживал их дядя Танкал, с просьбой определить их на службу как можно ближе к ставке самого верховного правителя.

– Что вы умеете? Покажите мне, – поинтересовался тот, с удовольствием оглядывая своих рослых племянников, как на подбор могучих и очень похожих друг на друга.

С первого же выстрела поразив маленькую мишень на расстоянии ста шагов, каждый из них поочерёдно пролетел на сво-

ём скакуне мимо стоящего дяди, разрубив одним ударом меча воткнутую в землю жердь толщиной с человеческую ногу. Затем они метко метали тяжёлые копья и легко поднимали огромные валуны и брёвна. А напоследок свернули вчетверо конскую шкуру, встали втроем в двух шагах перед ней и с размаху одновременно ударили по ней длинными кнутами. Танкал поначалу ничего не понял, но когда подошёл к шкуре и сдвинул её, увидел, что она в трёх местах ровно, словно ножом, была рассечена до самой земли.

– Да-а-а! – протянул он, удивлённо покачивая головой. – Если б в моей сотне были такие, как вы, воины, ей бы и вражья тысяча была нипочём. Признаюсь, удивили вы меня.

– Ну что, дядя, сможешь теперь помочь нам в нашей просьбе? – спросил старший из братьев Дарк.

– Что ж, есть у меня хороший знакомый в личной гвардии верховного правителя. Он, как и я, сотник. Попробую поговорить с ним. Только вот что. Вам не следует называться моими родными племянниками и тем более сыновьями Эвклеба. Прошу, не нужно этого делать, иначе ничего у меня не получится. Все вы просто мои дальние родственники, находились в горах, а теперь решили послужить своему народу. Надеюсь, вы понимаете меня? – дядя окинул их взглядом.

– Да, понимаем, – ответил за всех Дарк.

– Тогда всё решено. Я завтра же отправлюсь к нему, ну а вы погостите у меня, наберитесь сил, отдохните, – провожая их в шатёр, предложил Танкал.

Через день он вернулся и сообщил, что его знакомый желает взглянуть на них. Встретившись с ним и показав свои умения, они были сразу и без лишних расспросов зачислены в его сотню.

– Где ты их нашёл? – довольно потирая руки, спрашивал сотник Танкала. – Вот это воины! У меня есть один, самый сильный и храбрый, но этим троим он не чета. Верно говорят, что чистый горный воздух да ещё вода из тех речушек творят настоящие чудеса. Чего себе-то их не оставил?

– Я бы с радостью, да вот такие, как ты, увидели и донесли бы до высочайших ушей, мол, какой-то сотник держит у себя не-

виданных силачей и не помышляет направлять их для служения ему. Где тогда я оказался бы, а? – хитрил Танкал.

– Да. Что верно, то верно. Таких не скроешь ни от кого. Правильно ты поступил, когда обратился ко мне. И тебе хвала, и мне почёт, – похлопывая Танкала по плечу, приговаривал сотник. – Боюсь я, как бы со временем или тысячник, или сам командующий гвардией не забрал их к себе. Ничего не поделаешь. Прав ты. Такие великаны нужны каждому.

– Ну, раз такое хорошее дело мы с тобой порешили, пожалуйста, пойду я и попрощаюсь с родственниками. Мне ведь пора в обратный путь трогаться, – предложил Танкал и направился к стоящим в отдалении племянникам.

С этого дня началась служба трёх сыновей Эвклеба в личной гвардии верховного правителя тиграхаудов. Они приблизились на шаг к своей затаённой цели.

* * *

В один из летних дней в ставку к Данталу прибыли послы от Бадрага. Знатные сородичи верховного правителя тиграхаудов приветствовали правителя массагетов от его имени и передали ему приглашение посетить в качестве особо чтимого гостя его ставку. Послы, принятые с гостеприимством, как это заведено в степи, после пира, данного в их честь, получив его согласие, тут же удалились, сопровождаемые почётным караулом. Проводив их, Дантал задумался.

«Странно ведёт себя новый властитель тиграхаудов. Сперва чуть ли не отвергает моих гонцов. Теперь присылает послов с приглашением в гости. Нет последовательности и определённости в его поступках. Может быть, это я чего-то уже не понимаю? Что, если он осознал свою оплошность, допущенную по отношению к моим гонцам, и решил исправить её? Такое тоже возможно, вот только времени прошло слишком много. Обычно люди стараются как можно быстрее устранить последствия своих ошибок. Опять-таки по гостям в степи принято разъезжать в зимнюю пору. Дел меньше, да и срок более подходящий для различных приёмов. Скот откормлен, и есть чем надлежаще

потчевать гостей у очагов. Ну да ладно. Посмотрю на месте, чем вызвана такая его поспешность», – завершил свои размышления он и повелел позвать к себе вождя Трафардара.

Тот вскоре явился и уже внимательно выслушал мнение Дантала о предстоящем посещении Бадрага.

– Всё-таки следует взять с собой всю тысячу «твердотелых». Негоже с двумя сотнями верховному правителю прибывать в ставку соседа. Он сам и весь его народ должны видеть тебя с подobaющей свитой и в надёжном окружении охраны, а не с горсткой воинов, как простого тысячника. Тем более что предстоит первое посещение нового правителя, – высказался Трафардар.

– Хорошо. Будь по-твоему, – согласился с ним Дантал. – Ты-то как? Есть у тебя желание взглянуть на него поближе? Велеть тебе не хочу. Уставший ты какой-то. Не берегу я тебя, прости.

– Благодарю тебя, мой правитель. Лучшей заботы, чем твоя, я не ещё испытывал никогда, – тронутый словами Дантала, искренне произнёс старый вождь. – Если позволишь, я останусь здесь. Слишком много дел накопилось. Дозволь, я выскажусь о твоём сопровождении?

– Говори, мой друг, я слушаю тебя. Твой совет, как всегда, важен для меня, – с готовностью ответил Дантал.

– Возьми с собой отважного вождя Такмара. Он единственный, кто не принимал участия в той войне с аланами. Может, этим немного обижен. Своим высоким доверием в предстоящей дороге ты поднимешь его дух, и вновь воспарится его благородная душа. Думаю, также пришла пора взять с собой и сыновей, но только не всех, а двоих самых старших, Кария и Рума. Пусть привыкают и к таким проявлениям жизни. Им пригодится всё, что увидят в пути и в другой земле. Ну а кого ещё взять, решай сам.

Дантал молча слушал его, мысленно восхищаясь здравым смыслом его предложения и соглашаясь с его правотой.

Трафардар на миг призадумался, затем, пристально взглянув в глаза собеседника, как-то тихо и таинственно добавил:

– Вот ещё что. С тобой обязательно должен быть Зайдана. Его не вводи в свиту, пусть неприметно находится среди воинов.

Дантал удивлённо повёл бровью.

Уловив его реакцию на свои слова, Трафардар быстро отвёл взгляд, отпил кобыльего молока из чаши, что держал всё это время в руке, и так же тихо произнёс:

– Не знаю пока, для чего он тебе понадобится, но чувствую, что без него в этой дороге тебе не обойтись.

* * *

В этот же день Трафардар посетил селение, где находился Зайдана, и о чём-то долго говорил с ним.

* * *

К вечеру следующего дня прибыл вызванный вождь Такмар. Ещё через день на заре тысяча «твердотелых», закованных в подаренные Форкисом доспехи, во главе с верховным правителем, рядом с которым находились Такмар и двое его старших сыновей, двинулась к восточной границе массагетов. Предстоял пятидневный переход.

* * *

Вождь Клибер, чьё племя всегда соседствовало с тиграх-удами, встретил Дантала с первыми рассветными лучами на ближнем рубеже своих земель. Правитель ненадолго встал на отдых в небольшом отдалении от его главного поселения, своими строениями очень похожего на ставку. Окинув взором округу, Дантал впервые подумал о том, что следовало и здесь возвести стены и крепости.

Зарождалось тёплое солнечное утро. Прямо под открытым небом расположились для трапезы. Закончив её, верховный правитель остался наедине с Клибером.

– Правитель, – начал тот, – мои лазутчики донесли, что верховный властитель Бадраг по-особенному готовится к встрече с тобой.

Дантал внимательно слушал его.

– Он стянул в ставку много войск, убрав из неё всех мирян, – Клибер запнулся.

– И что тебе не понравилось в этом? – спокойно спросил Дантал. – Разве меры предосторожности когда-то кому-то мешали?

– Нет, правитель, я о другом хотел сказать. Он велел переодеться воинам во всё мирское. Только несколько сотен его гвардии остались в своём боевом снаряжении, – наконец высказался Клибер.

– Ах, вот ты о чём! Это довольно странно. Я согласен с тобой. И много тех, что приняли другое обличье? – Дантал смотрел Клиберу в глаза.

– Много. Около ста сотен, – быстро ответил вождь.

– Что сам думаешь об этом? – вновь задал вопрос Дантал.

– Не знаю, к чему он предпринял такие излишние действия, но я о таком никогда не слышал. К тому же к нашей границе прошлыми ночами он подвёл множество войск. Они вон за теми холмами стоят. Лагерь почему-то не разбивают, – слегка приподнявшись, Клибер показал рукой.

Дантал посмотрел в указанном направлении. Вдали виднелись горы. Чуть ближе простиралась холмистая местность.

– Тебе удалось что-нибудь узнать об их численности? – спросил он.

– Трудно подобраться. Но в их селениях, которые находятся ближе к нам, лазутчики видели, что войск прошло не меньше сорока тысяч.

Клибер не сводил глаз с верховного правителя.

– Сколько у тебя здесь сил? – Дантал поднялся.

– Я увеличил их число. Сто пятьдесят сотен находятся тут. Остальные сто сотен растянуты вдоль границы, – вскочив на ноги, ответил тот.

– Да, маловато, – недовольно покачал головой верховный правитель. – Пошли от моего имени гонцов к вождям Дончу, Бадрату и Зембе, пусть каждый срочно пришлёт к тебе половину своих войск. Передай, чтобы в ночь они подошли за те холмы, – Дантал развернулся и указал рукой.

– Повинуюсь, правитель, – Клибер склонил голову.

– Сам тоже будь наготове. Я не могу отступить, – Дантал, прихрамывая, направился к скакуну.

Подойдя к нему, он остановился и вновь спросил:

– Как далеко отсюда ставка тиграхаудов?

– Полдня пути, – ответил вождь.

– Что ж, будь бдителен, Клибер. Прощай.

– Прощай, правитель.

Дантал запрыгнул на скакуна и уже через некоторое время ступил на земли тиграхаудов.

* * *

– Фластитель, они припишутся, – шепелявя и картавя, доложил Бадрагу командующий гвардией.

– Сколько с хромым людей? – спросил он, выходя из шатра.

– Фсего тысяса, – подобострастно ответил тот.

– Это хорошо, – довольно процедил Бадраг.

– Я понял, фластитель. Это хоросё, – часто кивая головой, повторил за ним полководец.

– Всё у тебя готово для приёма? – взглядываясь вдаль, спросил Бадраг, особо выделив последнее слово.

– Фсё у меня готофа, фластитель. Фсё готофа, – вновь повторяя его слова, закивал тот.

– Хороший день сегодня, – спокойно окинув взглядом небосвод, произнёс Бадраг и потянулся, хрустя сцепленными пальцами.

– Хоросий, фластитель, – поддакнул гвардеец.

– Вот слушаю я тебя и не могу понять, чего ты всё время повторяешь мои слова? – усмехнулся Бадраг, посмотрев на склонённого командующего гвардией.

– Сам не снаю, фластитель. Сам не понимаю, фластитель, – тот склонился ещё ниже, продолжая кивать.

– Ладно, иди. Да смотри, чтоб всё было в точности исполнено, – нахмутив брови и расправив плечи, повелел Бадраг.

– Фсё исполню, фластитель. Ф тосности исполню, фластитель, – отступая и продолжая кивать, шептал полководец.

* * *

Ставка властителя тиграхаудов Бадрага располагалась на небольшой возвышенности, примыкавшей на востоке к горной гряде. Сбегая по каменистым склонам, извиваясь причудливыми изгибами, её пересекала искрящаяся река. Множество новых

шатров окружало всё плато ровными кольцами, сужающимися к его середине, где в самом центре большой и чистой площадки размещался главный шатёр. Дорога к ставке была одна и вела прямо с западной стороны.

Дантал, весьма радушно встреченный посланной к нему знатью, вступил в ставку в жаркий полдень. Он спокойно вёл скакуна, оглядывая воинов личной гвардии правителя тиграхаудов, выстроенных длинным коридором от подступов к селению до его срединной части. Перед главным шатром в окружении полководцев стоял сам Бадраг. Приняли лошадей. Дантал, стараясь скрыть хромоту, шагнул в его сторону.

Тот тронулся навстречу, приблизился к нему и улыбнулся, приветствуя:

– Рад видеть тебя, правитель массагетов Дантал. Благодарю за столь скорый отклик на моё приглашение. Не труден ли был твой путь?

– Все дороги легки, когда ведут к истинным друзьям. Я не мог и не желал поступить иначе, кроме как принять твою просьбу. Ведь наши народы всегда жили в понимании и добрососедстве. Да будет так и впредь, – смотря прямо ему в глаза, также почтительно отвечив Дантал.

– Будь моим первым и самым почётным гостем, – прижав правую руку к груди, слегка склонил голову Бадраг.

– Ну, раз я первый твой гость, а первый гость должен быть памятным, прими от меня дары, – Дантал также склонил голову.

Почти сотня его воинов, подойдя ближе, остановилась, держа в руках прикрытые красивой тканью подарки. Бадраг хлопнул в ладони, и тут же появились его люди, принимая их и унося куда-то за шатёр.

– Прошу тебя, проходи сюда, в прохладу, отдохни с дороги, – отступив в сторону и приглашая в шатёр, произнёс Бадраг.

Дантал, его сыновья и Такмар вошли в шатёр, где верховный правитель массагетов представил своё сопровождение. Всех воинов проводили в отведённые для них шатры. Этот день завершился обильной трапезой.

Пир в честь важного гостя был дан на следующий день. В устроенных с утра состязаниях приняли участие и воины Дан-

тала. Перевес явно был на их стороне, и трудно было понять, поддавались ли хозяева им или на самом деле массагеты были сильнее и по-настоящему преобладали во всём. По бесстрастному лицу Бадрага невозможно было определить ничего: как он воспринимает происходящее, было ведомо лишь ему самому.

Только трое его могучих воинов брали верх над всеми, кто вступал с ними в единоборство. Помимо того, что они внешне были очень похожи друг на друга, их манеры также были до невероятности одинаковы. Дантал, как и остальные, обратил на них внимание. От всех они отличались и ещё чем-то, присущим только им. Поначалу он не мог понять чем. Но, внимательно понаблюдав, вскоре уловил в них какую-то особую сосредоточенность и ярость. И ещё. Они почему-то злобно поглядывали на Бадрага. Это было странным, так как все воины всячески старались угождать властителю и поймать на себе его довольный взгляд.

«Не всё у тебя так ладно, как ты хочешь мне показать», – подумал Дантал о сидящем рядом Бадраге.

– Откуда на твоих воинах эти доспехи? – неожиданно спросил Бадраг, склонив голову к Данталу и не сводя глаз с массагетов.

– Из Греции. Мой брат прислал с караваном, – спокойно ответил Дантал, посмотрев на него.

– Из Греции? – откровенно удивился тот.

– Да. Он проживает там, – вновь спокойно ответил Дантал.

Бадраг больше ничего не спрашивал. Состязания закончились. Верховный правитель принимающей стороны лично и весьма щедро одарил всех победителей, особо выделив гостей.

Начался пир. Подавались различные блюда, часто сменяясь, изобилуя разнообразием, насколько позволяли возможности в этих краях. Далеко за полдень Бадраг провёл Дантала в отведённый для него шатёр, пожелал ему приятного отдыха и покинул его. Командующий его гвардией также сопровождал сыновей Дантала и вождя Такмара к их шатрам.

В ставке притихли все звуки. Хозяева призвали своих людей к соблюдению спокойствия и тишины, тем самым предоставив возможность гостям хорошо отдохнуть. Вечерняя трапеза почти в точности повторила предыдущую. На закате, получив согласие

Бадрага на утреннее отбытие, Дантал направился в свой шатёр. Лишь здесь он немного расслабился, полежав на мягких коврах.

«Что же всё-таки затевает этот хитрец Бадраг? Шатры моих сыновей и Такмара находятся в двух шагах от меня. Он не посмеет их тронуть. Если он что-то и задумал, то это касается только меня, и ему нужен именно я. Всё должно случиться в эту ночь. Завтра у него уже не будет ни времени, ни удобного случая для воплощения недобрых замыслов, – вновь напряжённо думал Дантал, поглаживая акинак. – ...А где Зайдана? Я совсем забыл о нём», – вдруг вспомнил о нём.

Накинув на плечи добротный плащ, он вышел из шатра. Стояла ясная звёздная ночь. Кругом горели костры. Он прошёл к шатру сыновей. Прислушался. В нём было тихо. У шатра Такмара также всё выглядело спокойно. Третьим от его шатра, чуть в глубине, стоял ещё один. Он подошёл к нему, остановился и решил вернуться к себе, но в этот момент кто-то тихо окликнул его по имени. Понимая, что так может поступить только Такмар, он оглянулся на его шатёр. Там никого не было. Вновь слышался тот же приглушённый голос. Лишь теперь он увидел того, кто звал его. Это был Зайдана. Он слегка откинул входной полог третьего шатра и махнул ему рукой. Дантал посмотрел по сторонам и юркнул в проход.

– Ты один здесь? Я ничего не понимаю, – прошептал Дантал, оглядывая пустой шатёр, где в середине пылал огонь в очаге.

– Я отослал всех в другое место, – нетерпеливо отмахнулся Зайдана и выглянул наружу. – Дантал, судя по всему, тебе угрожает смертельная опасность. В этом селении устроена большая ловушка. Тут самая настоящая западня. Все, кто встречал тебя здесь, на самом деле переодетые воины. Но самое главное таится в другом. Бадраг задумал страшное дело. Подло казнив тебя, он хочет пойти войной в наши земли, – на одном дыхании выпалил он, подойдя вплотную к Данталу.

– Откуда ты всё это знаешь? – присаживаясь к огню, спросил Дантал.

– Ты не поверишь, но об этом нашим людям тайком сказали его воины. Помнишь тех троих великанов, что вчера удивляли

всех своей мощью? Так вот, именно они почему-то предупредили нас, – Зайдана опустил ся напротив Дантала за костром.

– Я верю, потому как знаю обо всём и без них, – посмотрев ему в глаза, спокойно произнёс Дантал.

– Знаешь? – удивился Зайдана. – Тогда почему ты пришёл сюда, в это волчье логово?

– Чтобы узнать ещё лучше, – ковырнув веточкой головёшку, задумчиво ответил он.

– Хорошо, пусть будет так, – не стал вдаваться в подробности Зайдана и на миг замолчал. – ...Скажи, Дантал, я просил тебя о чём-нибудь хоть раз, ну, не считая того случая с шатром у водопада? – словно опомнившись, загадочно спросил он, пересаживаясь ближе к Данталу.

– Нет, – ответил Дантал.

– А если я обращаюсь к тебе с одной просьбой, ты исполнишь её для меня? – Зайдана продолжал удивлять своими вопросами.

– Да. Исполню, – твёрдо заверил Дантал.

Зайдана вскочил на ноги и стал снимать с себя доспехи.

– Что ты делаешь? – глядя на него и не понимая его действий, спросил Дантал.

– Это и есть моя просьба. Я отныне Дантал, а ты – Зайдана. И, прошу тебя, не перечь мне. Ты только что дал мне своё обещание, помни об этом, – не принимая никаких возражений, почти весело произнёс он.

– Ты предлагаешь мне послать тебя вместо себя на расправу и самому спокойно отсиживаться здесь у костра? Как ты посмел о таком даже подумать? Да за кого ты меня принимаешь? – Дантал поднялся.

Он негодовал.

– Что? Что ты сказал? – оставив шутливый тон, Зайдана замер. – Значит, ты хочешь, чтобы твой народ был повержен в беду? Народ, который только при тебе начал достойно жить. Народ, свято верящий в тебя и связывающий своё будущее только с тобой. Ты, столько сделавший для него, хочешь его обезглавить, добровольно склонившись перед этим коварным кровопийцей? Да ты знаешь, что будет с твоей землёй завтра? Я отвечу тебе. Её

постигнет та же участь, что постигла когда-то Урарту. Прошу тебя, не совершай своей первой в жизни глупости и доверься мне. Ты ведь знаешь, что пока есть хоть одна возможность избежать беды, надо ею воспользоваться. И вот ещё что. Ты должен понять меня, как никто другой. Скажи мне, что за жизнь у меня? Сытно есть и сладко спать я устал. Позволь мне поступить так, как я хочу всей душой.

Дантал устало опустил на место. Он долго думал. Наконец, приняв решение, он поднялся и стал снимать с себя верхнюю одежду.

Когда они закончили переодевание, Дантал обнял Зайдану и через силу прошептал:

– Прощай, мой брат.

– Прощай и ты, мой единственный брат. Мне пора, – Зайдана откинул полог и скрылся в темноте.

* * *

Командующий личной гвардией Бадрага полководец Фу,ждавшись полуночи, выскользнул из своего шатра, увлекая за собой четверых рослых воинов. Бесшумно ступая, он тенью метнулся к соседнему шатру, подождал подхода остальных и, подняв руку, замер, оглядываясь по сторонам. Кругом стояла тишина. Скрытно петляя между жилищами, он быстро приблизился к главному гостевому шатру. Осторожно подойдя к его входу, он прислушался, затем, оглянувшись на своих людей, прошептал:

– Тафай.

Воины влетели в шатёр. Фу был замыкающим. Предводитель массагетов, их верховный правитель Дантал крепко спал, безмятежно раскинувшись на коврах. Четверо здоровяков разом навалились на него. Тот, что был крупнее других, зажал ему рот ладонями и всем телом лёг на его голову. Вскоре жертва перестала сопротивляться и обмякла.

– Фсе фон отсюта, – прошипел полководец, подошёл к убитому и низко склонился над ним, удостоверяясь в его смерти.

* * *

Ранним утром в ставке неожиданно загрохотали барабаны, оповещая её обитателей о том, что что-то произошло. Массаге-

ты быстрее других выскочили из шатров и побежали к главной площади.

Вождь Такмар вместе с сыновьями Дантала был во главе. Перед входом в свой шатёр, низко склонив голову, стоял Бадраг. Перед ним на расстеленном ковре лежало чьё-то тело, накрытое белой тканью. Когда толпы народа окружили площадку, он поднял руку, призывая к тишине. Все затаив дыхание смотрели на него.

– Доблестные массагеты, мужайтесь! – скорбным голосом начал он и тут же умолк. Окинув всех суровым взглядом, он вскоре продолжил: – Случилось непоправимое горе! Сегодня ночью скончался ваш великий властелин, непревзойдённый правитель, друг моего народа, светлейший царь Дантал! Его натруженное горячее сердце внезапно перестало биться.

Все ахнули. Бадраг замолчал. Карий, Рум и Такмар подбежали к лежащему телу и откинули ткань. Верховный правитель и отец был мёртв. Его лицо, как всегда, было спокойным. Каких-либо ран или повреждений на нём не было. Такмар, пошатнувшись, поднялся и невидящим взором окинул стоящих вокруг людей.

Бадраг склонился над сыновьями Дантала, слегка обнял их за плечи и с искренней горечью в голосе тихо произнёс:

– Да упокоится с миром душа вашего родителя. Я скорблю вместе с вами и очень сожалею, что такая беда случилась у вас на моей земле.

Бережно укрыв тканью лицо отца, Карий и Рум поднялись, отошли в сторону и низко опустили головы, дабы скрыть выступившие слёзы.

Бадраг подошёл к вождю Такмару и проникновенно спросил его:

– Как думаешь поступить?

Тот вздрогнул, выходя из оцепенения, взглянул в лицо Бадрага и тихо ответил:

– Правитель, если позволишь, мы выступаем в обратный путь немедленно.

– Что ж, будь по-твоему, – согласился Бадраг.

Восемь воинов-тиграхаудов подняли тело Дантала вместе с ковром. Массагеты, все как один дружно ударив акинаками о

щиты, опустили на колени, склонив головы. Воцарилась гнетущая тишина. Воины поднялись и замерли. Подвели кибитку, запряжённую шестью лошадьми. Погрузили в неё тело. Бадраг печально попрощался с детьми Дантала и вождём Такмаром. Кибитка тронулась. За ней во главе с Такмаром, Карием и Румом двинулись стройные ряды «твердотельх».

Когда вся вереница скрылась из виду, тиграхауды молчаливо разошлись. Проводив взглядом массагетов, Бадраг, кивнув командующему личной гвардии, вошёл в шатёр.

– Оказывается, ты очень проворен и находчив, – присаживаясь, произнёс он.

Фу склонился ещё ниже.

– Готово ли у тебя всё остальное? – меняя тон, уже с металлом в голосе спросил верховный правитель.

– Фсё гатофа, фластитель. Фсё гатофа, – закивал по привычке тот.

– Смотри у меня, не подведи, – буркнул Бадраг, взяв в руку чашу. – Да, тяжёлая была ночь, не выспался я.

– Тяжёлая нось, фластитель. Не потфету, фластитель, – затряс головой Фу, продолжая стоять склонившись.

– Хорошо. А теперь спешి туда и сделай так, как я тебе велел, – махнул рукой Бадраг, зевая и отсылая полководца.

– Спесу, фластитель. Фсё стелаю, фластитель, – отступая шаг за шагом, шептал тот.

* * *

Массагеты приближались к границе владений тиграхаудов. За всю дорогу никто не проронил ни слова. Внезапная смерть верховного правителя потрясла каждого из них до самой глубины души. Многие не могли до конца поверить в случившееся и оттого ещё не осознавали всей тяжести понесённой утраты. Им казалось, что всё это какое-то невероятное наваждение и что оно очень скоро должно развеяться. По их глубокому убеждению, просто не могло произойти так, что правителя не стало. Лишь взглянув на траурную кибитку, они начинали понимать, что постигшее их горе – на самом деле.

Слева и справа от идущих войск в небольшом отдалении находились холмы, а далеко впереди тёмным пятном уже виднелось поселение вождя Клибера. Такмар услышал какие-то странные звуки, доносившиеся из-за ближних возвышенностей, и, подняв руку, остановил коня, глядя то в одну, то в другую сторону. Он не поверил своим глазам. Огибая холмы с двух сторон, на них надвигались войска тиграхаудов. Они неспешно растекались по долине, выстраиваясь в линию. Их было очень много.

Вздыбив скакуна, Такмар развернулся и что есть сил закричал:

– Первая сотня с кибиткой – вперёд! Карий и Рум, вы уходите с ними! Остальным разделиться! Защищать тело правителя!

Воин, управлявший лошадьми кибитки, размашисто взмахнул кнутом и со свистом стегнул им над головой. Кони резво рванулись и помчались прямо на Такмара, едва не опрокинув его. Воины первой сотни, обтекая кибитку, охватили её плотным квадратом и вскинули луки, мгновенно снаряжённые стрелами. Остальные «твердотелые» тут же посотенно разъехались в две стороны, построились в клинья и замерли в ожидании команды.

В тот момент, когда вождь Такмар был уже готов повести их в атаку, все вдруг услышали быстро нарастающий грохот, заглушающий гул, исходящий от войск тиграхаудов. Такмар, вертясь на скакуне, посмотрел в сторону, откуда он доносился. Первая сотня «твердотелых» уходила всё дальше и дальше, скрывая кибитку, а навстречу ей, пропуская её сквозь себя, мощным потоком, поднимая пыль до небес, к Такмару неслись войска массагетов во главе с вождём Клибером. Тиграхауды приближались, но Клибер опередил их, влетев со своими тысячами между ними и «твердотелыми». Его триста пятьдесят сотен были готовы противостоять сорокатысячной армии тиграхаудов, внезапно прекратившей свой ход.

– Где наш верховный правитель? Где царь? – подлетев к Такмару и едва сдерживая разгорячённого скакуна, утирая пот, спросил Клибер.

– Ты его повстречал на пути, – скорбно ответил тот.

– В кибитке? Он что, ранен? – удивился Клибер.

– Нет. Он умер, – понизив голос, отвёл глаза Такмар.

– Что? – взревел Клибер. – Что ты сказал, Такмар? Повтори.
– Клибер, прошлой ночью нашего правителя не стало, –
взглянув ему в глаза, твёрдо произнёс Такмар.

– Как не стало? – запнувшись, переходя на шёпот, переспросил Клибер.

Такмар прикрыл веки и ничего больше сказал.

– Что, эти его убили? – злобно кивнув в сторону тиграхаудов, прохрипел Клибер. Не дождавшись ответа, он развернул коня и надрывно выкрикнул: – Все к бою!

– Не нужно этого делать. Не пришло ещё время, – оба вождя услышали за спиной чей-то голос.

Они оглянулись. В нескольких шагах от них, поглаживая гриву коня, находился один из «твердотельных».

– Эй! Это ты что-то сказал? – заорал Клибер.

«Твердотельный» спокойно ответил:

– Да, я.

Он потянулся рукой и снял шлем. Перед ними стоял сам царь Дантал.

– Прости, правитель, не узнал, – склонил голову Клибер.

Такмар, растерянно открыв рот, уставился на верховного правителя, не смея произнести ни слова.

– Отводите войска, – тихо произнёс Дантал, надел шлем и направился к «твердотельным».

– Ну и шуточки у тебя, – пробурчал Клибер, взглянув на Такмара.

* * *

Полководец Фу не решался двинуть в атаку свои тысячи. Такого поворота событий он не ожидал и, не имея иных указаний своего властителя, напряжённо обдумывал положение, глядя на массагетов.

Наконец, приняв решение, он выступил вперёд, развернулся к войскам и прокричал:

– Фсе ухотим! Такофо феление фластителя.

Тиграхауды отступили, перестроились в сотни и двинулись в сторону своей ставки.

Массагеты, выждав ещё какое-то время, также повернули в свои земли, до которых отсюда было уже недалеко. Такмар всю дорогу довольно ухмылялся, о чём-то думая. Клибер непонимающе поглядывал на него, но расспросов пока не стал затевать.

Только когда граница осталась далеко позади, он не выдержал и всё же обратился к Такмару:

– Эй, что с тобой? Небось рад, что провёл меня своей глупой выдумкой. Оттого и усмехаешься. Ничего, я когда-нибудь припомню тебе эту проделку. Ишь ты, какой хитрец выискался! Нашёл чем шутить.

– Да ничего я не придумывал. Скоро ты в этом сам убедишься. Я это так, о своём вспомнил, – рассмеялся Такмар, потянувшись и по-братски хлопнув Клибера по плечу.

– О своём он вспомнил! Надо же! Ты бы лучше вспомнил о том, что я чуть войну не начал. Вот была бы потеха! Веселится он, как же! Делать ему больше нечего, как срамить меня перед правителем, – незлобиво продолжал бурчать Клибер.

Вскоре они подступили к селению. Впереди их ожидала сотня «твердотельх». Кибитка стояла в стороне, в небольшом отдалении. Возница ходил возле похрапывающих в упряжке лошадей. Отделившись от войск, к ней устремился одинокий всадник. Он подлетел к кибитке и в нескольких шагах от неё спрыгнул с коня. Увидев такое, к нему тут же подскочил сотник «твердотельх», дабы пресечь его действия, но когда тот скинул шлем, он быстро слетел на землю, опустился на колено и склонил голову. Возница с небольшим опозданием также преклонил колено. Не обращая на них внимания, воин взобрался в кибитку. Войска обступили их огромным кольцом.

Откинулся задний полог, и из кибитки показался воин. Он спустился на землю и стал вытаскивать тело, затем поднял его на руки и понёс в середину образованного круга. Массагеты только теперь разглядели лицо этого воина и поняли, кто это на самом деле. Охнув, они разом спешили. Сам верховный правитель Дантал в запыленных греческих доспехах, с непокрытой головой, сильно припадая на увеченную ногу, медленно шёл со страшной ношей на руках. Лёгкий ветерок развеивал его длинные

волнистые волосы. Бережно опустив тело на землю, он устало присел возле него на траву, подавшись на левый бок и неуклюже выставив в сторону правую ногу.

Клибер вопрошающе посмотрел на Такмара.

Тот не сводил глаз с правителя, но, заметив этот взгляд, тихо прошептал:

– Это Зайдана, подобие вождя. Его убил Бадраг.

– О небеса! – вырвалось из груди Клибера.

– Пойдём к правителю. Нужно узнать его веления, – вновь прошептал Такмар и направился к Данталу.

Они подошли и молча опустили на землю за спиной Дантала. Царь долго сидел, не двигаясь, прикрыв веки.

Карий и Рум не верили своим глазам. Увидев отца живым, они хотели броситься к нему, но его вид потряс их, сдержав от порыва скорее приблизиться. Он был бледен. До посинения сжатые губы подрагивали. Его глаза всё время, даже когда он шёл, были закрыты. Они поняли его. Он не желал видеть этот мир.

* * *

По велению верховного правителя царя Дантала тело Зайданы, обмытое и облачённое в новые одежды и воинские доспехи, было внесено и уложено на огромный деревянный помост на высоком холме недалеко от селения и после этого сожжено. За всё время, что длились поминки, правитель не сказал ни слова.

Через семь дней, отпустив вождей, он повёл «твердотелых» в ставку.

* * *

Бадраг негодовал. Он не мог понять, как получилось, что войска массагетов вовремя появились на границе. Его блестяще задуманный план рухнул, так и не приведя к намеченной цели.

– Измена! Кругом измена! – гневно кричал он, расхаживая по шатру. – Кому на этой проклятой земле можно довериться? Кому? Где хоть один человек, кто служил бы мне честно?! Нет таких. Кругом одни предатели и нечестивцы! Все хотят жить сыто, но никто не способен добыть мечом такую жизнь! Только трусы и слабаки окружают меня!

Восемь его вождей, словно нашкодившие юнцы, не смея поднять голов, в страхе стояли у входа.

– А этот где? Который «Фластитель. Фсё готофа. Фсё сте-лаю», – Бадраг вдруг остановился и уставился на вождей, желчно передразнивая полководца Фу.

Те вздрогнули, виновато расступились, открывая командующего личной гвардией, стоявшего за их спинами.

– А-а, вон ты где! Ну-ка, пойдди сюда, – Бадраг поманил его пальцем.

Склонившись ещё ниже обычного, молитвенно сложив на груди ладони, тот мелкими шажками засеменял к властителю.

– Ты чего мне обещал? А? – грозно взревел Бадраг. – Где твоя хвалёная смекалка, скользкий ты змеёныш? Не зря ты шепелявишь. Отвечай, иначе я вырву твоё мерзкое жало.

– Не полусилась, фластитель. Многа фойска оттута присла. Осень многа. Я не снал сто телать, – содрогаясь хрупким телом, часто закивал тот.

– Тебе бы только душиить кого-нибудь спящего. И то чужими руками. Больше ни на что ты не способен, – подойдя вплотную, прошипел Бадраг ему в самое ухо. – Все убирайтесь с моих глаз! И смотрите, как следует готовьте войска! – вновь вскричал он.

Толкая другу друга, вожди выскочили из шатра. Бадраг нервно обошёл тлеющий очаг и устало опустил ся.

* * *

Трафардар слушал верховного правителя, задумчиво теребя в руках плётку.

– Вот так ценою своей жизни Зайдана спас меня от неминуемой гибели. Весть о подмене, наверняка, уже известна Бадрагу, но он утратил два самых главных преимущества в своих коварных планах: во-первых, ему не удалось в связи с моей кончиной посеять панику среди массагетов, во-вторых, им упущена внезапность нападения, на которую он рассчитывал. И, стало быть, смерть Зайданы была не напрасной. Теперь Бадраг вынужден действовать в открытую и более основательно готовиться к войне. Но это будет уже другая война, – печально завершил рассказ Дантал.

– Значит, не зря небеса послали нам Зайдану... – скорбно произнёс старый вождь и замолчал. – Скажи, правитель, а те трое воинов-тиграхудов, что пытались помочь тебе, кто они? – через некоторое время спросил он.

– Не знаю. Похоже, простые воины. Видимо, у них свои счёты с Бадрагом. Их имена в числе других победителей были названы при награждении. Дарк, Зурра и Бор. Их многие запомнили. Слишком уж они выделялись среди остальных, – ответил Дантал.

Трафардар еле слышно повторил имена, стараясь запомнить, и тут же обратился с просьбой:

– Правитель, мне нужно на некоторое время отбыть по своим делам. Если позволишь, то с утра я покину тебя.

– Хорошо. Нужна ли тебе помощь? – Дантал взглянул на него.

– Нет, правитель. Благодарю. Мне ничего не нужно, – ответил тот.

Ранним утром в сопровождении одной сотни вождь Трафардар отбыл в восточном направлении.

* * *

Ортия была поражена смертью Зайданы. Она не могла даже предположить, что так печально завершится визит в, казалось бы, дружественную соседнюю страну. Его исход был ужасен. Старшие сыновья вернулись совсем другими. Их было не узнать. От бывшего беззаботного поведения не осталось и следа. Теперь перед ней были серьёзные и возмужавшие воины. Дантал же заметно сдал. Она с болью в душе взирала на него, но, зная его характер, свято верила, что скоро он выйдет из этого состояния, немного отдохнёт от накопившейся усталости, оправится от постигшего горя и вновь с её помощью станет прежним, сильным и жизнерадостным.

* * *

Вождь Клибер был удивлен внезапному приезду вождя Трафардара, тем более что тот прибыл без предупреждения.

После посещения памятного холма, с вершины которого покинула этот мир душа Зайданы, они вернулись в селение и остались вдвоём в просторном строении, где проживал Клибер.

– Клибер, нужно срочно узнать всё о воинах Дарке, Зурре и Боре, что несут службу в ставке верховного властителя тиграхадов Бадрага, – начал Трафардар. – Времени очень мало, следует спешить. Они почему-то пытались предупредить нашего правителя, точнее «твердотельх», о кровавых планах своего властителя в ту ночь. Во что бы то ни стало нужно выйти на них. Не знаю, что подсказать и как это сделать. Может, прежде узнать всё о том, как они попали в ставку? Не уверен, но такой ход, мне всё же кажется, поможет нам. Я предлагаю поступить именно так по следующей причине. Раз Бадраг не так давно пришёл к власти, то и люди, окружающие его, в большей части собраны им также недавно. В его гвардию не просто попасть. Для этого, думаю, нужно замолвить словечко известному и надёжному лицу. Если есть возможность найти тех, кто попросил за этих воинов, то можно обнаружить причины, побудившие их вести себя таким странным образом, и так уже подобраться к ним.

– Как, говоришь, их зовут? – переспросил Клибер.

Трафардар повторил имена. Клибер быстро покинул помещение и вскоре вернулся. Они приступили к трапезе.

Через три дня Клибер сообщил Трафардару приятную весть. Его лазутчики нашли дядю этих трех воинов. Он служил простым сотником и, видимо, помог им попасть на службу в гвардию. Как он сумел такое сделать, никому не было известно. Близкое родство с этими тремя племянниками он почему-то старался тщательно скрывать. Всё складывалось как нельзя лучше. Трафардар был доволен, но понимал, что этого мало.

– Удалось узнать что-нибудь подробнее о них? – спросил он.

– Особого ничего. Но мои люди прознали в том селении, что эти трое – сыновья какого-то умалишённого, немного пастуха Эвклеба, якобы одиноко жившего в горах. Его хорошо помнили из-за необычного имени. Да, вот ещё что. После смерти верховного правителя Нургала упорно ходили слухи о том, что Бадраг не родной его сын и истинным его отцом был человек по имени Эвклеб. Но тот ли это Эвклеб, узнать не удалось. Их отец умер до того, как они поступили на службу в гвардию, – подробно рассказал Клибер.

– Очень жаль. Хрупкий след всё-таки внезапно оборвался, – огорчённо произнёс Трафардар и задумчиво замолчал.

– Во всех селениях тиграхаудов войска приведены в боевую готовность, – с сожалением дополнил Клибер.

– Может, простое совпадение, – думая о чём-то своём, мотнув головой, тихо прошептал Трафардар.

Клибер внимательно взглянул на него.

– А что известно о смерти их отца? – вдруг вновь спросил Трафардар.

– Только то, что он был каким-то странным человеком и умер довольно таинственно. У него нет могилы. Когда-то он был сотником. Но в один из дней пропал на охоте. Больше его никто не видел, пока через много лет его не отыскал брат, вот тот самый дядя. Все в селении помнят, как он тайком помогал и ему, и его семье, – вспоминая подробности донесений, ответил Клибер.

– Кажется, я начинаю кое-что понимать, – облегчённо вздохнув, произнёс Трафардар. – Твои люди, Клибер, добыли не так уж и мало сведений, как показалось вначале. Вот смотри, что у нас с тобой теперь получается. Когда-то пропадает сотник Эвклеб. Имя у него редкое и, по слухам, очень схожее с именем настоящего отца Бадрага, на тот момент единственного наследника верховного правителя Нургала. Предположим, что это он и есть. Как там всё у них получилось, уже не так важно. Так вот, этот самый Эвклеб где-то в горах обзаводится семьёй. У него рождается трое сыновей – Дарк, Зурра и Бор. Вполне возможно, есть и другие дети. Недовольные вожди, каждый желая сменить усопшего Нургала, усиливают слухи о его рождении не от покойного правителя. Упорный Бадраг все же приходит к власти. Он находит человека с ненавистным именем, и тот исчезает. Оттого и нет у него могилы. Трое его сыновей, решив отомстить новому властителю за смерть своего отца, обращаются к дяде сотнику, у которого наверняка есть нужные связи в гвардии. Вот так они и попадают в неё. А близкое родство с ним скрывают только с одной целью – никто не должен был узнать, чьи они дети.

– Да, похоже на то. Вот почему они решились помочь нашим воинам, – кивая, согласился с Трафардаром Клибер.

– Где они находятся сейчас? – спросил Трафардар.

– Насколько мне известно, в ставке Бадрага. Он вроде как повысил их, но кем они стали, я точно не знаю, – ответил тот.

– Если мы с тобой правильно рассудили и находимся на верном пути, то давай подумаем над тем, как встретиться с ними, – предложил Трафардар. – Ты ведь понял, к чему я веду. У нас появилась возможность убрать их руками ставшего очень враждебным для нас Бадрага и тем самым предотвратить кровопролитие. Ждать, пока свершится их кара, мы не можем. Следует нам ускорить её. Наш правитель не желает войны с тиграхаудами. Он намерен восстановить прежние отношения с ними, и мы обязаны помочь ему в этом деле. О том, что я здесь, и о наших с тобой планах он не знает. Посвящать в них кого-то ещё рискованно и нежелательно.

– Ты прав, Трафардар, но что делать? – задумался Клибер.

– Как же пробраться в их ставку? – вслух, но рассуждая больше для себя, нежели обращаясь к собеседнику, произнёс Трафардар.

– В связи с последними событиями попасть туда стало почти невозможно. Только военачальники имеют право беспрепятственно посещать её, – уточнил Клибер.

– А что, если нам поговорить с дядей этих троих смельчаков? – осенило Трафардара. – Насколько я понял, они ведь не скрывают своих родственных связей полностью. Вот только неизвестно, знает ли он об их намерениях. Если нет, что тогда? Полагаю, та его постоянная забота об усопшем брате и нынешняя помощь племянникам в определении на службу в гвардию царя являются довольно опасными поступками в его положении. Риск, которому он подвергает себя, свидетельствует об особом его отношении к ним, и, следовательно, он должен ясно осознавать, насколько шатко и непрочно их положение в ставке. Вот на чём нужно строить нашу беседу с ним. Человек, способный на такие действия, как мне думается, обязательно прислушается к здравым суждениям. Ты можешь через своих людей устроить мне встречу с ним?

– Я постараюсь. Где и когда тебе нужно сделать это? – поинтересовался Клибер, поднимаясь.

– Завтра в ночь. Желательно на ближнем участке границы. Время дорого, – решительно ответил Трафардар.

– Хорошо. Я всё понял, – Клибер покинул собеседника.

* * *

Через день в ставку Бадрага прибыл сотник Танкал. На вопрос начальника стражи главного поселения о цели его визита он, не скрывая, ответил, что хочет навестить своих родственников. Услышав их имена, тысячник уважительно пропустил его. Вскоре Танкал уже находился в шатре племянников. Радость от встречи с любимым дядей искренне переполняла их.

– Как вы тут, мои дорогие племянники? Всё ли у вас благополучно? – интересовался Танкал. – Говорят, вы в особом почёте у верховного правителя?

– С твоей лёгкой руки, дядя, мы уже назначены десятниками, – ответил за всех Дарк.

– Вон оно как! – отпивая из протянутой чаши пенное кобылье молоко, восхитился он.

Они поговорили о его семье, о жизни в его селении, о предстоящих военных действиях. Судя по тому, с каким нежеланием отвечали его племянники на вопросы о войне, он понял, что они противники похода в земли массагетов.

– Что так? – настойчиво вопрошал Танкал, как бы не замечая их реакции.

– Никому не нужна эта война. К тому же, нам кажется, мы не выйдем из неё победителями. Массагеты сильны, как никогда. В той битве с аланами они показали всему миру, на что способны. Стоит ли искушать судьбу, идя в этот поход? С ними лучше не враждовать, а быть союзниками. Если уж так хочется войны, то нужно повернуть войска на Согдиану, – не имея желания обидеть дядю молчанием, рассуждал Дарк. – Всё против этой войны.

– Что именно? – с интересом глядя на старшего племянника, спросил Танкал.

– Ты ведь слышал, что верховный правитель массагетов, умерший здесь, обманул смерть и продолжает весьма благополучно править своей землёй. Невиданное доселе вдруг случи-

лось, и не оно ли, это удивительное перерождение, стало для всех знаменем его истинного величия и особым предупреждающим знаком для нас? – вопросом ответил тот.

– Да, я слышал о таком его преображении и, признаться, не меньше вашего удивлён. Но всё же должен сказать, что от вас не так много зависит. Вы бы поберегли себя и не противились велениям властителя. Он скор на расправу и не терпит инакомыслия. Скажите-ка мне, что вы задумали? Теперь, слушая вас, я понял, что неспроста вы оказались здесь, в его гвардии. Неужто вы попытаетесь ему противодействовать? Такое попросту невозможно. Он умён и никому не позволит перечить ему и тем более мешать его замыслам, – впервые очень серьёзно выразился Танкал.

– Прости, дядя, ты во многом прав, но я не могу сказать тебе всю нашу правду. Тебе лучше не знать о ней, – как-то виновато ответил Дарк.

– Я так и знал, что вы не будете со мной откровенными до конца. Только вы забыли об одном. Нет у меня никого ближе вас. Всё, что вы считаете нужным скрывать от меня, на самом деле мне почти известно. Вами движет месть. Но знайте и помните о том, что ваш отец был для меня всем, и мне ведомо всё о причине его гибели. Однажды он, стараясь не подвергнуть вас опасности, огорчённый кривотолками и будучи нетерпимым к злословиям толпы, отвёл от вас нависшую беду и сам явился к властителю, дабы тот решил итог его судьбы. Он всегда был благородным человеком и в свой последний миг остался верен себе. Смирность во имя процветания рода – вот что было главным для него, – огорчённо произнёс Танкал.

Дарк долго смотрел на него, затем оглянулся на братьев и тихо сказал:

– Дядя, если можешь, всё-таки прости нас. Мы чтим тебя и не желаем быть неблагодарными. Тебе пора. Всё, что должно случиться, уже не изменит никто. Мы не отступим.

– И всё же я очень надеюсь на ваше благоразумие, – с горечью в голосе, поднимаясь, произнёс Танкал.

Он отбыл с тяжким грузом на сердце.

Начальник личной гвардии Бадрага полководец Фу очень давно, когда был ещё несмышлёным младенцем, был брошен кем-то на пыльной обочине дороги, ведущей из Хорезма в Согдиану. Сердобольный старшина одного из родовых селений самого верховного правителя тиграхаудов Нургала случайно нашёл его, подобрал и втайне от всех привёз к себе, выдавая малыша перед любопытными соседями за сына внезапно умершего дальнего родственника. Его супруга, постоянно занятая хлопотами вокруг пятерых малолетних детей, не обмолвившись даже словом, приняла его и стала заботиться о нём наравне с остальными. Не зная, как назвать его, однажды она, услышав его первый тихий лепет, подбежала к нему и подняла на руки, прислушиваясь к его невнятному бормотанию. Размазывая слюни по щекам, он часто чихал и фукал забитым носом, при этом маленькими ручками сердито отмахиваясь от надоедливых мух.

– Мама, чего он всё время фукает и ничего больше не говорит? – подойдя к ней, спросил старший сын.

– Потому что это его имя, – неожиданно для себя ответила она.

– Его зовут Фу? – удивился малец.

– Да, его зовут Фу, а ты разве не знал? – утирая малыша, рассмеялась мать.

С того дня все называли его этим коротким и лёгким в произношении именем. Со временем, когда он стал подрастать, в семье заметили, что он сильно шепелявит, но не обращали на это внимания, надеясь на то, что с годами этот дефект речи пройдёт. Но он не прошёл и даже стал забавным для окружающих. Будучи довольно хрупким ребёнком, Фу не мог соперничать в силе с братьями, но старался не отставать от них и находил иные, доступные для него и не очень удобные для них пути в преодолении придуманных ими препятствий.

Уже с ранних лет простую игру он воспринимал как серьёзное соперничество и предавался ей с особым подходом, тщательно готовясь заранее. Такая его черта не оставалась незамеченной новоиспечёнными отцом и матерью. Вечерами они обсуждали его не по годам зрелые поступки и не могли понять, отчего он такой смыслёный и расторопный.

Прошло пятнадцать лет. Юношу по имени Фу вместе с его братьями отец определил на службу в сотню своего селения. Вскоре их военачальник, отметив его особую одарённость, сам выразил желание повысить его до уровня десятника, но тот не подходил из-за своего речевого недостатка. Тогда отец, пользуясь своим положением, выхлопотал ему должность помощника смотрителя охотничьих угодий властителя. Уже через год Фу, и здесь замеченный главным смотрителем, несмотря на юный возраст, заменил одного из десяти смотрителей, став таким образом довольно заметным лицом. А ещё через два года по велению верховного правителя он занял место умершего от преклонных лет главного смотрителя.

В один из летних дней по воле судьбы он вдруг впервые оказался в свите, сопровождавшей супругу правителя при посещении ею вождя одного из племён, что расположилось в живописном предгорье. Страстная любительница охоты, молодая властительница, поднявшись в горы, к удивлению всего окружения, повелела встать на ночлег на небольшой возвышенности. Разослав заранее своих помощников по близлежащим звериным тропам, дабы надлежаще подготовиться к предстоящей охоте, Фу остался со всеми в наспех разбитом лагере. Поздней ночью, очень переживая за возможную утреннюю охоту и неся небывалую ответственность за столь высокое доверие, он решил проверить своих людей и вышел из отведённого ему шатра. Не успел он сделать и нескольких шагов, как заметил служанку правительницы, прошедшую к её шатру, а следом за ней – сотника из местного племени, что охранял её на этой охоте. Затаившись, Фу стал наблюдать за ними. Служанка, войдя в шатёр, быстро покинула его, впустив сотника. Как только за ним закрылся входной полог, Фу решил уйти, но тут увидел крадущегося к этому же шатру человека. Тот, озираясь по сторонам, вплотную приблизился к войлочной стенке и прильнул к ней ухом.

Фу решил, что всё происходящее его не касается, и сделал было шаг в сторону, намереваясь идти по своим делам, как вдруг заметил блеснувший в руке незнакомца нож. Больше не медля, понимая, что правительнице угрожает опасность, он, выхватив меч,

выскочил из укрытия и бесшумно бросился вперёд. Злоумышленник, заметив его, выставил перед собой нож и метнулся навстречу. Схватка завершилась в одно мгновение. Голова незнакомца, гулко ударившись о землю, откатилась к шатру. Его тело, пошатнувшись, рухнуло к ногам Фу. Он оглянулся по сторонам. Никого не было. Взяв тело на плечи, подгибаясь под его тяжестью, он скрытно достиг ближней окраины плато и сбросил его в заросшее кустарниками ущелье. Затем вернулся, подобрал голову и нож, влетел к себе в шатёр, где тут же засунул их в небольшой кожаный мешок.

Наутро, выждав пока пробудится правительница, он пришёл к ней, объяснив вышедшей служанке срочность своего вопроса, связанного с предстоящей охотой. Та доложила и впустила его, оставив их наедине. Едва держась на ногах от нахлынувшего волнения и напряжения, он склонился перед владычицей и опустил перед собой мешок.

– Что в нём? – спокойно просила она.

Он быстро присел на колени, развязал узелок, отогнул края мешка и, поднявшись, отступил, продолжая склоняться. Она уверенно подошла, взглянула на лежащую вверх лицом голову, всю испачканную в крови и пыли. Фу не мог видеть её реакции и продолжал молча стоять.

– Где он был? – тихо спросила она.

– У тфоего сатра, фластительниса, – ещё ниже склонился Фу.

– Забери и выбрось её. Иди, – повелела она, при этом попятив, что ночной визит сотника стал известен этому странному юноше.

– Слушаюсь, фластительниса, – спешно закрыв мешок и подхватив его, Фу покинул шатёр.

Будучи правительницей отнюдь не кровожадной, она пока не знала, как поступить с главным смотрителем охотничьих угодий, назначенным её супругом, и решила присмотреться к нему, приблизив к себе. Желание женщины повременить с окончательным определением его участи было связано с решительным поведением юноши в эту ночь. Оно очень тронуло её, так как он, не ведая о том, что следивший за ней человек является «глазами и ушами» её супруга, уловив в его действи-

ях угрозу для неё, без замешательств свершил расправу, уверенный в правильности своего поступка. Такое преданное его служение было достойно особого внимания и даже уважения. К тому же его довольно юный возраст в этой ситуации был ему на руку, поскольку, с одной стороны, уже хорошо характеризовал его, а с другой – предполагал, что при соответствующем на него влиянии он может в перспективе оказаться очень полезен.

Добившись от супруга назначения Фу начальником её личной охраны, она ни разу не пожалела о том, что однажды сохранила ему жизнь. До конца своих дней ни одного человека, преданнее, чем он, она не повстречала. Фу не обмолвился никому ни словом об увиденном в ту далёкую ночь, невольно спас жизнь сотнику Эвклебу, толком не зная его, при этом сохранив честь своей правительницы.

Прошло тридцать шесть лет, из них уже пять лет как её не стало. После её кончины, оставшись без службы, пятидесяти-четырёхлетний Фу, испросив разрешения у царя, покинул его ставку и вернулся в поселение, к своим братьям. Бадраг, всегда трепетно любивший мать, помнил её особое отношение к начальнику охраны и, придя к власти, вскоре призвал к себе Фу и, к его удивлению, назначил командующим личной гвардией. Став вновь полководцем, Фу продолжил верное служение, но уже сыну своей покойной покровительницы.

В один из дней он обратил внимание на сотника, прибывшего в ставку, чтобы посетить своих родственников – Дарка, Зурру и Бора. Зная о том, как относится к ним сам верховный правитель, он решил как можно больше узнать о них, собрав все доступные сведения. С этой целью, почти сразу после того как сотник появился в ставке, он направил в его селение своего человека. Ждать ему пришлось недолго. Сотник ещё не добрался до своего очага, а Фу уже обладал информацией и о нём, и о тех, кого он навещал. К его великому удивлению, оказалось, что эти трое десятников вовсе не дальние родственники сотника по имени Танкал, а его родные племянники, сыновья его старшего брата Эвклеба.

Имя, названное лазутчиком, показалось Фу очень знакомым. Он крепко задумался и вспомнил, откуда оно ему из-

вестно: так звали старика, казнённого недавно властителем. Он также припомнил и причину, по которой так обошёлся с ним Бадраг. Всё было связано со слухами о якобы незаконном рождении нового правителя. Уточнив место нахождения селения, в котором проживает сотник Танкал, сопоставив всё, что стало известно ему и всплыло в его памяти, Фу уже не сомневался в том, что умерщвлённый Эвклеб приходился отцом Дарку, Зурре и Бору. Он уже собрался было доложить об этом властителю, как вдруг его осенила страшная догадка, от которой вздрогнуло и бешено заколотилось сердце. Замерев на полушаге, он присел прямо у выхода из своего шатра.

«Эвклеб – это ведь имя того самого сотника, который однажды ночью посетил правительницу в горном лагере во время охоты тридцать шесть лет назад. Да, именно так его все и называли. И это селение – то самое, откуда прибыл сотник Танкал. Не может быть! Но ведь годы совпадают? Как же, помню, у властительницы долго не было детей, а после той их встречи у неё родился сын, Бадраг. Выходит, отец этих троих десятников является и отцом правителя. Ну надо же! Вот дела! Случайности просто не может быть! И что получается? Они кровные братья!» – мысли бешено завертелись у него в голове, а в висках застучало так, словно, растоптав его шатёр, через него пронёсся целый табун лошадей.

Он судорожно глотнул и дрожащей рукой вытер вспотевший лоб. Открытие было поразительным и ужасным одновременно. Он был напуган. Такое таинство не могло уместиться ни в голове, ни в сердце. Теперь перед ним встал новый и гораздо более страшный вопрос, вслух слетевший с его уст:

– Что делать?

Фу поднялся и долго ходил по шатру, поглощённый думами. Он разделся до пояса, утирая хрупкое тело первым попавшимся под руку тряпьем. В том, что его лазутчик нигде не обмолвится даже одним словом о его поручении, он был уверен.

«И всё-таки его следует срочно убрать. Он невольно стал обладателем слишком важных сведений», – подумал о нём Фу.

С ним было решено. Но как поступить теперь ему самому, он никак не мог сообразить и был по-настоящему растерян.

С одной стороны, его открытие напрямую касалось памяти усопшей правительницы и являлось святым для него, как всё, что было связано с ней, и по этой причине не должно было предаваться огласке. С другой же, над ним довлела обязанность честного служения её сыну, и она вынуждала его к немедленному извещению верховного правителя обо всём, что он узнал. Так и не придя ни к какому итогу, он решил оставить всё как есть до следующего дня в надежде, что после отдыха ему удастся определиться безошибочно.

Но наступившее утро не предоставило ему такой возможности. Властитель Бадраг, неожиданно для всех, как он очень часто поступал, выдвинулся из ставки, взяв с собой личную гвардию, дабы посетить все племена с целью определения готовности войск к предстоящему походу на массагетов.

* * *

Проводя по два дня в каждом племени, к полудню пятого дня Бадраг приблизился к горной местности. На подступах к очередному главному селению, третьему по счёту на его пути, он был встречен вождём этого племени с почётным караулом. Его войска в небольшом отдалении были выстроены для смотра. Внимательно оглядев их и оставшись весьма довольным увиденным, Бадраг принял приглашение вождя вкушать яства, приготовленные в честь его прибытия, после чего решил отдохнуть с дороги. Фу ещё при смотре войск увидел сотника Танкала и решил понаблюдать за его встречей с племянниками. После окончания осмотра те радушно приветствовали друг друга, и все вместе расположились у одного из костров. Ничего необычного не заметив в их поведении, он слегка успокоился и занялся своими делами. Шатёр, отведённый для верховного правителя, Фу полностью окружил своими воинами, разместив их под навесами на почтительном расстоянии от него.

Опустилась ночь. Проверив дозорных, Фу прилёт у своего костра. Почти все предыдущие ночи были для него бессонными. Его терзала совесть. За время, что они следовали от селения к селению, у него была не одна возможность доложить правите-

лю о полученных сведениях, но почему-то каждый раз в самый последний момент он решал этого не делать. Перед самим собой своё поведение он пытался оправдать особым отношением к матери Бадрага, но и из этого ничего не получалось: чувство вины перед её сыном нарастало всё сильнее и сильнее, бередя и терзая его сердце. Вот и сейчас он не мог уснуть, хотя всё его тело ныло от усталости и просило отдыха. Тревожные думы будоражили его сознание и никак не позволяли ему расслабиться. Последние его открытия были очень важными не только и не столько для него. Он прислушивался к себе в ожидании полного согласия мыслей и души, но ясность не наступала. Впервые за всю свою долгую жизнь он проявлял нерешительность. Что-то сдерживало его. Всегда уверенный в своей интуиции, никогда не подводившей его ни при каких обстоятельствах, он ждал, пока она подскажет ему, как быть. Ближе к полуночи под размеренный треск огня он всё же задремал.

Ему снилось далёкое детство. Вот он бежит со старшими братьями к реке. Все звонко смеются и с разбегу бросаются в воду. Холодная вода вмиг вбирает его в себя. Он пытается найти ногами дно, но его почему-то нет. Он старается грести руками, но они не слушаются его. Он кричит, но вода вливается ему в рот, и он начинает захлёбываться. Схватившись за горло, Фу проснулся. Сердце готово было вырваться из груди. Не сумев отдышаться лёжа на спине, он присел, озираясь по сторонам. Вокруг всё было спокойно. Везде у костров сидели бодрствующие пары охраны, а у ближнего к нему даже трое.

Хлебнув молока, он вновь откинулся и, успокаиваясь, прикрыл глаза. Сон вновь мягко обволок сознание и очень быстро завладел им. Тело постепенно расслабилось, и уже через миг он не чувствовал его. Теперь ему снилось, будто он скачет на коне. Ему почему-то весело. От быстрой езды захватывает дух, замирает сердце. Вот навстречу, поднимая пыль, что-то движется плотной массой. Он пытается остановить своего скакуна, но тот не подчиняется. Тогда он делает всё, чтобы повернуть его в сторону, но ему не удаётся, и конь вносит его в гущу летящего табуна. Вокруг всё погружается во мрак. Он задыхается в пыли.

Голова начинает сильно кружиться. Он падает на землю. Лошади превращаются в огромных рогатых быков и обступают его со всех сторон, выходя из пыльной завесы. Страх сковывает его душу, холодными шипами вонзаясь в сердце. Он вертится на месте. Чудовища приближаются, всё ниже и ниже опуская острые рога и ударяя копытами о землю. Он вскидывает голову и видит над собой в вышине толстый сук. Он приседает и что есть сил, оттолкнувшись, прыгает, чудом цепляясь одной рукой за него. Ещё не понимая, спасён он или нет, он смотрит вниз. Там, выпуская из раздутых влажных ноздрей клубы пара, кружат три быка, поглядывая на него. Сук надламывается, и он летит вниз.

Фу проснулся и вновь присел. Сердце стучало так, что казалось вот-вот разорвёт плоть и выскочит наружу. В горле сильно запершило. Он потёр его, разминая шею. Затем опять попил молока. В груди немного отпустило.

«Да что за сны такие сегодня? Прямо ужас какой-то!» – пронеслось у него в голове.

Он оглянулся и тут же замер, почувствовав, как по его спине к затылку пробежал ледяной холодок, впиваясь в кожу тысячами иголок, мгновенно сменившись липкими бусинками выступившего жаркого пота. Трое воинов, что сидели у ближнего костра, сильно пригнувшись, почти припадая к земле, тихо продвигались в сторону шатра Бадрага. Фу взглянул на шатёр. Перед входом, обхватив руками древки копий, низко склонив головы, дремали два стражника. Времени для раздумий не оставалось. Фу, стараясь быть незамеченным, быстро перевалился на бок и, цепляясь пальцами за траву, вскочив на четвереньки, словно пёс, зашпешил к шатру, изредка поднимая голову, стараясь на фоне огня увидеть ту троицу.

Он успел опередить их всего на несколько шагов, выхватил меч и молча встал перед ними. Увидев его, трое воинов выпрямились и, больше не таясь, шагнули вплотную к нему. Фу узнал их. Это были три брата: Дарк, Зурра и Бор. Не мешкая, Фу нанёс удар первым, но его меч словно наскочил на скалу и вылетел из руки. Он выхватил длинный нож, но ещё не успел им замахнуться, как вдруг почувствовал резкую обжигающую боль, будто что-то

сильно ужалило его, и лишь мгновением позже увидел свою руку, упавшую под ноги. Вмиг всё перед его глазами, расплываясь, куда-то поплыло, застилая взор мельтешащей пеленой.

Тут же ощутив в себе необыкновенную лёгкость, он пошатнулся и упал, прохрипев:

– Не тросте фластителя. Он фас праг.

– Знаем, – буркнул Дарк, перешагнув через него и устремился к шатру.

Услышав шум, очнулись стражники и сразу кинулись на него, выставив наперевес длинные копья. От ближних костров бежали воины. Кто-то, наткнувшись на тело своего командующего, поднял его и понёс обратно. Всего в нескольких шагах от шатра Бадрага завязалась схватка. Дарк, Зурра и Бор, понимая, что им уже не удастся ворваться внутрь и покончить с ненавистным верховным правителем, дрались яростно, не желая быть захваченными.

Пробудившийся правитель вышел из шатра. Полусотня воинов его личной гвардии, освещая всё вокруг факелами, мгновенно окружила его плотным кольцом. Сразив почти двадцать человек, пали все трое братьев.

– Кто они? – спокойно спросил сотника Бадрага.

Тот не успел ответить, как над головой властителя просвистела стрела, с лёгким шорохом вонзаясь в войлок шатра. Нахлестывая коня, кто-то тенью пронёсся мимо оцепления. Несколько всадников помчались за ним. Вскоре они вернулись, и один из них сбросил на землю тело. Бадраг лишь теперь направился к убитым, покушавшимся на его жизнь. Он сразу узнал их и искренне удивился тому, что это оказались его любимчики. Подойдя к телу стрелявшего в него, он не понял, кто это. Подоспевший сотник пояснил, что лежащий являлся сотником из местного селения и его имя Танкал.

– А где командующий моей гвардией? – опомнившись, спросил Бадраг.

– Он там, властитель, у костра лежит, – тихо ответил всё тот же сотник.

Бадраг подошёл к указанному месту. Фу лежал на окровавленном плаще. У него по локоть не было правой руки. Он был мёртв.

– Где вы его нашли? – опускаясь перед ним на колени, вновь спросил Бадраг.

– Недалеко от твоего шатра, властитель. Похоже, он пытался задержать тех троих и в одиночку вступил с ними в схватку. Вот его рука.

Сотник склонился и положил с краю плаща отрубленную часть руки, по-прежнему сжимавшую нож. Кто-то осторожно опустил у ног погибшего его меч.

– Оставьте нас, – повелел Бадраг.

Все склонились и отошли далеко в стороны, образовав факельный круг. Оповещённый гонцом, примчался вождь племени, но его не пропустили к властителю.

– Как же я теперь без тебя, мой верный Фу? – шептал Бадраг, приподняв за плечи хрупкое тело и прижимая его к груди. – Кто теперь будет защищать меня, как преданно защищал мою мать? Кто теперь будет говорить мне «мой фластитель», а?

Неприступный царь тиграхаудов, суровый верховный правитель земли и властитель целого народа плакал, словно дитя, содрогаясь всем телом, не скрывая слёз. Никто не видел его таким никогда, и теперь, отдалив всех от себя и оставаясь наедине с телом самого почитаемого им человека, он всё же успел подумать о том, что ему недозволительно выглядеть малодушным и слабым. Но всего мгновением позже он уже напрочь отогнал эту так некстати возникшую мысль, впервые очень отчётливо понимая, что именно сейчас он искренен как никогда и всей душой и сердцем скорбит о настоящем друге, кому ни разу о своём отношении не сказал, о чём теперь так мучительно сожалеет.

По велению Бадрага тело полководца Фу отнесли в его шатёр. На рассвете он повелел выстроить все войска во главе с вождём.

– Где сотня, которой командовал Танкал? – злобно пророкотал Бадраг.

Вождь выступил вперёд и махнул рукой. Сотня Танкала, сохраняя ряды, приблизилась к верховному правителю и замерла в ожидании.

– Все с коней! Вон туда, на колени! – скомандовал Бадраг, указав рукой.

Воины послушно исполнили его веление. Их лошади, почувствовав волю, тут же разбрелись. Бадраг поднял руку, окинул жёстким взглядом войска и резко опустил её. Вылетевшая из строя личной гвардии сотня понеслась на склонённых воинов и вскоре вернулась. Осела пыль. На месте, где коленапреклонённо стояла сотня Танкала, в лужах крови лежали обезглавленные тела.

– Так будет всегда со всеми изменниками! – прокричал Бадраг.

Месть властителя за смерть командующего его личной гвардией была свершена.

* * *

Фу был похоронен в родном его селении с невиданными почестями, оказанными самим правителем. Свой жизненный путь завершил ещё один человек, когда-то найденный младенцем в придорожной пыли и достигший своим ясным умом, преданным и отважным сердцем второго по значимости поста в стране тиграхAUDов, так никогда и не узнав, откуда он родом и кто он по крови.

* * *

Дантал готовился к войне. Выслушав Трафардара о последних событиях в землях тиграхAUDов, он уже не верил в возможность мирного сосуществования с некогда братским народом. Всё, что случилось там за столь короткий срок, свидетельствовало о приходе к власти правителя воинственного и решительного. Неотвратимое столкновение с ним приближалось с каждым днём.

Верховный правитель массагетов созвал большой совет, на котором дошёл до сведения всех вождей и полководцев всё, что было известно о положении дел на восточной границе. Судя по их реакции, он сразу понял, что они иного исхода при таком противостоянии не ожидают и владеют достаточными данными обо всём творящемся в соседней стране.

– Я никогда не водил вас в походы в земли таких же, как мы, саков. Признаться, не думал, что такое произойдёт в моей

жизни. Но коль войны не миновать, я дам сражение правителю тиграхаудов Бадрагу. К нам я намерен впускать его людей только с мирными помыслами, но воинов, жаждущих нашей крови, буду громить на их же территории. Бадраг попрал все степные законы гостеприимства и добрососедства, а это означает одно – будет война! Он её желает, он её и получит. Вечные небеса видят, что вины нашей в том нет. Тот, кто не чтит добрых отношений целых народов, тот не должен оставаться безнаказанным. Таков закон наших предков. Таков наш долг. Таков отныне его удел. Мы не должны прослыть в мире ни кровожадными, ни трусами. Наши потомки всегда будут помнить о нас, как о справедливых и достойных почитания родичах. Другого пути у нас нет. Через пять дней всем, кроме вождей Вилиеста и Суссанга, находиться с войсками на подступах к селению вождя Клибера, – Дантал завершил совет.

Вожди и полководцы уже к полудню покинули ставку. На следующее утро царь Дантал в сопровождении вождя Трафардара, полководцев Габу, Дуару, Зубара и своих сыновей Кария, Рума, Гайаты, Боро, Сунны, Далла и Турия во главе сорокатысячной армии скорым ходом двинулся на восток. Уже в полночь четвёртого дня он увидел впереди множество огней. Вождь Клибер с сотней воинов, грохоча, появился из темноты, встречая правителя. Остальные вожди прибыли раньше определённого срока и уже разбили лагерь. Дантал проследовал в подготовленный для него стан.

– Правитель, Бадраг на закате уже появился среди своих войск. Они все расположены невдалеке от нашей границы, – сообщил Клибер.

– Сколько сил у него? – спросил Дантал, присаживаясь к костру у своего шатра.

– Каждое из восьми его племён выставило по двести пятьдесят сотен и ещё его гвардия из ста пятидесяти сотен, – с готовностью ответил Клибер.

– Выходит, войск у нас почти поровну. Это даже к лучшему. Не будет в степи разговоров о нашей победе из-за превышающего числа. Хотя с таким врагом, как он, соблюдать какие-либо

условности вовсе ни к чему, – спокойно произнёс Дантал, взглянув на Трафардара.

Тот задумчиво кивнул и спросил Клибера:

– Что известно о начале его наступления и как расположилась вся его армия?

– Мне донесли, что после его прибытия переход границы назначен через день. Четверо вождей вместе с ним двинутся прямо на нас. Остальные, разделившись надвое, направятся на наш север и юг и уже оттуда двумя клиньями пойдут на ставку, – готовый к такому вопросу, ответил Клибер.

– Значит, завтра остаётся ещё один день до его вторжения, – Трафардар посмотрел на правителя.

– Тогда вот что. Вожди Спур и Лидибор пусть сейчас же отодвинутся чуть севернее и ждут моей команды. Вожди Земба и Дончу также отойдут, но немного южнее. Огней не разжигать. Ждать в полной темноте. Ты, Клибер, встанешь со своими войсками впереди, первым вклинишься в противника и, пройдя сквозь него, выйдешь в тыл его левого фланга. За тобой сразу же пройдут войска вождя Такмара и охватят с тыла правый фланг. Следом за вами ударю я со своей гвардией. Вожди Трафардар и Винсара пойдут слева от меня. Вожди Бандосар и Бадрат – справа. Атаковать будем, как только посветлеет небо. Огни потушить. Всем готовиться немедленно, – повелел Дантал.

– Повинуюсь, правитель, – Клибер склонился и быстро удалился.

Уже через миг послышались отдаляющиеся звуки копыт. Гонцы разлетелись к вождям.

– Как ты, мой друг Трафардар? – тихо спросил Дантал, вновь взглянув на старого вождя.

– Я готов. Может, в центр ударю я? – спросил он.

– Нет, Трафардар. Я сам. Ты не хочешь пустить меня в гущу врага. Я знаю это. Не тревожься за меня. У нас всё получится, не беспокойся, – с благодарностью ответил Дантал, понятиливо коснулся рукой плеча старого вождя и завершил беседу: – Немного отдохни, ещё есть время.

– Хорошо, правитель, – Трафардар поднялся и исчез в темноте.

Ещё стояла предрассветная мгlistая ночь, но вдали над горизонтом уже зарождалась заря, обозначившись едва уловимой тонкой полоской тусклого света. Массагеты бесшумно подступили к границе и лавиной устремились на тиграхаудов, ворвавшись во вражьи земли. Вопреки их ожиданию, войска Бадрага не находились в своих лагерях, где всюду виднелись огни, а ровной линией шли им навстречу. Стало понятным, что сведения о его наступлении только на следующий день были либо ошибочными, либо ложными.

Вождь Клибер поднял над головой меч и описал им круг. Тут же двести пятьдесят сотен стянулись за его спиной, образовав клин. Он врезался в самый центр противника и стал крушить его, продвигаясь вперёд.

Сражение началось. Бадраг находился позади своих войск на холме. Он был немало удивлён новой тактике нападения массагетов. Обычно при своей атаке, насколько он знал, они поступали совершенно иначе, накатывая непрерывными волнами и обстреливая из луков с большого расстояния. Но главное, что расстроило его больше всего и с нарастающей силой стало раздражать, заключалось в другом. Он не ожидал такого начала войны. Массагеты опередили его, а его лазутчики, так страстно расхваленные новым командующим личной гвардии, даже не знали об этом. Бадраг как никогда сожалел, что рядом с ним не было его любимого полководца Фу. Он с ненавистью взглянул на стоящего сбоку человека, сменившего того на этом посту.

Следом за Клибером непрерывными рядами в образовавшуюся брешь узким потоком хлынули двадцать тысяч вождя Такмара. Дантал вглядывался сквозь поднятую пыль, пытаясь увидеть, насколько далеко удалось пройти войскам. Как только тиграхауды сомкнулись за их спинами, он отдал команду общего наступления и во главе своей гвардии быстро двинулся на врага. Тысяча «твердотелых» клином охватила правителя и его сыновей и всей мощью врезалась в противника в том самом месте, куда вошли два первых вождя.

Бадраг, немного выждав, поднял руку и резко опустил её. Четыре длинных копьё с полотнищами взметнулись вверх за его

спиной. Слева и справа от него, из-за холмов, выскочили войска четверых его вождей и с флангов стали обходить всех дерущихся. Он изменил свой план и пустил их в атаку, вместо того чтобы отправить их вступить в земли массагетов и двинуться на север и юг. Небо заметно посветлело. Он уже видел, как массагеты, пробившись сквозь его центр, стали с двух сторон охватывать его войска с тыла, причём очень точно и равными силами растекаясь к флангам. Нельзя было медлить, и он повёл в бой свою гвардию, дабы закрыть ею образовавшуюся брешь, где в самой середине уже заметил воинов Дантала, закованных в греческие доспехи. Теперь в битву были брошены все его силы.

* * *

Дантал с сыновьями дрался плечом к плечу с «твердотелыми». Тиграхауды преобладали и сжимали кольцо вокруг его войск. Дантал терпеливо выжидал ослабления их натиска и, как только уловил этот миг, тут же отдал команду четверым своим резервным вождям. Спур и Лидибор ударили слева. Одновременно справа налетели войска Зембы и Дончу. Обе стороны ввели в сражение все свои армии.

Наступил полдень. Никто из противников не уступал. Свежие силы массагетов завязли в боине. Дрогнувшие было вначале тиграхауды, понимая, что из нападающих на чужую страну они вдруг превратились в защитников своей земли, бились отчаянно, ясно осознавая, чем для них может обернуться поражение. К вечеру, так и не получив преимущества, противоборствующие армии отступили на отдых. Опустилась ночь. Измождённые битвой воины падали на землю и тут же засыпали. Почти половина из них не вернулась с поля боя.

Дантал не стал возвращаться к границе. Среди ночи он услышал грохот приближающихся войск. Вскочив на ноги, он стал прислушиваться, пытаясь определить, откуда тот доносится. Вожди подняли людей, готовясь к новому сражению. Вдруг все поняли, что звуки слышны совсем с другой стороны.

– Правитель! – подлетев к костру и быстро прыгнув с коня, прохрипел Клибер. – Правитель, вождь Вилиест прибыл со своими тысячами.

– Где он? – вздохнув и успокаиваясь, спросил Дантал.

– Здесь я, правитель, – держа под уздцы коня, из темноты выступил сам Вилиест. – Прости, правитель, за своеволие, но я не мог поступить иначе. За северные рубежи не беспокойся, я привёл не всех своих воинов, лишь двести сотен.

Склонив голову, прижав руку к груди, он стоял в нескольких шагах от Дантала.

– Ты знаешь, что ты сделал? – спокойно спросил Дантал.

Вилиест молчал, не поднимая головы.

– Ты, вождь Вилиест, не просто воинов привёл. Ты победу массагетам принёс, – Дантал шагнул к нему и крепко обнял его. – Тебе не прощения надо просить, а награду.

Все вожди напряжённо стояли вокруг них. Услышав слова правителя, они тут же расслабились, посмотрели друг на друга и неожиданно для Вилиеста громко рассмеялись, содрогаясь телами, гремя доспехами и оружием. Дантал повернулся лицом к костру и вытянул в стороны руки. Вмиг к нему с боков, переплетаясь руками и вцепившись ему в плечи крепкими пальцами, встали Трафардар и Вилиест. К ним присоединились остальные вожди, охватив кольцом огонь. Дантал, припадая на увечную ногу, завёл за неё другую, и вскоре все вместе они закружились в танце, постепенно наращивая темп. Его сыновья с восхищением смотрели на них, а потом, опомнившись, вместе со стоящими тут же полководцами образовали ещё один внешний круг и также стремительно закружились. Внезапно на всю округу загрохотали боевые барабаны. Воины собирались отовсюду, держа факелы высоко над головами, и, сбиваясь в новые кольца, кружились в танце. Вскоре вся армия массагетов с дикими криками и воем завертелась по равнине, разорвав ночную тишину.

* * *

Властитель тиграхаудов Бадраг, услышав невероятный шум со стороны противника, выскочил из шатра. Его воины замерли у костров, все до единого обратив взоры на запад. Там творилось что-то невероятное. Тысячи огней мелькали в каком-то стремительном движении. Всё вертелось с головокружительной

быстротой, с криками, рычанием и диким воем, под дробный грохот барабанов. Зрелище было поистине завораживающим, но, исходя от врага, оно казалось зловещим и холодило кровь.

«Что-то случилось в стане Дантала. Явно не в мою пользу», – пронеслось в голове Бадрага.

Он взглянул в глаза стоявшему рядом стражнику и увидел в них страх.

– Всех вождей ко мне! – грозно повелел он и скрылся в шатре.

* * *

– Смерть тиграхаудам! Смерть! Смерть! Смерть! – завершив свой танец, заорали во всю мощь массагеты, воодушевлённые приходом к ним свежих сил и взбодрённые поведением своего правителя.

– На заре будем атаковать их всеми войсками. Теперь действовать, как всегда, в обычном порядке. Начинают лучники вождя Винсара. Затем идёт линия тяжёлой конницы вождя Дончу. За ней – рубаки вождя Такмара. Я иду за ним. Остальные – следом за мной. Пока не кончатся стрелы, в ближний бой не вступать, – отдышавшись, отдал последние распоряжения Дантал.

* * *

Чуть забрезжил рассвет, войска противников, отойдя в сторону от места прошедшего сражения, выстроились друг перед другом на довольно большом расстоянии. Все поглядывали на груды тел, что усеяли часть долины.

Лёгкий туман стелился над землёй, наполовину скрывая их от глаз.

– Ну что, пора? – прошептал Дантал, посмотрев на сыновей.

Те, ещё не отошедшие от ночного азарта, с восторгом взирали на него, готовые исполнить любую его волю. Дантал, окинув каждого из них внимательным взглядом, прикрыл веки, давая понять, что всё будет хорошо, затем вскинул руку и приподнялся на коне, оглядывая ровные ряды своей армии. Он уже готов был дать отмашку и начать атаку, как вдруг из первого ряда тиграхаудов отделился воин.

Выехав на рыси почти до середины разделяющей их равнины, он осадил скакуна и прокричал:

– Дантал, это я, Бадраг! Не желаешь ли ты помериться со мной силой? Хочу узнать, бессмертен ли ты на самом деле! Предлагаю два условия. Если ты одолеешь меня, мои земли станут твоими. Если же я возьму верх, твои войска уйдут обратно. Согласен ли ты?

– Правитель, не поддавайся его хитрости. Это он от бесилия придумал такое, – подскочив к Данталу, тихо, но твёрдо произнёс Трафардар.

– Нет, почему же. Я согласен. Так или иначе, он проиграл это сражение. Пусть напоследок хоть что-то путное попытается совершить перед своими воинами. У него нет другого выхода. Он очень хочет оправдать принесённые жертвы, – спокойно тронул коня, уверенно ответил другу Дантал.

Пройдя с десяток шагов, он стегнул плёткой скакуна и устремился к Бадрагу. Взирая на сходящихся в поединке правителей, войска с обеих сторон плотнее сдвинулись к переднему краю и замерли. Тихий ропот прокатился среди воинов и быстро умолк. Сыновья Дантала подались вперёд, напряжённо следя за Бадрагом. На самой середине равнины Дантал и Бадраг остановились на какое-то мгновение, оглядывая друг друга. Вздвигнув своего коня, Бадраг не выдержал первым и ринулся на Дантала, выставив копьё. Не имея такого оружия, Дантал не стал спешить, тронул жеребца лёгкой рысцей и опустил руку, держа в ней длинный меч. Бадраг летел во весь опор, наставив копьё прямо в грудь противника, но в самый последний момент, когда он уже был уверен в точности своего удара, Дантал наотмашь рубанул мечом, и копьё разлетелось надвое. Проскакав мимо него, Бадраг отбросил бесполезный остаток древка, выхватил меч и развернулся. Он не успел ещё выправить коня, как на него налетел Дантал и стал наносить сильные удары длинным мечом. Прикрываясь щитом, тот стал осаживать скакуна, пятясь назад. После очередного сокрушительного удара щит вылетел из его руки. Бадраг отбивался, пытаясь подальше увести коня. Ему удалось это сделать, и он вновь оказался на месте, откуда начал

атаку. Дантал опустил громоздкий меч и, пользуясь моментом, решил немного передохнуть. Бадраг был явно ошеломлён таким его натиском и также, тяжело дыша, переживал. Дантал, похлопав жеребца по шее, повёл его рысцой на противника. Он понимал, что Бадраг моложе и ему нельзя давать возможности восстанавливать силы. Приблизившись к нему, он отбросил свой щит, сильно ударил пятками в бока скакуна и ринулся на него. Бадраг видя, что Дантал вот-вот налетит на него, развернул коня и устремился к своим войскам. Дантал стал преследовать его.

– Не нужно этого делать! – заорал Трафардар. – Он заманивает тебя!

Услышав его слова, все вздрогнули. Оба правителя приближались к тиграхаудам.

– За мной! В атаку! – взревел Трафардар и, нещадно нахлестывая скакуна, помчался в их сторону.

Массагеты лавиной понеслись на врага. Дантал настигал Бадрага. Тот оглядывался на него, низко припав к гриве. До первых рядов тиграхаудов оставалось совсем недалеко. Дантал уже различал лица их воинов. Он осадил коня, мгновенно убрал меч, быстро вскинул лук, снарядил стрелу и стал наводить её в спину Бадрага. Сердце бешено колотилось, сотрясая руки и мешая прицелиться. Выбрав момент, задержав дыхание, он отпустил тетиву. Стрела вонзилась прямо между лопаток Бадрага. Дантал остановил скакуна и оглянулся на стремительно приближающиеся свои войска. В этот миг что-то ударило его в грудь, зазвенело и отлетело. Он посмотрел вниз и увидел торчащую из земли тяжёлую стрелу.

«Не пробить вам подарок Форкиса», – промелькнуло у него в голове, но тут же что-то вновь с огромной силой ударилось об его тело, затем опять, опять и опять.

Он поднял голову и увидел вражеских лучников, выступивших вперёд. Тут же он почувствовал, как в груди всё вдруг вспыхнуло и запылало нестерпимым жаром, разливаясь и обжигая тело.

– Вот на что ты рассчитывал, Бадраг, – прошептал Дантал.

Рот наполнился горячей кислой влагой. Он стал выплёвывать её, но сил уже не было. Захлёбываясь кровью, слабея, он

откинулся на спину. Всё вмиг завертелось перед его глазами, сливаясь в мутную пелену, и вскоре стало потухать. Кто-то подхватил его. Он пытался поднять голову, но уже ничего не видел, а тело, руки и ноги перестали подчиняться. Массажеты врезались в ряды тиграхаудов и стали яростно громить их.

Сыновья Дантала рубили всех на своём пути, злобно выкрикивая:

– Смерть вам! Смерть! Всем смерть!

Трафардар спешился, очень бережно снял Дантала с коня, опустил его на землю и стал прислушиваться к его дыханию. Из груди правителя торчало семь стрел. Переломив их, Трафардар приподнял его, перехватил вдоль туловища и повернул лицом к земле, дабы кровь из его рта вытекала сама и давала ему возможность дышать. «Твердотелые» охватили их плотным кольцом. Десять сотников замерли в нескольких шагах. В какой-то миг Трафардар почувствовал, как напряглось тело Дантала.

– Сейчас, мой правитель, я помогу тебе. Потерпи немного, прошу тебя. Что мне сделать, о небеса?! – Трафардар торопился, не зная, как быть.

– Я... хочу... встать, – прошептал Дантал, еле дыша.

Трафардар поднял его, придерживая руками. Дантал открыл глаза, невидящим взором повёл в сторону и покачнулся. Трафардар крепче сжал его за плечи. Голова Дантала обессилена склонилась. Веки прикрылись.

Он прошептал:

– Где... мои... сыновья?

– Они здесь, рядом, правитель, – Трафардар кивнул одному из сотников и тот умчался.

– Пусть... правят... они... по... два ...года... – едва уловимо для слуха повелел Дантал.

– Повинуюсь, правитель, – прошептал дрогнувшим голосом Трафардар.

Тело Дантала тут же обмякло, и он стал плавно оседать. Трафардар опустил его на подстеленный плащ. Дантал умер.

Э П И Л О Г

Таких похорон не знала земля массагетов. Селения опустели. Весь народ собрался на огромной равнине вокруг ставки верховного правителя.

Курган, насыпанный над могилой царя Дантала, возвышался над всеми, что были в долине смерти. Он был виден на расстоянии целого дня пути.

Верховный правитель хаомаваргов Патша семь дней не отходил от захоронения друга.

Дольше него на три дня, без воды и пищи, в одиночестве с другой стороны кургана горевала Ортия. Она пережила супруга всего на полгода.

Старый мудрый вождь Трафардар исполнил последнюю царскую волю, провозгласив имя нового правителя массагетов и тиграхAUDов.

Им стал перворождённый сын великого хромого властелина Дантала и Аритии златовласой Карий.

А на далёком острове Самос в один из дней греческий купец Форкис с трудом пережил сердечный удар, не зная, что в этот миг в сакской земле не стало его единственного брата.

После всех этих событий по прошествии стольких же лет, что разделяли первый и второй приход синетелых великанов, их измельчавшие потомки, только уже поодиночке и в других местах, стали вновь заглядывать в мир людей, и учёные умы называли их по-разному: кто снежный человек, кто большеног, кто йети, а кто-то и иначе.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	5
-------------	---

Часть первая
«...И СХОДИЛИСЬ ОДНАЖДЫ МИРЫ»
2815 год до н.э.

Глава первая.....	9
Глава вторая	17

Часть вторая
«...И ДОРОГИ ЗЕМНЫЕ СБЛИЖАЛИ ЛЮДЕЙ»
495 год до н.э.

Глава первая.....	47
Глава вторая.....	79
Глава третья	104
Глава четвертая.....	116
Глава пятая.....	120
Глава шестая	163

Часть третья
«...И ИЗБРАВШИЕ ПУТЬ ВНОВЬ В ДАЛЯХ ИСЧЕЗАЛИ»
494 год до н.э.

Глава первая.....	191
-------------------	-----

Часть четвертая
«...И К БЫЛОМУ С ГОДАМИ ТЯНУЛАСЬ ДУША»
494 год до н.э.

Глава первая.....	217
Глава вторая	236
Глава третья	252

Часть пятая
«...И СМЕНЯЛИСЬ ДНИ, ИНОГДА ИЗМЕНЯЯ СУДЬБЫ»
493 год до н.э.

Глава первая	287
Глава вторая	334
Глава третья.....	350

Часть шестая
**«...И ОДНАЖДЫ ДОСТОЙНЫМ ВОЗДАВАЛОСЬ
ПО ЧЕСТИ»**
490 год до н.э.

Глава первая.....	391
Глава вторая	416
Эпилог.....	469

Абай Тынибеков

ИСПОЛИНЫ

Исторический роман

Книга вторая

ДАНТАЛ

Редактор Елена Шаихова
Художественный редактор Женис Казанкапов
Технический редактор Эльмира Заманбек
Корректор Маргарита Клебанова
Компьютерная верстка Акмарал Кадикеновой